

КУЛЬТУРА МИРА

Том 14. Выпуск 5.

(№ 56)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 23,875

Москва 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 14. Issue 5.

(№ 56)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2026

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnosculturology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanzo, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Культурология

Ултургашева Н.Д., Чап А.А., Алексеева А.Г. Тувинская скульптура малой формы: от игрушки и ритуальной фигурки до произведения искусства	12
Мальцева Л.В. Этнохудожественная культура кубанских казаков (традиционные ремесла Кубани).....	26
Мионов А.В., Садриева А.Н. Литературное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» как средство формирования культурной идентичности участников.....	32
Сергеева Е.А. Из истории формирования системы консерваторского образования в России.....	40
Смердов М.И. Изучение истории Ирбитской ярмарки.....	53
Строганов Д.О. Дажьбог как верховный бог славян и предполагаемый герой одного славянского мифа.....	61
Сунь Ин, Чернова А.В. Традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века.....	75
Тэн Ин, Янь Лань Исследование изображений гандхарвов, исполняющих музыку, в пещерах Гуйцзы.....	86
Мальцева Л.В. Этнохудожественная культура Кубанских казаков и современность.....	105
Ван Жуй, Ли Цзин, Ли Пин Пути поддержки развития традиционной региональной культуры со стороны местных университетов в провинции Хэйлунцзян.....	112
Воронкова А.С. От грани к ронду, от света к знаку: Врубель и Куинджи в художественной системе Юрия Косаговского.....	128
Галаганова С.Г. «По неконтактным пряслам континентов...» Мир японской культуры в творчестве Миланы Алдаровой.....	141
Демьянова А.Д. Актуализация методики исполнения Grand rond de jambe jete в современной классической хореографии.....	149
Ли Ён Ок Символизм в русской живописи и диалог культуры М.В. Нестерова: в путевых записях 1889 года - бахтинский анализ.....	155
Лыкова Н.Н., Гасанова В.Т., Андрейченко О.И. Некоторые аспекты инкорпорации Таврической губернии в социокультурное пространство Российской империи XVIII - нач. XX ст.....	164
Ма Хайцзюнь Понятие изобразительного творчества в семиотическом контексте межкультурного взаимодействия.....	175
Щербакова Е.Н. «Васнецовский след» в селе Чумой: история, память, сохранение наследия.....	186

Политология

<i>Демидов А.В.</i> Дипломатия больших данных.....	198
<i>Калабекова С.В., Бережнова О.В., Борокова И.Д.</i> Аксиологические ориентации современного студенчества: от прагматизма к социальной ответственности.....	209
Актуальные вопросы науки и инновации	
<i>Терновая Л.О.</i> Место встречи: секреты семантики коммуникаций.....	218
<i>Хитарова И.Ю., Колистратова А.В., Кораблева С.А., Николаева Е.А.</i> Научный дискурс как объект лингводидактики: структура, характеристики и принципы моделирования в учебном процессе.....	231
<i>Полякова Я.Н., Вилкова А.В.</i> Система воспитательной работы пенитенциарной системы России.....	245
<i>Лаврикова И.Н.</i> Эмоциональное выгорание и «тихое увольнение»: современный деонтологический тезаурус.....	250
<i>Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И.</i> Прокладочный фетр в ручном изготовлении бумаги: технологическая роль и исторические причины внедрения...	260
<i>Аджиева З.И., Борлакова Ф.А., Хубиев И.Х.</i> Становление системы публичного управления в российской империи: от наказа к полицейскому праву (XVIII – начало XX вв.).....	275
<i>Дейнека В.Р.</i> Ошибочность эволюционистского тезиса о «детскости» языческого сознания: методологические аспекты.....	287
<i>Дмитриев Г.Г., Бодяков В.Н.</i> Психолого-криминалистический портрет современного киберпреступника.....	295
<i>Калабекова С.В., Соколова О.В., Алексеева К.С.</i> Социум в зеркале эпидемий.....	301
<i>Кисняшкин И.Г.</i> Приходские священники как воплощение «истинной миссии» в условиях социокультурных трансформаций второй половины XIX начала XX века.....	309
<i>Купцова А.А., Шендакова О.А.</i> Государственное регулирование гендерной политики в современном Китае: конфуцианская традиция и равенство полов.....	316
<i>Сурнина О.А., Хомякова Ю.Ю., Жемаева Е.А.</i> Динамический комплекс упражнений как средство повышения физической подготовленности и мобильности суставов студентов.....	329
<i>Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И.</i> Региональные технологии выделки пергамена и миниатюризация библии в XIII веке: кодикологический и палеопротеомный анализ.....	337
Аннотации	353
Авторы	377

Contents

Culturology Political scienc

Ulturgasheva N.D., Chap A.A., Alekseeva A.G. Tuvan small-form sculpture: from toys and ritual figurines to works of art.....	12
Maltseva L.V. Ethno-artistic culture of the Kuban cossacks (traditional crafts of Kuban).....	26
Mironov A.V., Sadrieva A.N. A literary community on the VKontakte social network as a means of shaping participants cultural identity.....	32
Sergeeva E.A. From the history of the formation of the conservative education system in Russia.....	40
Smerdov M.I. Studying the history of the Irbit fair.....	53
Stroganov D.O. Dazhdbog as the supreme deity of the Slavs and a presumed figure in a Slavic myth.....	61
Sun Ying, Chernova A.V. Traditional family and ethical values in Chinese literature and cinema at the end of the 20th century.....	75
Teng Ying, Yan Lan A study of the depictions of Gandharvas performing music in the Guizi Caves.....	86
Maltseva L.V. The artistic culture of the Kuban Cossacks and the present	105
Wan Rui, Li Jing, Li Ping Ways to support the development of traditional regional culture by local universities in Heilongjiang Province.....	112
Voronkova A.S. From facet to rondo, from light to sign: Vrubel and Kuidzhi in Yuri Kosagovsky's artistic system.....	128
Galaganova S.G. «Along the uncontacted strands of continents...» The world of Japanese culture in the works of Milana Aldarova.....	141
Demianova A.D. Updating the methodology for performing Grand rond de jambe jete in contemporary classical choreography.....	149
Lee Yeon Ok Symbolism in Russian painting and the cultural dialogue of M.V. Nesterov: travel notes of 1889 – A Bakhtinian Analysis.....	155
Lykova N.N., Gasanova V.T., Andreychenko O.I. Some aspects of the incorporation of the Taurida Governorate into the socio-cultural space of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries.....	164
Ma Haijun The concept of visual artistic creation in the semiotic context of intercultural interaction.....	175
Shcherbakova E.N. «Vasnetsovsky trace» in the village of Chumoy: history, memory, preservation of heritage.....	186

Political science

Demidov A.V. Big Data Diplomacy.....	198
---	-----

<i>Kalabekova S.V., Berezhnova O.V., Borokova I.D.</i> Axiological orientations of modern students: from pragmatism to social responsibility.....	209
---	-----

Current issues of science and innovation

<i>Ternovaya L.O.</i> Meeting Place: Secrets of Communication Semantics....	218
<i>Khitarova I.Yu., Kolistratova A.V., Korableva S.A., Nikolaeva E.A.</i> Scientific discourse as an object of linguodidactics: structure, characteristics and principles of modeling in the educational process.....	231
<i>Polyakova Ya.N., Vilkova A.V.</i> The system of educational work of the penitentiary system of Russia.....	245
<i>Lavrikova I.N.</i> Emotional burnout and «quiet quitting»: a modern deontological thesaurus.....	250
<i>Gavrilyuk N.P., Dediu E.I.</i> Felt interleaving in hand papermaking: technological role and historical reasons for its introduction.....	260
<i>Adzhieva Z.I., Borlakova F.A., Khubiev I.Kh.</i> The genesis of public administration in the Russian empire: from nakaz to police law (18th – early 20th centuries).....	275
<i>Deineka V.R.</i> The fallacy of the evolutionary thesis about the “childishness” of pagan consciousness: methodological aspects.....	287
<i>Dmitriev G.G., Bodyakov V.N.</i> Cybercriminal committing crimes against the individual: a psychological and forensic portrait.....	295
<i>Kalabekova S.V., Sokolova O.V., Alekseeva K.S.</i> Society in the mirror of epidemics.....	301
<i>Kisnyashkin I.G.</i> Parish priests as the embodiment of the «true mission» in the context of socio-cultural transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries.....	309
<i>Kuptsova A.A., Shendakova O.A.</i> State regulation of gender policy in Modern China: Confucian tradition and gender equality.....	316
<i>Surnina O.A., Khomyakova Y.Y., Zhemaeva E.A.</i> Dynamic exercise complex as a means of improving physical fitness and joint mobility of university students.....	329
<i>Gavrilyuk N.P., Dediu E.I.</i> Regional parchment-making technologies and the miniaturization of the bible in the thirteenth century: codicological and palaeoproteomic analysis.....	337

Abstracts	366
Authors	380

Culturology

Культурология

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Чап А.А.

Аспирант кафедры философии Тувинского государственного университета, научный сотрудник. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

Алексеева А.Г.

Кандидат культурологии, майор полиции, начальник отдела договорно-правовой работы ОВО по Красносельскому району - филиалу ФГКУ УВО ВНГ Росгвардии по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Тувинская скульптура малой формы: от игрушки и ритуальной фигурки до произведения искусства*

Аннотация. В статье рассматривается развитие тувинской скульптуры малой формы, известной также как мелкая пластика, от ее истоков в виде деревянных игрушек и ритуальных фигурок до произведений профессионального искусства. Анализируются исторические, культурные и технологические стороны формирования камнерезного искусства в XX в. Акцент сделан на двойной функции этих фигурок в прошлом – игрушки и ритуального предмета, а также их значению в качестве одного из брендов региона в современном художественно-культурном пространстве.

Ключевые слова: Тува, скульптура малой формы, художественная резьба, народное искусство, традиции, ритуальные фигурки, игрушка.

Ulturgasheva N.D.

Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Chap A.A.

Postgraduate student of the Department of Philosophy of Tuvan State University, Researcher at the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

Alekseeva A.G.

Candidate of Cultural Studies, Police Major, Head of the Department of Contractual and Legal work of the PSB in the Krasnoselsky district - branch of the Federal State Budgetary Institution for St. Petersburg and the Leningrad Region.

* © Ултургашева Н.Д., Чап А.А., Алексеева А.Г., 2026.

Tuvan small-form sculpture: from toys and ritual figurines to works of art

Abstract. The article examines the development of Tuvan small-form sculpture, also known as small plastic; from its origins in the form of wooden toys and ritual figurines to works of professional art. The historical, cultural and technological aspects of the formation of stone-cutting art in the twentieth century are analyzed. The emphasis is placed on the dual function of these figurines in the past – a toy and a ritual object, as well as their importance as one of the region's brands in the modern artistic and cultural space.

Key words: Tuva, small-form sculpture, artistic carving, folk art, traditions, ritual figurines, toy.

Тувинская скульптура малой формы также известная как мелкая пластика является визитной карточкой тувинского искусства, наравне с горловым пением *хөөмеем*, шаманизмом и археологическими золотыми артефактами из раннескифских курганов, обнаруженных на территории республики. Сегодня эти небольшие фигурки – одиночные или сюжетные композиции – предстают перед специалистами и заинтересованными любителями искусства на разных экспозиционных площадках Сибири, России, а также за рубежом. Они находятся в фондах многих крупных музеев страны, в частных коллекциях. Кажется, что их миниатюрные объемные формы, воплощающие гармонию мировосприятия тувинского художника, существуют уже долгое время. Тем более интересен тот факт, что как профессиональное искусство, камнерезное искусство Тувы сформировалось лишь в XX столетии. Истоки камнерезного искусства более древние, чем профессиональная основа. Дошедшие до наших дней в удовлетворительном состоянии деревянные фигурки – предтеча искусства современной мелкой пластики – датируются концом XIX в. Исследователи полагают, что по назначению они были, во-первых, игрушками детей аратов-скотоводов; во-вторых, служили ритуальными предметами.

Резьба по дереву – один из древних и распространенных видов народных промыслов у автохтонов Сибири. В этом плане Тува не исключение. Деревянные заготовки были доступны всем, независимо от материального положения. Резьба по дереву – простой вид обработки древесины. Для этого процесса достаточно было использовать только нож. Аналогичная ситуация была и с резьбой по камню. Поделочный камень агальматолит¹ по-тувински называют *чонар-даш* («камень, который режут»). Его мастера

1 Агальматолит – непрозрачная разновидность минерала пиррофиллита, относится к поделочным камням. Представляет практический интерес как хороший материал для камнерезного искусства, удобен для создания произведений мелкой пластики высокой художественной ценности. Легко поддается ручной обработке. Агальматолит является единственным поделочным камнем в Туве, используемым местными резчиками.

издавна добывали на горе Сарыг-Хая на западе Тувы. Процесс изготовления фигурки из поделочного камня практически идентичен с обработкой дерева. Мастерство в совокупности с художественными и техническими приемами со временем вылилось в традиции и народную эстетику.

Объектом нашего исследования является художественная резьба тувинцев. Предмет исследования – скульптура малой формы, исторически выполнявшая двойную функцию. Мы попытаемся проследить путь небольшой резной фигурки, чье назначение состояло в ритуальном или развлекательном назначении до оригинального произведения искусства малой пластики.

Исторически сложилось, что в Туве не произошло развития промыслов по поселениям, как например, в центральной России, где народные ремесла (в том числе, игрушка) развивались в рамках ярмарочных споров. Объяснение этого явления сводится к тому, что тувинские аалы, поселения, представляли собой кочевые объекты, меняющие локации в зависимости от сезонных надобностей скота. Деревянные игрушки вырезали повсеместно, для этого даже не нужно было быть подготовленным специалистом. Фигурки вырезали как по заказу, так и для своих детей. Аратам-скотоводам не было необходимости торговать этими небольшими фигурками: каждый мужчина и даже подросток мог собственноручно изготовить игрушку из подручного материала. Игрушки наряду с предметами обихода – посудной утварью, бытовыми предметами – тувинские мастера создавали, образно говоря, «между делом». Выполненные из дерева или камня агальматолита (*чонар-даш*) они несли в себе декоративные элементы – национальные узоры, скомпонованные в орнаменты. Е.К. Яковлев, автор этнографических работ, посвященных народам Сибири, в том числе Туве, отмечал, что «...игрушечное производство в виде резьбы из дерева достигает ... высокой степени совершенства. Фигуры ... вырезанные из дерева, или шахматные фигурки из камня агальматолита полны реализма и полного соблюдения пропорциональности... в частях тела» [16, с. 222-223]. По словам другого путешественника Г. Грумм-Гржимайло «Скульпторов-художников, занятых всецело лишь пластикой, по словам местных русских деятелей, среди сойотов не существует: их можно встретить или среди кузнецов, или среди столяров, которые одновременно являются и резчиками по камню и дереву» [15, с. 116].

Природные способности имитировать, копировать, свойственные тувинцам, распространялись и на воспроизведение предметных вещей;

Тувинцы обладают яркой природной способностью имитировать и копировать. Это находит отражение не только в подражании голосам птиц и животных, что легло в основу *хөөмөя*. В области материальной культуры данная способность нашла свое отражение в творческой обработке фигурок разных животных, шахмат. Фигурки для детской забавы изготавливали

миниатюрными копиями реальных животных. Домашний скот (коровы, сарлыки, овцы и т.д.), дикие животные (олени, козероги и пр.) выходили из-под резца мастера в виде простых по форме, но при этом анатомически верных фигурок. Древний обычай дарения ребенку на трехлетие «своего скота» способствовал развитию и распространению и народного искусства деревянной резьбы, а также, что немаловажно, навыков будущих чабанов-скотоводов.

Наиболее интересные тенденции в развитии малой пластики зафиксировала С.К. Просвиркина, художница, собравшая одну из лучших коллекций по тувинской этнографии и искусству, во время экспедиции 1917 г. «Собирая коллекцию, она обращала внимание на наивный реализм и художественную экспрессию игрушек. Среди изображений животных ее привлекали архаичные образы, близкие скифо-сибирскому стилю. Характерными стилевыми признаками тувинской пластики были небольшие размеры, типизация, гиперболизация отдельных деталей, тщательная декоративная разработка» [7, с. 47].

С.В. Романова, сотрудник Российского этнографического музея (РЭМа), автор текста к каталогу выставки «Тувинская каменная пластика» (2004), упоминая о первых образцах тувинской малой пластики из фондов Российского этнографического музея, цитирует письмо Ф.Я. Кона Д.А. Клеменцу. «Вырезанные из агальматолита и дерева (фигурки) по тонкости и изяществу могут смело конкурировать с лучшими европейскими изделиями этого рода». (Архив РЭМ. Ф 1. Оп. 2. Д. 341. Л. 5)» [13]. Их грубоватая форма, характерная для работ конца XIX в. со временем стала восприниматься как самобытная особенность, сформированная для того, чтобы «удовлетворять познавательные и эстетические потребности...» [3, с. 145].

Многие сохранившиеся сегодня деревянные фигурки принадлежат неизвестным авторам. До первой половины XX столетия, как правило, авторство подобных работ отмечалось редко или же не фиксировалось вовсе. Традиционно фигурки животных вырезались на подставке, чаще прямоугольной формы. Если подставка была достаточно высокой, ее боковые стенки могли быть расписаны или покрыты рельефной резьбой, чаще всего в виде меандра или стилизованной растительности (лепестки цветов, листья).

По воспоминаниям практически всех мастеров старшего поколения (Хертека Тойбухаа, Монгуша Черзи, Когела Саая и др.), подобные игрушки вырезались ими, как правило, в подростковом возрасте для себя и для детей аала. Изготовление игрушек, сформировывало основные навыки профессионального мастерства. Деревянные игрушки, с которых начинал миропознание маленький ребенок, представляли собой фигурки до 15-20 см в высоту. Они восходят к облику древних жертвенных фигурок, которые было принято использовать во время праздников, совершения

обрядов. Их угловатость и грубоватый вид объясняется не неумением мастера, а сакральным характером изделия. Внешняя «недоделанность», незавершенность формы воспринимается как отличительная особенность с аутентичным оттенком.

Исследователи замечают, что некоторые фигурки представлены выполненными стоящими на подставках-основаниях, некоторые – без них. Так, этнограф, д.и.н. С.И. Вайнштейн в монографии «История народного искусства Тувы» писал, что «деревянные игрушки делали либо на небольших подставках, либо без них. Их сюжеты очень разнообразны, здесь и фигурки людей... Но особенно любили вырезать фигурки животных...» [5, с. 173]. Он описывал их как «изумительные по красоте» и с сожалением констатировал, что «религиозное мировоззрение, поддерживаемое ламами и шаманами, пронизывало жизнь аратов, поэтому нередко фигурки животных, с большим старанием сделанные лучшими мастерами, украшали не жилище человека, а помещались в *оваа*²...» [5, с. 261].

В.А. Кисель, к.и.н., считающий скульптуру малой формы «одной из самых ярких черт тувинской культуры» связывает появление этой формы пластики с ритуальной практикой, когда вырезанные из дерева и камня фигурки животных заменяли настоящие жертвы духам местности [8, с. 172]. Многие исследователи полагают, что скульптура малой формы у тувинцев теснейшим образом была связана с культовой сферой. Это подтверждается до сих пор бытующим обычаем использовать фигурки животных в качестве подношений при помещении сакральных мест; их помещают внутри *оваа* [5, с. 188-189; 10, с. 147-151]. Любопытны воспоминания О. Менхен-Хелфен, австрийца, китаевода, который в 1929 году, сопровождая тувинских студентов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), побывал в Туве. «...среди «оваа» встречаются и самые настоящие шедевры Длинные жерди образуют конус, небольшие плоские камни, выложенные слоями вокруг главного шеста, украшенного лентами, образуют алтарь. На нем всевозможные фигурки: медведи, птицы, коровы, черепахи, - обычно вырезанные из дерева, случается и просто вылепленные из хлебного мякиша – я видел таких неподалеку от границы с Россией. Со стен свисают деревянные фигурки богов...» [11, с. 289-290].

Фигурки, как правило, изготавливали из березы, коры тополя, редко – из ели. Известно, что «березе по праву принадлежит следующее за лиственницей место в изготовлении деревянных изделий...» [5, с. 109]. В середине XX века из преимущественно кедра свои знаменитые деревянные фигурки вырезал мастер Донгак Окаанчык³. Но его зооморфные и антропоморфные

2 Оваа – в традиционной тувинской культуре это священное место, культовая конструкция в виде каменной кучи или чума из веток деревьев. Служит местом для сбора духов-хозяев гор, тайги, воды и т.д.; также место проведения обрядов.

3 Донгак Окаанчык (1896-1972) – самобытный тувинский мастер художественной

Илл. 1. Игрушка детская «Сарлык». 1958. Дерево, резьба, покраска. НМРТ КП 3152. Фото: А. Чап.

скульптуры – лошади, козероги, архары, всадники, борцы и т.д. – предназначались для экспозиционной деятельности, гармонично сочетая народное и профессиональное искусство.

Известен случай, когда фигурка, изначально изготовленная в качестве детской игрушки, волею случая становилась ритуальной. По воспоминаниям филолога В.С. Салчака, деревянный сарлык, изготовленный для его маленького

родственника, стал после преждевременного ухода ребенка своеобразной надгробной статуэткой на могиле. Но такие случаи единичны и совершенно нетипичны. Деревянные фигурки на подставках чаще исполняли прямую функцию детской игрушки.

Сохранившиеся в удовлетворительном состоянии до начала 2000-х годов деревянные игрушки были изготовлены в большинстве в 1950-х годах. Одна из них – деревянная фигурка сарлыка (Илл. 1) (фондохранилище № 12 ЭМД НМ РТ (КП-3152, 12х7х13 см), без подставки, окрашенная масляной краской салатового оттенка. Она принадлежала Куулар Белек Сегбеевне, уроженке Бай-Тайгинского района. В музейную коллекцию фигурка попала после командировки сотрудника М. Мындырма. По документации фондов музея известно, что игрушка была приобретена в 1958 году за 5 рублей; обозначена как «игрушка детская». Местами краска на туловище облезла, открыв естественную деревянную текстуру. Вырезанная из цельного дерева, она имеет компактную форму с округлыми очертаниями спины, несколько приплюснутыми боками. Неизвестный мастер, изготовивший фигурку сарлыка, при изготовлении соблюдал пропорции туловища животного, сделав его узнаваемым, что скорее всего, служило подспорьем для детского восприятия уже реального животного.

К характерным народным особенностям можно отнести манеру мастеров раскрашивать готовую деревянную фигурку красками. Преобладали «открытые», т.е. цвета ярких оттенков – красный, синий, желтый и др. Покрашенное изделие считалось наиболее привлекательным. Краска могла скрыть естественные дефекты древесины, например, следы сучков. Покраска имела и сугубо утилитарное назначение: обработанная краской деревянная поверхность дольше сохранялась. Конечно же, эстетическая составляющая играла не последнюю роль.

резьбы по дереву, в совершенстве владел народными техниками, на основе которых сформировал собственный уникальный стиль.

В СССР с начала 1930-х гг. «производство и распространение игрушек, их идеологическое соответствие контролировал Комитет по игрушке... Под запрет попадали игрушки, вызывавшие вредные с точки зрения государства эмоции, развивавшие ненужные качества личности. Причинами «опалы» были характеристики «уродливая форма», «идеологически вредный образ», «антихудожественное оформление...»⁴.

Постепенно рукотворные игрушки были вытеснены заводскими. По воспоминаниям краеведа, сотрудника Национального музея Республики Тыва Б.С. Майны (1949 г.р.), в середине XX века его дедушка вырезал для него из дерева игрушечного коня на подставке. Потом уже появились «закупочные русские игрушки, магазинные на колесиках»⁵. Сегодня тувинские игрушки ручной работы – это, в основном, экспонаты музеев, редкие и потому ценные.

Говоря о мелкой пластике тувинцев рубежа XIX–XX вв., стоит отметить, что ранние камнерезные фигурки были выполнены в традициях резьбы по дереву. Из первых антропоморфных фигурок можно назвать изображения простых тувинок и тувинцев, а также чиновников с различными атрибутами (чашкой, четками, табакеркой – вещами, не характерными для изображения простых скотоводов). Тонкая проработка деталей антропоморфных изображений показывает особенности костюма, аксессуаров и традиционных причесок тувинцев начала XX века. К зооморфным изображениям относятся фигурки домашних (быков, коней, верблюдов) и диких (медведя, марала, горного козла) животных, из пернатых можно назвать гуся, дрофу, индейку. Среди агальматолитовой пластики имеется также изображение юрты (тувинского переносного жилища, бытующего в Туве и в наши дни) с подставкой и кресла. Пластические образы, воплощенные в игрушках различны, но в них заметно исключительное единообразие композиции и стиля: фигуры статичны, их постановка строго фронтальная, детали переданы скупой, но обладают исторической достоверностью. Основной технологический прием – резьба, в незначительной степени дополнена ретушью и полировкой. Фигурки животных показаны очень упрощенно, почти схематично, но без нарушения пропорций. Большинство из них вырезано вместе с подставкой, так же, как и фигурки из дерева.

Доктор культурологии А.К. Кужугет замечает, что «первые камнерезы вырезали рога животных как отдельные детали, делали для них специальные углубления на головах быков, маралов, косуль и приклеивали их... при транспортировке в Россию все они были утрачены. Очевидно, это делалось потому, что начинающим мастерам ... трудно было вырезать мелкие детали на самой фигуре из цельного камня...» [15, с. 173–174].

4 История советской игрушки // URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/antikvariat/sovetskie-igrushki-sssr/>

5 Интервью автора с Б.С. Майны от 22.12.2023

Илл. 2. Хертек Тойбухаа. Всадник на лошади/Всадник. 1956. Агальматолит, резьба, окрашивание. НМРТ КП 2593/1. Фото: А. Чап.

Традиция подкрашивания ранних агальматолитовых фигурок красками тесно связана с манерой прокраски деревянных игрушек. Такой момент присутствует, например, в камнерезных работах Х. Тойбухаа 1956 года (илл. 2). Фигурки скульптурной группы, составлявшие элементы тематической диорамы («Всадник», «Сидящая женщина», «Арат с винтовкой» и др.) выполнены известным мастером на невысоких подставках. Некоторые из подставок имеют строго прямоугольную форму, некоторые повторяют контуры фигур-персонажей. Все имеют небольшие размеры (до 11 см в высоту). Они изготовлены по заказу министерства культуры для музейной экспозиции. Со временем краска на всех фигурках местами потерлась, открыв природный цвет камня.

Еще один исторический аспект современной скульптуры малой формы – ритуальные фигурки, которые было принято оставлять в дар духам-хозяевам той или иной местности. Ритуальные деревянные фигурки, схожие с игрушками, предположительно, имеют возраст нескольких сотен лет.

По замечаниям исследователей, фигурки, найденные в сакральных пространствах – на *оваа* или *аржаанах* (священных минеральных источниках), представляют особую ценность. Поскольку само *оваа*, как сооружение считается «священным место духов – хозяев гор, воды и небесных духов. Поклонение *оваа* первоначально было обрядом поклонения земле и только впоследствии *оваа* стали считать местом, где живут многие различные духи» [2], то и все что находится в его радиусе (деревья, родники и пр.) считалось особенным.

Известно, что впервые о культовых фигурках у тувинцев упоминает Ф. Кон. Во время экспедиции по Тодже, ему встречались фигурки разных животных и птиц. «...На самой высокой горе «куль-овазе» - озерные «ова». Их пять. В каждой модели: деревянные модели ружья, мечей, ножей и стрел без наконечников... Тут же расставлены сделанные из дерева фигурки коней, соболей, белок, рысей, куниц, медведей, тетеревов... Эти «ова» поставлены в этом году для того, чтобы скот размножался и зверь в лесу не переводился...» [9, с. 512].

Фигурки аналогичные современным художественным образам камнерезной пластики изготавливали в качестве заменителей жертвенных животных. Жертва предназначалась духам – хозяевам гор, реки и т.д., иногда шаману-предку. Их располагали вдали от жилища, на специально соору-

женном помосте, иногда такие фигурки сжигали.

По воспоминаниям Б.С. Майны, деревянные фигурки, схожие с детскими игрушками, оставляли на *оваа* и около целебных источников (*аржаанов*). Охотники, идущие на охоту, вырезали фигурки оленя или горного козла, т.е. фигурки тех животных, на кого шли охотиться. Считалось, что таким образом призывалась удача на охоте и совершалось воздаяние духам. Майны считает, что эти фигурки изготавливались без подставки, поскольку символизировали самих животных и их старались изготовить максимально реалистично.

Скотоводы во время перекочевки на зимовку или на летнее пастбище (*чайлаг*) также оставляли на *оваа* зооморфные фигурки (в этом случае, баранов, козлов и т.д.), веря, что подношения духам будут способствовать преумножению домашнего скота, благополучной зимовке. Такие фигурки также не имели подставки. При помощи веревок, сплетенных из конского волоса, их привязывали к жердям *оваа*. Исследователь древностей Южной Сибири, путешественник, историк, этнограф, археолог и публицист А.В. Адрианов в 1881 году, попавший в Туву через верховья Хемчика, описывал *оваа* (*оба*) около *кижи-кожээ*⁶, известного в народе как стела Чингис-Хана, археологического памятника VI-VIII веков. Среди прочего им были обнаружены и подробно описаны «13 деревянных шпилей и на каждом из них насажены деревянные изображения верблюда, козла, быка, лошади, барана и др. попарно, т.е. самца и самки; все окрашено в красную краску...» [1, с. 135]. Тут же в сноске, исследователь признается: «Каюсь, я совершил святотатство, обобрав для пополнения моих коллекций все эти фигурки; я думал, что ламам от безделья можно заниматься вырезанием и раскрашиванием фигурок, а Географическому обществу этого добра добывать негде» [1, с. 135].

Аналогичные по характеру фигурки птиц описывает историк Г.А. Забелина в статье «Некоторые культовые изображения птиц из урочища Аржан-Хем» (1975). Она подробно описывает деревянные фигурки, найденные в 1973 году у минерального источника Даштыг (Арыскан) в урочище Аржан-Хем в Северо-Восточной Туве. Для автора наибольший интерес представляли четыре фигурки птиц, которые она опознает как утку, глухаря, улара (горную индейку). По ее словам, все фигурки имели возраст не менее 40 лет, размеры в высоту 4,5-7 см. «Они переданы в схематично-обобщенном виде, показаны лишь основные черты облика и пропорций тела...» [6, с. 26]]. Здесь же приводятся зарисовки этих фигурок; они изображены в масштабе 1:5; автор попыталась с помощью штриховых линий представить текстуру материала «тонкие резные линии, символизирующие оперение». Достаточно подробно описаны особенности каждой

⁶ Киж-кожээ – каменные древние тюркские изваяния, распространенные на территории Тувы. Букв. перевод с тувинского – «кижи» - человек, «кожээ» - каменное изваяние.

Ил. 3. Фигурка верблюда для жертвоприношения. 1 пол. XX в. Дерево, резьба. НМРТ КП-5916 Ш-59. Фото: А. Чап.

деревянной птицы, вплоть до наклона головы. Привлекает внимание, фигурка улара, краснокишечной птицы семейства фазановых; известно, что она в наибольшем количестве обитает в юго-западной Туве. Можно предположить, что фигурка птицы была изготовлена жителем западных или южных районов Тувы и привезена на северо-восточный *аржаан*.

Аналогичные предметы находятся в Национальном музее Тувы. В 1974 году в музейные фонды были оформлены фигурки, принесенные Б.Ч. Хомушку, уроженцем с. Кунгуртут. Примечательна оставленная запись, которую делали при заполнении документов в момент дарения предметов: *«хөл артының оваазындан тыпкан. Шаанда улус чалап салган хире»* («найденно было в оваа, расположенном за озером. Видимо, туда люди заложили давно...»). Фигурки небольшие по размерам (высотой до 10 см.), изготовленные из лиственницы, считающейся наиболее почитаемым священным деревом в культуре тувинцев. Датируются первой половиной XX века.

Первая фигурка – это верблюд (КП 5916) (ил. 3), выполненный стоящим на прямоугольной подставке. Как отмечено в описании в книге поступлений (КП) «цельновырезанной с фигуркой». Деревянная фигурка реалистично выполненного двугорбого верблюда сохранила до наших дней лишь часть головы. Верблюд вырезан с прямыми передними ногами и с согнутыми задними. Густую шерсть животного на голове, на горбах, гриву прекрасно имитируют тонкие линии. «Задний горб верблюда стоящий, в верхней его части показана шерсть, разделенная на две стороны горба. Передний горб изображен длинным и опавшим на правую сторону... Под шеей у верблюда имеется заостренный к низу выступ, который показывает длинную шерсть... но изображен без линий. В нижней части этот выступ с обеих сторон имеет полосу более темного цвета, чем остальное дерево. Отчетливо видны уши животного по обе стороны головы. Тоненький короткий хвостик плотно прижат к телу...» – такое подробное описание было сделано сотрудником музея У.Б. Нурзат в год поступления предметов.

Высота фигурки верблюда вместе с подставкой составляет 5 см., ширина – около 6 см. Это те самые габариты, соответствующие жертвенным предметам, которые издавна изготавливали для ритуальных действий. По мнению специалистов музея, она предназначалась для жертвоприношения духу-хозяину местности, т.е. по сути – это культовый предмет шаманизма, который было нежелательно перемещать после проведенного ритуала.

Помимо деревянной фигурки верблюда Б.Ч. Хо-мушку принес в музей фигурки лошади и человека. Последняя в настоящее время находится в фонде № 13 «Шаманизм» под номером КП 5918 (илл. 4). Также считается шаманским атрибутом, представляющим собой антропоморфную фигурку, вырезанную также из лиственницы. Согласно сопроводительному комментарию «*ыяш кижиниң хевири*», т.е. «деревянный силуэт человека» предельно стилизован, очертания лица представляют собой схематические очертания. «Правая рука согнута и прижата к ... животу, левая рука спущена вдоль туловища...» (из описания в книге поступлений НМ РТ). Экспонат плохо сохранился: левая рука утрачена, имеются трещины от пересыхания дерева.

Тем не менее, описанные предметы, а также ряд других из фондов НМ РТ представляют собой интересные экземпляры оригинальной народной мелкой пластики.

Высокохудожественность работ тувинских мастеров отмечал этнограф, д.и.н. С.И. Вайнштейн. Им дается анализ работ некоторых резчиков, с которыми ему довелось непосредственно общаться во время тувинской экспедиции. Среди них – Хертек Тойбухаа, Хертек Хуна, Хертек Мижит-Доржу, Монгуш Черзи, Салчак Норбу. Вайнштейн упоминает, что тувинские мастера изготавливали статуэтки небольших размеров для продажи и пишет о «традиционной условной манере» резьбы. Он отмечает и наследственную традиционную манеру резьбы стилизации изображений людей и животных. В отношении художественных изделий, выполненных из дерева, Вайнштейн пишет, что они все выполнены на прямоугольных подставках, окрашены в один или несколько цветов. Он замечает, что большинство резчиков по дереву стремятся к исключительно реалистической подаче образа того или иного животного, что является новшеством в малой пластике тувинцев. В заключении автор предполагает, что «декоративно-прикладное искусство тувинцев имеет... большие возможности для дальнейшего развития» [4, с. 270].

Сегодня тувинская скульптура малой формы, подобно нэцкэ, японским миниатюрным резным фигуркам, представляет собой индивидуальную и технически доведенную до совершенства трехмерную форму. Начиная с середины XX в. доминирование каменной художественной резьбы стало основой профессионального искусства мелкой пластики. Деревянная скульптура, постепенно отошедшая на второй план, к началу XXI в. практически исчезла. Художники-камнерезы, вступая в Союз художников

Илл. 4. Фигурка человека. I пол. XX в. Лиственница, резьба. НМРТ КП-5918 Шам-60. Фото: А. Чап.

России, занимались лишь резьбой по агальматолиту и серпентиниту⁷. В настоящее время именно их искусство малой пластики представляет образительное искусство Тувы на различных выставках. Они отражают характерные особенности мировосприятия тувинских мастеров.

В начале творческого пути все ныне известные мастера-камнерезы старшего поколения, так или иначе, начинали творческий путь как резчики по дереву, изготавливая в том числе игрушки. Они находили приемы, которые со временем были признаны в качестве художественных особенностей, стали стилем. Самое примечательное в фигурках малой формы – образность. Тувинский мастер одной деталью выражал характер того или иного животного, создавая особенные черты. Непременные персонажи – четыре вида скота (конь/лошадь, корова, баран, верблюд) – помощники, символ достатка.

Как утверждает французский историк М. Пастуро «Мы не можем применять к изображениям, памятникам и предметам, созданным в прошедшие века, наши современные определения, концепции и классификации цвета. У обществ прошлого эти критерии были иными (а у будущих обществ, возможно, появятся свои...). При исследовании артефакта историк (а историк искусства, возможно, чаще других) постоянно рискует допустить анахронизм» [12, с. 14]. В нашем случае, небольшие фигурки из дерева и камня, которые многие специалисты обобщенно называют «тувинскими игрушками» имеют четкие хронологические рамки. Небольшие резные деревянные и каменные фигурки, возникнув из культовых фигурок – заменителей жертвенных животных, подносимых в дар духам, и детских игрушек – сегодня представляют собой уникальные произведения искусства.

Современная скульптура малой формы показывает, что несмотря на совершенствование технологий обработки поделочного материала, рабочего инструментария и т.д. ключевыми факторами остаются мастерство, опыт и эстетический вкус мастера-резчика. Можно утверждать, что эволюция скульптуры малой формы – от игрушки и ритуального предмета до произведения искусства – характеризуется синергией развития технических возможностей и личностных характеристик художника-камнереза.

Библиографический список

1. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населенниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. Т.3: Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII – начало XX вв.) / состав-

7 Серпентинит – тувинское название «кара-даш» («черный камень»), у тувинских камнерезов это второй по популярности поделочный камень. По особенностям обработки серпентинит более сложен, чем агальматолит из-за своей более высокой твердости, обусловленной входящими в его состав амфиболов.

- витель С.К. Шойгу. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 608 с.
2. Айыжы Е.В., Базырчап А.-Х.О. Обряды и обычаи, связанные с культами природы у тувинцев республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI в. (сравнительный аспект) Часть 2 / Е.В. Айыжы, А.-Х.О. Базырчап // URL: https://vk.com/wall-105944631_67449
 3. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. – М.: Политиздат, 1984. 272 с.
 4. Вайнштейн С.И. Прикладное искусство тувинцев / С.И. Вайнштейн // Ученые записки. Выпуск XI. ТННННННН, Кызыл, 1964. С. 257-270.
 5. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. 219 с.
 6. Забелина Г.А. Некоторые культовые изображения птиц из урочища Аржан-Хем / Г.А. Забелина // Ученые записки. Выпуск XVII. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл: Типография Тувинского книжного издательства, 1975. С. 260-262.
 7. Искусство Тувы в музеях России. Коллекции С.К. Просвиркиной / И.В. Октябрьская, Н.Ю. Плетнева, С.Г. Станкеева, В.А. Балган. М-во науки и высшего образования РФ, РАН СО, Ин-т археологии и этнографии; М-во культуры Республики Тыва, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 160 с.
 8. Кисель В.А. Народные традиции и государство: история взаимоотношений (на примере Тувы) / В.А. Кисель // Кунсткамера. Электронный научный журнал. 2019. № 1 (3). С. 171-188.
 9. Кон Ф. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населниках, об Урянхае – Танну-Тове, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы. в 7 т. Т.4: Урянхайский край: перекресток мнений. Урянхайцы (конец XIX – начало XX вв.) / составитель С.К. Шойгу. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 552 с.
 10. Леус П.М. Культ оваа у современных тувинцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений. СПб.: МАЭ РАН. 2004. С. 146-152.
 11. Менхен-Хелфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населниках, об Урянхае – Танну-Тове, урянхайцах--тувинцах, о древностях Тувы. в 7 т. Т. 6: Танну-Тувинская Народная Республика (1921-1944) / составитель С.К. Шойгу. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 584 с.
 12. Пастуро М. Черный. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 169 с.
 13. Романова С.В. Тувинская каменная пластика // URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2347>
 14. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / Подготовка текстов, предисловие и комментарий А.К. Кужугет. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. 224 с.
 15. Тувинские коллекции Феликса Кона 1902-1903. Научное издание / автор-составитель: А.К. Кужугет – Новосибирск, 2019. 311 с.
 16. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населниках, об Урянхае – Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы. в 7 т. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхы к Танну-Тове / составитель С.К. Шойгу. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2014. 736 с.
 17. Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 147-154.

References

1. Adrianov A.V. Journey to Altai and Beyond the Sayan Mountains in 1881 // Uryankhai. Tuva department. Anthology of scientific and educational thought about the ancient Tuvan land and its inhabitants, about Uryankhai – Tannu-Tuva, the Uryankhai-Tuvans, about the antiquities of Tuva: in 7 volumes. Vol. 3: Uryankhai region. Tuvan-Russian relations (early 17th – early 20th

centuries) / compiled by S.K. Shoigu. – Moscow: SLOVO/SLOVO, 2007. 608 p.

2. Aiyzhy E.V., Bazyrchep A.-Kh.O. Rites and customs associated with nature cults among the Tuvans of the Republic of Tuva of the Russian Federation, China, Mongolia at the beginning of the 21st century (comparative aspect) Part 2 / E.V. Aiyzhy, A.-Kh.O. Bazyrchep // URL: https://vk.com/wall-105944631_67449

3. Bromley Yu.V., Podolny R. G. Created by Humanity. – Moscow: Politizdat, 1984. 272 p.

4. Vainshtein S.I. Applied Art of the Tuvans / S.I. Vainshtein // Scientific Notes. Issue XI. TNIYALI, Kyzyl, 1964. P. 257-270.

5. Vainshtein S. I. History of Folk Art of Tuva. – Moscow: Nauka, 1974. 219 p.

6. Zabelina G. A. Some Cult Images of Birds from the Arzhan-Khem Tract / G. A. Zabelina // Scientific Notes. Issue XVII. Tuvan Research Institute of Language, Literature, and History. Kyzyl: Typography of the Tuvan Book Publishing House, 1975. P. 260-262.

7. The Art of Tuva in Russian Museums. Collections of S.K. Prosvirkina / I.V. Oktyabrskaya, N.Yu. Pletneva, S.G. Stankeeva, V.A. Balgan. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, RAS SB RAS, Institute of Archeology and Ethnography; Ministry of Culture of the Republic of Tuva, Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2021. 160 p.

8. Kisel V.A. Folk Traditions and the State: History of Relationships (using Tuva as an Example) / V.A. Kisel // Kunstkamera. Electronic Scientific Journal. 2019. № 1 (3). P. 171-188.

9. Kon F. Expedition to Soyotia // Uryankhai. Tuva department. Anthology of scientific and educational thought about the ancient Tuvan land and its inhabitants, about Uryankhai – Tannu-Tuva, the Uryankhai – Tuvans, about the antiquities of Tuva. in 7 volumes. Volume 4: Uryankhai region: crossroads of opinions. Uryankhai people (late 19th – early 20th centuries) / compiled by S.K. Shoigu. – Moscow: SLOVO/SLOVO, 2007. 552 p.

10. Leus, P.M. The Cult of Ova among Modern Tuvans // The Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Proceedings of the Fifth Siberian Readings. St. Petersburg: MAE RAS. 2004. P. 146-152.

11. Menchen-Helfen O. Journey to Asian Tuva // Uryankhai. Tuva Dept. Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Tuvan Land and Its Inhabitants, about Uryankhai – Tannu-Tuva, the Uryankhai-Tuvinsians, and the Antiquities of Tuva. in 7 volumes. Vol. 6: Tannu-Tuva People's Republic (1921-1944) / compiled by S.K. Shoigu. – Moscow: SLOVO/SLOVO, 2007. 584 p.

12. Pasturo M. Cherny. History of Color. – Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2017. 169 p.

13. Romanova S.V. Tuvan Stone Art // URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2347>

14. Traditional Culture of the Tuvans through the Eyes of Foreigners (late 19th – early 20th centuries) / Text preparation, preface, and commentary by A.K. Kuzhuget. – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 2002. 224 p.

15. Tuvan Collections of Felix Kon 1902-1903. Scholarly publication / author-compiler: A.K. Kuzhuget – Novosibirsk, 2019. 311 p.

16. Yakovlev E.K. Ethnographic Review of the Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley // Uryankhai. Tuva Dept. Anthology of scientific and educational thought about the ancient Tuvan land and its inhabitants, about Uryankhai – Tannu-Tuva, Uryankhai-Tuvans, about the antiquities of Tuva. in 7 volumes. Volume 5: Uryankhai region: from Uryankhai to Tannu-Tuva / compiled by S.K. Shoigu. – M.: SLOVO/SLOVO, 2014. 736 p.

17. Chebarev V.V. On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 147-154.

Мальцева Л.В.

Доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Этнохудожественная культура кубанских казаков (традиционные ремесла Кубани)*

Аннотация. В настоящее время на Кубани проявляется интерес к народным ремеслам, декоративно-прикладному искусству. Показано взаимосвязь устного народного творчества, которую необходимо сохранить и передать будущим поколениям. Передать секреты и умения народного искусства традиционные для Кубани. Поэтому обучение учащихся народным ремеслам начинается на занятиях изобразительного искусства. Большую роль играет в этом развитии личности, формирование идеалов. Изобразительное творчество является одним из любимейших занятий. Эта работа требует художественных способностей, знаний и умений в области изобразительной грамоты, декоративно-прикладного искусства, необходим большой запас зрительных образов и впечатлений, творческое воображение. Знакомство с новыми понятиями и возможностями уже само по себе вызывает интерес, повышает мотивацию, веру в собственные силы.

Ключевые слова: этнохудожественная культура казаков, народные ремесла, умения, творчество, казаки, обучение, воспитание.

Maltseva L.V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Ethno-artistic culture of the Kuban cossacks (traditional crafts of Kuban)

Abstract. Currently, there is growing interest in folk crafts and decorative and applied arts in the Kuban region. The interconnection of oral folk art has been demonstrated, and it is necessary to preserve it and pass it on to future generations. It is important to pass on the secrets and skills of traditional folk art of the Kuban region. Therefore, teaching students about folk crafts begins in the classes of visual arts. The development of the individual and the formation of ideals play a major role in this. Visual art is one of the most beloved activities. This work requires artistic abilities, knowledge, and skills in the field of visual literacy and decorative and applied arts; a large store of visual images and impressions is necessary, as well as a creative imagination. Getting acquainted with new concepts and opportunities in itself arouses interest, increases motivation, and boosts confidence in one's own abilities.

Key words: ethno-artistic culture of the Cossacks, folk crafts, skills, creativity, Cossacks, education, upbringing.

* © Мальцева Л.В., 2026.

Этнохудожественная культура кубанских казаков (традиционные ремесла Кубани)

Этнохудожественная культура способствует формированию толерантности и уважения к многонациональному составу общества.

С давних времен на Кубани казаки занимались различными промыслами и ремеслами. Наиболее распространенными из них были: гончарное производство; резьба по дереву; плетение из лозы; а также вязание и вышивка. Жители Кубани всегда были неутомимыми тружениками. Кубанская земля славится своими умельцами. Раньше казаки владели сразу несколькими ремеслами.

Гончарное ремесло.

Гончары из глины делали кирпич, посуду и игрушки. Глину предварительно месили ногами и «чесали» проволокой, убирая, таким образом, мусор. Затем раскатывали и рвали на куски, которые соответствовали размеру изделия. Самым массовым изделием из глины был кирпич. И это объяснимо – он являлся универсальным материалом для строительства, а строили тогда много.

Из глины гончары делали посуду: кувшины – «глэчики», миски, крынки для молока и многое другое. Из глины делали трубки-носогрейки для стариков, так раньше называли курительные трубки. И различные глиняные игрушки для забавы малышей. Славилась на Кубани своими изделиями гончары станиц Пашковской, Темижбекской, Отрадной, Мостовской, Холмской и др. Сопутствующим видом ремесла было изготовление глиняных игрушек-свистулек в форме птиц (утиц, петушков (кочетов) и животных). Из глины изготавливали так же кирпич (саман), черепицу, облицовочные плиты к печам и каминам.

– Гончарный рукомойник.

– Квасник с пиалами.

Макитра для Кубани весьма важный предмет для домашнего обихода, мать всей глиняной посуды: молоко сквасить, тесто замесить, огурцов засолить, зерна насыпать, маку в пирог намять, коня напоить, да мало ли для чего сгодится такая посудина. Да и гончарам утеха – выкрутил горшок побольше, да попроще, да горло поширше, одним словом, как бог дал – вот тебе и макитра.

Этнохудожественная культура кубанских казаков – это удивитель-

Макитра.

ный сплав культурных традиций, который формировался веками. Уникальность состоит в гармоничном сочетании слов.

Кубанский казачий хор. Главный хранитель культурного наследия.

Это старейший национальный коллектив России, основанный в 1811 году. Кубанский казачий хор стал живым символом нашего края.

Гимн Кубани. В его основе лежит народная песня кубанских казаков. Она была написанная войсковым священником в походе, что подчеркивает роль музыки для казаков.

Жанры и диалект. Сюда входят исторические песни о походах, зазорные плясовые. Часто на Кубани они исполняются на местном диалекте (балачке).

Основные ремесла Кубани.

Казаки с детства овладевали разнообразными ремеслами, неотъемлемой частью русского народного искусства: 1) ковка (кузнечное дело); 2) гончарство; 3) резьба по дереву; 4) лозо - и соломоплетение; 5) ткачество, прядение, вышивка.

Резьба по дереву. Дерево на Кубани всегда было в цене, и умение работать с ним считалось одним из главных мужских ремесел. Мастера по дереву украшали резьбой не только дома, но и предметы повседневного быта, превращая их в настоящие произведения искусства.

Нарядной резьбой, особенно похожей на кружево украшали фасады (наличники, ставни, козырьки крылец, двери). В основу узоров (геометрические и растительные) лежали такие элементы, как ромбы, круги, треугольники и волнообразные линии. Резьбу по дереву можно было увидеть внутри хаты. Покрывалось практически все, что можно было сделать из дерева: 1) мебель: кровати, комоды, столы, шкафы, зеркала; 2) посуда и кухонная утварь: ложки от половников до маленьких лопаточек, ступки, маслбойки, кадки; 3) орудия труда: прялки, ткацкие станки, рубели (круглая палка для катания белья).

Материалы для своих поделок мастера брали тополь, иву, вербу – мягких и податливых местных пород.

Лозо - и соломоплетение. Это искусство на Кубани было по-настоящему народным – им занимались не ради искусства, удовольствия, а для ведения повседневного хозяйства. Из доступных природных материалов мастера создавали невероятное количество нужных в быту вещей.

Плетение считается одно из древнейших ремесел человечества, возник-

Гончарный рукомойник Квасник с пиалами.

Работы из лозы.

Плетень Колыбель Корзины из талаша.

шее еще в каменном веке. На Кубань его принесли черноморские казаки в конце XVIII века. Природные богатство нашего края идеально подходили для развития промысла. В плавнях рек в изобилии росла ива, камыши, рогоз. Часто этим ремеслом занимались в холодное время года, свободное от полевых работ.

Из лозы (ивовых прутьев) изготовляли практически все необходимое в хозяйстве. Утварь корзины всех мастей (для овощей, яиц, грибов), короба для хранения зерна и муки. Мебель и утварь: кресла, столы, колыбели для малышей. Постройки и ограды: изгороди (плетни) для дворов, стен первых жилищ – мазанок. Плели не только из ивы. В ход шла и солома, из которой казаки мастерили мужские шляпы (брыль), спасавших в страдную пору на сенокосе. Такие мастера использовали листья кукурузных по-

Кузнечная мастерская.

чатков (талаш, пануш, камыш). Самым ходовым материалом была гибкая ивовая лоза, которую заготавливали заранее.

Кузнечное дело. На Кубани широкое распространение получила ковань – кузнечное дело. В древности ценилось железо и изделия из него. Кузнецы были главными мастерами.

В каждой кубанской станице с конца 19 века работало до пяти человек. В кузнечной мастерской изготовлялось все необходимое в быту – замки, ухваты, ножи, топоры, гвозди, подковы. Человек, который нашел подкову считался счастливым. Кузница Ломакина была самой крупной, которое изготовляла даже тачанки. В кузнице всегда было темно. Это делалось для того, чтобы уловить мгновение, когда металл приобретает нужный цвет и готов дляковки.

В конце 19 века стало развиваться художественное направлениековки. Кузнецы придумали собственный орнамент, который отличал кубанскуюковку от остальных. Были выделены его 4 основные вида: растительный (листья, цветы); меандровый (орнамент из непрерывного бордюра); зооморфный (изображения животных и птиц); геометрический.

Наиболее распространенным видом народно-прикладного искусства на Кубани была вышивка. Мастерицы казачки вышивали рушники (полотенца), скатерти, салфетки, наволочки, занавески, рубахи. В основном вышивка выполнялась цветной и белой гладью. Праздничные одежды, скатерти-столешницы, края покрывал – подзоры, концы полотенец – все было украшено тканым или вышитым орнаментом. Украшали рубахи вышивкой по низу, по краям рукавов, по вороту и груди. Сложностью отличалось декоративное оформление нарядных женских рубах. Здесь орнаментом украшались подол, рукав и грудной вырез. Количество узора и яркость цвета зависели от назначения костюма и возраста женщины.

Тщательно и со вкусом каждая хозяйка украшала вышитыми предметами быта свой дом, создавая только ей присущий уют, на окнах вышитые занавески, на иконах набожники, на комоде дорожки, стены и фотографии украшались рушниками, на дверях занавесы, столешники, салфетки, ути-рач, подзоры, покрывала, наволочки – все украшалось вышивкой. Меха-

Кубанская вышивка.

низм передачи мастерства осуществлялся от матери к дочери, от бабушки к внучке с раннего возраста.

Обычно в доме имелось около тридцати вышитых рушников. Часть из них входила в приданое невесты и готовилась девушкой до замужества. Это, прежде всего, рушник для новобрачных – им пользовались молодожены в первые дни. Два рушника готовились для будущих малышей. Скромный рушник предназначался казаку в дорогу. Полотенцу издавна отводилась особая роль. Считалось, что узоры, вышитые по белому полотну, обладают благотворной силой. В праздники и торжественные дни самые красивые полотенца развешивались вдоль стен, вешали на окна, божицу.

Народные ремесла не должны исчезнуть этому искусству, которое несет радость, красоту, уют в наши дома и гордость за наш творческий народ. Экспонаты можно увидеть если побывать в этнографической станице Атамань на Таманском полуострове или в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике имени Е.Д. Филицина.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 1999.
2. История Кубани /под ред. В.Е. Щетнева. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2004.
3. Мальцева Л.В. Методика обучения изобразительному искусству. – Краснодар: КубГУ, 2015.
4. Мальцева Л.В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
5. Мальцева Л.В. Развитие художественно-творческих способностей школьников средствами изобразительного искусства (на материале этнохудожественной культуры Краснодарского края). Краснодар: Экоинвест, 2009.
6. Педагогика / Под ред. Л.П. Крившенко. – Москва: Проспект, 2004.
7. Чистов К.В. Кубанские станицы. – Москва: Наука, 1967.
8. Луговская М.Ю. Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 32-40.

References

1. Bondar N.I. Traditional Culture of the Kuban Cossacks. Krasnodar: Traditsiya, 1999.
2. History of Kuban / edited by V.E. Shchetnev. Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
3. Maltseva L.V. Methods of Teaching Fine Arts. Krasnodar: KubSU, 2015.
4. Maltseva L.V. Kuban Studies in Fine Arts Lessons in Comprehensive Schools. Krasnodar: Traditsiya, 2010.
5. Maltseva L.V. Developing Schoolchildren's Artistic and Creative Abilities through Fine Arts (Based on the Ethnoartistic Culture of Krasnodar Krai). Krasnodar: Ecoinvest, 2009.
6. Pedagogy / edited by L.P. Krivshenko. Moscow: Prospect, 2004.
7. Chistov K.V. Kuban villages. – Moscow: Nauka, 1967.
8. Lugovskaya M.Yu. Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 32-40.

Миронов А.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Садриева А.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Литературное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» как средство формирования культурной идентичности участников*

Аннотация. В условиях цифровой трансформации российского общества традиционные социальные институты культуры утрачивают свою монополию на формирование культурной идентичности современных россиян. Все большее значение начинают приобретать цифровые форматы трансляции духовных ценностей, культурных норм и практик взаимодействия. В то же время необходим поиск баланса между тенденциями цифровой глобализации и традиционными ценностями российского общества.

Исторически характерный для отечественной культуры литературоцентризм может стать основой для глубокого осмысления проблемных вопросов общественной и культурной жизни. Благодаря новым цифровым форматам – виртуальным литературным сообществам – в пространство философского диалога могут быть вовлечены представители различных областей знаний, профессий, возрастов.

Цель нашего исследования: выявить и обосновать механизмы трансляции духовных ценностей и формирования культурной идентичности участников виртуального литературного сообщества «Однажды Фет...» в социальной сети «ВКонтакте».

На основе дискурс-анализа мы показываем, как благодаря существованию тематических рубрик сообщества, структурирующих литературный контент, и реализации форматов партиципации (соучастия) происходит трансформация классического знания в актуальные социальные практики, создается пространство для диалога, формируется культурная идентичность участников.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, литературное сообщество, социальная сеть «ВКонтакте», духовные ценности, культурная идентичность, практики партиципации (соучастия), литературоцентризм, Афанасий Фет.

Mironov A.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Art Education, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

* © Миронов А.В., Садриева А.Н., 2026.

Литературное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» как средство формирования культурной идентичности участников

Sadrieva A.N.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Art Education, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

A literary community on the VKontakte social network as a means of shaping participants cultural identity

Abstract. Amid the digital transformation of Russian society, traditional cultural institutions are losing their monopoly on shaping the cultural identity of modern Russians. Digital formats for transmitting spiritual values, cultural norms, and interaction practices are becoming increasingly significant. At the same time, it is essential to strike a balance between the trends of digital globalization and the traditional values of Russian society.

The literary-centric nature historically characteristic of Russian culture can serve as a foundation for a profound exploration of challenging issues in social and cultural life. Thanks to new digital formats – such as virtual literary communities – individuals from diverse fields of knowledge, professions, and age groups can be drawn into a philosophical dialogue.

The aim of our study is to identify and substantiate the mechanisms underlying the transmission of spiritual values and the formation of cultural identity among participants in the “Once, Fet” virtual literary community on the VKontakte social network.

Drawing on discourse analysis, we demonstrate how the community’s thematic sections – which structure literary content – and its participatory formats – which engage followers in the community’s life – facilitate the transformation of classical knowledge into contemporary social practices, create a space for dialogue, and shape the participants cultural identity.

Key words: virtual community, literary community, VKontakte social network, spiritual values, cultural identity, participatory practices, literary-centrism, Afanasy Fet.

Сохранение духовных ценностей отечественной культуры и формирование непротиворечивой культурной идентичности является одним из вызовов современного общества, которые требуют поиска баланса между традиционалистскими тенденциями российской культуры и открытостью к процессам модернизации. Преувеличенная идеализация исторического прошлого и культурный изоляционизм могут привести к стагнации социокультурных процессов и отчуждению от культурной жизни современных поколений россиян, глубоко интегрированных в глобальную цифровую среду.

Медиатором между традицией и современностью может выступить русская классическая литература – транслируя неизменные духовные ценности, она одновременно является платформой для осмысления политических и культурных вызовов сегодняшнего дня и преодоления кризиса идентичности. В XIX–XX вв. в условиях жесткой цензуры и отсутствия развитых институтов гражданского общества художественная литература взяла на себя обычно несвойственные ей функции: выступала рупором

политики, религии, морали и социальных реформ. Русские писатели становились «пророками» и лидерами общественного мнения, а литература – главным инструментом самосознания нации. Характерный для отечественной культуры литературоцентризм и сегодня может выступить фактором формирования культурной идентичности россиян, но в условиях цифровой реальности уже в форматах сетевых сообществ, блогов и т. д.

Традиционные институты трансляции духовных ценностей и социализации (бумажная книга, библиотеки, школьное и академическое образование) в условиях интенсивно идущей цифровизации утрачивают монопольные позиции и вытесняются новыми цифровыми форматами. В русскоязычном сегменте интернета ведущей коммуникационной платформой выступает социальная сеть «ВКонтакте», которая через создание виртуальных сообществ объединяет создателей и читателей цифрового литературного контента.

Понятие «виртуальное сообщество» впервые было введено американским писателем Говардом Рейнгольдом в 1987 г. в статье «Virtual communities – exchanging ideas through computer bulletin boards» [1]. Часто цитируется определение, данное Рейнгольдом в его книге «Виртуальное сообщество: заселение электронных рубежей»: «Виртуальные сообщества – это социальные образования, которые возникают в сети, когда достаточное количество людей вовлечены в публичные дискуссии довольно долго, с проявлением человеческих чувств, чтобы сформировать сети личных отношений в киберпространстве» [цит. по: 3].

Сегодня это и смежные с ним понятия активно подвергаются научной рефлексии зарубежных и отечественных исследователей. Например, Р.В. Кончаковский в своей диссертации дает определение сетевого интернет-сообщества как «возникающей в пространстве Интернет взаимосвязи индивидов и/или социальных общностей, основанием социокультурного единства которых выступает “общностное знание”» [6, с. 7].

Практически все исследователи сходятся в том, что виртуальные сообщества не имеют политических и географических границ. Отсутствие необходимости в непосредственном взаимодействии создает возможности объединения людей на основе общих интересов, увлечений, профессиональных или личных целей, норм, ценностей и т. д. Так, «общностное знание», выделенное Р.В. Кончаковским, имеет двойственный характер – нормативно-регулятивный (знание правил общения внутри группы и технических особенностей взаимодействия) и ценностно-смысловой (принятие культурных образцов, т. е. тех культурных норм, которые разделяют члены сообщества).

Согласно концепции социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман [2]), человеческая субъектность и культурная идентичность не имманентны, не даны объективно от рождения, а конструируются в процессе

социального взаимодействия и языковой коммуникации. Инструментами их формирования выступают социальные институты культуры, в том числе современной цифровой культуры, во многом вытесняющие традиционные агенты и институты социализации.

Виртуальное литературное сообщество «Однажды Фет...» в социальной сети «ВКонтакте» [9] объединяет профессиональных филологов, библиотекарей, школьных учителей и вузовских преподавателей, художников, музыкантов и просто любителей поэзии, в том числе студенческую молодежь. Сообщество применяет комплексный подход, переводя классическое наследие Афанасия Фета из академического в актуальный цифровой формат.

В сообществе «Однажды Фет...» за системой тематических рубрик закреплён определённый хештег (для удобства поисковых запросов участников сообщества).

В рубрике **#Фетофакт** собраны материалы, связанные с жизнью, судьбой и личностью Фета. Очерки такого типа представляют фрагменты биографии поэта с опорой на его мемуары (А.А. Фет «Мои воспоминания» (1-я и 2-я части) и «Ранние годы моей жизни»). Многие эпизоды позволяют обнаружить ключевые связи поэта с современной ему эпохой и личностями разного формата (от соседей по имению, литераторов и издателей до Великого князя Константина Романова).

В рубрике **#МемоФет** представлен корпус мемуарных материалов. Воспоминания и дневниковые записи членов семьи Л.Н. Толстого, заметки современников поэта представляют личность А.А. Фета, включая визуальные особенности (манеру двигаться, рассуждать, говорить), в контексте бытовой среды.

Смежная по содержанию рубрика **#ТопоФет**, учитывая биографические и бытовые детали личной жизни Фета, презентует литературную топографию поэта. Здесь разработаны две подрубрики: **#ПетербургФета** и **#МоскваФета**. При изучении петербургской и московской топографической парадигмы Фета были использованы адреса и реалии, указанные в воспоминаниях и письмах Фета, дневниках А.В. Дружинина, Ф.Ф. Фидлера, К.Р. (Великого Князя К. К. Романова) [8]. При этом московская и петербургская топография Фета иллюстрируется видеороликами, снятыми модераторами сообщества в реальных исторических интерьерах двух столиц.

Эпистолярное наследие рубрики **#ПисьмоФет** зримо представляет поэта с бытовой и светской стороны. Здесь используются две формы подачи материала. Во-первых, это видеоролики с чтением фетовских писем (адресаты: И. Введенский, Л.Н. Толстой, Я.П. Полонский, И.С. Тургенев). Во-вторых, это очерки, представляющие фрагменты переписки Фета, которые проливают свет на создание некоторых текстов, а также раскрывают его художественно-эстетическое мировоззрение и гражданско-экономическую позицию.

Рубрика **#НаучФет** включает в себя широкий спектр научных исследований о поэте. Здесь даны ключевые высказывания из критических статей современников Фета (В.П. Боткин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.И. Писарев, Н.А. Некрасов), а также из словарных статей хрестоматий второй половины XIX в. (Н.В. Гербель, А.А. Цветков, Н.Ф. Щербина). Истоки научного изучения личности и творчества Фета представлены именами первопроходцев фетоведения (Г.П. Блок, Б.А. Садовской, Б.В. Никольский и др.). Выдержки из научных трудов представляют собой концептуально-поисковую парадигму осмысления поэтики Фета в разные периоды XX столетия (Б.Я. Бухштаб, Б.М. Эйхенбаум, М.Л. Гаспаров, А.М. Ранчин, Л.А. Анненский и др.), а также презентуют современные научные изыскания группы по изданию сочинений И.С. Тургенева и А.А. Фета Института русской литературы (ИРЛИ РАН).

Особое место в популяризации звучащего поэтического слова занимает рубрика **#Фетопредставление**: здесь размещаются видеоролики организаторов и участников сообщества с чтением хрестоматийных, а также изначальных редакций поэтических текстов Фета. Регулярная публикация аудио- и видеочтений стихов Фета делает сложный и утонченный поэтический язык доступным для массового читателя и слушателя. Рубрика **#Фетопредставление** фиксируется на гугл-карте, которая к сегодняшнему дню включает 821 объект (географические точки чтения стихотворений) [4].

Рубрика **#Фетоморфизм** представляет фиксации проекций творчества поэта на его современников и поэзию XX–XXI вв. В ней представлены поэтические тексты, в которых имя Фета присутствует как упоминание, а также стихотворения, написанные под воздействием поэтики Фета или содержащие интертекстуальные вкрапления из его текстов. В результате создается глубокая и объемная картина, представляющая образ поэта не только в творчестве его современников (А.Н. Апухтин, А.М. Жемчужников, Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, Я.П. Полонский, К.Р., В.С. Соловьев, К.М. Фофанов), но и в поэзии XX века (А. Блок, С. Есенин, О. Мандельштам, Н. Рубцов, В. Шаламов, А. Кушнер, Ю. Кублановский, С. Гандлевский, Л. Лосев, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, А. Еременко, Б. Рыжий и др.) и в многочисленных современных текстах.

Поскольку фигура Фета была весьма тенденциозной в литературном сообществе, а потом и в историко-литературных интерпретациях имела неоднозначное и не всегда верное толкование, в сообществе создана рубрика **#ПараФет**. Это отдельные тексты и целые циклы Д. Минаева, А. Сниткина, Н. Вормса, П. Шумахера, В. Буренина, К. Пруткова, Н. Добролюбова, И. Никитина, И. Тургенева, направленные на пародирование фетовской лирики. Благодаря комментированной подаче, данный раздел позволяет осознать, насколько сильна и неправомерно язвительна была демократическая литература в оценке личности и творчества Фета.

Особое место в сообществе занимает рубрика **#Фетография**. В нее вошли иллюстрации к изданиям поэта разных лет, портреты Фета (живописные, графические, фотографические), бюсты и памятники поэта, а также его рассуждения о живописи как в прозе, так и в формате экфразиса (стихах, посвященных живописи). Каждый пост сопровождается тщательно подобранными иллюстрациями и аналитическими очерками по данной тематике.

Рубрика **#Лирическое_хозяйство** включает в себя воззрения Фета-хозяйственника на ситуацию посткрепостнической России, описание его реальных дел и поступков в области развития усадебного хозяйства нового типа. В рубрике задействованы не только воспоминания А.А. Фета, но и серия очерков «Из деревни», забытая его современниками и историкам литературы долгое время известная лишь понаслышке. Именно эта рубрика способна изменить хрестоматийные представления читателей о Фете, представив его как человека весьма практического (труженика и рачительного земледельца).

Рубрика **#МелоФет** представляет бытование фетовских стихотворений в огромном пласте музыкальных (вокальных и инструментальных) произведений, начиная с композиторов-современников (П.И. Чайковского, А. Варламов, С. Танеев, А. Аренский, Н. Ширяев, П. Виардо) и до современных авторов. В формировании данной рубрики приняли участие современные исполнители из Орла, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Челябинска, которые представили свои версии музыкального исполнения текстов Фета.

В рубрике **#КиноФет** представлены фрагменты из художественных кинофильмов советской эпохи и современности, где стихотворения Фета звучат как песни либо цитируются героями. Классический вариант – экранизация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» (реж. И. Максимчук, 1990; реж. Л. Цуцульковский, 1994), где само название является цитированием фетовского стиха. Герои фильмов цитируют Фета в ситуациях покоя и тихой радости («Двенадцать стульев» (реж. М. Захаров, 1976), «По семейным обстоятельствам» (реж. А. Коренев, 1977), «Старый Новый год» (реж. Н. Ардашников, О. Ефремов, 1980), «Не покидай меня» (реж. А. Франскевич-Лайе, 2014), «СМЕРШ. Умирать приказа не было. Ч. 3» (реж. О. Фомин, 2019). А в некоторых случаях – поют («Конфликтная ситуация» (реж. Р. Мурадян, 1981), «Спаси и сохрани» (реж. А. Сокуров, 1989), «Пчелка» (реж. А. Сорокин, 1993), «Главный калибр» (реж. М. Шевчук, 2006) и др. [7].

Для тех подписчиков, которые не решаются представить свое творчество в форме видеочтения, открыта рубрика **#ФотоФет**, в которой предлагается сделать фото с книгой А.А. Фета или любым фетовским образом в атмосферном интерьере (от природного до промышленного ландшафта), разместить фото на собственной странице «ВКонтакте», добавив хэштег

#ФотоФет, а также хэштег с названием населенного пункта участника.

Рубрика **#Фет_в_библиотеке** дает возможность продемонстрировать на страницах сообщества издания Фета, находящиеся в фондах библиотек. К работе этой рубрики подключились библиотеки нашей страны: Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Белинского (Екатеринбург), Челябинская областная универсальная научная библиотека (Челябинск), Красноармейская Центральная районная библиотека (Башкортостан), Михайловская библиотека (Курская область), Троицкая библиотека (Саратовская область). Этими библиотеками были сделаны видеопроекты и сайтовые обзоры своих ресурсов, представляющие издания Фета и литературу о нем.

На страницах сообщества находит отражение исследовательская и творческая деятельность его организаторов в оффлайн-пространстве: участие в научно-практических конференциях, организация методологических семинаров по творчеству А.А. Фета, проведение выставки-конкурса детского рисунка «Только художник на всем чует прекрасного след», посвященной 205-летию со дня рождения А.А. Фета.

Оффлайн- и онлайн-практики партиципации (соучастия) позволяют вовлечь во взаимодействие широкий круг участников из многих городов и населенных пунктов России, солидаризируя их не только вокруг фигуры А.А. Фета, но и дискуссионных вопросов и ценностных концептов отечественной культуры XIX–XX вв. и современности.

Через систему рубрик в сообществе «Однажды Фет...» стереоскопически представлено проблемное поле общественной жизни России XIX в. – в чем заключается позиция «чистого искусства» и имеет ли она право на существование в ситуации общественно-политического кризиса; каким путем могла пойти Россия после отмены крепостного права в сфере экономической, юридической, политической и какая развилка оказалась «роковой» и др. – а также рефлексия этих вопросов поэтами, писателями, исследователями XX в. в контексте его идеологических парадигм. Эти вопросы оказываются актуальными для участников сообщества в формате общественного обсуждения ценностных оснований современной отечественной культуры.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях цифровой трансформации виртуальные сообщества становятся новыми социальными институтами. Репрезентируя ценности и смыслы культуры и объединяя широкие группы людей по их интересам, запросам, потребностям, виртуальные сообщества создают пространство для обсуждения социальных норм, обмена культурными практиками и формирования новых идентичностей [5].

Литературное виртуальное сообщество «Однажды Фет...» в социальной сети «ВКонтакте», переводя академическое знание в актуальный цифровой формат и используя практики соучастия, становится площадкой, где

проблематизированный литературный контент оказывается средством формирования культурной идентичности участников.

Библиографический список

1. Rheingold H. Virtual Communities: Exchanging Ideas through Computer Bulletin Boards // *Whole Earth Review*. 1987. № 3. P. 78-81.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бумен, ван ден Марианн. Как цифровое становится социальным // *Неприкосновенный запас*. 2020. № 2 (130). С. 17-39 // URL: https://nlobooks.ru/article/15091/#_ftn5.
4. Двести Фет. Философия поэзии // URL: <https://www.google.com/maps/d/viewer?hl=ru&ll=45.49190254205805%2C46.791458017274564&z=4&mid=1sr2gzkrJ4fsiPNBi9LzRRIN5giHnLVAq>.
5. Ильинская Е.А., Петрова И.А. Социально-культурный феномен виртуальных сообществ // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 6. С. 173-178.
6. Кончаковский Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Р. В. Кончаковский; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург: [б. и.], 2010. 22 с.
7. Миронов А.В. Поэтические тексты А.А. Фета как киноцитата // *Творчество А.А. Фета в контексте русской и мировой культурной традиции*: (Курск, 31 мая – 1 июня 2024 г.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. 296 с. С. 26-38.
8. Миронов А. В. Фетовская топография петербургских и московских адресов Боткиных // *Исторические Боткинские чтения*: Вып. IX. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2026. 244 с. С. 218-229.
9. Однажды Фет / А.В. Миронов // URL: <https://vk.com/club90186542>.
10. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // *Альманах Казачество*. 2021. № 51. С. 52-70.

References

1. Rheingold H. "Virtual Communities: Exchanging Ideas through Computer Bulletin Boards" // *Whole Earth Review*. 1987. № 3. P. 78-81.
2. Berger P. "The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge" / P. Berger, T. Luckmann; trans. from English by E. Rutkevich. – Moscow: Medium, 1995. 323 p.
3. Bumen van den Mariann. "How the Digital Becomes Social" // *Neprikosnovenny zapas*. 2020. № 2 (130). P. 17-39 // URL: https://nlobooks.ru/article/15091/#_ftn5.
4. Dvesti Fet. Philosophy of Poetry // URL: <https://www.google.com/maps/d/viewer?hl=ru&ll=45.49190254205805%2C46.791458017274564&z=4&mid=1sr2gzkrJ4fsiPNBi9LzRRIN5giHnLVAq>.
5. Ilyinskaya E.A., Petrova I.A. Socio-cultural phenomenon of virtual communities // *Society: philosophy, history, culture*. 2025. № 6. P. 173-178.
6. Konchakovskiy R.V. Network Internet community as a socio-cultural phenomenon: author's abstract. diss. ... cand. sociol. sciences: 22.00.06 / R.V. Konchakovskiy; Ural. state University named after A.M. Gorky. Ekaterinburg: [b. i.], 2010. 22 p.
7. Mironov A.V. "Poetic Texts by A.A. Fet as a Film Quote" // "The Works of A.A. Fet in the Context of Russian and World Cultural Tradition" (Kursk, May 31 – June 1, 2024). Kursk: Kursk State University Publishing House, 2024. 296 p. P. 26-38.
8. Mironov A.V. "Fet's Topography of the Botkin Family's St. Petersburg and Moscow Addresses" // "Historical Botkin Readings": Issue IX. – St. Petersburg: SPbGMISRP Publication, 2026. 244 p. P. 218-229.
9. "Once Upon a Time Fet" / A.V. Mironov // URL: <https://vk.com/club90186542>.
10. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // *Almanac Cossacks*. 2021. № 51. P. 52-70.

Сергеева Е.А.

Соискатель кафедры искусствovedения, Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Преподаватель кафедры камерного пения, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 9435-5849 / ORCID: 0009-0001-1865-2694

Из истории формирования системы консерваторского образования в России*

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития системы консерваторского образования в России с середины XIX века до настоящего времени. Обращается внимание на отсутствие целостного обзора отечественных консерваторий как единой образовательной системы.

Приводятся основные сведения, повлиявшие на формирование профессионального музыкального образования. В основе методологии лежит историко-культурный, сравнительно-аналитический и искусствоведческий подход. Анализ проводится по ряду параметров: хронология основания, институциональные формы становления, а также вклад выдающихся музыкантов и педагогов.

Обзор делится на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Показано, что формирование консерваторского образования было тесно связано с деятельностью Русского музыкального общества, а в дальнейшем – с государственной культурной политикой. Установлено, что ведущую роль в развитии системы сыграли крупнейшие центры – Санкт-Петербургская и Московская консерватории, обеспечившие преемственность профессиональных традиций.

В заключении делается вывод о том, что современная система консерваторского образования в России сформировалась как результат длительного исторического развития и сохраняет преемственность ключевых образовательных и культурных принципов.

Ключевые слова: музыкальное образование в России, Русское музыкальное общество, консерватория, история консерваторий.

Sergeeva E.A.

PhD candidate, Department of Art History, St. Petersburg State Institute of Culture. Lecturer, Department of Chamber Singing, St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg. SPIN-code: 9435-5849 / ORCID: 0009-0001-1865-2694

From the history of the formation of the conservative education system in Russia

* © Сергеева Е.А., 2026.

Из истории формирования системы консерваторского образования в России

Abstract. This article examines the formation and development of the conservatory education system in Russia from the mid-19th century to the present. It addresses the lack of a comprehensive, systematized overview of Russian conservatories as a unified educational system.

It presents key data that influenced the development of professional music education. The methodology is based on a historical, cultural, and comparative analytical approach. The analysis is conducted across a number of parameters: the chronology of its founding, the institutional forms of its development, and the contributions of outstanding musicians and educators.

The review is divided into three periods: pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet. It is shown that the development of conservatory education was closely linked to the activities of the Russian Musical Society and, later, to state cultural policy. It is established that the leading roles in the development of the system were played by the major centers—the St. Petersburg and Moscow Conservatories—which ensured the continuity of professional traditions. In conclusion, it is concluded that the modern system of conservatory education in Russia was formed as a result of long-term historical development and maintains the continuity of key educational and cultural principles.

Key words: music education in Russia, Russian Musical Society, conservatory, history of conservatories.

Статья подготовлена под руководством доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургской государственной консерватории Н.Х. Орловой.

Становление и развитие системы профессионального музыкального образования в России тесно связаны с историей консерваторий – высших учебных заведений, играющих ключевую роль в подготовке профессиональных исполнителей, педагогов и исследователей. Именно в рамках консерваторской системы складывались творческие и научные традиции, обеспечившие преемственность музыкальной культуры. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых отдельным консерваториям, на сегодняшний день нам не встретился исчерпывающий обзор, позволяющий проследить системно полноту истории отечественных консерваторий как целостной образовательной системы.

В этой связи в статье ставится проблема систематизированного осмысления процесса возникновения и развития консерваторского образования в России – от первых инициатив середины XIX века до современности.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе историко-культурного анализа представить целостную картину развития отечественных консерваторий, выявить основные этапы их становления и определить факторы, оказавшие влияние на формирование системы профессионального музыкального образования.

Для достижения поставленной цели в работе применяется комплексный подход, предполагающий анализ процесса формирования консерваторского образования по следующим параметрам: хронология основания учебных заведений; институциональные формы становления (музыкальные классы, училища, консерватории); характер общественных и государствен-

ных инициатив. Особое внимание уделяется участию выдающихся музыкантов и педагогов, формировавших консерваторские традиции. Именно совокупность этих параметров позволяет полноценно реконструировать, как складывалась система отечественного консерваторского образования.

В данной статье мы сосредоточили свое внимание на консерваториях, которые в настоящее время действуют на территории современной России. Учебные заведения, открытые в союзных республиках и находящиеся за пределами нашей страны, даны в порядке перечисления: сведения о них планируется представить в отдельной работе.

Хронологические рамки исследования охватывают три периода: дореволюционный (от середины XIX века до 1917 года), советский (1917–1991) и постсоветский (с 1991 года по настоящее время).

Предпринятый обзор направлен на то, чтобы не только собрать воедино разрозненные исторические сведения, но и показать, как шаг за шагом создавалась, развивалась и совершенствовалась система отечественного консерваторского образования.

Середина XIX–1917 год

Как известно, консерватории¹ впервые начали открываться в XVI веке в Италии в качестве приютов для детей-сирот, которых обучали навыкам различных профессий, в том числе и музыкальному искусству. Но статус высшего профессионального образования консерватории стали получать с XVIII века, когда музыкальная культура начала широко распространяться, и возникла необходимость в подготовке профессиональных певцов и исполнителей на музыкальных инструментах².

В России в это время тоже набирают силу идеи об организации специальных музыкальных учебных заведений. Известно, что князь Григорий Александрович Потёмкин планировал открыть консерваторию в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Историки описывают также такие проекты по организации высшего профессионального музыкального образования, как Музыкальная консерватория (1819) Фридриха Шольца (1787–1830); Музыкальная академия (1850) Алексея Федоровича Львова (1798–1870)³ и Модеста Андреевича Корфа (1800–1876). К началу XIX века в стране уже функционировали профессиональные музыкальные учебные заведения, где обучались певцы, инструменталисты и регенты: Синодальное училище в Москве, Придворная певческая капелла в Санкт-Петербурге.

Важную роль в создании отечественных консерваторий сыграло Русское музыкальное общество⁴, открытое по инициативе композитора,

1 Значение слова консерватория было заимствовано от итальянского conservatorio, образованного от латинского conservare – сохранять. Подробнее об этом см.: [1].

2 См.: [2].

3 О деятельности А.Ф.Львова см.: [3].

4 С 1859 по 1869 годы — Русское музыкальное общество (РМО); С 1869 по 1917 годы — Императорское русское музыкальное общество (ИРМО).

пианиста, дирижера Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894). Исследователи подчёркивают, что это событие «стало логическим и закономерным следствием почти векового развития музыкальной культуры России» [4, с. 10]. Члены Русского музыкального общества ставили цель «содействовать распространению музыкального образования в России, способствовать развитию всех отраслей музыкального искусства и поощрять способных русских художников (сочинителей и исполнителей) и преподавателей музыкальных предметов» [5, с. 1].

Постепенно отделения общества открывались и в других городах. В 1860 году открылось Московское отделение. Чуть позже в Киеве и Харькове (1863), Казани (1863–1864), Саратове (1865), Воронеже (1868). На базе отделений Русского музыкального общества стали функционировать музыкальные классы, где обучали пению, а также игре на музыкальных инструментах. Интересно, что в то время, как и сейчас, наиболее востребованы были классы вокала и игры на фортепиано, а «желавших пользоваться уроками на скрипке и музыкальной композиции было весьма незначительно; еще меньше было желающих брать уроки на виолончели»⁵. Постепенно школы преобразовывались в училища, некоторые из которых в будущем выросли в институты или консерватории.

В начале XX века в Российской империи действовали семь консерваторий – в Киеве, Москве, Одессе, Санкт-Петербурге, Саратове, Тбилиси, Харькове. Мы считаем уместным сделать краткий обзор, в котором будем придерживаться хронологического порядка по дате первого официального упоминания музыкального учебного заведения в статусе консерватории. Также приведем имена ключевых фигур, связанных с созданием учебных заведений и первыми преподавателями, которые стояли у основания традиций консерваторского образования.

Санкт-Петербургская консерватория (ныне Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова) – первая консерватория в России была основана в 1862 году на базе музыкальных классов Русского музыкального общества, действовавших в 1859–1862 годах⁶. Основателем консерватории выступил Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894), который привлёк к преподавательской деятельности ведущих отечественных и зарубежных музыкантов. В числе первых профессоров были пианист Антон Августович Герке (1812–1870), композитор Николай Иванович Заремба (1821–1879), скрипач и композитор Генрик Венявский (1835–1880), скрипач Леопольд Семенович Ауэр (1845–1930), певица Генриетта Ниссен-Саломан (1819–1879), польский пианист и композитор Теодор Лешетицкий (1830–1915).

За свою историю название консерватории менялось несколько раз:

5 Об этом см.: [6, с. 24].

6 Подробнее см.: [7, с. 19].

Санкт-Петербургская консерватория (с 1862), Петроградская консерватория (с 1914), Ленинградская государственная консерватория (с 1924), Ленинградская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова (с 1944)⁷. Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова (с 1992).

Подчеркнём, что с 1995 года Петербургская консерватория включена в свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации⁸.

Московская консерватория (ныне Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского) основана в 1866 году. Инициатором её создания выступил Николай Григорьевич Рубинштейн (1835–1881); соучредителем являлся князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938). До этого в период 1860–1866 гг. в Москве функционировали музыкальные классы, на базе которых с 1866 года консерватория начала деятельность как высшее учебное заведение.

С первых лет в консерватории преподавали ведущие музыканты и композиторы того времени. Среди первых преподавателей: пианист и композитор Александр Иванович Дюбюк (1812–1898), пианист Антон Андреевич Доор (1833–1919), композитор, дирижер и пианист Карл (Кирилл) Эдуардович Вебер (1834–1913), певица Александра Дормидонтовна Кочетова-Александрова (1833–1902). В разные годы приглашались зарубежные исполнители: итальянские певцы Джакомо Гальвани (1825–1889) и Умберто Мазетти (1869–1919), чешско-русский скрипач Иван (Ян) Войтехович Гржимали (1844–1915).

С 1940 года Московская консерватория носит имя русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840–1893)⁹.

Саратовская консерватория (ныне Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова) была официально открыта в 1912 году. Её становлению предшествовал длительный этап развития музыкального образования в регионе: в 1873–1895 гг. учреждение функционировало в форме музыкальных классов, которые в 1895 году были реорганизованы в музыкальное училище и в этом статусе существовали до 1912 года. В первые годы своей деятельности консерватория носила наименование Алексеевской – в честь наследника престола цесаревича Алексея. Директором был

7 В годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1944 годы консерватория находилась в эвакуации в Ташкенте. В сотрудничестве с Ташкентской консерваторией Ленинградская консерватория продолжала и преподавательскую, и научную и творческую деятельность.

8 Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 1995 года № 1219 «О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации».

9 В годы эвакуации с 1941 по 1943 годы Московская консерватория была временно объединена с Саратовской консерваторией под общим названием Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского.

назначен пианист и дирижер Станислав Каспарович Экснер (1859–1934), которому удалось привлечь к преподаванию в консерватории выдающихся российских музыкантов, среди которых камерная и оперная певица Алевтина Михайловна Пасхалова (1875–1953), композитор и теоретик музыки Георгий Эдуардович Конюс (1862–1933), пианист и дирижер Юзеф (Иосиф Иванович) Сливинский (1865–1930), композитор Леопольд Морицевич Рудольф (1877–1938).

В 1924 году статус консерватории был снижен до музыкального техникума, но в 1935 году ей снова вернули статус высшего учебного заведения и присвоили имя выдающегося представителя русской классической вокальной школы Леонида Витальевича Собинова (1872–1934). Название, которое консерватория носит по сей день – Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова

В Императорской России были также открыты консерватории, которые нынче входят в систему музыкального образования зарубежных стран: в 1913 году **Киевская** (Национальная музыкальная академия Украины) и **Одесская** (Одесская национальная музыкальная академия им. А.В. Неждановой), в 1917 году **Харьковская** (Харьковский национальный университет искусств имени И.П. Котляревского) и **Тбилисская** (Тбилисская государственная консерватория имени Вано Сараджишвили).

1917-1991

Далее мы рассмотрим, как формировался институт консерваторского образования в советский период. Культурная политика советского государства с самого начала была нацелена на формирование нового культурно-образованного человека и продолжала идеи, которые были заложены Русским музыкальным обществом еще в середине XIX века. Система музыкального образования получает широкую государственную поддержку. Музыкальные школы и училища открываются по всей территории Советского Союза. Формируется трехступенчатая модель музыкального образования: Музыкальная школа; Музыкальное училище/колледж; Консерватория/институт.

Важно подчеркнуть, что в рамках консерваторского образования уже тогда решался широкий спектр задач, среди которых: подготовка профессиональных исполнителей; воспитание педагогических кадров; поддержка молодых композиторов и создание условий для развития отечественной композиторской школы; проведение научно-исследовательской работы; организация конкурсной и фестивальной деятельности.

В советский период список консерваторий существенно пополняется. Консерваторское образование становится доступным в таких крупных городах России, как Астрахань, Горький (ныне Нижний Новгород), Казань, Новосибирск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Свердловск (ныне Екатеринбург). Также консерватории открываются в столицах союзных республик Алма-Ате, Баку, Вильнюсе, Ереване, Кишинёве, Минске, Риге,

Таллине, Ташкенте.

Приводя краткие сведения об этих консерваториях, мы также будем придерживаться хронологического принципа.

Свердловская консерватория (ныне Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского) была основана в 1934 году и стала первым высшим музыкальным учебным заведением на всей территории СССР восточнее Поволжья. До этого с 1916 года в городе функционировало музыкальное училище, организованное на базе классов Императорского русского музыкального общества.

Основатели вуза – композитор, пианист Маркиан Петрович Фролов (1892–1944) и композитор, дирижер, основоположник уральской музыкально-теоретической школы Виктор Николаевич Трамбицкий (1895–1970). В числе первых педагогов были представители консерваторий Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Тбилиси, Московского музыкально-драматического и Синодального училищ, а также Придворной певческой капеллы, среди которых: оперные певцы Егор Егорович Егоров (1877–1949) и Михаил Михайлович Уместнов (1879–1948), пианист Генрих Густавович Нейгауз (1888–1964), флейтист, дирижер, хормейстер Николай Романович Бакалейников (1881–1957).

В 1939 году к столетию со дня рождения русского композитора Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881), консерватории было присвоено его имя. С 1945 года Свердловская консерватория называется Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского.

Казанская консерватория (ныне Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова) ведёт свою историю с 1945 года. Консерватория сформировалась как один из ключевых центров профессионального музыкального образования в Поволжье. Её создание связано с именем Назиба Гаязович Жиганова (1911–1988) – крупного композитора и заметного деятеля музыкальной культуры, который стал не только инициатором открытия консерватории, но и его первым руководителем.

В первые годы работы консерватории большой вклад внесли музыканты Ленинграда и Москвы, эвакуированные во время войны в Казань. Это композиторы Михаил Алексеевич Юдин (1893–1948) и Генрих Ильич Литинский (1901–1985), пианист Григорий Михайлович Коган (1901–1979), пианистка-концертмейстер Минна Давыдовна Берлин-Печникова (1892–1969), оперные певицы Ванда Адольфовна Рошковская (1882–1940) и Екатерина Георгиевна Ковелькова (1876–1963) [8].

С 2001 года консерватория носит имя первого директора и по сей день называется Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова.

Горьковская консерватория (ныне Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки) начала свою деятельность в 1946 году. Первым ректором был музыкант Александр Абрамович Коган

(1899–1992). Для преподавания приглашались, прежде всего, выпускники Московской и Ленинградской консерваторий. Среди них – музыковед Игорь Владимирович Способин (1900–1954), оперный певец Борис Семёнович Вепринский (1883–?), композитор и дирижер Александр Александрович Касьянов (1891–1982), музыковед и музыкальный критик Даниэль Владимирович Житомирский (1906–1992).

В 1957 году консерватории было присвоено имя русского композитора Михаила Ивановича Глинки (1804–1857). С 1990 году она называется Нижегородской государственной консерваторией имени М. И. Глинки.

Новосибирская консерватория (ныне Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки) основана в 1956 году и стала первым музыкальным высшим учебным заведением в Сибири. До сих пор она остаётся единственной консерваторией за Уралом. Первым ректором был назначен пианист и музыковед Николай Федорович Орлов (1900–1976). В числе первых преподавателей были выдающиеся музыканты: виолончелист Григорий Ильич Пеккер (1905–1983), скрипач Леонид Николаевич Шевчук (1899–1974), пианист Евсей Михайлович Зингер (1911–1977) и певица Лидия Владимировна Мясникова (1911–2005)¹⁰.

В 2001 году консерватория получила статус академии – Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М.И. Глинки, но в 2014 году ей вернули первоначальное название – Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки.

Петрозаводская консерватория (ныне Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова) ведёт свою историю с 1967 года, когда было создано учебное подразделение в статусе Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова. Первым ректором консерватории стал музыковед Георгий Ильич Лапчинский (1920–2000).

В первые годы работы были приглашены ведущие представители ленинградской исполнительской школы: пианист Павел Алексеевич Серебряков (1909–1977), альтист Юрий Маркович Крамаров (1929–1982), виолончелист Алексей Алексеевич Лазько (1925–2016), трубач Юрий Андреевич Большиянов (1922–2004).

В 1991 году консерватория преобразована в самостоятельный вуз – Петрозаводскую государственную консерваторию. В 2003 году ей было присвоено имя выдающегося русского композитора и дирижёра Александра Константиновича Глазунова (1865–1936). По настоящее время учебное заведение действует как Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова.

Ростовская консерватория (ныне Ростовская государственная консерватория имени С. В. Рахманинова) была открыта в 1967 году как Ро-

10 См. больше: [9].

стовский государственный музыкально-педагогический институт. Руководство было поручено хоровому дирижеру, выпускнику Ленинградской консерватории Владимиру Германовичу Шипулину (1924–1979). Первые кафедры открывали прославленные исполнители и педагоги: певец Александр Павлович Зданович (1902–1982), пианист Всеволод Владимирович Топилин (1908–1970), скрипач Александр Наумович Амитон (1911–1969), хоровой дирижер Владимир Германович Шипулин (1924–1979).

В 1992 году институт получил статус консерватории, одновременно было закреплено имя русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943). По сей день консерватория действует как Ростовская государственная консерватория имени С.В. Рахманинова.

Астраханская консерватория (ныне Астраханская государственная консерватория) начала свою деятельность в 1969 году. Процесс её становления был обусловлен усилиями ряда крупных деятелей музыкальной культуры, среди которых значительное место занимают музыковед и фольклорист Марк (Мейр) Аронович Этингер (1922–2003), композитор Александр Николаевич Холминов (1925–2015) и оперная певица Мария Петровна Максакова (1902–1974), принимавшие активное участие в организационном и творческом формировании нового высшего учебного заведения. Среди первых преподавателей певица Наталья Николаевна Лучинина (1914–1985), композитор, воспитанник Московской консерватории Анатолий Федорович Ушкарев (1928–2008) и другие. В настоящее время консерватория функционирует как Астраханская государственная консерватория.

В список консерваторий, открытых в СССР, считаем уместным включить и те, которые были открыты в столицах союзных республик, но сегодня не входят в систему высшего музыкального образования России. Среди них, открытые в 1919 году **Латвийская** (ныне Латвийская музыкальная академия имени Язепса Витолса), **Таллиннская** (ныне Эстонская академия музыки и театра), **Кишинёвская** (ныне Академия Музыки, Театра и Изобразительных искусств); в 1921 году **Азербайджанская** (ныне Бакинская музыкальная академия имени Узеира Гаджибекова); в 1923 году **Ереванская** (ныне Ереванская государственная консерватория имени Комитаса); в 1932 году **Белорусская** (ныне Белорусская государственная академия музыки); в 1936 году **Ташкентская** (ныне Государственная консерватория Узбекистана); в 1944 году **Алма-Атинская консерватория** (ныне Казахская национальная консерватория имени Курмангазы); в 1949 году **Литовская** (ныне Литовская академия музыки и театра).

Современная Россия

В первых двух частях мы проследили, как формировался институт консерваторского образования в России, какие идеи лежали в основе, какие имена были вдохновителями и организаторами. Как видим, особенно бурное развитие и поддержку музыкальное образование получает в советское

время. Говоря о сегодняшней системе консерваторского образования, следует подчеркнуть, что она впитала в себя эти традиции. В современной России действует двенадцать консерваторий. Кроме тех, о которых мы привели сведения выше, в постсоветское время были открыты еще три консерватории – в Волгограде, Магнитогорске, Тольятти. Приведем краткие сведения и о них.

Магнитогорская консерватория (ныне Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М.И. Глинки) открылась в 1996 году, но истоки ее создания ведут от Магнитогорского музыкального училища имени Михала Ивановича Глинки (1804–1857), основанного в 1939 году. В 1930–40-е годы музыкальная культура Магнитогорска формировалась усилиями выпускников Московской консерватории, при активном участии которых открывались музыкальные учебные заведения и работали самодеятельные коллективы. Так, в 1934 году в Магнитогорске открылась первая музыкальная школа, набирающая не только детей, но и взрослых¹¹.

В 1993 году по инициативе оперно-симфонического дирижера Александра Николаевича Якупова (род. 1951) совместно с его коллегами пианисткой Натальей Николаевной Веремеенко (род. 1950) и скрипачом Марком Моисеевичем Берляничком (1926–2018) было проведено преобразование училища в Магнитогорский государственный музыкально-педагогический институт имени М. И. Глинки. В 1996 году институту был присвоен статус консерватории. В 2005 году она реорганизовалась в Магнитогорскую государственную консерваторию (академию) имени М.И. Глинки.

Волгоградская консерватория (ныне Волгоградская государственная консерватория имени П.А. Серебрякова) ведёт свою историю от музыкальных классов Русского музыкального общества, открытым в 1911 году в Царицыне. В 1917 г. на их основе было создано Царицынское музыкальное училище. В 1918 г. училище было реорганизовано в Первое советское музыкальное училище имени Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750). В 1923 году оно получило наименование Царицынского музыкального техникума, а в 1925 году – Сталинградского музыкального техникума. В 1936 году учебному заведению было возвращено название музыкального училища.

Согласно сведениям с официального сайта Волгоградской консерватории, в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления Сталинграда (1941–1956) деятельность училища была прервана. Новый этап его истории начинается с 1957 года, когда было возобновлено Сталинградское музыкальное училище. В 1961 году оно было переименовано в Волгоградское музыкальное училище, а в 1963 году – в Волгоградское училище искусств.

В 1989 году училищу было присвоено имя народного артиста СССР, выдающегося пианиста и выпускника Ленинградской государственной

11 См. больше: [10].

консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, Павла Алексеевича Серебрякова (1909–1977), который был в числе первых преподавателей учебного заведения. Также нам известны имена певицы Яковлевой Антонины Сергеевны (1937–2016), композитора Климова Анатолия Васильевича (1934–2017).

В 1994 году Волгоградское училище искусств получило статус высшего учебного заведения и было преобразовано в Волгоградский институт искусств имени П.А. Серебрякова. С 2013 года вуз функционирует как Волгоградская государственная консерватория имени П.А. Серебрякова.

Тольяттинская консерватория была открыта в 2012 году. Официальное становление системы музыкального образования в Тольятти относится к 1955 году, когда была открыта первая музыкальная школа, положившая начало формированию муниципальной инфраструктуры в данной сфере. Инициатором и первым директором школы был замечательный музыкант Евгений Михайлович Журавлев (1925–2001).

Развитие музыкального образования в Тольятти происходило в условиях активной трансформации городского пространства и социально-культурной среды. В 1977 году начал функционировать «Лицей искусств». В 1995 году в структуре Лицея была введена ступень среднего профессионального образования. Центром формирующейся системы музыкального образования стало открытие в 1998 году Тольяттинского института искусств, который с 2012 года получил статус Тольяттинской консерватории¹².

Насколько нам известно, сегодня Тольяттинская консерватория входит в состав Поволжской академии образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского.

Заключение

Таким образом, сегодня в России действуют двенадцать консерваторий: в Астрахани, Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Магнитогорске, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саратове, Петрозаводске.

Следует уточнить, что в рамках нашей статьи мы ограничились рассмотрением только тех учебных заведений, которые известны в статусе именно консерваторий. Но, конечно, к системе высшего музыкального образования относятся и институты, и академии, и университеты, которые тоже ведут подготовку кадров, проводят научно-исследовательскую работу, реализуют конкурсную-фестивальную деятельность. К таким вузам относятся: Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова (Москва), Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово), Краснодарский государственный институт культуры (Краснодар), Московский государственный институт музыки

¹² В статье приводится подробный исторический обзор становления профессионального музыкального образования в Тольятти: [11].

имени А.Г. Шнитке (Москва), Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей (Оренбург), Российская академия музыки имени Гнесиных (Москва), Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (Красноярск), Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмаилова (Уфа), Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск), и другие.

Проведённый исторический обзор позволяет проследить процесс формирования и развития системы консерваторского образования в России на протяжении более чем полутора столетий. Анализ исторических источников и сведений о музыкальных учебных заведениях показывает, что становление профессионального музыкального образования было тесно связано с общими культурными и социальными процессами, происходившими в стране. Еще раз подчеркнем ключевую роль Русского музыкального общества в формировании системы консерваторий в Императорской России. Организованные им музыкальные классы в разных городах становились основой для открытия первых российских консерваторий.

Ведущими центрами формирования профессиональной музыкальной школы в середине XIX века стали Санкт-Петербургская и Московская консерватории. Именно их выпускники и преподаватели принимали активное участие в организации высшего музыкального образования в различных регионах Российской империи, а затем и Советского Союза. Так складывалась система преемственности музыкальных школ, исполнительской, педагогической и научно-исследовательской деятельности. В том числе и в советское время, когда консерваторское образование развивалось особенно интенсивно. Современные консерватории наследуют эти традиции.

Библиографический список

1. Сергеева Е.А. Консерватория как центр подготовки профессиональных вокалистов // Журнал изящных искусств. Наука и образование. 2024. № 1. С. 10-18.
2. Орлова Н.Х., Сергеева Е.А. Некоторые условия формирования профессионально-оперного певца: от педагогики прошлого к требованиям современности // Вестник Академии русского балета им. Вагановой. 2023. № 4 (87). С. 50-67.
3. Орлова Н.Х., Ушакова А.В. Значение творческой деятельности А.Ф. Львова в становлении музыкальной духовной культуры // Культурное наследие России. 2024. № 1 (44). С. 100-105.
4. Полоцкая Е.Е. Русское музыкальное общество: предыстория, организационное устройство, сферы деятельности // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2019. № 17. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-muzykalnoe-obschestvo-predystoriya-organizatsionnoe-ustroystvo-sfery-deyatelnosti> (Дата обращения: 21.02.2026).
5. Устав Русского музыкального общества. – СПб.: 1873. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003545619/?ysclid=mn5u4irxjo36790446 (Дата обращения: 14.02.2026).
6. Финдейзен Н.Ф. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества (1859-1909). – СПб.: 1909.
7. Пузыревский А.И. Очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургской консерватории / Сост. А.И. Пузыревский и Л.А. Саккетти; Рус. муз. о-во. С.-Петерб. отд.-ние. 2-е изд., доп. и испр. Петроград: 1914.

8. Бахтиярова Ч. Путь длиною в 30 лет // Советская музыка. 1975. № 12 (445). С. 104-106.
9. Робустова Л.П. Система педагогической подготовки студентов Новосибирской консерватории: история и современность // Вестник музыкальной науки. 2023. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-pedagogicheskoy-podgotovki-studentov-novosibirskoy-konservatorii-istoriya-i-sovremennost> (Дата обращения: 13.02.2026).
10. Гун Г.Е. Музыкальная культура индустриального города (на примере Магнитогорска) // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2021. № 25. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-kultura-industrialnogo-goroda-na-primere-magnitogorska> (Дата обращения: 13.02.2026).
11. Куприна Е.Ю. Музыкальное образование Тольятти: ретроспектива и перспектива (65-летию художественного образования Ставрополя-на-Волге-Тольятти посвящается) // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2020. № 23. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnoe-obrazovanie-tolyatti-retrospektiva-i-perspektiva-65-letiyu-hudozhestvennogo-obrazovaniya-stavropolya-na-volge-tolyatti> (Дата обращения: 14.02.2026).
12. Муталимов А.Э. Многоязычный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.

References

1. Sergeeva E.A. The Conservatory as a Center for Training Professional Vocalists // Journal of Fine Arts. Science and Education. 2024. № 1. P. 10-18.
2. Orlova N.Kh., Sergeeva E.A. Some Conditions for the Development of a Professional Opera Singer: From the Pedagogy of the Past to the Requirements of the Present // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2023. № 4 (87). P. 50-67.
3. Orlova N.Kh., Ushakova A.V. The Significance of A.F. Lvov's Creative Activity in the Development of Musical Spiritual Culture // Cultural Heritage of Russia. 2024. № 1 (44). P. 100-105.
4. Polotskaya E.E. Russian Musical Society: Prehistory, Organizational Structure, Spheres of Activity // Music in the Cultural System: Scientific Bulletin of the Ural Conservatory. 2019. № 17. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-muzykalnoe-obschestvo-predystoriya-organizatsionnoe-ustroystvo-sfery-deyatelnosti> (02.21.2026).
5. Charter of the Russian Musical Society. – St. Petersburg. 1873. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003545619/?ysclid=mn5u4irxjo36790446 (02.14.2026).
6. Findeisen N.F. Essay on the activities of the St. Petersburg branch of the Imperial Russian Musical Society (1859-1909). – St. Petersburg: 1909.
7. Puzyrevsky A.I. An Essay on the Fiftieth Anniversary of the St. Petersburg Conservatory / Comp. A.I. Puzyrevsky and L.A. Sacchetti; Russian Music Society. St. Petersburg Department. 2nd ed., supplemented and corrected. Petrograd: 1914.
8. Bakhtiyarova Ch. A 30-Year Journey // Sovetskaya Muzyka. 1975. № 12 (445). P. 104-106.
9. Robustova L.P. The System of Pedagogical Training of Students at the Novosibirsk Conservatory: History and Modernity // Bulletin of Musical Science. 2023. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-pedagogicheskoy-podgotovki-studentov-novosibirskoy-konservatorii-istoriya-i-sovremennost> (13.02.2026).
10. Gun G.E. Musical Culture of an Industrial City (using Magnitogorsk as an Example) // Music in the Cultural System: Scientific Bulletin of the Ural Conservatory. 2021. № 25. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-kultura-industrialnogo-goroda-na-primere-magnitogorska> (13.02.2026).
11. Kuprina E.Yu. Musical education in Tolyatti: retrospective and prospect (dedicated to the 65th anniversary of art education in Stavropol-on-Volga-Tolyatti) // Music in the system of culture: Scientific bulletin of the Ural Conservatory. 2020. № 23. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnoe-obrazovanie-tolyatti-retrospektiva-i-perspektiva-65-letiyu-khudozhestvennogo-obrazovaniya-stavropolya-na-volge-tolyatti> (14.02.2026).
12. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.

Смердов М.И.

Председатель Ирбитского местного отделения Свердловского областного отделения, Русское географическое общество, г. Ирбит.

Изучение истории Ирбитской ярмарки*

Аннотация. В статье рассматривается изучение всероссийской Ирбитской ярмарки с середины XVIII в. по сегодняшний день. Научное изучение истории Ирбита и Ирбитской ярмарки восходит к Г.Ф. Миллеру, который в своей фундаментальной «Истории Сибири» освятил возникновение Ирбитской слободы. Впоследствии историю всероссийской Ирбитской ярмарки изучали известный уральский краевед Н.К. Чупин, советский историк В.А. Александров, географ Л.Е. Иофе и другие историки и краеведы. Л.Е. Иофе ввел в научный оборот понятие «загадка» Ирбита – проблема огромного экономического значения Ирбитской ярмарки и ее устойчивости при невыразительном экономико-географическом положении города, которая остается нерешенной по сегодняшний день. Современная историография Ирбитской ярмарки характеризуется началом изучения древнего менового торгового места на месте современного Ирбита и появлением работ, посвященных очередному возрождению Ирбитской ярмарки.

Ключевые слова: Ирбитская ярмарка, «загадка» Ирбита, древний меновой торговый пункт на месте современного Ирбита, научное ирбитоведение.

Smerdov M.I.

Chairman of the Irbit local branch of the Sverdlovsk regional branch, Russian Geographical Society, Irbit.

Studying the history of the Irbit fair

Abstract. This article examines the All-Russian Irbit Fair from the mid-18th century to the present day. Scholarly study of the history of Irbit and the Irbit Fair dates back to G.F. Miller, who in his fundamental “History of Siberia” chronicled the emergence of the Irbit settlement. Subsequently, the history of the All-Russian Irbit Fair was studied by the renowned Ural regional historian N.K. Chupin, the Soviet historian V.A. Aleksandrov, the geographer L.E. Iofe, and other historians and regional specialists. L.E. Iofe introduced the concept of the “riddle” of Irbit into scholarly circulation – the problem of the Irbit Fair’s enormous economic significance and its sustainability, given the city’s unimpressive economic and geographical location – a problem that remains unresolved to this day. Modern historiography of the Irbit Fair is characterized by the beginning of research into the ancient barter fair on the site of modern-day Irbit and the appearance of works dedicated to the revival of the Irbit Fair.

Key words: Irbit fair, “riddle” of Irbit, ancient barter fair on the site of modern Irbit, scientific Irbit studies.

* © Смердов М.И., 2026.

Научное изучение истории Ирбита и Ирбитской ярмарки восходит к Г.Ф. Миллеру. В результате путешествия по Сибири в 1733–1742 гг. и анкет, посланных позднее в разные сибирские города, Миллер собрал большой и интересный материал по истории Ирбитской слободы. В своей фундаментальной «Истории Сибири» он освятил историю русского освоения Зауралья и, в частности, возникновения Ирбитской слободы [41, с. 78–80].

Дело Миллера продолжил И.Э. Фишер, который основное внимание уделил Ирбитской ярмарке. Ее описание в «Сибирской истории» является кратким пересказом описания ярмарки И.Г. Гмелиным [62, с. 311–312]. В работах конца XVIII – начала XIX в. главным образом писалось о современном состоянии Ирбитской слободы и ярмарки; исторические справки делались по материалам Миллера.

С середины XIX в. начался новый этап в изучении прошлого Ирбита. Хотя в это время Ирбитская ярмарка приближалась к зениту своей славы, прошлое города было мало известно не только широкой публике, но и специалистам. Писатель Е.А. Вердеревский по поводу такого отношения к истории «медвежьих уголков» писал: «Как не избита фраза, что равнодушны мы к тому, что творится на дальних концах нашей великой Руси, а все, волей – неволей, приходится повторять ее. Изредка какой-нибудь фельетон передаст нам несколько легоньких заметок о той или иной провинции; изредка, но с тем большим удовольствием, пробежим мы, в том или ином журнале, несколько дельных заметок по части этнографии или статистики – вот и все, чем должны мы удовлетвориться» [Цит. по: 1, с. 14].

В 1849 г. Вердеревский опубликовал в «Отечественных записках» статью «Ирбитская ярмарка»; немало страниц он уделил Ирбиту в своей книге «От Зауралья до Закавказья» (Москва, 1857). Писатель дал оригинальную трактовку возвышения Ирбитской ярмарки, подойдя к вопросу с точки зрения потребностей сибирской промышленности.

Однако главная особенность второго этапа в изучении прошлого Ирбита заключалась в том, что в 40-е годы XIX в. родилось «краеведческое направление» в изучении города и ярмарки. В это время в «Актах исторических» и дополнениях к ним были опубликованы документальные материалы по истории Ирбитской слободы XVII в., что создало прочную источниковую базу для развития краеведения. Значительные успехи в изучении прошлого Ирбита были достигнуты в 60–70-е годы XIX в.: вышли работы С.И. Сигова, Н.К. Чупина, Н.Е. Эйгера, А.Г. Хитрова [47, 60, 61, 64, 58]. Наибольшую ценность представляют работы Н.К. Чупина и А.Г. Хитрова.

Хитров стал первым, кто сформулировал «проблему» или «загадку» Ирбита (не используя этот термин). В начале своей книги «К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки» он писал: «После всего сказанного неволь-

но рождается вопрос: что благоприятствовало развитию ярмарки на первых порах ее существования, какие причины удерживали ее здесь в настоящее время и удерживают в настоящее время, несмотря на единичные усилия и желания опровергнуть необходимость существования ее, как будто бы историческую ошибку» [58, с. 16]. Ниже Хитров вновь вернулся к этому вопросу: «...но ярмарки устанавливаются помимо единичных соображений и односторонних усилий, а в силу какой-то роковой случайности, которая более и красноречивее всего говорит о необходимости ярмарки в том или другом месте в то или другое время» [Там же, с. 51–52].

Завершая книгу, Хитров писал: «Что же за причины, удержавшие и удерживающие ярмарку в Ирбита? Вот вопрос, который приводится задавать во второй раз, после всего сказанного, и на который слишком трудно отвечать с положительностью. Ярмарки, как и ранее было сказано, возникают и развиваются случайно, в силу различных торговых комбинаций, в силу какой-то роковой необходимости, и уж во всяком случае помимо административных и всяких других единичных соображений» [Там же, с. 78].

Книга А.Г. Хитрова «К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки» стала самым серьезным трудом во всей дореволюционной историографии, посвященной Ирбитской ярмарке. 20–30-е годы XX века не оставили заметного следа в историографии Ирбита. Единственным исключением стала книга С.А. Куклина «Звери и птицы Урала и охота на них», в которой содержится серьезный анализ Ирбитской пушной ярмарки. Именно Куклин отметил, что Ирбитская ярмарка получила неофициальное название «Зеркало пушнины» [38, с. 12].

Перелом в изучении истории Ирбита и Ирбитской ярмарки наступил в конце 40-х – начале 50-х годов после выхода книги В.И. Шумкова по истории колонизации Сибири [63], в которой содержался ряд сюжетов по истории Ирбита. Серьезный анализ социально-экономического развития Ирбита провел Л.Е. Иофе в своем капитальном труде «Города Урала» [32]. В начале своего описания Ирбита, он был вынужден признать: «Объяснить экономическое значение этого пункта представляется задачей не очень легкой» [Там же, с. 75]. Формулируя проблему огромного экономического значения Ирбитской ярмарки и ее устойчивости при невыразительном экономико-географическом положении города, Иофе использовал термин «загадка» Ирбита. Он писал: «Между тем ярмарка, как говорилось выше, получила всероссийское значение и проявила значительную устойчивость, несмотря на многочисленные впоследствии попытки перенести ее в более, казалось бы, удобные места. [...] Однако здесь мы имеем интересный в теоретическом отношении пример, указывающий, как это будет видно из дальнейшего, на недостаточность обычных представлений о выгодах экономико-географического положения – представлений, не учитывающих

частных интересов различных социальных групп. Загадка местонахождения Ирбитской ярмарки настолько поражала некоторых авторов, что они даже писали о том, что ярмарки вообще устанавливаются «в силу какой-то роковой случайности» [Там же, с. 132–133].

В 1959 г. вышла первая в советской историографии отдельная книга по истории Ирбита, написанная в научно-популярной форме [9]. Ее авторы, В.Н. Бойко и Я.Л. Герштейн, подвели определенный итог в изучении истории города.

В 60-е годы проблемы Ирбита касались ученые О.Н. Вилков, М.М. Громыко, А.А. Кондрашев и др. [15, 21, 37]. Авторы рассматривали в основном земледельческие функции Ирбитской слободы. В 1974 г. журнал «История СССР» опубликовал статью В.А. Александрова «Начало Ирбитской ярмарки», написанную на основе исследования сохранившихся таможенных книг Ирбитской слободы 1696–1706 гг. [3]. В следующем году Средне-Уральское книжное издательство выпустило книгу Е.Г. Анимицы «Города Среднего Урала», в которой содержится интересный очерк истории Ирбита. Через два года это же издательство выпустило книгу Я.Л. Герштейна и А.И. Смирных «Ирбит» (переиздана в 1981 г.) [18].

Показателем высокой изученности прошлого Ирбита стал выход в 1981 г. историографической статьи О.Н. Вилкова и Д.Я. Резуна «К истории изучения Ирбита» [1]. Особое внимание авторы уделили проблеме датировки основания Ирбитской слободы и причинам возникновения и устойчивости Ирбитской ярмарки. Говоря о проблеме возникновения и устойчивости ярмарки, О.Н. Вилков и Д.Я. Резун из дореволюционных исследователей выделили концепцию А.Г. Хитрова, а из советских Л.Е. Иофе, В.Н. Бойко и Я.Л. Герштейна, В.А. Александрова; наиболее аргументированной они сочли концепцию Александрова. Подводя итог изучения прошлого Ирбита, О.Н. Вилков и Д.Я. Резун заключили, что «с XVIII в. и по наше время был проделан большой путь, собран большой фактический материал, созданы и проверены различные концепции Ирбита, и самое главное, история Ирбит перестала быть «загадкой» и была вписана с марксистских позиций в общий ход развития России XVII в.» [Там же, с. 33].

Вывод был преждевременный: история Ирбит не только не перестала быть «загадкой», но стала еще загадочней.

Постсоветский период в изучении Ирбитской ярмарки открылся изданием книги И.Я. Антропова «Были Ирбита» (Ирбит, 1992), в которой вышли устные предания об ирбитском торжище периода его расцвета. В самом конце 90-х годов вышел сборник «Ирбитский край в истории России», подготовленный учеными Урала и Сибири и местными краеведами. В нем были опубликованы статьи об Ирбитской ярмарке Д.Я. Резуна, М.Ф. Ершова и К.И. Зубкова [46, 27, 30].

В своей статье Д.Я. Резун упомянул о существовании на месте у татарских Ирбеевских юрт над Андреевским озером, где проходила «старая Казанская дорога» на Тюмень, древнего менового торгового угра-финского населения Урала с сибирскими татарами. «Поэтому с самого начала, – отметил ученый, – будущее Ирбита определяло не земледелие, а традиции давних торговых связей» [46, с. 68]. По большому счету, историография древнего торгового места современного Ирбита этим упоминанием и исчерпывается, так как другие исследователи, говоря о нем, ссылаются на Д.Я. Резуна.

В начале нулевых годов XXI в. научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва разрабатывалась «Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ирбита и его окружения». В рамках данной работы екатеринбургские ученые Е.В. Вершинин, Н.С. Корепанов и А.В. Дмитриев подготовили работу по истории всероссийской Ирбитской ярмарки с ее возникновения до прекращения функционирования в конце 1920-х годов. В 2003 г. вышла первая книга, которую подготовили Е.В. Вершинин и Н.С. Корепанов [34], в 2004 г. – вторая часть, написанная А.В. Дмитриевым [23], и в 2005 г. – завершающая, которую также подготовил А.В. Дмитриев [24]. В 2011 г. работа была издана в виде одной книги [13]. Это наиболее полное исследование всероссийской Ирбитской ярмарки. В ней был окончательно решен вопрос с датировкой основания Ирбитской слободы (1632 г.), а также доказана несостоятельность даты 1643 г., как официального утверждения царем Михаилом Федоровичем Ирбитской ярмарки.

В 2010 г. московский историк В.Е. Борисов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе». Она стала знаковой работой в научном ирбитоведении и прецедентом анализа локального сообщества на примере Ирбита.

В 2016 г. авторский коллектив в составе В.К. Аникина, С.Н. Вялковой, А.С. Ерёмкина, Н.А. Полушкина и В.К. Сухих подготовил подарочную книгу «Ирбитская ярмарка» [7]. Продолжаются исследования частных вопросов истории всероссийской Ирбитской ярмарки. В последние годы вышли статьи А.Н. Хохлова, О.А. Задорожной, С.А. Дианова, Ю.В. Диановой, Л.Н. Суловой, В.А. Аксеновой и др. [59, 29, 22, 53, 55, 52]. Помимо историков, Ирбит и Ирбитская ярмарка стали также объектом внимания культурологов. Н.Б. Граматчикова предприняла попытку реконструкции историко-культурного и меморативного ландшафта Ирбита по литературным и фольклорным материалам [19, 20].

В два последних десятилетия в книжной серии «Национальное достояние России» екатеринбургского издательства «Банк культурной инфор-

мации» вышли книги ирбитского краеведа В.К. Аникина, посвященные архитектуре ярмарочного Ирбита [4, 5, 6]. Под влиянием ярмарки в городе сложилась уникальная радиальная планировка улиц, расходящихся веером от гостиного двора.

В связи с проведением с 2003 г. в Ирбите ежегодной выставки-ярмарки, основным событием которой стал межрегиональный фестиваль народных промыслов и ремесел «Город мастеров», появляются публикации, в которых осмысливается очередное возрождение Ирбитской ярмарки [25, 26, 54, 57]. Отмечается ее преемственность от первых двух ирбитских ярмарок и следование в мировой традиции охотничьих и сельских ярмарок.

За прошедшую четверть века изучение Ирбита и Ирбитской ярмарки вышло на качественно новый уровень. Прошлое и сегодняшний день Ирбита стали объектом культурологического анализа, исследователи подошли вплотную к реконструкции древнего менового торгового места современного Ирбита и предприняты первые попытки проектного взгляда на возрождающуюся Ирбитскую ярмарку. Анализируются другие культурные феномены, связанные с Ирбитом. Все это позволяет говорить о формировании культурологи Ирбита, как города, главным достоянием которого становится его культурный потенциал.

Библиографический список / References

1. Вилков О.Н., Резун Д.Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981, с. 11-34.
2. Ильченко В.Н. Историография Ирбитского края (краткий очерк) // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000, с. 262-268.
3. Александров В.А. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. 1974. № 6, с. 35-56.
4. Аникин В.К. Ирбит торговый. Екатеринбург, 2021.
5. Аникин В.К. Кирпичное чудо Ирбита. Екатеринбург, 2010.
6. Аникин В.К. Усадьбы старого Ирбита. 2-е изд. Екатеринбург, 2024.
7. Аникин В.К. и др. Ирбитская ярмарка. Ирбит, 2016.
8. Антропов И.Я. Были Ирбита. Ирбит, 1992.
9. Бойко В.Н., Герштейн Я.Л. Ирбит. Свердловск, 1959.
10. Борисов В.Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – М.: 2010.
11. Вердеревский Е.А. Ирбитская ярмарка // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. IV, с. 14-15.
12. Вердеревский Е.А. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. – М.: 1857, с. 20-27.
13. Вершинин Е. и др. Ирбитская ярмарка. Екатеринбург, 2011.
14. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 1990.
15. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. – М.: 1967.
16. Герштейн Я.Л. Ирбит и его окрестности. Екатеринбург, 1995.
17. Герштейн Я.Л. Край наш ирбитский. Ирбит, 1998.
18. Герштейн Я.Л., Смирных А.И. Ирбит. Свердловск, 1981.
19. Граматчикова Н.Б. Историко-культурный ландшафт малого уральского города: образы ирбитской ярмарки в очеркистике XIX века // Вестник Тюменского государственного

университета. Серия: Гуманитарные исследования. Т. 7. № 4 (28). Тюмень, 2021, с. 115-135.

20. Граматчикова Н.Б. Реконструкция историко-культурного и меморативного ландшафта Ирбита по литературным и фольклорным материалам (вторая половина XIX–XX вв.) // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2022. С. 96-112.

21. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.

22. Дианов С.А., Дианова Ю.В. Первая в РСФСР: Ирбитская ярмарка в 1922 г. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10, с. 14-19.

23. Дмитриев А.В. Ирбитская ярмарка (1801–1917). Екатеринбург, 2004. (Очерки истории Урала; вып. 25).

24. Дмитриев А.В. Ирбитская ярмарка. Инородный эпизод. Екатеринбург, 2005. (Очерки истории Урала; вып. 34).

25. Еремин А. Миссия Ирбита // Беловодье. 2019. № 6, с. 3.

26. Еремин А. Третье рождение Ирбитской ярмарки // Беловодье. 2019. № 8, с. 2.

27. Ершов М.Ф. Ирбит и Ирбитская ярмарка в конце XVIII – начале 60-х годов XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000, с. 76-90.

28. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск, 2017.

29. Задорожная О.А. Ирбитская ярмарка и купечество Тобольской губернии (последней четверти XVIII – начала XIX вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2 (36), с. 16-20.

30. Зубков К.И. Ирбитская ярмарка на рубеже XIX–XX веков: факторы и этапы угасания // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000, с. 91-97.

31. Иконников В.А. О происхождении Ирбитской ярмарки // Ирбитская ярмарка. Справочная книжка на 1897 год. Ирбит, 1896.

32. Иофе Л.Е. Города Урала. Ч. 1. – М.: 1951.

33. Иофе Л.Е. История Урала в период капитализма. – М.: 1990.

34. Ирбитская ярмарка: Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII–XVIII веках. Екатеринбург, 2003. (Очерки истории Урала; вып. 20).

35. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. – М.: 1949.

36. Кандаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914.

37. Кондрашев А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1. Челябинск, 1966.

38. Куклин С.А. Звери и птицы Урала и охота на них. 2-е изд., испр. Свердловск, 1938.

39. Кушнарёва М.Д. Значение ярмарок в развитии пушной торговли (северо-восточная Сибирь во второй половине XIX начале XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84), с. 130-137.

40. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. III. – СПб., 1834, с. 78-79.

41. Миллер Г.Ф. Истории Сибири. Т. 2. – М.: 1941.

42. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

43. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. – М.: 1956.

44. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. – М.: 1972.

45. Резун Д.Я. Город Ирбит в XVIII – первой половине XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000, с. 67-75.

46. Резун Д.Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX вв. как явление русской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1 (15), с. 64-73.

47. Сигов С.И. Статьи об Ирбитской ярмарке // Ирбитский ярмарочный листок. 1868. № 13.

48. Смердов М.И. Ирбитская загадка // Уральский следопыт. 2021. № 2, с. 38-40.

49. Смердов М.И. Колыбель этноса // Уральский следопыт. 2024. № 5, с. 16-20.

50. Смердов М.И. Урочище каменной бабы: ярмарка «подле храма Золотой бабы» // Уральский следопыт. 2024. № 8, с. 26-30.

51. Смердов М.И. Главный промысел России // С заботой о будущем охотничьего хо-

заяйства России: Сб. материалов и документов. Ирбит, 2025, с. 21-22.

52. Смердов М.И. Ирбитская ярмарка: история и современность // Культура мира. 2026. Т. 14. Вып. 3 (54), с. 192-204.

53. Суслова Л.Н., Аксенова В.А. Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4, с. 467-487.

54. Сухих В.К. От ярмарки до ярмарки // Ярмарка в Ирбите: 380 лет истории... Ирбит, 2023, с. 40-53.

55. Сухих В.К. Великий чайный путь шел через Ирбит // Ярмарка в Ирбите: 380 лет истории... Ирбит, 2023, с. 28-39.

56. Тихонова Е.С. Ирбит торговый: Вехи истории // Ярмарка в Ирбите: 380 лет истории... Ирбит, 2023, с. 4-17.

57. Тихонова Е.С. Ирбитская ярмарка. XXI век. Возрождение // Ярмарка в Ирбите: 380 лет истории... Ирбит, 2023, с. 79-91

58. Хитров А. К истории г. Ирбити и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.

59. Хохлов А.Н. Китайские товары на Ирбитской ярмарке во второй половине XIX в. – начале XX в. // Общество и государство в Китае. 2015. № 2, с. 645-652.

60. Чупин Н.К. Начало Ирбити // Ирбитский ярмарочный листок. 1867. № 3.

61. Чупин Н.К. О начале ярмарки в Ирбити // Ирбитский ярмарочный листок. 1867. № 9.

62. Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири и до завоевания сей земли российским оружием... – СПб.: 1774.

63. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. – М.: 1946.

64. Эйгер Н. Некоторые сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии в ней торговли // Пермский сборник. Т. 2. Отд. III. – М.: 1860, с. 1-17.

Строганов Д.О.

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».

Дажьбог как верховный бог славян и предполагаемый герой одного славянского мифа*

Аннотация. Автор статьи доказывает, что в исходном славянском мифе, от которого произошли русская былина «Иван Гостиный сын» и болгарские песни на сюжет «юнак обгоняет солнце», роль солнца и князя Владимира исполнял Дажьбог. Также доказывается, что изначально Дажьбог являлся главой древнерусского пантеона и покровителем князей – а вовсе не Перун, возвысившийся лишь при Владимире Святославиче.

Ключевые слова: Дажьбог, Дажбог, Перун, Святovit, пантеон Владимира, «Иван Гостиный сын», «Слово о полку Игореве», славянская мифология, русский эпос, языческая реформа Владимира.

Stroganov D.O.

Postgraduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education".

Dazhdbog as the supreme deity of the Slavs and a presumed figure in a Slavic myth

Abstract. The author demonstrates that, in the original Slavic myth from which the Russian byлина *Ivan Gostinyi Syn* and the Bulgarian songs based on the plot "the hero outraces the sun" developed, Dazhdbog played the role later occupied by the Sun and Prince Vladimir. The article also demonstrates that Dazhdbog, rather than Perun, was originally the head of the pantheon of Ancient Rus' and the patron deity of princes; Perun rose to supremacy only under Vladimir Svyatoslavich.

Key words: Dazhdbog, Dazhboг, Perun, Svyatovit, Vladimir's pantheon, "Ivan the Gostiny Son", "The Tale of Igor's Campaign", Slavic mythology, Russian epic, Vladimir's pagan reform.

Введение

Былина «Иван Гостиный сын» примечательна прежде всего тем, что обычно бездеятельный князь Владимир играет в ней весьма активную

* © Строганов Д.О., 2026.

Дажьбог как верховный бог славян и предполагаемый герой одного славянского мифа

роль. Согласно наиболее полному (донскому) варианту былины, он соревнуется с главным героем, Иваном, в скачках [1, с. 166]. «Необычна роль князя Владимира: он не только на равных спорит с Иваном Гардиновичем “об своих-то о буйных об головушках”, но и сам участвует в скачке. В этом отношении казацкие варианты резко выделяются и среди всех былин «владиминова цикла», в которых, как известно, князь никогда даже не пытается принимать участие в каких-либо богатырских делах» [1, с. 167].

Фольклорист Ю. И. Смирнов, посвятивший ей заключительную (четвертую) главу монографии «Славянские эпические традиции», совершил подлинное открытие, выявив родство былины с болгарскими песнями, где Владимира в роли антагониста заменяет солнце [1, с. 174]. Вместе с тем он также обнаружил параллель к ним в «Младшей Эдде»: там роль князя/солнца исполняет Один – верховный уранический бог скандинавского пантеона. «Близость (но не тождественность) исландского рассказа и болгарских песен пока что позволяет лишь утверждать, что они действительно являются очень древними и, видимо, общими по своему происхождению. А это также означает, что сюжет “Юнак обгоняет солнце” можно считать праславянским» – заключает автор [1, с. 248–249].

Все это дает повод задуматься: что, если русская былина и болгарские песни произошли от праславянского мифа, в котором, как у исландцев, вместо князя Владимира и солнца фигурировал некий бог? В пользу этого говорит явный антропоморфизм светила: «Его антипод – солнце – очеловечен и не обладает ни одним сколько-нибудь заметным “солнечным” атрибутом» [1, с. 179]; у него есть мать, сестра и даже конь [1, с. 191]. Предположение наше кажется тем более вероятным, что славянская мифология знает божество, идеально подходящее на данную роль: подобное Одину (то есть сочетающее в себе ураническую природу и роль главы пантеона), а также сопоставимое с солнцем и князем Владимиром. Имя этому божеству – Дажьбог.

Методы

Цель настоящей статьи – показать, почему Дажьбог является наиболее вероятным кандидатом на роль Владимира/солнца/Одина в предполагаемом исходном славянском мифе. Чтобы достичь поставленной цели, нам необходимо решить ряд задач: во-первых, – доказать, что Дажьбог, как и Один, был верховным ураническим божеством, а также всадником; во-вторых, – обосновать его связь с солнцем. Для их решения мы прибегнем к сравнительно-мифологическому, контекстуально-семантическому и интертекстуальному анализам.

Исследование

Обычно в качестве главы восточнославянского Олимпа рассматривается громовник Перун [2, с. 431; 3, с. 138], хотя оснований для этого недостаточно. О том, что он занимал главенствующую роль среди богов,

свидетельствует всего один и притом крайне малонадежный источник. Источником этим является сочинение Прокопия Кесарийского – византийца, который жил в VI в., – известное как «История войн». «Ибо они (склавины и анты) считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных» – писал Прокопий [4, с. 183]. Однако неизвестно, что именно послужило Прокопию основанием для данного заключения.

Нельзя исключать, что Прокопий домыслил это, опираясь на хорошо известные ему языческие представления античных греков и римлян. Пропитируем А. Брюкнера, также ставившего под сомнение слова Прокопия: «Греческий Олимп был ему известен со школы, и он знал (тогда это было всеобщее представление), что боги – это воплощения сил природы, а язычество везде одинаковое, отсюда он вывел верховного бога-громовержца и особенные жертвы для него; целую фразу мог он вписать, не зная абсолютно ничего о действительной религии славян» (пер. М. В. Ковальковой) [5, с. 173]. Так комментируют рассказ Прокопия о вере славян Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский: «Обращает на себя внимание совпадение сообщения Прокопия о славянском (у него – верховном) божестве с формулами-характеристиками бога-громовержца в греческой поэзии, что подтверждает мысль о перенесении Прокопием своих представлений о язычестве на религию славян» [4, с. 221].

Как сторонний наблюдатель, Прокопий также мог ошибочно истолковать увиденное или услышанное им: «Прокопий из Кесарии мог судить о религии славян прежде всего по наблюдениям над жизнью военной дружины. Примеры отправления славянской дружиной культа бога-молниевержца, бога-воителя, покровительствовавшего дружине в дальнем походе и в битве, бросались в глаза наблюдателю и могли дать основание для заключения античного автора» – пишет А. П. Забияко [6, с. 253].

И даже если мы доверимся Прокопию, это не значит, что представление о верховенстве громовержца, характерное для одной группы славян, правомерно экстраполировать на вообще все славянские племена. «Прокопий имел информацию о той части словен и антов, которая концентрировалась к северу от дунайской границы Византийской империи и находилась в состоянии повышенной военной активности. Потому весьма естественно, что в их воззрениях громовник и воитель Перун вышел на первый план (что, по нашему мнению, неосторожно было бы распространять на верования славяноязычных насельников более отдаленных и «спокойных» районов)...» – считает М. А. Васильев [7, с. 212]. Из «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского, например, мы знаем, что свеонский пантеон возглавлял Тор [8, с. 97], тогда как, согласно Тациту и Снорри Стурлусону, древние германцы и скандинавы в качестве верховного божества почитали Одина/Водена (Меркурия) [9, с. 60; 10, с. 39].

Поэтому уверенно полагаться на сообщение Прокопия Кесарийского, решая вопрос о статусе Перуна в мифологии восточных славян, мы не можем.

Важно заметить, что одна лишь громовническая природа Перуна не определяет его как верховное божество – скорее наоборот. Во многих мифологиях (в том числе индоевропейских) громовержцы занимали второстепенное положение, а роль верховного божества отводилась иным фигурам. Если рассматривать только индоевропейские мифологии, то такую картину мы наблюдаем у скандинавов, балтов [11, с. 238–239], нуристанцев [12, с. 65], ирландцев [13, с. 125–126] и древних арьев [14, с. 6–7]. Кроме того, согласно Гельмольду, главнейшим богом полабских славян был Свентовит, а вовсе не громовник [15, с. 130].

Характерно, что верховные боги всех перечисленных народов: балтский Дьевас, нуристанский Имра, ирландский Дагда, скандинавский Один, арийский Дьяус и полабский Свентовит – типологически идентичны. Они относятся к категории богов ясного, дневного, светлого неба [16, с. 66; 17, с. 234–235; 18, с. 91], которых не следует путать с громовниками. Их общим «предком» является праиндоевропейский *Dyeus-phter – «Небо-отец». Именно он был верховным богом в пантеоне праиндоевропейцев [6, с. 255]. К нему также восходят трансформировавшиеся в громовников греческий Зевс и римский Юпитер [6, с. 225; 18, с. 92–93]. Громовники же произошли от другого бога, чье имя реконструируется как *Per(k)uno [3, с. 134].

Поэтому Забияко считает, что пантеон славян возглавлял не громовник Перун, а Отец-небо – супруг Матери-земли, *deus otiosus* [6, с. 255]. Л.С. Клейн, придерживавшийся аналогичной точки зрения, отождествлял эту фигуру со Сварогом [11, с. 239–241]. Однако трактовка Сварога как бога неба несостоятельна, поскольку базируется она исключительно на сравнительной лингвистике. Клейн, как и некоторые ранние авторы, связывал теоним «Сварог» с древнеиндийским словом «сварга» («небо») [11, с. 239], но гораздо уместнее выводить имя бога из славянского корня «вар» – «кипение, варево» [3, с. 129; 19, с. 29]. Тем более, что, согласно «Слову об идолах», Сварог считался богом и родителем огня – «Сварожича» [3, с. 129]. В то же время какие-либо указания на ураническую природу Сварога в источниках отсутствуют.

Но вернемся к Перуну. О том, что Перун изначально занимал второстепенную роль, косвенно свидетельствует ряд иных источников. Источники эти по своему характеру внутренние – и, следовательно, заслуживают большего внимания, нежели сочинение византийца Прокопия. Первый из них – это русско-византийский договор 971 г. В нем Перун упоминается наравне с Велесом – то есть он и Велес представлены там как равновеликие фигуры [20, с. 50]. Однако глава пантеона, наивысший и наипервейший

из богов, не может иметь себе равных. А существование двух верховных божеств в рамках одного пантеона – нонсенс.

Далее обратимся к летописному рассказу о первой религиозной реформе Владимира: «И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семарьгла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот» [20, с. 54].

Ученые еще давно предполагали, что изначально в летописи упоминался один лишь Перун, а имена прочих богов появились там позже [21, с. 104–105]. Относительно недавно П. В. Лукин подтвердил это, показав, что рассказ о первой Владимировой реформе представляет собой переделку фрагмента из «Хроники» Георгия Амартола: «Хотя текстуальные совпадения здесь, на первый взгляд, неочевидны, просматривается, тем не менее, три параллельных момента. Во-первых, количество языческих богов – шесть – совпадает с летописным, причем, как и в летописи, упомянут один женский персонаж (Астарта и Мокошь) и один, так сказать, ведущий (Вельфегор и Перун). Во-вторых, такая деталь, как материал, из которого изготовлены «боги»: золото и серебро (ср. серебряную голову и золотые усы Перуна). В-третьих, совпадает мотив оскверненной земли. Несмотря на то, что некоторые из этих общих деталей относятся к топике церковной литературы, их характер и концентрация на узком пространстве небольшого фрагмента ХГА позволяют, как представляется, отбросить предположение о случайном совпадении» [22, с. 331]. Таким образом, летописное происхождение «Владимирова пантеона» можно считать доказанным: «Заимствования из ХГА абсолютно однозначно, а не предположительно показывают, что известие о «языческой реформе» Владимира не могло быть включено в летопись ранее включения в нее заимствований из ХГА. Таких заимствований, как свидетельствуют последние исследования, не было в древнейшем летописном тексте. Следовательно, это известие было составлено не ранее 70-х гг. XI в., т. е. почти через 100 лет после описываемых событий. Таким образом, как уже было сказано выше, сама «языческая реформа» является искусно смоделированной на базе переводных текстов реконструкцией древнерусского книжника, а ее русское содержание (имена богов) заимствованы из современной летописцу устной традиции» [22, с. 342–343].

На то, что в Киеве установлен был только идол Перуна, указывает также ряд деталей. Во-первых, он один удостоивается описания – о том же, как выглядели прочие боги, не сказано и слова. Во-вторых, летопись подробно описывает низвержение Перунова кумира, тогда как расправа над прочи-

ми идолами лишь вскользь там упомянута [20, с. 79]. В-третьих, читаем далее: «Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу» [20, с. 54]. Так второй, новгородский этап реформы 980 г. раскрывает нам ее подлинную цель: «объявление... Перуна верховным богом всей Руси» [7, с. 216]. Но если Перун сделался таковым лишь при Владимире – то, следовательно, раньше он занимал иное, второстепенное положение, а в качестве верховного божества выступал какой-то другой персонаж.

Будь Перун изначально покровителем князей (как считали Аничков, Пресняков, Васильев и др. [7, с. 216; 21, с. 104–105]), то есть *верховой власти*, он и сам бы тогда, задолго до Владимира Святославича, почитался как бог-властитель. А в таком случае религиозная реформа, призванная возвысить Перуна до главы древнерусского пантеона, вовсе не понадобилась бы Владимиру.

Мысль, что до реформы Перун являлся сугубо «дружинно-княжеским» божеством, и лишь затем его культ стал «общенародным» [21, с. 105], представляется невероятной. Народ не мог не знать – и, соответственно, не почитать – бога-громовника, ведь гроза – это обычное погодное явление. К тому же, почитание славянами громовержца (будь то Перун или же Илья Пророк) в более позднюю эпоху подтверждает этнография [11, с. 219–220; 5, с. 112].

Как уже говорилось: чтобы возвыситься до верховного, «государственного» и княжеского божества при Владимире, ранее Перун должен был занимать второстепенное положение, подобно скандинавскому Тору, балтскому Перкунасу и прочим громовникам. Как и другие громовержцы, он, несомненно, считался главным борцом против сил хаоса (что подтверждает фольклор) [23, с. 380], а также покровителем бояр и дружинников – воинского сословия (ср. Индра как покровитель кшатриев). Видимо, Владимир стремился угодить воинскому сословию (и своему дяде), возвышая Перуна; объявляя его, изначально – дружинного, своим, княжеским – и, соответственно, «государственным» – покровителем. Подобное возвышение громовержца (Индры), сопровождавшееся низложением бога неба (Дьяуса), произошло еще у древних арьев [18, с. 92–93]. Можно также припомнить свеонов, низвергнувших Одина с его престола и возвысивших Тора [8, с. 97]. У греков и римлян же небесный отец (греческий Зевс и римский Юпитер) сам приобрел громовнические черты, о чем мы писали ранее.

Крайне характерно, что в важнейшем нашем источнике, «Слове о полку Игореве», где упоминаются Хорс [24, с. 43], Стрибог [24, с. 32], Велес [24, с. 29] и многие другие мифологические славянские персонажи, Перун вовсе отсутствует. Автор будто намеренно избегал упоминать его в своем

произведении. Гром и молнии представлены там как самостоятельные, независимые от какого-либо бога природные явления: «чръныя тучя съморя идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синие мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами с Дону великаго!» [24, с. 32] – хотя в то же время ветры именуются «Стрибожьими внуками» [24, с. 32], а месяц прямо называется Хорсом [24, с. 43]. Возможно, исключение Перуна из мифологической картины «Слова» как-то связано либо с реформой, либо с последующим низвержением новгородского и киевского Перуновых кумиров.

Вместе с тем автор не раз подчеркивает в своем произведении связь между древнерусскими князьями и Дажьбогом. Дважды к княжескому роду автором применяется эпитет «Дажьбожий внук»: «Тогда, при Олзе Гориславличи, сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука» [24, с. 33]; «Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука...» [24, с. 35].

Мнение, что под «Дажьбожьим внуком» следует понимать вообще весь русский народ, а не одних лишь князей, представляется ошибочным. Протицируем статью «Дажьбог (Дажьбог)» за авторством Л. В. Соколовой из энциклопедии СоПИ: «Наиболее удачной гипотезой является, вероятно, та, согласно которой «Дажьбожьим внуком», то есть потомком солнечного бога, назван в Слове княжеский род Рюриковичей, русских князей. Эта гипотеза соответствует языческим представлениям. Как указывал еще Миллер, происхождение от божества всегда и всюду было привилегией царей, князей, аристократии, но отнюдь не всей нации. Наименование в Слове потомком солнечного Дажьбога именно княжеского рода, князей находит подтверждение и в самом Слове: оно построено на метафоре «князь-солнце»; солнечное затмение предвещает плен Игоря и других князей, возвращение Игоря из плена сопоставляется с сиянием солнца на небе. О связи с солнцем именно князей говорит и использование в Слове эпитета «золотой», который всегда характеризует здесь принадлежность к княжескому быту. Золото же символизирует в мировой мифологии свет солнца, является абсолютной метафорой света солнца» [25, с. 81].

Кроме того, князья прямо называются в «Слове» солнцами: «чръныя тучя съморя идуть, хотять прикрыти 4 солнца» [24, с. 32]; «два солнца померкоста, оба богряная стльпа погасоста, и с нима молодая месяца – Олегъ и Святъславъ – тъмою ся поволокоста и въ море погрузиста» [24, с. 37]. То есть былинный эпитет князя Владимира, «Красно Солнышко», напрямую восходит к древнерусской эпической традиции. В других литературных памятниках Древней Руси князья также соотносятся с солнцем: «...примеры из светской литературы, уподобляющей царя-князя солнцу, в летописи связаны с представлением о смерти князя как заходе солнца (Ипатьевская летопись под 1179, 1289 годами), также в житии Александра Невского. Де-

тельность Владимира Мономаха летописец, сообщая о его смерти, уподобляет сиянию солнца: «...просвети Рускую землю, акы солнца луча пущая» (Ипатьевская летопись, 1126 год)» [26, с. 89].

Тут стоит оговориться, что называть Дажьдбога солнечным богом все же не совсем корректно. В самом «Слове» солнце никогда не отождествляется с Дажьдбогом – напротив, там оно выступает как полноценный, самостоятельный персонаж. Крайне показателен в этом отношении эпизод, известный как «Плач Ярославны». оплакивая поражение своего мужа, Игоря, Ярославна поочередно обращается к трем силам природы: ветру, Днепру и солнцу. Приведем данный отрывок полностью: «Ярославна рано плачеть въ Путивле на забрале, аркучи: «О Ветре, Ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычеши хиновъския стрелки на своею нетрудною крыльцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?» Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменные горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святослави носады до плъку Кобыкова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Ярославна рано плачеть въ Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое Слънце! Всеми тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждуемо имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»» [24, с. 44–45].

Обращение «господине» говорит о том, что стихии здесь персонифицированы, то есть представлены как живые, активные, наделенные личностью и волей персонажи. Потому ветер специально наделяется в «Плаче» именем собственным – «Ветрило». Соответственно, и «Солнце» выступает в данном эпизоде как собственное, личное имя дневного светила, а не нарицательное.

Таким образом, мы можем заключить, что Дажьдбог – не солнце. Будь он самым светилом, Ярославна обращалась бы именно к нему, и его имя заменяло бы слово «солнце» в ряде мест. Для контраста приведем отрывок из «Слова», где месяц прямо отождествляется с богом Хорсом: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше» [24, с. 43]. Ошибочность солярной трактовки Хорса доказана нами в статье «Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве»» [27].

Но Дажьдбог соотносится с царем Солнцем в глоссах к древнерусскому переводу «Хроники» Иоанна Малалы: «И после него (Феоста-Сварога) царствовал сын его, по имени Солнце, которого называют Дажьдбогом...»; «Солнце царь, сын Сварогов, иначе Дажьдбог, был могучим мужем» [20, с. 178] – данный источник нельзя просто проигнорировать.

О.В. Кутарев в статье «Славянский Дажьбог как развитие индоевропейского Бога Сияющего Неба (Дьеус-Патер)» предлагает следующее объяснение: «На наш взгляд, подобное соотнесение могло быть сделано и по принципу тождества родства; т. е., как и Гелиос у Малалы приходился сыном Гефесту, **Дажьбог в славянской мифологии был сыном Сварога**. Данное предположение, не менее допустимое, чем гипотеза тождества функций, неоднократно высказывалась и ранее крупными славистами» [3, с. 129]. Но в то же время автор стремится доказать, что Дажьбог был небесным богом-отцом; а отцовство – наиважнейшая характеристика такого рода божеств (на основоположность ее указывают сами их имена: Юпитер, Дьяус-Пита, – а также эпитеты: Альфёдр (Один) и Оллатар (Дагда), «Всеотец») [16, с. 66]. Таким образом, объяснение Кутарева противоречит его же концепции.

Прекрасно осознавая это, автор пытается объяснить данное противоречие: «Не представляет противоречия и одновременная с функцией отцовства характеристика Дажьбога как сына Сварога: в индоевропейских мифологиях верховные боги предстают младшим поколением. Например, олимпийские божества во главе с Зевсом представляют собой третье поколение, борясь против предшествующих им титанов; также у кельтов-ирландцев боги, «*Племена богини Дану*», появившиеся позже, сражаются за власть над Ирландией с великанами фоморами в эпической «Битве при Маг Туиред». Аналогично, у германцев Имир и другие великаны существуют до богов, которые появляются позже и воюют со своими предшественниками. В «Ведах» индийцев тоже известно это представление, там есть *«два вида существ: боги и асуры [великаны – О. К.]. И боги были моложе, асуры – старше. Они боролись друг с другом за эти миры»*. Наконец, кроме того, представление об отцовстве Сварога могло возникнуть позже или даже вследствие утраты Дажьбога своего главенствующего положения ввиду последующего возвышения Перуна, также коррелирующего с мифами о младшем сыне» [3, с. 138].

Вот только верховным богом Перун пробыл совсем недолго – каких-то восемь лет. Вряд ли за столь короткий период успели бы сложиться – и, тем более, укорениться – новые генеалогические мифы. «Слово» прямо свидетельствует о том, что и много лет спустя после реформы Дажьбог все так же воспринимался как верховное княжеское божество.

Мысль о принадлежности Сварога к предшественникам богов, сопоставимым с ведийскими асурами, греческими титанами, скандинавскими великанами и ирландскими фоморами (то есть силами хаоса), гипотетична и малообоснованна. К тому же, ни в одной из перечисленных мифологий отец-небо не выступает как сын бога огня. Обычно все наоборот – последний считается потомком отца-неба: так, Зевс – отец Гефеста [28, с. 152], а Дьяус – отец Агни [29, с. 19].

Вообще же, соотношение, основанное на функциональном тождестве божеств, является гораздо более очевидным и естественным, нежели основанное на их генеалогических связях (которые в мифологии крайне неустойчивы). Поэтому объяснение, предложенное Кутаревым, мы не принимаем.

Однако мы можем согласиться с основной идеей статьи: что славянский Дажьбог – это божество сияющего, дневного неба; бог-отец; мифологический когнат Одина, Дьяуса и других уранических индоевропейских богов. Косвенное подтверждение тому обнаруживается в так называемой «Анонимной записке о народах Восточной Европы» – арабском источнике IX в., автор которого сообщает: «Сеют они [славяне] более всего просо. Когда наступает срок жатвы, берут они зерна проса в ковш, **поднимают его к небу** и говорят: «О, Господи, ты, который даешь нам пищу, **дай ее нам в изобилии!**»» [30, с. 45]. Согласно наиболее правдоподобной этимологической версии, первый компонент теонима «Даж(д)ьбог» произошел от глагола повелительного наклонения «дажь» («дай») [31, с. 482; 32, с. 306]. Поэтому более чем допустимо соотнести безымянного небесного бога, к которому обращались славяне-землепашцы, именно с Дажьбогом.

Кроме того, интерпретация Дажьбога в качестве божества неба хорошо объясняет его соотнесенность с солнцем. Ведь отец-небо – это также и бог дневного света [6, с. 255]. А боги света обычно отождествляются с самим светилом, которое во всех известных традициях представлено как отдельный персонаж. Так, с солнцем (Хуршедом) отождествлялся авестийский Митра [33, с. 361], с Гелиосом – Аполлон [34, с. 145], с Сурьей – Адитьи (включая Митру), а также Савитар и Вивасват [35, с. 507]. Характерно, что имя солнечного божества всегда идентично названию светила: греческий Гелиос, индийский Сурья, римский Сол, балтская Сауле, скандинавская Соль и т. д. Тот факт, что Солнце в «Слове» предстает как самостоятельный, полноценный персонаж, хорошо с этим согласуется.

Также, как показал М. Элиаде, бог неба может естественным образом трансформироваться в солнечное божество: «Таким образом, постепенная соляризация небесных божеств соответствует тому процессу эрозии, который (в других условиях и в ином контексте) привел к трансформации этих богов Неба в оплодотворяющих атмосферных богов. Например, у хеттов небесный бог уже в историческую эпоху обнаруживает следы далеко зашедшего процесса соляризации» [18, с. 120].

Таким образом, Дажьбога мы можем определить как свето-небесное и отчасти солярное (не до конца соляризовавшееся) божество, аналогичное Одину, Дагде, Дьевасу, Зевсу, Юпитеру и т. д. Уже этого вполне достаточно, чтобы видеть в нем верховного бога. Но все же не совсем ясно, какой характер носит родство Дажьбога с древнерусскими князьями.

По сей день остается неразрешенным вопрос: как следует понимать эпитет «Дажьбожий внук» – буквально или же метафорически? Попытаемся дать на него ответ. Но для этого нам необходимо рассмотреть и другие эпитеты того же рода, представленные в «Слове»: «Велесов внук» и «Стрибожи внуки».

Последний эпитет примечателен тем, что применяется он к ветрам, то есть силам природы, а не одному человеку или группе людей, как в остальных двух случаях [24, с. 32]. Подобным образом на Руси именовали огонь сварожичем – то есть потомком Сварога, или «Сварожьим внуком» [3, с. 129]. Данный пример показывает нам, что тот или иной «стихийный» бог осмыслялся в древности как родитель стихии, над которой он властвовал. Следовательно, Стрибог, прародитель ветров, является божеством ветра.

Соответственно, Велес, названный «прародителем» Бояна, вещего певца и поэта, должен быть определен как бог поэтов, а значит и поэзии в целом. Тогда и Дажьбога надлежит считать богом князей, его «внуков», а также княжеской, то есть верховной власти.

В пользу того, что именно Дажьбог, а не Перун, возглавлял славянский пантеон, свидетельствует также южнославянский фольклор. Южные славяне знали Дажьбога под следующими именами: Дабог, Дайбог, Дабо, Даба, Дайба и пр. (далее будем обобщенно называть его Дайбогом). В сказках Дайбог тождествен Сатане: он предстает владыкой демонов и главным противником христианского Бога. В. Чайканович, посвятивший Дайбогу книгу «О сербском верховном боге», более чем обоснованно рассматривал его как верховное божество южных славян [3, с. 132–133].

Обратить внимание следует и на Свентовита – верховного бога полабцев [15, с. 130]. Вероятно, его имя содержит корень «свет», что является прямым указанием на солярно-ураническую природу божества. На нее же указывает еще и то, что при храме Свентовита содержался священный белый конь, осуществлявший гадания [36, с. 481]. Белый цвет, как известно, – это символ света и дневного неба. Кроме того, согласно Саксону Грамматiku, Свентовит также являлся всадником и даже разъезжал на этом самом белом коне [36, с. 481].

Все перечисленное свидетельствует об ураническом характере Свентовита. Следовательно, полабский Свентовит – также, как древнерусский Дажьбог и южнославянский Дайбог, – своими корнями восходит к праславянскому верховному ураническому божеству (а тот, в свою очередь – к праиндоевропейскому Отцу-небу). От последнего он, вероятно, и унаследовал коня, поскольку другой индоевропейский уранический бог, Один [17, с. 234–235; 18, с. 91], тоже являлся конником. Потому и древнерусскому Дажьбогу, как когнату Свентовита, с большой долей вероятности была присуща данная черта.

Результаты

Таким образом, Дажьбог является наиболее подходящим претендентом на роль солнца/Владимира/Одина в исходном славянском мифе. Как верховный и уранический бог, отец-небо, он аналогичен скандинавскому Одину; как князь богов и божество света, – сопоставим с князем Владимиром («Красным Солнышком») и солнцем. Поэтому мы предполагаем, что изначально, в мифе, к которому восходят русская былина и болгарские песни, соперником героя выступал Дажьбог.

Наша гипотеза может объяснить, почему именно Владимир, а не кто-либо другой, стал действующим персонажем и антагонистом былины – притом, что в родственных ей болгарских песнях аналогичную роль исполняет светило. Причина в том, что на болгарской почве за Дажьбогом закрепилась солярная атрибутика, тогда как на русской – княжеская. Соответственно, у болгар Дажьбог трансформировался в солнце, а у русских – в князя (который также носит «солярное» прозвище).

Да, Смирнов считает, что казачья версия – самая поздняя из дошедших до нас, а в предшествующих ей Владимир не состязается с Иваном [1, с. 167]. Однако далее он пишет: «Нетрудно заметить, что в данном случае логика творчества у болгар как бы противоположна логике творчества русских: по севернорусским записям князь Владимир выставляет своих коней на скачку, а по казачьим вариантам он состязается на равных с Иваном Гардиновичем. Таковы видимые этапы в развитии сюжета на русской почве, если не предпринимать поиск следов предшествующих обработок повествования. С учетом этих следов (см. выше об этом) логика творчества у русских и болгар совпадает по первым двум этапам, а **казачья версия выглядит опытом «возвратной» завершенности сюжета**, отсутствующим у болгар. Понимание образа антипода героя – князя Владимира и турецкого пашы – было на каждом этапе развития сюжета, по-видимому, решающим для той или иной трактовки состязания. Поначалу традиция (генетическая зависимость от предшествующего сюжета) требовала, чтобы паша сам участвовал в скачке. Затем пришло осознание пиетета – того, что паша, в Турецкой империи обычно управляющий большой областью, не может снизойти до непосредственного участия в скачке. И певцы сделали поправку с тем, чтобы изобразить песенную ситуацию более правдоподобной». То есть в еще более ранних версиях князь так же должен был лично состязаться с героем, как и в позднем казачьем варианте [1, с. 218–219].

Заключение

Только что мы предприняли первый шаг на пути к реконструкции славянского мифа – и, быть может, славянской мифологии как таковой. Соотношение князя Владимира с Дажьбогом открывает интересные перспективы для дальнейших исследований. Нельзя не задаться вопросом: что, если и другие былины «Владиминова цикла», подобно «Ивану Гостиному

сыну», так же произошли из мифов?

Стоит заметить, что былинный князь Владимир, как бездеятельный правитель, подобен в этом отношении бездеятельному же верховному ураническому божеству (*deus otiosus*), коим у славян являлся Дажьбог. В то же время находящийся у Владимира на службе богатырь (Илья Муромец, например), как борец с силами хаоса (Соловей-разбойник, Идолище поганое, татары и др.), напоминает громовника – пожалуй, наиболее деятельного из богов, – то есть Перуна.

Интересно, что в южнославянском фольклоре гроза осмысляется как сражение между хаотическими халами, жаждущими поглотить солнце, и двоедушниками (огненными змеями, здухачами) – защитниками людей [37, с. 558]. В былинах же богатырь побивает татар, которые стремятся захватить Киев и пленить князя Владимира «Красно Солнышко» (с его женой Евпраксией – солнцевой матерью?). Не является ли этот былинный сюжет «отголоском» мифологемы о борьбе между громовником и, вероятно, бесами за солнце? Можно вспомнить, что в «Слове о полку Игореве» половцы – враги «Дажьбожа внука», стремящиеся «затмить» «земные светила» (то есть русских князей) и уподобляющиеся «черным тучам» («чръныя тучя съморя идуть, хотять прикрыти 4 солнца» [24, с. 32]), – названы «детьми бесовыми» [24, с. 32]. И на их стороне выступают ветры – «Стрибожьи внуки» [24, с.32].

Ранее подобные мысли высказывались представителями так называемой «мифологической школы» (А. Н. Афанасьевым и др.) [38, с. 302–303]. Возможно, настало время критически переосмыслить некоторые их концепции, потому как в свете последних открытий они не кажутся такими уж фантастическими.

Библиографический список / References

1. Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. – Москва: Наука, 1974. 264 с.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Перун // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 595.
3. Кутарев О.В. Славянский Дажьбог как развитие индоевропейского Бога Сияющего Неба (Дьеус-Патер) // Философия и культура. 2016. № 1. С. 126–141.
4. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том 1. – Москва: Восточная литература, 1994. 472 с.
5. Bruckner A. Mitologia słowiańska i polska. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. 383 s.
6. Забияко А.П. Религия славян. История религии. В 2 т. – Москва: Высшая школа, 2004. Т. 1. 464 с.
7. Васильев М. А. Азычество восточных славян накануне крещения Руси. – Москва: Индрик, 1999. 328 с.
8. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 334 с.
9. Древние германцы. Сборник документов. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 223 с.
10. Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. – Ленинград: Наука, 1970. 253 с.

11. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции славянского язычества. – Санкт-Петербург: Евразия, 2004. 480 с.
12. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. – Москва: Наука, 1986. 524 с.
13. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – Москва: Наука, 1986. 234 с.
14. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. – Москва: Наука, 1982. 270 с.
15. Гельмольд. Славянская хроника. – Москва: Издательство АН СССР, 1963. 300 с.
16. Калыгин В.П. Этимологический словарь кельтских теонимов. – Москва: Наука, 2006. 183 с.
17. Тэйлор Э. Первобытная культура. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 602 с.
18. Элиаде М. Трактат по истории религий. – Москва: Академический проект, 2022. 394 с.
19. Блажек В. *S(ъ)varogъ // Славянское и балканское языкознание. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2023. 504 с.
20. Повесть временных лет. – Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012. 512 с.
21. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том 1: Киевская Русь. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 280 с.
22. Лукин П.В. Языческая «реформа» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции? // Древнейшие государства Восточной Европы: Устная традиция в письменном тексте: сборник. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 326-352.
23. Мансикка В.Й. Труды по религии восточных славян. – Москва: Неолит, 2016. 688 с.
24. Слово о полку Игореве. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.
25. Соколова Л.В. Дажьбог (Дажьбог) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Том 2. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. 334 с.
26. Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. – Ленинград: Наука, 1968. 207 с.
27. Строганов Д.О., Куренкова Е.А. Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве» // Культура Мира. 2026. Т. 14. № 52 (1). С. 333–344.
28. Лосев А.Ф. Гефест // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
29. Топоров В.Н. Агни // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
30. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестомия. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д). – Москва: Прогресс, 1986. 576 с.
32. Фаминцин А.С. Божества древних славян. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014. 736 с.
33. Топоров В.Н. Митра // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
34. Тахо-Годи А.А. Гелиос // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
35. Топоров В.Н. Сурья // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
36. Иванов В.В., Топоров В.Н. Свентовит // Мифологический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. 595 с.
37. Толстой Н.И. Гром // Славянские древности. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – Москва: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 558-560.
38. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Том 1. – Москва: Издательство Солдатикова, 1865. 736 с.

Сунь Ин

Аспирант. Дальневосточный федеральный университет.

Чернова А.В.

Кандидат искусствоведения, доцент. Дальневосточный федеральный университет.

Традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века*

Аннотация. В статье изучаются традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая. В исследовании использованы следующие методы - историко-культурологический метод, стилистический анализ и семиотический подход. Художественными источниками статьи явились кинофильм и роман «Прорыв в Гуаньдун», роман «Поле жизни и смерти» и Драма «Прошлое Хейлун». В статье определяется важнейшая ценность – уважение к старшим, являющаяся традиционной ценностью китайского народа. Выводом исследователя является то, что традиционные семейно-этические ценности играют одну из важных ролей в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века. А их ядро – уважение к старшим – обеспечивает фундамент для современного этического строительства.

Ключевые слова: традиционные ценности, уважение к старшим, Прорыв в Гуаньдун, Поле жизни и смерти, Прошлое Хейлун, искусство Китая, литература, кинематограф, рубеж XX-XXI веков.

Sun Ying

Graduate. Eastern Federal University.

Chernova A.V.

Candidate of Art History, Associate Professor. Eastern Federal University.

Traditional family and ethical values in Chinese literature and cinema at the end of the 20th century

Abstract. The article examines traditional family and ethical values in Chinese literature and cinema. The following methods were used in the study: historical and cultural method, stylistic analysis and semiotic approach. The artistic sources of the article were the film and novel “Breakthrough in Guangdong”, the novel “The Field of Life and Death” and the Drama “Heilong’s Past”. The article

* © Сунь Ин, Чернова А.В., 2026.

Традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века

defines the most important value – respect for elders, which is a traditional value of the Chinese people. The researcher's conclusion is that traditional family and ethical values play an important role in literature and cinema in China at the end of the 20th century. And their core – respect for elders – provides the foundation for modern ethical construction.

Key words: traditional values, respect for elders, Breakthrough in Guangdong, Field of Life and Death, Heilong's Past, Chinese art, literature, cinema, turn of the 20th century.

Введение:

Уважение к старшим, как основная традиционная семейно-этическая ценность китайской нации, накапливалось на протяжении тысячелетий и всегда было важным духовным мотивом художественного творчества. Литературные произведения на рубеже XX - XXI веков «Прорыв в Гуаньдун», «Поле жизни и смерти» и их кино экранизации обеспечивают поле интерпретации этой ценности специфическими региональными особенностями, используя два основных повествовательных мотива: борьба за переезд в Гуаньдун и страдания местных жителей.

В настоящее время ускорение процесса старения общества и отношений между поколениями делают важной темой современную интерпретацию и наследование ценностей уважения к старшим [1, с. 27]. Оглядываясь назад на практику передачи ценностей в контексте страданий и борьбы народа и лучших его представителей, мы можем не только выявить ее первоначальную коннотацию, но и дать зеркало для современного этического строительства. Существующие исследования в основном фокусируются на тематической интерпретации или анализе техники адаптации в произведениях кино и телевидения отдельных литературных произведений, и редко интегрируют двойное выражение в литературе и кино и телевидении уважения к старшим, что затрудняет полное представление логики и пути наследования ценностей.

Сюжет романа «Прорыв в Гуаньдун» несет в себе разнообразные формы выражения уважения к старшим, связанные с историей семейной миграции, роман «Поле жизни и смерти» раскрывает фон уважения к старшим с историей местного выживания, в то время как их адаптации в кино реализуют эмоциональное повышение трансляции и значения ценностей с помощью аудиовизуального языка, что вместе составляет образец художественного выражения традиционных добродетелей.

В данной статье используется региональная культура Северо-Восточного Китая в качестве якоря. Объектами исследования являются романы «Прорыв в Гуаньдун», «Поле жизни и смерти» их адаптации в кино и телевидении используется метод сочетания текста романов с анализом кино и телевидения. Исследованы приемы литературы и их аналоги, трансформирующие передачу ценностей в искусстве кино, раскрывающие и обеспечи-

вающие теоретическую поддержку для современного живого традиционной этики. Например, уважение к старшим, любовь семьи, любовь брата.

1. Воплощение традиционных ценностей уважения к старшим в романе «Прорыв в Гуаньдун»

В литературном произведении представлены разнообразные формы взаимодействия между отцом Чжу Кайшанем и его тремя сыновьями, где уважение к старшим, благоговение и послушание представлены в конкретных действиях, соответствующих характерам персонажей, но не сводятся к единому жесту послушания.

Старший сын Чжу Чуанвэнь был простым и несколько прагматичным, но всегда испытывал благоговение перед авторитетом своего отца, и никогда не осмеливался пересекать этические границы, даже если он был тайно обижен из-за того, что не получил основных прав на управление семейным бизнесом. На церемонии закладки первого камня угольной шахты Шаньхэ, увидев, как его отец разговаривает со землевладельцами всех слоев общества, он опрометчиво подошел, чтобы выразить свою позицию в качестве молодого хозяина. Отец Чжу Кайшань оглянулся и кинул ему холодную фразу «иди в сторону» [7, с. 303]. Гордость на лице Чуанвэня мгновенно замерла, он молча отступил к краю толпы, сжимая углы одежды руками, опустив голову, и не осмелился сказать ни слова. Допив свой напиток, Чжу Чуанвэнь налил отцу вина в честь его дня рождения, но тот нахмурился, оттолкнул его и сказал: «Выпей сам». Сын спрятался за плитой, глаза его покраснели, и он со слезами на глазах спросил мать: «Неужели папа не хочет меня видеть?». Но сам отцу не сказал ни слова [7, с. 304].

Благоговение второго сына Чжу Чуанву скрывалось под мятежной оболочкой. Он объявил голодовку, сопротивляясь браку, устроенному для него отцом. Когда Чжу Кайшань велел Чуанвэню насильно кормить Чуанву кашей, хотя и Чуанву размахивал миской и ложкой, яростно сопротивляясь, всегда отворачивал голову в сторону, чтобы не видеть отца, и тем более не позволял себе никакой грубости. Много лет спустя, когда Чуанву уже стал офицером Северо-Восточной армии, он вернулся домой поздравить отца с днем рождения. Войдя во двор, сын увидел Чжу Кайшаня, ожидавшего у двери. Военная выправка Чуанву мгновенно исчезла, спина героя согнулась. Он опустился на колени, поклонился до земли, сильно ударившись лбом о каменные плиты, и, задыхаясь, выкрикнул: «Отец, это ошибка сына!» – и то благоговение, которое прежде скрывалось за внешним неповиновением, наконец раскрылось в полной мере [2, с. 55].

Третий сын, Чжу Чуаньцзе, более других перенял отцовские порядки и довел следование установленным правилам до предельной строгости. Когда Чуаньцзе управлял складом, даже незначительные решения о закупке

товаров он все оформлял документально и отправлялся ночью в комнату отца за указаниями. Когда же отец поручил ему руководить рестораном «Шаньдун», сын каждое утро являлся с докладом о доходах, держа в руках бухгалтерскую книгу [7, с. 411].

Таким образом, в произведении взаимодействие отца Чжу Кайшаня с тремя сыновьями представлено не как единообразная модель послушания, а как сложная система поведенческих стратегий, в которой уважение к старшим, благоговение и сыновняя почтительность обретают индивидуальное, обусловленное характером выражение.

Старший сын, Чжу Чуанвэнь, воплощает тип смиренного и безропотного подчинения. Его почтительность проявляется через подавление собственных амбиций и молчаливое перенесение обид. Жест отца («иди в сторону») и публичное отвержение (отказ принять вино) не встречают сопротивления, но переживаются сыном как глубокая внутренняя травма, остающаяся, тем не менее, невысказанной. Его уважение держится на страхе нарушить установленную иерархию.

Второй сын, Чжу Чуанву, демонстрирует конфликтный тип почтительности, где внешний бунт парадоксальным образом сосуществует с внутренним благоговением. Его сопротивление (голодовка, отказ от навязанного брака, агрессивная защита во время кормления) оказывается лишь оболочкой. Кульминационным подтверждением этой скрытой глубины сыновнего чувства становится сцена спустя много лет: офицерская выправка исчезает перед отцом, а публичное коленопреклонение и самоуничижительный возглас «это ошибка сына!» символизируют торжество изначального, подавленного прежде пиетета.

Третий сын, Чжу Чуаньцзе, представляет институциональный (ритуализированный) тип служения отцу. Его уважение выражается не в эмоциональных порывах, а в строжайшем следовании процедуре. Передавая даже незначительные решения на ночное утверждение отца и ежедневно отчитываясь бухгалтерской книгой, он превращает сыновнюю почтительность в формализованный управленческий протокол, тем самым доводя принцип отцовского авторитета до логического предела.

Использованные в тексте художественные детали – застывшая гордость старшего сына, согнувшаяся спина героя у второго, бухгалтерская книга в руках третьего – не просто иллюстрируют индивидуальные особенности персонажей, но и позволяют автору представить ценность почитания старших не как абстрактную норму, а как многомерную реальность. Благодаря такому подходу передача традиционной этической ценности (благоговения и послушания) обретает психологическую достоверность и художественную убедительность, показывая, что за внешним требованием «почтительности» могут стоять смирение, скрытое за бунтом поклонение или педантичное следование букве отцовского закона.

2. Воплощение традиционных ценностей уважения к старшим в романе «Поле жизни и смерти»

Сюжет литературного произведения «Поле жизни и смерти» Сяо Хуна разворачивается в сельской местности на Северо-Востоке Китая в 1920-х и 1930-х годах. Изображая тяжелую жизнь, борьбу, старость, болезни и смерть жителей деревни на берегу реки Хулань, он показывает человеческую природу через страдания. Хотя традиционные ценности уважения к старшим не представлены в прямом смысле, они отражаются в деталях повседневного труда, уходе за больными и в ситуации выбора жизни и смерти.

Драма «Прошлое Хейлун», следуя оригиналу, усиливает эмоциональное напряжение сцен уважения к старшим с помощью аудиовизуального языка. Обратимся к анализу конкретного воплощения ценностей уважения к старшим в литературе и кино на конкретных текстах и сценах.

2.1. Уважение к старшим между поколениями в разделении труда

В романе «Поле жизни и смерти» суровые условия жизни в сельской местности Северо-Востока Китая делают труд центральным содержанием жизни сельских жителей, в то время как ценности уважения к старшим естественным образом раскрываются через разделение труда между поколениями и сострадательное поведение. Старшие берут на себя легкую работу из-за упадка их физической силы, а младшие по собственной инициативе берут на себя тяжелый физический труд, формируя молчаливую модель сотрудничества с уважением к пожилым людям.

Отец Цзиньчжи, Хань Лао, был семидесятилетним стариком, и не мог участвовать в тяжелых работах полевого земледелия, поэтому он взял на себя легкую работу дома. «Каждый день на рассвете Хань Лао сидел на пороге и потирал соломенную веревку, грубые руки поворачивались между соломенными веревками, пока солнце не взошло» [8, с. 17].

В свою очередь, Цзиньчжи и ее брат взяли на себя тяжелые работы, такие как пахота и сбор пшеницы. Каждый раз, возвращаясь с поля, Цзиньчжи всегда совала в руки отца принесенные ей дикие фрукты, а затем готовила еду. Даже бедная семья Элибан следовала такому принципу разделения труда.

Старая мать Элибан с тусклыми глазами не могла работать в поле, поэтому она отвечала за кормление цыплят и поддержание огня дома. Каждый раз, когда Элибан возвращалась с охоты, независимо от урожая, она сначала выбирала самое нежное мясо для матери, чтобы варить суп, а сама грызла сухие и твердые хлебцы.

Как известно, это разделение труда не является обязательным, становится явным в тех семьях, где есть сострадание младших поколений к физическому упадку старших. Как пишет Сяо Хун в тексте.

«Плечи молодых людей используются для того, чтобы нести жизнь,

а руки стариков используются для охраны дома» [8, с. 37], что прямо говорит о практической логике ценностей уважения к старшим в трудовых сценах. Что еще более трогательно, в напряженный сельскохозяйственный сезон жители деревни формируют группы взаимопомощи.

После завершения фермерской работы молодые жители деревни берут на себя инициативу помощи бездетным пожилым людям в сельском хозяйстве. «Брат Ван взял своего сына, чтобы помочь бабушке Ли выращивать картофель, сын копал яму, брат Ван сажал семена, а бабушка Ли сидела на гребне и передавала семена с улыбкой на лице» [8, с. 22].

Болезнь является повторяющимся сюжетом в повествовании в «Поле жизни и смерти», отсталые медицинские условия в северо-восточных деревнях делают болезнь серьезным жизненным испытанием, в то время как забота младших поколений о больных старших превращает ценности уважения к старшим в неотъемлемую охрану жизни, демонстрируя блеск человечества в страданиях.

Наиболее показательным в тексте является повествование о том, как Юэин заботится о своей свекрови. Свекровь Юэин страдает от сильного кашля и не может спать каждой холодной зимой. Каждую ночь Юэин сначала прикрывает свекровь горячим одеялом, а затем растирает спину свекрови руками, чтобы облегчить боль.

«Руки Юэин покраснели от холода, но прежде чем свернуться калачиком у подножия кровати и заснуть, она продолжала растирать спину свекрови, пока ее кашель постепенно не ослабел», [8, с. 33]. Чтобы вылечить свекровь, Юэин продала свое единственное приданое, пару серебряных браслетов в обмен на травы, чтобы приготовить суп, который каждый день приносила к кровати свекрови, зачерпывала его ложкой и дула, чтобы охладить, прежде чем кормить старую женщину.

Даже в период, когда японская армия вторглась в деревню и население находилось в панике, Юэин никогда не отказывалась от заботы о свекрови, бежала с ней. Когда они были голодны, копала дикие овощи и оставляла свекрови.

Взаимопомощь и внимание к старикам в сельском сообществе также отражают уважение к пожилым людям. Когда дедушка Чжан, живущий в одиночестве, страдал дизентерией, жители деревни по очереди приходили к нему в дом, чтобы ухаживать за ним. Эта коллективная забота дает возможность одиноким пожилым людям чувствовать тепло во время болезни, а ценности уважения к старшим становятся духовным связующим звеном, объединяющим деревню. Как отмечают исследователи: «Уход за болезнями в «Поле жизни и смерти» является самой простой практикой ценностей уважения к старшим и демонстрирует устойчивость человеческой природы в страданиях» [8, с. 11].

В «Поле жизни и смерти» ценность уважения к старшим не деклари-

руется напрямую, а органично проистекает из сурового уклада сельской жизни. Тяжёлый физический труд становится центральным содержанием существования, а разделение труда между поколениями формируется естественным образом: старшие, чьи силы на исходе, выполняют лёгкую домашнюю работу (плетение верёвок, кормление кур), тогда как молодёжь добровольно берёт на себя самые тяжёлые задачи (пахота, жатва, охота). Эта модель не является принудительной – она основана на сострадании и заботе младших о старших. Особенно показательно, что взаимопомощь распространяется и за пределы семьи: в страдную пору молодые односельчане помогают бездетным пожилым людям. Таким образом, уважение к старости в романе предстаёт не как абстрактная норма, а как живая, повседневная практика, вплетённая в трудовую этику и коллективную взаимовыручку.

2.2. Этос уважения к старшим в народных ритуалах романа «Поле жизни и смерти»

В романе описывается множество традиционных народных ритуалов, сохранившихся в северо-восточных деревнях сохранилось, которые стали важным носителем ценностей уважения к старшим, которые укрепляют уважение и отождествление младших поколений со старшими с помощью фиксированных этических норм и эмоционального выражения. Церемония поклонения предкам во время Весеннего фестиваля является наиболее представительной сценой. Каждый Новый год в районе Гуаньдун жители деревни приносят жертвы в храм предков, чтобы поклониться предкам, а центральным звеном церемонии является то, что младшие поколения поклоняются старшим в семье. В тексте описана сцена поклонения предкам семьи Цзиньчжи.

«Цзиньчжи и его брат, одетые в чистую одежду, вошли в зал с жертвоприношениями, сначала поклонились табличке предков, а затем повернулись к отцу Хань Лаоци, встали на колени и поклонились тремя головами, говоря. «Папа, с Новым годом, желаю вам крепкого здоровья» [8, с. 52].

Хань Лаоци, в свою очередь, достает заранее приготовленные конфеты и раздает их младшим поколениям. Это ритуальное взаимодействие придает ценностям уважения к старшим чувство святости и торжественности. В дополнение к празднику Весны, церемония дня рождения пожилых людей также содержит коннотацию уважения к старшим. Несмотря на бедность семьи жителей деревни, они стараются изо всех сил устроить день рождения пожилых людей. Когда они отмечают шестидесятилетие своей матери, они специально поднимаются в гору, чтобы поймать зайца, тушить его в супе для матери, а также приглашают стариков деревни в гости.

Также характерно выражение уважения к старшим в виде траурных

обрядов. Когда Хань Лаоци умер, братья и сестры Цзиньчжи соблюдали сыновнее благочестие в течение трех лет в соответствии с традиционными обычаями. В это время они не носили великолепную одежду и не участвовали в развлекательных мероприятиях. Они каждый день посещали могилу своего отца, чтобы поклониться и вытереть пыль с надгробия.

Описывая похоронную церемонию, Сяо Хун написал: «Плач сыновей и дочерей проходит через деревню, это последнее уважение к старшим и приверженность традициям» [8, с. 21]. Несмотря на простоту, народные ритуалы закрепляют ценности уважения к старшим в нормы поведения, которые продолжают из поколения в поколение и становятся важной частью духовного мира сельских жителей [5].

3. Воплощение традиционных ценностей уважения к старшим в драме «Прошлое Хейлун»

3.1. Эмоциональная передача в деталях исполнения

Благодаря тонким деталям исполнения актеры «Прошлое Хейлун» превращают абстрактные эмоции уважения к старшим текста романа в воспринимаемые действия и выражения, что делает передачу ценностей уважения к старшим более проникающей, особенно в соперничестве младших и старших, где многослойность сюжета делает воплощение ценностей более реальным.

В сцене, где Юэин ухаживает за свекровью, актриса, исполняющая эту роль, передает эмоции прежде всего через язык тела. Кормя свекровь лекарством, она сначала зачерпывает ложкой отвар, подносит к губам и осторожно дует, затем проверяет температуру своими губами и, лишь убедившись, что лекарство не горячее, подносит ложку ко рту свекрови. На протяжении всей сцены руки актрисы остаются неподвижными, а взгляд наполнен неподдельной заботой.

Когда кашель свекрови усиливается, Юэин тут же опускает миску и обеими руками начинает мягко похлопывать её по спине. Сила хлопков то нарастает, то ослабевает, ритм остаётся ровным – это выдаёт накопленный годами ухода опыт. Актер, исполняющий роль Хань Лаоци, передает облегчение и старческую любовь через тончайшие эмоции, отраженные на лице.

Когда Цзиньчжи принесла с поля дикие плоды и протянула их отцу, Хань Лаоци сначала слегка нахмурился, притворно укорив её: «Ишь, устала с работы, а всё обо мне думаешь» [8, с. 9]. Однако затем уголки его губ непроизвольно приподнялись, и на лице засияла сдержанная улыбка. Еще более выразительной становится игра актера в сцене похорон. Показывая дочернюю почтительность перед отцом, Цзиньчжи каждый день сидела у могилы с отсутствующим взглядом, но при этом всегда сохраняла достойную осанку. Когда ветер раздувал бумажные флаги перед могилой, она

медленно поднималась и поправляла их – движения её были неторопливыми и исполненными достоинства. На её лице не было выражения бурных рыданий, только сдержанные слёзы и твёрдость. Эта сдержанность превращала уважение и тоску по старшим в глубокую, пронзительную эмоциональную силу.

3.2. Укрепление ценностей путем в адаптации сюжета из романа в драматическое произведение

Чтобы усилить выражение ценностей уважения к старшим, авторы драмы «Прошлое Хейлун» провели значительную адаптацию сюжета на основе оригинала, добавив новые сцены и детализируя конфликты. Ценности уважения к старшим перешли от скрытого выражения к явному представлению, одновременно углубляя содержание сюжета. В оригинале описание ухода Элибана за матерью в относительно кратко.

В драме добавлена сцена «Элибан в поисках лекарств в снег».

В холодную зиму мать Элибана внезапно серьезно заболела, в деревне нет лекарственных материалов, Элибан вышел в горы в метель, чтобы найти лекарства. На сцене показано, что он с трудом движется по ветру и снегу. Когда сын вернулся домой, покрытый снегом, и передал лекарственные материалы матери, она задрожала и взяла его за руку. Практически без текста, через зрительный контакт, актеры передали глубокие эмоции матери и сына.

Этот новый сюжет придает более драматическому напряжению акту уважения Элибана к старшим и подчеркивает охрану старших младшими поколениями в страданиях [6]. В драме также детализирован сюжет «Жители деревни помогают друг другу и заботятся о пожилых людях», который был упомянут только в оригинале. Драм предназначен для того, чтобы после того, как дедушка Чжан заболел, жители деревни провели небольшое собрание, чтобы обсудить план ухода за ним. Кто-то отвечал за подготовку лекарств, кто-то - за ношение воды, а кто-то - за заботу о повседневной жизни. Каждую ночь жители деревни собирались в доме дедушки Чжана, чтобы по очереди сопровождать пожилых людей и общаться с ними.

Адаптация делает поведение группового уважения к старшим более ритуальным и выразительно демонстрирует тепло к старшим сельского сообщества. В конце драмы добавлена сцена «Младшие поколения наследуют этикет уважения к старшим». Много лет спустя дочь Цзиньчжи последовала примеру своей матери и поклонилась Цзиньчжи во время праздника Весны. Цзиньчжи достает конфеты и передала их дочери. Этот эпизод спектакля перекликается со сценой, в которой Цзиньчжи поклоняется своему отцу.

Заключение

Художественные произведения конца XX-XXI века «Прорыв в Гуань-

дун», «Поле жизни и смерти» и их адаптации в кино представляют традиционные семейно-этические ценности в различных исторических контекстах и художественных формах. Интерпретация ценности уважения к старшим, подтверждает ее жизнеспособность и адаптивность через пространство и время. Несмотря на то, что два сюжета посвящены разным сценариям выживания в северо-восточном регионе, первый из них является историей борьбы мигрирующих семей, а второй - историей страданий местных деревень, в обоих сюжетах ценности уважения к старшим являются духовным ядром, поддерживающим выживание героев. Литература и киноработа «Прорыв в Гуаньдун» демонстрируют разнообразные формы уважения к старшим с помощью семейного повествования: оригинал литературы представляет трепет и соблюдение, ответственность и упорство в кризисе с помощью различного взаимодействия отца и сына Чжу Кайшаня. Сцены преклонения колен и подачи чая, делают эмоции уважения к старшим интуитивно ощутимыми, а адаптация сюжета в кино еще больше отходит от пассивного соблюдения к активной демонстрации. «Поле жизни и смерти» и его адаптация в спектакле «Прошлое Хейлун», в свою очередь, фокусируются на местной этике: литература раскрывает основу уважения к страдающим старшим с состраданием и разделению труда, уходу за болезнями и нормами народных ритуалов, драма демонстрирует это визуально.

Киноработы усиливают эмоциональное проникновение ценностей и передачу от поколения к поколению через крупные планы и новые сюжеты. Таким образом, художественное выражение ценностей уважения к старшим всегда соответствует контексту времени - во время миграции и войны это связующее звено семейной сплоченности. В тяжелых условиях сельской местности - это основа взаимопомощи сообщества.

Библиографический список

1. Буянтуева Г.Ц. Национальные ценности современной молодежи // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 4. С. 26-29. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi>
2. Хунсин Чжан, Ху Мин. Историческая коннотация и значение времени духа прорыва в Гуаньдун. Борьба, 2014. № 3. С. 55-56.
3. Синьжуй Ван. Жизненный выбор и духовные характеристики с точки зрения миграционной литературы, анализ « духа прорыва Гуаньдун » из литературных произведений «Прорыв в Гуаньдун». Культурный форум Хуася, 2017. № 1. С. 314-319.
4. Чанхуа Чжэн. Посмотрите историю «Прорыва в Гуаньдун» 16 лет спустя, так « провалась ». Обзор радио и телевидения, 2024. № 8. С. 5-7.
5. Сихе Чэнь. Народная трагедия с точки зрения просвещения: «Поле жизни и смерти». Журнал Тяньцзиньского педагогического университета: издание социальных наук, 2004. № 1. С. 10.
6. Баньян Пик. Центр защиты наследия и защиты дуэнта северная фракция приложила все усилия для создания «Прошлое Хейлун». Культура ежемесячно, 2017. № 3. С. 133.
7. Маньтан Гао. Прорыв в Гуаньдун. Издательство Писатели. 2008. С. 552.
8. Хун Сяо. Поле смерти и жизни. Китайская федерация литературы и художествен-

ной прессы. 2017. С. 181.

9. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

References

1. Buyantueva G.Ts. "National Values of Modern Youth" // Bulletin of BSU. Humanitarian Studies of Inner Asia. 2016. № 4. P. 26-29. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi>
2. Hongxing Zhang, Hu Ming. Historical Connotation and Meaning of the Time of the Guandong Breakthrough Spirit. Struggle, 2014. № 3. P. 55-56.
3. Xinrui Wang. Life Choices and Spiritual Characteristics from the Perspective of Migration Literature: An Analysis of the "Guandong Breakthrough Spirit" from the Literary Works "Breakthrough to Guandong." Huaxia Cultural Forum, 2017. № 1. P. 314-319.
4. Changhua Zheng. Look at the story of "Breakthrough to Guandong" 16 years later, and see how it "broke through." Radio and Television Review, 2024. № 8. P. 5-7.
5. Xihe Chen. National Tragedy from the Perspective of Enlightenment: "Field of Life and Death." Journal of Tianjin Normal University: Social Science Press, 2004. № 1. 10 p.
6. Banyan Peak. The Northern Faction's Heritage and Heritage Protection Center made every effort to create "Heilong Past." Culture Monthly, 2017. № 3. 133 p.
7. Mantang Gao. Breakthrough to Guandong. Writers Publishing House. 2008. 552 p.
8. Hong Xiao. Field of Death and Life. China Federation of Literature and Art Press. 2017. 181 p.
9. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Тэн Ин

Преподаватель: лектор. Музыкальный факультет, Синьцзянский педагогический университета, Синьцзян, Китай.

Янь Лань

Профессиональный колледж Пэйли, Ганьсу, Китай.

Исследование изображений гандхарвов, исполняющих музыку, в пещерах Гуйцзы*

Аннотация. В данной статье в качестве объекта исследования выступает «Изображение гандхарвов, исполняющих музыку» из пещер Кучи. С помощью методов иконографии и морфологии танца в статье проводится систематический анализ художественных особенностей и культурного содержания изображений гандхарвов с учётом трёх аспектов: формы танца, функции музыкальных инструментов и костюмов. Анализ самой сущности танца показал, что «Изображение гандхарвов, исполняющих музыку» является не только визуальным воплощением музыки и танца Гуйцзы, но и типичным примером слияния искусств и культурного возрождения на Великом шелковом пути, что имеет важное значение для изобразительной и танцевальной науки в контексте понимания процесса локализации буддийского искусства и истории культурного обмена между Востоком и Западом.

Ключевые слова: пещеры Гуйцзы, изображения танцующих гандхарвов, гандхарвы, иконография, изображения танцев.

Teng Ying

Teacher: lecturer. Department of Music, Xinjiang Normal University, Xinjiang, China.

Yan Lan

Paili Vocational College, Gansu, China.

A study of the depictions of Gandharvas performing music in the Guizi Caves

Abstract. This article examines the “Depiction of Gandharvas Performing Music” from the Kucha Caves. Using methods of iconography and dance morphology, the article conducts a systematic analysis of the artistic characteristics and cultural content of the depictions of Gandharvas, taking into account three aspects: dance forms, the functions of musical instruments, and costumes. An

* © Тэн Ин, Янь Лань, 2026.

Исследование изображений гандхарвов, исполняющих музыку, в пещерах Гуйцзы

analysis of the very essence of dance has shown that the “Depiction of Gandharvas Performing Music” is not only a visual embodiment of Guizi music and dance, but also a typical example of the fusion of the arts and cultural revival along the Silk Road, which is of great significance for the study of visual arts and dance in the context of understanding the process of the localization of Buddhist art and the history of cultural exchange between the East and the West.

Key words: Guizi Caves, depictions of dancing Gandharvas, Gandharvas, iconography, depictions of dance.

Термин «Гандара» изначально был специфическим обозначением определённой группы исполнителей народной музыки в древней Индии, однако после вхождения в буддийскую систему значение этого термина расширилось, и он постепенно стал общеупотребительным.^[1] К расширенным названиям относятся, в частности, «Банчже», «Гантарва с пятью косами», «Царь Гантарва Шаньай» и другие подобные обозначения, которые отражают индивидуальные черты образов и сюжетные линии в рамках общего понятия «Гантарва». В данной статье делается попытка рассмотреть «Изображения Гантарвов, исполняющих музыку» с точки зрения танцевальной иконографии, при этом возникает вопрос: можно ли считать «Изображения Гантарвов, исполняющих музыку» танцем? Этот вопрос напрямую связан с тем, сможем ли мы с помощью изображений воссоздать исторический облик музыки и танца Гуйцзы. Кроме того, в музыковедении «Изображения гандарвов, исполняющих музыку» чаще всего изучаются с точки зрения музыкальных инструментов. Какова же связь между гандарвами и кунху? Этот вопрос становится ещё одним важным аспектом при анализе того, являются ли «Изображения гандарвов, исполняющих музыку» танцем. Исходя из вышеуказанных вопросов, в данной статье в качестве объекта исследования выступает «Изображение гандхарвов, исполняющих музыку». С помощью методов иконографии и морфологии танца, исходя из сущности танца, костюмов, а также взаимосвязи между гандхарвами и кунху, делается попытка ответить на два ключевых вопроса: относятся ли «Изображения гандхарвов, исполняющих музыку» к танцу и какие отношения складываются между гандхарвами и кунху, и на этой основе исследует художественную ценность и культурное значение изображений музыки и танца в пещерах Гуйцзы как продукта слияния различных культур.

I. Формы танца гандхарвов

(1) Поза танцора и голова

В танцевальном искусстве голова и лицо занимают самое видное место на теле человека и являются наиболее наглядным средством передачи

1 Ван Сюэ. Исследование мотивов музыки и танца в настенных росписях пещер Могао в Дуньхуане [Д]. Университет Ланьчжоу, 2022. С. 28.

невербального языка. В межличностном общении взгляд обычно используется для выражения эмоций и передачи смысла. Изображения танцоров на настенных росписях пещерных храмов не являются исключением: мастера, создавая их по сюжетам нарисованных эскизов, помимо образов персонажей и типичных движений, используют позы головы, мимику и изменения взгляда в качестве основных средств повествования. Тщательное наблюдение за движениями голов гандхарвов и их спутников показывает, что эти движения не являются фиксированными, а меняются в зависимости от развития сюжета, что позволяет передать более живые и выразительные мимические выражения.

1. Вурон

Под «танцевальной внешностью» подразумеваются черты лица, и на изображении «Ганьтапо исполняет музыку» среди них особенно выделяется «взгляд». Искусство передачи эмоций с помощью взгляда, или, как его ещё называют, «выразительность глаз и бровей», представляет собой художественный приём, с помощью которого танцор передаёт эмоции посредством взгляда и мимики во время танца. Именно благодаря этим тонким изменениям в взгляде танец обретает свое неповторимое очарование.^[2] Что касается выражения взгляда на картине «Гандары играют на музыкальных инструментах», то здесь представлены такие формы, как прямой взгляд, косой взгляд, приподнятый взгляд и взгляд в сторону.

Взгляд вперед

Гандава Шанбай, изображенный в проходе, появляется одновременно со своими спутниками, при этом его взгляд чаще всего направлен вниз под углом, как будто он общается со спутниками.

② Взгляд, направленный вниз под углом

В 14-й пещере Кизила гандхарва с пятью косичками слегка поворачивает голову влево, слегка приподнимая подбородок, словно покачивая головой в такт мелодии, словно благоговейно прося Будду проповедовать учение, словно общаясь с Брахмой, стоящим позади него.

В 13-й пещере Кезира гандхарва с пятью косичками слегка подтягивает подбородок влево и вниз, принимая наклонный вниз вид.

③ Поднятый взгляд

2 Финансируемый проект: Проект Министерства образования по исследованиям в области гуманитарных и социальных наук «Исследование истории образов танца в настенных росписях пещер Гуйцзы» (24YJC760115).

Сведения об авторах: Тэн Ин (1989–), женщина, уроженка Урумчи (Синьцзян), преподаватель музыкального факультета Синьцзянского педагогического университета, магистр танцевального искусства;

Янь Лань (1997–), женщина, уроженка города Чжанье, провинция Ганьсу, преподавательница Профессионального колледжа Пэйли, магистр танцевального искусства.

Тэн Ин, Янь Лань. «Пестрые краски танцуют на весеннем ветру» [J]. «Китайское танцевальное искусство», 2023. № 1. С. 47.

В 8-й пещере Кезира гандхарва Шан-Ай смотрит на Будду, подняв глаза; выражение его лица отражает высокомерие, что резко контрастирует с благостным и спокойным выражением лица Будды, расположенного слева от него.

Пещера № 196 в Кизиле: гандхарва Шан-Ай поворачивает голову влево, смотрит на Будду на одном уровне, слегка подтягивая подбородок, что придаёт ей выражение пренебрежения.

В пещерах № 80, № 175 и № 186 Кезхира гандхарвы с пятью косичками смотрят вверх на Будду, сидящего справа.

2. Голова

① Взгляд вверх

На «Изображениях гандхарвов, исполняющих музыку» гандхарвы, расположенные в разных местах, имеют разные направления движения головы, которые в основном делятся на следующие два типа:

Во-первых, гандхарвы, расположенные справа от Будды, в основном встречаются в пещерах № 46, 80, 99, 171, 175 и 186 пещерного комплекса Кезиль; большинство из них изображены с поднятыми вправо взглядами. В пещере № 80 голова повернута влево; в пещере № 99 голова повернута вправо под углом (в направлении «2 часов»), и гандир поднимает взгляд, как будто общается с Буддой; в пещере № 175 голова повернута вправо и смотрит вверх на Будду, расположенного справа; в пещере № 186 голова повернута вправо и смотрит в направлении «2 часов».

Во-вторых, гандары, расположенные в пещерах № 8, № 14 и № 196 в Кизиле, а также в пещере № 48 в Семкусаме, в большинстве случаев изображены с головой, поднятой влево. В пещере № 8 голова гандхарвы задрана влево; в пещере № 14 гандхарва слегка поворачивает голову влево, слегка приподнимая подбородок; в пещере № 196 голова гандхарвы повернута влево; в пещере № 48 голова слегка повернута влево.

② Опушенный тип

В пещерах № 7, № 13, № 80, № 163, № 175, № 178 и № 179 в Кизиле головы гандхарвов в большинстве случаев изображены в опущенном положении. В пещере № 13 гандхарва слегка приподнимает подбородок и смотрит влево вниз, а головы его спутников слегка запрокинуты вправо. В пещере № 80 голова гандхарвы повернута влево, а его спутники слегка повернуты вправо и смотрят на гандхарву, запрокинув головы.

Как видно, движения головы играют важную роль в танце и оказывают заметное влияние на общее впечатление от танца. Как следует из приведенных выше примеров движений головы гандхарвов, направление этих движений в основном определяется взаимодействием гандхарвов с двумя главными персонажами – Буддой и его свитой, а во вторую очередь – требованиями сюжета и выражением эмоций.

В результате тщательного анализа было установлено, что направление

поворота головы гандхарвов в регионе Гуйцзы, а также манера выражения их взгляда очень похожи на другие изображения танцовщиц в пещерах Гуйцзы. Например, в пещере № 77 многие танцовщицы во время выступления то поворачивают головы влево, то вправо; эти движения тесно связаны с исполняемым ими танцем и ярко передают атмосферу веселья, царящую в небесном дворце во время музыкальных представлений. Сравнивая динамические закономерности и логику этих движений головы, а также опираясь на литературные источники о танцах Западных регионов, можно предположить, что движения головы и выражение глаз гандхарвов схожи с описанием особенностей «танцев ху» (胡舞), приведённым Ду Ю в «Всеобъемлющем исследовании исторических источников» (卷一百二十九 乐二):

.....происходящие из небес Западных земель.....качая головой, подмигивая.....^[3]

(.....源出西域诸天.....撼头、弄目.....)

Дальнейший анализ показал, что у Шан-Ай-Гандапа и его спутников, изображенных в месте Нирваны Будды, выражения лиц, взгляды и очертания голов чрезвычайно богаты, сложны и разнообразны. Если сопоставить эти данные с литературными источниками о музыке и танцах Западных регионов, становится очевидным, что танцевальные позы и особенности положения головы, изображённые на «Картине, изображающей гандарвов, исполняющих музыку», ещё более подтверждают их принадлежность к музыкально-танцевальному искусству Гуйцзы и особенно ярко подчеркивают характерные для него элементы «качания головой» и «игры глазами».

(2) Танцы и пляски

1. Танцы руками

В танцевальном искусстве под «формой рук» обычно понимаются движения ладоней и пальцев, выполняемые с опорой на плечевой или запястный сустав, а также общая форма рук, формируемая за счет источника силы в области талии и последовательной передачи усилия через плечи, руки, запястья, ладони и пальцы в координации друг с другом. Подобные жесты и движения могут служить не только психологическим проявлением абстрактных эмоций, но и наделяться конкретным символическим смыслом, используемым для создания определённых повествовательных ситуаций.

В 7-й пещере Кизыла (рис. 1) Шан-Ай-Гандаба опирается левой рукой на плечо своего спутника. Правая рука согнута в локте, ладонь обращена вверх, правый палец вытянут в виде колеса и расположен перед грудью. Левая рука спутника словно прижимает к себе арфу, правая рука согнута в локте, левая рука естественно свисает, средний и безымянный пальцы

3 Перепечатано из: Библиотека Синьцзянского университета (сост.), У Фэнхэнь, Чжу Инжун (ред.). «Исторические материалы о Гуйцзы» [М]. Урумчи: Издательство Синьцзянского университета, май 1987 г.: стр. 245.

левой руки слегка согнуты.

В пещере № 48 в Семму-Сем (рис. 2) у гандхарвы средний и безымянный пальцы левой руки согнуты, словно он перебирает струны; правая рука согнута в локте и поднята под прямым углом, локоть направлен наружу, ладонь – внутрь, мизинец и безымянный палец согнуты, кончики пальцев направлены внутрь.

Рис. 1. Пещера № 7 в Кызыле⁴.

Рис. 2. Пещера № 48 в Сем-Сем⁵.

13-я пещера в Кезиле (рис. 3): Шанаи-Гандаба опирается левой рукой на правое плечо своего спутника; запястье прижато к руке, большой, указательный и средний пальцы согнуты, безымянный и мизинец приподняты. Правая рука согнута в локте и опущена на грудь, ладонь обращена наружу.

В 80-й пещере Кызыла гандхарва высоко поднял правую руку вправо и вверх, ладонью внутрь, соединив большой и указательный пальцы. Левая рука согнута в локте, локоть направлен вниз, ладонь обращена наружу, а согнутый указательный палец перебирает струны арфы.

В 99-й пещере Кизила левая рука гандара поднята со сгибом в локте, локоть развернут в сторону, ладонь повернута вверх, запястье выгнуто, образуя ладонную позицию; рука расположена слева от головы. Правая рука согнута в локте, локоть направлен вниз, форма ладони утрачена.

В пещере № 175 в Кезиле (рис. 4) гандхарва поднял правую руку, согнув её в локте и отклонив в сторону; предплечье и плечо образуют прямой угол, ладонь обращена вверх, а запястье расположено справа от головы. Левая рука согнута в локте и находится перед грудью, словно прижимая струны арфы.

Рис. 3. Пещера № 13 в Кызыле⁶.

Рис. 4. Главная стена главного

4 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Сюйчу: «Большая серия музыкальных памятников Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 29.

5 Нарисовано автором.

6 Нарисовано автором.

зала пещеры № 175 в Кызыле^[7].

Здесь будет проанализирована лишь часть жестов рук гандхарвов. Наблюдения показывают, что как у гандхарвов, так и у их спутников движения верхних конечностей значительно преобладают над движениями нижних, вследствие чего форма рук становится основным средством передачи эмоций. Соответственно, вариации жестов рук отличаются чрезвычайным богатством и разнообразием.

2. Танцы

В контексте китайского языка термин «цзудао» обычно интерпретируется как художественный прием, при котором с помощью движений ног и ритмических телодвижений передаются эмоции или рассказываются истории. С помощью разнообразных положений стоп и танцевальных шагов он устанавливает эстетический диалог со зрителями и, посредством динамического представления движений ног, доносит до аудитории смысл повествования и эмоциональный подтекст. В процессе распространения учения буддизм в полной мере использовал эту выразительную функцию танца, чтобы донести до верующих доктрины, сделав его важным средством проповеди буддийских истин.

① Стоять, скрестив ноги

«Стоя с скрещенными ногами»: одна нога служит опорой, другая отведена назад, колено развернуто наружу, бедра вытянуты в одну сторону. Это движение является характерной чертой Гандаров и их свиты.

В пещерах № 13, № 163 и № 171 в Кызыле (рис. 5) Шан-Ай-Гандаба стоит правой ногой ровно на земле, а левую ногу скрестил перед правой, опираясь на переднюю часть стопы. Позиция его спутников противоположна положению его ног.

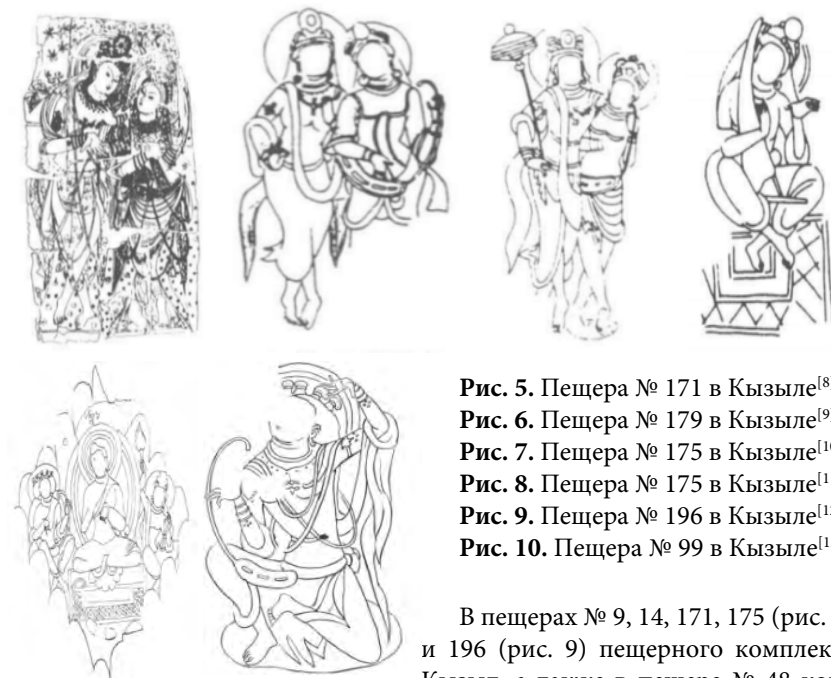
В пещерах № 7, № 178 и № 179 (рис. 6) в Кызыле у гандары Шанаи левая нога плоско стоит на земле, а правая перекрещена сбоку от левой, при этом стопа опирается на землю. Из-за повреждений изображения можно рассмотреть только движения ног гандары, а у его спутников видны лишь движения верхней части тела.

В пещере № 175 в Кезиле (рис. 7) Шан-Ай-Гандаба стоит на прямой правой ноге, правая стопа плоско стоит на земле, левая нога согнута в колене, а левая стопа поставлена сзади, сбоку от правой ноги, в позе шага. У его спутников правая стопа плоско стоит на земле, а левая перекрещена перед правой, при этом передняя часть стопы касается земли.

② Сидеть, скрестив ноги.

«Поза с скрещенными ногами» означает, что ноги скрещены и расположены прямо перед собой. Гандары в этой позе изображены на передней стене главного зала и на своде главного зала; обычно между их ногами размещается кунху.

7 Нарисовано автором.

Рис. 5. Пещера № 171 в Кызыле^[8].Рис. 6. Пещера № 179 в Кызыле^[9].Рис. 7. Пещера № 175 в Кызыле^[10].Рис. 8. Пещера № 175 в Кызыле^[11].Рис. 9. Пещера № 196 в Кызыле^[12].Рис. 10. Пещера № 99 в Кызыле^[13].

В пещерах № 9, 14, 171, 175 (рис. 8) и 196 (рис. 9) пещерного комплекса Кызыл, а также в пещере № 48 комплекса Семкусем гандины изображены сидящими на квадратных ложах в позе с левой ногой впереди и скрещенными ногами, между которыми поперек лежит дугообразный конху.

В пещерах № 99 (рис. 10), № 175 и № 186 в Кызыле гандхапы сидят на квадратной платформе: левая нога подтянута к телу, подошва плоско прижата к полу, а правая нога расположена на полу с внешней стороны, колено направлено вправо; в пещере № 186 положение противоположное. Автор считает, что такое положение ног во многом связано с манерой игры на дугообразном кунху.

Несмотря на то, что поза ног гандхарвов изображена относительно лаконично, анализ двух-трех вышеупомянутых вариантов положения ног позволяет чётко проследить развитие сюжета и логику создания образов

8 Чжоу Лунцинь: Искусство настенной живописи Синьцзяна (1) Кизил [М]. Урумчи: Издательство изобразительного искусства и фотографии Синьцзяна, 2009. С. 258.

9 Нарисовано автором.

10 Нарисовано автором.

11 Нарисовано автором.

12 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Сюйчу: «Большая серия музыкальных памятников Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 111.

13 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Сюйчу: «Большая серия музыкальных памятников Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 71.

персонажей в контексте слияния фресок на буддийские мифологические темы с местной культурой.

В упомянутых выше жестовых танцах особенно выделяются и чрезвычайно разнообразны формы рук гандхарвов. В межличностном общении жестам часто уделяется больше внимания, чем словам – в каждом движении рук и ног заключена богатая информация, позволяющая собеседникам более непосредственно ощущать внутренние эмоции друг друга и глубже проникать в смысл, скрытый за словами. Если проследить историю индийской культуры танца, то можно узнать, что в индийских монастырях когда-то специально обучали женщин танцевальным навыкам, предъявляя строгие требования к работе рук, глаз и ног. Цзян Дун в своей работе «Общий обзор индийского танца» также отмечает: «В древнеиндийском трактате „Трактат о танце“ описано в общей сложности сто восемь жестов, которые отличаются высокой степенью стилизации, богатой выразительностью и сильной жизненной силой». » Из этого следует, что с распространением буддизма на Восток танцевальные позы на фресках «Гандарвы, исполняющие музыку», хотя и находились в определенной степени под влиянием традиций индийских танцевальных жестов, в большей степени обязаны разнообразию своих форм процветанию местной культуры музыки и танца в Гуйцзе.

Подводя итог, можно сказать, что каждая конкретная поза рук, изображённая на «Картине, изображающей музыку гандхарвов», несет в себе уникальное символическое значение, которое либо соответствует основным концепциям, зафиксированным в буддийских канонических текстах; либо, возможно, отражает эстетические предпочтения создателей пещер и мастеров; либо может быть проявлением эмоциональной экспрессии гандхарвов; либо служит средством передачи учения верующим; а также может быть тесно связано с бурным развитием жестового танца в регионе Кучи. В целом, культурный и исторический смысл, скрытый в этих разнообразных жестах, несомненно, богат и глубок, что требует от нас дальнейшего изучения и интерпретации в будущем.

(3) Движения туловища

Движения туловища играют в танце решающую роль: они не только влияют на визуальный эффект танца, но и тесно связаны с выражением эмоций и повествованием; к ним относятся все движения средней части тела – от плеч до бедер. А в картине «Гандары, исполняющие музыку» основным движением туловища является «S»-образная линия.

Характерной чертой танцевального движения в форме буквы «S» является образование острых углов между головой, ногами и талией. Если талия вытягивается вправо, то верхняя часть тела наклоняется влево, при этом шея и голова наклоняются вправо, а обе руки перекрещиваются и вытягиваются в стороны, что создает противодействующую силу и де-

монстрирует особую мощь. Кроме того, когда талия вытягивается вправо, центр тяжести неизбежно переносится на правую ногу, что позволяет левой ноге свободно выполнять различные движения.

В 7-й пещере Кизыля Шан-Ай-Гандаба стоит, перекрестив ноги, с правой ногой впереди, правый бедро выдвинуто вправо, а верхняя часть тела наклонена влево. Бедро его спутников выдвинуты влево.

В пещере № 171 в Кезиле (рис. 11) Шан-Ай-Гандаба стоит, перекрестив ноги, с правой ногой впереди, бедро правой ноги выдвинуто вправо, а верхняя часть тела наклонена влево. Его спутник стоит, перекрестив ноги, с правой ногой впереди, бедро выдвинуто влево.

В 80-й пещере Кизыля Шан-Ай-Гандаба стоит, скрестив ноги, правая нога впереди, правый бедро выдвинуто вправо, а верхняя часть тела наклонена влево. У его спутников ноги расставлены на ширину плеч, бедра выдвинуты вправо.

В пещере № 163 в Кезиле (рис. 12) Шан-Ай-Гандаба стоит, перекрестив ноги, с правой ногой впереди, бедро правой ноги выдвинуто вправо, а верхняя часть тела наклонена влево. Его спутник стоит, перекрестив ноги, с правой ногой впереди, бедро выдвинуто влево.

Рис. 11. Пещера № 171 в Кызыле.

Рис. 12. Пещера № 163 в Кызыле^[14].

Анализ S-образных очертаний фигур гандхарвов Шан-Ай показывает, что большинство из них изображены в позе стоя с скрещенными ногами. Благодаря траектории движения скрещенных ног бедро с одной стороны естественным образом опускается вниз, в то время как бедро с другой стороны выдвигается наружу; верхняя часть тела движется в направлении, противоположном движению бедер, что и формирует S-образную кривую.

Стоит отметить, что у изображённых на фресках стоящих гандавов и их спутников направление движения бёдер в большинстве случаев противоположно, и лишь у немногих оно совпадает.

В целом, S-образная осанка не только отражает типичный стиль танца Гуйцзы, но и ее танцевальные формы демонстрируют внутреннюю связь с учением об Инь и Янь в традиционной китайской философии. Если проследить эволюцию «Изображения танцующих гандхарвов» в пещерах Гуй-

14 Чжоу Лунцинь: «Искусство настенной живописи в Синьцзяне, Китай (3). Кезиль» [М.]. Урумчи: Издательство изобразительного искусства и фотографии Синьцзяна, 2009. С. 122.

цзы, то можно заметить, что период династий Вэй, Цзинь и Северных и Южных династий был временем социальных потрясений и политической нестабильности, однако в интеллектуальной сфере наблюдалась необычайная активность: даосизм получил систематическое развитие, противостояние между буддизмом и антибуддийским движением все более обострялось, а буддизм, конфуцианство и даосизм постепенно начали сближаться. Взаимодействие множества сложных факторов оказало глубокое влияние на развитие искусства музыки и танца. Судя по изображению S-образных черт гандхарвов, это отражает тесные культурные связи между Западными регионами и Центральной Китаем, а проникновение концепции «инь-янь» уходит корнями в общую культурную почву китайского народа и воплощает ярко выраженный китайский образ мышления. Этот лексикон жестикуляции, сформировавшийся в результате тысячелетнего взаимодействия, является ярким символом исторического слияния Китая и Западных регионов.

II. Гандары и конху

В научных кругах существуют разные мнения относительно назначения кунху: одни считают его музыкальным инструментом, другие – ритуальным предметом. Хэ Чжилин в статье «Разговор о «конху» на Шелковом пути: не пустые разговоры – размышления о названиях, времени, регионах, культурных носителях и причинах использования конху на Шелковом пути» считает, что играть на конху с кожаным резонатором и дугообразной формой мог только гандхарва, и что его функция «защитника Дхармы» была очевидна. Ван Сюэ, в свою очередь, в работе «Исследование мотивов музыки и танца на фресках пещер Могао в Дуньхуане» считает, что упоминаемые в литературе «стеклянная цитра» или «цитра из семи сокровищ», которые держат в руках гандапы, не являются точными названиями музыкальных инструментов, а представляют собой описание материала, из которого изготовлены эти инструменты. Помимо вышеупомянутых двух точек зрения, во многих записях буддийских сутры на китайском языке неоднократно упоминается красота звучания конху, что указывает на его особое место в буддийских обрядах.

Вернёмся к самой картине «Гандары, исполняющие музыку». Анализ с помощью методов иконографии показывает, что на изображении на кунхоу не указано чёткого количества струн, а значит, не описан принцип его звукоизвлечения; исходя из этого, он, по-видимому, не является практическим музыкальным инструментом. Однако в буддийских суттах на китайском языке имеются чёткие упоминания о том, что гандары держат в руках «стеклянную арфу с девятиюста одной струной», что косвенно указывает на то, что он действительно может служить музыкальным инструментом. Противоречие между тем, что видно на изображении, и тем, что записано в литературе, побуждает нас задаться дополнительным вопросом: какую

функцию и роль на самом деле выполняет кунху на «Картине, изображающей гандхарвов, исполняющих музыку»?

(1) Кунху как музыкальный инструмент

Лукообразный кунху можно назвать наиболее часто встречающимся типом этого инструмента на «Изображении гандхарвов, исполняющих музыку». Еще в IV веке н. э. в высеченных в пещерах изображениях гандхарвов они уже появлялись с лукообразным кунху в руках; в большинстве случаев речь шла о сольных исполнениях, которые обычно исполняли сами гандхарвы или их спутники.^[15]

Лукообразный кунху, который держит гандхарва (рис. 13), в основном состоит из трёх частей: резонатора, струн и грифа. Резонатор обычно имеет овальную форму, гриф относительно длинный и проходит сквозь резонатор; на конце резонатора имеется завязка, а между серединой грифа и нижней частью резонатора натянуты струны – эти три элемента составляют целостный лукообразный кунху.

Рис. 13. Пещера № 99 в Кызыле^[16].

Рис. 14. Пещера № 48 в Семке^[17].

Рис. 15. Пещера № 17 в Кызыле^[18].

В «Сборнике ста сут» записано:

Говорят, что на севере живут гандары, искусно играющие на цитре, сочиняющие музыку, поющие и танцующие... Играя на однострунной цитре, они могут извлекать семь видов звуков, которые имеют двадцать одно

15 Хэ Чжилин. Исследование изображений кунхоу [J]. Вестник Тяньцзиньского музыкального института, 2016. № 2. С. 50.

16 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Суйчу: «Большая серия по музыкальным памятникам Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 71.

17 Чжоу Лунцин: Искусство настенной живописи в Синьцзяне (5). Пещеры Сем-Сем и Кезергаха [М]. Урумчи: Издательство изобразительного искусства и фотографии Синьцзяна, 2009. С. 88.

18 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Суйчу: «Большая серия по музыкальным памятникам Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 58.

толкование...^[19]

(闻其北方有乾闥婆善巧弹琴作乐歌舞……弹一弦琴能令出于七种音声，声有二十一解……)

Также, например, в «Сборнике различных вопросов по Винайя-вишюшти школы Сатьявади» говорится:

Тогда Будда вместе с ним заиграл на кунху. Будда перерезал одну струну, тот тоже перерезал одну, но звучание осталось прежним. Будда перерезал ещё две, тот тоже перерезал две, но звучание стало чуть более схожим. Будда перерезал ещё три и четыре, тот поступал так же. И так продолжалось, пока у каждого не осталась по одной струне, но звучание не изменилось.^[20]

(佛即对彼共弹箜篌。佛断一弦，彼亦断一，然二音声并无差异。佛又断二，彼亦段二，然其音声一重相似。佛又断三断四，彼亦如是。乃至各留一弦，然音声不变。)

Упомянутые выше литературные источники также подтверждают функциональные особенности кунхоу как музыкального инструмента. Например, фраза «при игре на однострунной гитаре можно извлечь семь различных звуков» ясно свидетельствует о богатстве и разнообразии тембра кунхоу, демонстрируя его исключительную выразительность и уникальные характеристики; а фраза «Будда отрезал три, отрезал четыре» с точки зрения количества струн указывает на то, что кунхоу обладает физическими свойствами, позволяющими ему издавать несколько звуков одновременно.

В работе «Археологическое исследование кунху, обнаруженного в Синьцзяне» Хэ Чжилин провел систематическую идентификацию и интерпретацию изображений кунху в пещерах Кезиль и, анализируя жесты музыкантов, отметил, что на фресках в основном запечатлены мгновенные движения, совершаемые при игре на кунху. С учетом литературных источников и последних результатов исследований в области инструментологии, проводимых музыковедами, можно сделать вывод о крайне высокой вероятности того, что кунху обладал функцией музыкального инструмента.

(2) Конху как танцевальный реквизит

Во-первых, в книге «Биографии великих монахов» (卷13, «Глава о учителях канона») Лиан Хуэйцзяо в разделе, посвящённом хвалебным песням, говорится:

«В чистом обители мы исполняем танцы и воспеваем в Двух Рощах, воздавая благодарность за милость и добродетель Единого Учения».^[21]

19 «Сборник сотни причин», «Дайсё-зо», том 4, стр. 211–212.

20 «Сборник различных положений Винайя школы Сатьявада», «Дайсё-зо», том 24, стр. 395.

21 Хуо Сюйчу. Исследование настенных росписей с сюжетами о гандавах в Гуэйцзы [J]. «Исследования Дуньхуана», 1990. № 2. С. 30.

(“净居舞颂于双林，奉报一化之恩德。”)

Мы можем ясно видеть, что гандавы в основном прославляли и почитали Будду посредством танца. Хо Сюйчу в статье «Исследование фресок с историями о гандавах в Кучи» отмечает, что гандава Шаньбай вместе со своей женой танцует и поёт в честь Будды рядом с изображением его нирваны. Этот отрывок из текста, а также мнения, изложенные в статье «Исследование фресок с историями о гандавах в Кучи», ещё раз подтверждают, что лукообразный конху использовался в качестве реквизита для танцевальных представлений.

Во-вторых, в «Сборнике ста причин» говорится:

В южной части города Шравасты в Индии жил царь гандарвов по имени Шан-ай, который превосходно играл на цитре, а также прекрасно пел и танцевал... Он умел развлекать людей танцами и играми, вводя их в состояние опьянения и распушенности, так что они теряли самообладание...^[22]

(在印度舍卫国南城有一乾闥婆王名善爱，长于弹琴，并善歌舞……能令众人欢娱舞戏，昏迷放逸，不能自持……)

Эти письменные свидетельства можно соотнести с сюжетом истории о Буду Шаньбай и гандхарве, а именно с изображениями танцующих гандхарв, расположенными в правом проходе и на своде главного зала. Из фразы «искусно играла на цитре, а также прекрасно пела и танцевала» следует, что гандхарва не только демонстрировала высокое мастерство в игре на цитре, но и воплощала образ мастера танца.

В-третьих, Хо Сюйчу в статье «Исследование фресок с историями о гандавах в Кучи» отмечает: «Шан-Ай, гандава, находящийся рядом с изображением Будды в нирване, вместе со своей женой поёт и танцует, воздавая поклонение». Во-вторых, Чжао Ли в статье «Сто вопросов о пещерах Гуйцзы» также отмечает: «Женщина, держа в руках кунху, изображена в позе исполнения песни, а мужчина тесно прижимается к ней, демонстрируя ритмику танца». Кроме того, Ли Цзилян в разделе «Танец» своей работы «Исследование искусства Гуйцзы» отмечает: «Изображение гандарвы с пятью косами и его свиты, расположенное сбоку от ниши с изображением Будды, передает позы танца и пения», а также: «На стене прохода слева от изображения нирваны Будды в заднем зале нарисованы мужчины и женщины-небесные существа, сопровождающие музыку и танец, женщины держат в руках дугообразные конху и изображают, как будто исполняют песни, а мужчины прижимаются к женщинам, и в их позах также прослеживается ритм танца». На основании выводов этих трех учёных можно с уверенностью утверждать, что конху использовался в качестве танцевального реквизита, помогающего передать танцевальные образы.

Возвращаясь к самому изображению. С одной стороны, с точки зрения формы и конструкции на изображении кунху видны лишь гриф и резона-

торная коробка, а следов струн не обнаруживается, поэтому невозможно проверить его звуковые характеристики. С другой стороны, с точки зрения музыкальной акустики, он не соответствует физическим принципам звукоизвлечения. Кроме того, при наблюдении за танцевальными и исполнительскими позами Гантапов и их свиты не обнаруживается движений, характерных для перебора струн. Однако противоречие между документальными свидетельствами, рассмотренными выше, и результатами анализа изображений, о котором шла речь ранее, как раз и раскрывает двойственную природу кунху на «Изображении танца Гантарпов»: он не только несет музыкальную функцию как символ музыкального инструмента, но и участвует в танцевальном представлении в качестве реквизита, тем самым придавая визуальную выразительность музыкально-танцевальному празднику, запечатленному на фреске.

III. Одежда гандхарвов

На картине «Гандары исполняют музыку» их одежда изображена в уникальном стиле и с богатой детализацией; при этом одежда гандаров служит важным средством для изучения взаимосвязи между танцевальной формой и культурой одежды. Это исследование предоставляет ценные изобразительные материалы для изучения взаимосвязи между танцевальной формой и культурой одежды.

(1) Пятикосичковый Гантарба

1. Одежда

В изображениях на настенных росписях гандарвы с пятью косами можно выделить три основных типа одежды: во-первых, обнаженная верхняя часть тела; во-вторых, одежда, открывающая правое плечо; в-третьих, различные виды юбок-штанов. Об этом можно судить по следующим настенным росписям:

Пещера № 14 в Кезиле: гандарва с пятью косами в юбке-штанах.

Пещера № 80 в Кезиле: гандарвы с пятью косами с обнаженной верхней частью тела и босиком.

Пещера № 99 в Кезиле (рис. 16): гандарвы с пятью косами с обнаженной верхней частью тела, в синих юбках-штанах и босиком.

Пещера № 175 в Кезиле (рис. 17): гандхарва с пятью косичками одет в бледно-зеленую блузу, на ней – юбка-брюки, босиком.

Пещера № 186 в Кезиле: гандарвы с пятью косичками в синих юбках-брюках, босиком.

Пещера № 48 в Семкусаме: гандарвы с обнаженным торсом, в юбках-брюках, босиком.

2. Украшения.

Пещера № 14 в Кезиле: гандхарва с пятью косичками на голове, украшенная кольцами на шее, обернутая шелковым поясом и носящая кольца на шее.

Рис. 16. Пещера № 99 в Кызыле.

Рис. 17. Пещера № 175 в Кызыле^[23].

Пещера № 80 в Кизиле: гандхарва с пятью косичками на голове, обернутая шелковым поясом и носящая кольца на шее.

Пещера № 175 в Кизиле: гандхарва с пятью косичками, на теле – шелковый пояс, на голове – пять косичек, на шее – кольцевые украшения.

Пещера № 186 в Кизиле: гандхарва с пятью косичками, на голове – пять косичек, на шее – кольцевые украшения.

Пещера № 48 в Семкусаме (рис. 18, рис. 19): гандара с пятью косичками на голове, с кудрявыми волосами, спадающими на плечи, обернута в шелковый пояс и украшена ожерельем и браслетами.

Пещера № 23 в Кумутула: гандхарва с пятью косичками на голове, украшенная ожерельем и кольцами, с шелковым поясом на теле.

Рис. 18. Фрагмент головы из пещеры № 48 в Сем-Сем^[24].

Рис. 19. Пещера № 48 в Сем-Сем.

Гандары, изображённые на передней стене главного зала, имеют на голове по пять косичек (рис. 18); эта особенность ещё раз подтверждает, что пять маленьких косичек на макушке являются важным признаком, позволяющим идентифицировать гандаров с пятью косичками. Кроме того, к их характерным украшениям относятся кольца на запястьях и полотна ткани, спускающиеся с плеч (рис. 19).

Из этого следует, что особенности одежды гандхарвов с пятью косичками заключаются в следующем: во-первых, верхняя часть тела обнажена, однако гандхарвы с пятью косичками в пещере № 175 одеты в зелёные верхние одежды, причём при ношении такой одежды у них открыта

23 Под редакцией Ван Цзичу и Хо Сюйчу: «Большая серия музыкальных памятников Китая» (том «Синьцзян») [М]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 92.

24 Авторская иллюстрация.

правая рука. Во-вторых, голова украшена пятью косичками, причём пять маленьких косичек на макушке на фресках часто изображаются голубовато-синего цвета; их особая форма и цвет стали устоявшимся стилем изображения.^[25] В-третьих, украшения для шеи, запястий и других частей тела служат ожерелья, браслеты, наручные украшения, ножные кольца и серьги. В-четвертых, верхнюю часть тела в большинстве случаев украшают лишь длинные ленты, спускающиеся с плеч и обвивающие руки. В-пятых, на нижней части тела надеты юбки-брюки, а ноги остаются обнажёнными. Хотя фасонов одежды не так много, сочетание цветов очень богатое, а украшения из жемчуга и драгоценных камней придают изображённым на картине гандхарвам с пятью косами ещё большее величие.

(2) Шан-Ай-Ган-Та-Па

1. Одежда

Пещера № 7 в Кезиле (рис. 1): Шан-Ай-Гандаба изображена с обнажённой грудью, а нижняя часть тела покрыта прозрачными штанами-юбкой. Её спутники имеют смуглую кожу, одеты в лифы в стиле Кучи и длинные штаны-юбки.

Пещера № 80 в Кизиле: Шан-Ай-Гандаба одет в юбку-штаны. Его спутники носят лифы с узкими рукавами и юбки-халаты.

Пещера № 163 в Кезиле: гандхарва Шан-Ай с обнажённой нижней частью тела прижимается к спутнице, выполняя мудра руками. Спутница одета в лиф, облегающие штаны и прозрачные юбки-штаны.

Пещера № 171 в Кизиле (рис. 5): гандхарва с обнажённой верхней частью тела, на нижней части тела – юбка-брюки. Спутники одеты в лифы с узкими рукавами и юбки-брюки.

Пещера № 179 в Кизиле (рис. 6): гандхарва с обнажённой верхней частью тела, на нижней части тела – юбка-брюки каменно-зелёного цвета. Спутники одеты в лифы.

Судя по изображениям одежды Шан-ай-Ганда, он в основном обнажен по грудь, на нижней части тела носит юбку-штаны, а ноги чаще всего босые. Однако его спутники чаще носят верхнюю одежду, а юбки-штаны отличаются большим разнообразием фасонов и яркими цветами.

2. Украшения

Пещера № 7 в Кизиле: Шан-Ай-Гандапа одет в широкий шелковый пояс, на шее у него кольцевые украшения. Его свита также одета в широкие шелковые пояса.

Пещера № 80 в Кизиле: Шан-Ай-Гандапа носит корону с одной жемужиной, его торс обнажен, а с плеч свисает шелковый пояс. Его свита украшена цветами на головах.

Пещера № 163 в Кезиле: царь гандарв Шан-Ай носит корону с одной

25 Чжоу Цзинбао. «Шелковый путь и искусство костюма в настенных росписях пещер Гуйцзы» [J]. «Искусство Синьцзяна» (на китайском языке), 2017. № 6. С. 10-18.

жемчужиной, на шее у него кольцевые браслеты, на теле – гирлянды, на плечах – шелковый пояс, на концах которого изображены изящные узоры, а на талии – только украшение.

Пещера № 171 в Кизиле: Шан-Ай-Ган-Тапба носит корону с одной жемчужиной и накинутую на плечи шелковую ленту. Его свита украшена цветочными гирляндами.

Пещера № 179 в Кизиле: он одет в длинную узкую шелковую ленту и держит в обеих руках лотос. Его свита украшена цветочными гирляндами.

Особенности одежды родственников Шаньба в основном проявляются в следующих аспектах: во-первых, родственники чаще всего носят верхнюю одежду, причем у некоторых она выполнена в стиле Гуйцзы, а внизу – яркие юбки-брюки. Во-вторых, их украшения, по сравнению с украшениями Шаньба, более просты: в основном это цветочные гирлянды на голове и шелковые ленты.

Подводя итог, можно сказать, что у гандхарвов с пятью причёсками и у гандхарвов Шан-Ай есть свои уникальные особенности в одежде. Формирование этих особенностей, с одной стороны, возможно, тесно связано с местными эстетическими представлениями в Кучи; с другой стороны, мастера разных эпох и разных пещер имели свои собственные творческие эстетические взгляды и предпочтения, что также отражает индивидуальные эстетические ориентации мастеров. Кроме того, в одежде гандав можно увидеть как элементы, отражающие влияние буддийской культуры, так и местные гуйцзынские мотивы, а также проследить следы проникновения культур одежды ханьцев из Центральной Китая и Ближнего Востока – здесь пересекаются и сливаются различные культуры, совместно формируя богатое многообразие одежды гандав.

Заключение

В данной статье в основном дается систематический анализ танцевальных движений, образов, реквизита и стиля костюмов, представленных на «Изображении Гандарвов, исполняющих музыку». Анализ самой сущности танца показал, что изменения в положении головы и мимике гандхарвов особенно разнообразны; после обобщения характерных черт и сопоставления с литературными источниками, посвященными музыке и танцам Гуйцзы, можно сделать вывод, что танцевальные особенности, изображенные на «Картинах гандхарвов, исполняющих музыку», являются визуальным воплощением типичных черт музыки и танцев Гуйцзы. Исходя из этого, S-образная форма тела в процессе своей эволюции постоянно подвергалась слиянию и изменениям, сформировав лексику телодвижений, отражающую уникальные эстетические представления и философский смысл китайского народа, и став ярким отражением слияния различных культур.

Библиографический список

1. Ван Сюэ. Исследование мотивов музыки и танца в настенных росписях пещер Могао в Дуньхуане [Д]. Университет Ланьчжоу, 2022. С. 28.
2. Тэн Ин, Янь Лань. «Пестрые краски танцуют на весеннем ветру» [J]. «Китайское танцевальное искусство», 2023. № 1. С. 47.
3. Чжоу Лунцинь: «Искусство настенной живописи в Синьцзяне, Китай (3). Кезиль» [М.]. Урумчи: Издательство изобразительного искусства и фотографии Синьцзяна, 2009. С. 122.
4. Хэ Чжилин. Исследование изображений кунхоу [J]. Вестник Тяньцзиньского музыкального института, 2016. № 2. С. 50.
5. Чжоу Лунцинь: Искусство настенной живописи в Синьцзяне (5). Пещеры Сем-Сем и Кезергаха [М.]. Урумчи: Издательство изобразительного искусства и фотографии Синьцзяна, 2009. С. 88.
6. Хуо Сюйчу. Исследование настенных росписей с сюжетами о гандавах в Гуйцзы [J]. «Исследования Дуньхуана», 1990. № 2. С. 30.
7. Под редакцией Ван Цзичу и Хо Сюйчу: «Большая серия музыкальных памятников Китая» (том «Синьцзян») [М.]. Чжэнчжоу: Издательство «Дасян», 1999. С. 92.
8. Чжоу Цзинбао. «Шелковый путь и искусство костюма в настенных росписях пещер Гуйцзы» [J]. «Искусство Синьцзяна» (на китайском языке), 2017. № 6. С. 10-18.

References

1. Wang Xue. A Study on Music and Dance Motifs in the Mural Paintings of the Mogao Grottoes in Dunhuang [D]. Lanzhou University, 2022. P. 28.
2. Teng Ying, Yan Lan. "Colorful Colors Dancing in the Spring Breeze" [J]. "Chinese Dance Art", 2023. № 1. P. 47.
3. Zhou Longqin: "The Art of Mural Painting in Xinjiang, China (3). Kezil" [M.]. Urumqi: Xinjiang Fine Arts and Photography Publishing House, 2009. P. 122.
4. He Zhiling. A Study on Konghou Images [J]. Bulletin of the Tianjin Institute of Music, 2016. № 2. P. 50.
5. Zhou Longqin: The Art of Mural Painting in Xinjiang (5). Sem-Sem and Kezergah Caves [M.]. Urumqi: Xinjiang Fine Arts and Photography Publishing House, 2009. P. 88.
6. Huo Xuchu. A Study on the Murals of Gandawa in Guizi [J]. Dunhuang Studies, 1990. № 2. P. 30.
7. Edited by Wang Jichu and Huo Xuchu: The Large Series of Chinese Musical Monuments (Xinjiang Volume) [M.]. Zhengzhou: Daxiang Publishing House, 1999. P. 92.
8. Zhou Jingbao. Silk Road and Costume Art in the Murals of the Guizi Caves [J]. Xinjiang Art (in Chinese), 2017. № 6. P. 10-18.

Мальцева Л.В.

Доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Этнохудожественная культура Кубанских казаков и современность*

Аннотация. Современное общество находится в процессе глобализации, цифровизации и активного межкультурного взаимодействия. В этих условиях этнокультура – совокупность традиций, ценностей, языка народа – играет ключевую роль в сохранении идентичности. Глобализация стирает границы, но одновременно угрожает уникальности культур. С одной стороны, интернет и социальные сети позволяют нам делиться своими традициями, обычаями, культурой с другими народами. С другой стороны, происходит потеря национальных ценностей.

В каждом уголке нашей страны есть свои: особенности, неповторимая красота природы, художественные промыслы. Традиции, культура, обычаи начинаются там, где мы живем и творим. На Кубани изучение этнохудожественной культуры происходит на протяжении всей жизни, и передается из поколения в поколение. Воспитание на искусстве, культуре, истории кубанского казачества – значит мы сохраняем историческую преемственность двух поколений.

Ключевые слова: казачество, культура, обычаи, традиции, воспитание, история, художественные промыслы.

Maltseva L. V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

The artistic culture of the Kuban Cossacks and the present

Abstract. Modern society is in the process of globalization, digitalization, and active intercultural interaction. In these conditions, ethnoculture – a set of traditions, values, and the language of a people – plays a key role in preserving identity. Globalization erases borders, but at the same time threatens the uniqueness of cultures. On the one hand, the Internet and social networks allow us to share our traditions, customs, and culture with other nations. On the other hand, there is a loss of national values. Every corner of our country has its own unique features, natural beauty, and artistic crafts. Traditions, culture, and customs begin where we live and create. In Kuban, the study of ethno-artistic culture takes place throughout one's life and is passed down from generation to generation. By fostering an appreciation of the art, culture, and history of the Kuban Cossacks, we ensure the preservation of historical continuity between two generations.

Key words: Cossacks, culture, customs, traditions, education, history, and handicrafts.

* © Мальцева Л.В., 2026.

В настоящее время школы, университеты играют большую роль в передаче традиций. Сохранить этнохудожественную культуру кубанских казаков – осознание своей связи с языком, традициями, историей своего народа.

Этнохудожественная культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, выраженных в народном искусстве, ремеслах, фольклоре, традициях, обычаях. Эта культура формирует у нас чувство принадлежности к своему народу, уважение к истории, культуре, а также будет способствовать развитию творческого потенциала.

В современной России этнохудожественное образование воспитание признаны приоритетными направлениями в образовании. В образовательных стандартах и концепциях развития образования выделяется: 1) сохранения и передача культурных ценностей подрастающему поколению; 2) формирования бережного отношения к историческому и культурному наследию.

Этнохудожественное образование человека – это не только изучение фольклора и ремесел, но и развитие способности воспринимать, понимать и создавать произведения искусства, основанных на национальных традициях. Такой подход будет способствовать формированию эстетической, коммуникативной и нравственной культуры личности.

Этнохудожественная культура кубанских казаков – это удивительный мир культурных традиций, который формировался веками.

1. Кубанский казачий хор – это главный хранитель культурного наследия, старейший национальный коллектив России основанный в 1811 году. Он стал живым символом края. Кубанский казачий хор, в который входит певческий ансамбль, большая танцевальная группа, народный оркестр, что позволяет коллективу создавать интереснейшие концертные программы.

Искусство, как известно, – одна из лучших форм народной дипломатии. Оно роднит людей независимо от национальности и религиозных убеждений, сближает государства и народы. Наш знаменитый земляк В.Г. Захарченко справедливо заметил: «У каждого народа есть своя неповторимая душа – это его вера, язык, праздники и обряды, песни и танцы. Пока жива душа народа, жив и сам народ».

Руководитель хора В. Захарченко. Выступление хора.

2. В культуру казаков входит жанры и диалекты. На фестивалях можно услышать и исторические песни о походах, народные плясовые. Часто они исполняются на местном диалекте (баласка).

3. Казачья лезгинка, одна из самых ярких примеров – лезгинки, которая от кавказских отличается большой удалью и соревновательным духом, где даже казачки могут демонстрировать мастерство владения шашкой.

4. Связь с боевым искусством. Все танцы пронизаны воинским духом, в них прослеживаются элементы боевой подготовки.

5. Основные ремесла.

Казаки с детства овладевали разнообразными ремеслами, неотъемлемой частью русского народного искусства:

– ковка (кузнечное дело). Кузнечное дело на Кубани – это не просто ремесло, а одно из самых почитаемых занятий, уходящий корнями в историю казачества. Оно органично сочеталось с земледелием и было так же естественно для казака, как и возделывание земли.

Казаки называли свое ремесло лаконично – ковань. В конце XVIII века с переселением запорожцев на Кубань возникла острая необходимость в металлических орудиях труда. Местные мастера ковали плуги, серпы, вилы, подковы, а также замки, топоры, гвозди. Настоящим расцветом ремесла стала художественная ковка, когда кузнецы создавали ажурные кружева для ворот, оград, решеток, флюгеров, козырьков, превращая металл в произведение искусства. Ремесло часто передавалось от отца к сыну, первые уроки под руководством старших начинались с раннего возраста. Несмотря на автоматизацию, кузнечное ремесло на Кубани переживает второе рождение, бережно сохраняя традиции предков. С 2009 года в живописном поселке Мезмай ежегодно проходит фестиваль «Кузнечное дело Кубани». Рядом с фестивалем работает «Школа традиционных народных ремесел Кубани». Здесь дети под руководством мастеров осваивают азы кузнечного дела, обеспечивая преемственность поколений.

Кузнец за работой Кузница.

Сегодня этнохудожественная культура активно внедряется в систему

дополнительного образования: работают фольклорные студии, дома народного творчества, мастерские по традиционным ремеслам. Важную роль играют фестивали, выставки, мастер-классы, где дети и взрослые могут не только познакомиться с народной культурой, но и попробовать себя в роли творца.

– Гончарное ремесло на Кубани было распространено в местах, где имелась глина, пригодная для изготовления керамики. Станицы Пашковская и Елизаветинская обладали лучшими на Кубани залежами гончарной глины. В основном, выделялась простая посуда, незатейливые игрушки для детей, часто гончарное производство соединялось с выделкой кирпича.

Гончарный круг Гончар за работой.

На Кубани гончары пользовались большим почетом и уважением, о них слагались песни, сказки, пословицы. Формы кубанской керамики просты, орнамент яркий, растительный. Необходимые в быту кувшины – «глэчики», корчаги для теста, «макитры», миски, ситечки, кружки, рукомыльники покрывались коричневой или темно-зеленой глазурью – «поливой». Кубань гордится своими мастерами в области гончарного искусства, они творят и до сих пор.

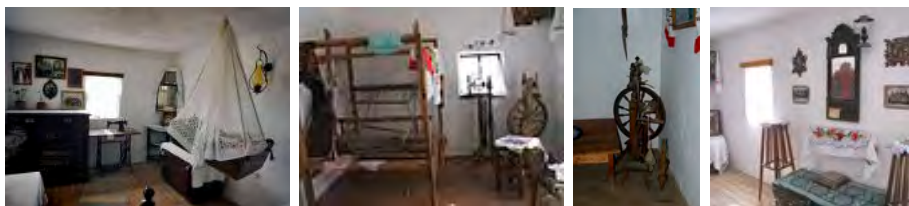

Изделия из глины.

Такие фестивали у нас в Краснодарском крае проводят в этнографической станице Атамань. В этой станице собираются во всего края народные умельцы, которые показывают мастер-классы и каждый желающий может попробовать себя в роли мастера.

– Резьба по дереву. Дерево на Кубани всегда было в цене, и умение работать с ним считалось одним из главных мужских ремесел. Казаки мастерски украшали резьбой не только дома, но и предметы повседневного быта, превращая их в настоящие произведения искусства.

Нарядной резьбой (особенно пропильной, похожий на кружево) украшали фасады (наличники, ставни, козырьки крылец, двери). В основе узоров (геометрические, растительные). Внутри дома резьбой покрывали практически все, что можно было сделать из дерева: кровати, комоды, столы, шкафы, зеркала. Так же делали посуду, орудия труда: прялки, ткацкие станки, рубели (круглые палки, для катания белья).

Резьба по дереву.

– Лозо – соломоплетение. Ремесло плетение из лозы и соломы на Кубани было по-настоящему народным. Им занимались не ради искусства, а для ведения повседневного хозяйства. Из доступных природных материалов мастера создавали невероятное количество нужных в быту вещей.

Работы из талаша.

Плетение – одно из древнейших ремесел человечества, возникшее еще в каменном веке. На Кубань его принесли черноморские казаки в конце XVIII века. Природные богатства края идеально подходило для развития промысла. В плавнях рек в изобилии росли ива, камыш, рогоз. Часто этим ремеслом занимались в холодное время года, свободное от полевых работ.

Из лозы (ивовые прутьев) изготавливали практически все необходимое в хозяйстве. Корзины всех мастей (для овощей, яиц, грибов), кораба для

хранения зерна и муки. Мебель: кресла, столы, колыбели для малышей. Изготавливали изгороди (плетни) для дворов, стен первых жилищ-мазанок. Плели не только из ивы. В ход шла и солома, из которой казаки мастерили мужские шляпы (брыль) спасавшие в страдную пору на сенокосе. Такие мастера использовали листья кукурузных початков (талаш, камыш). Самым ходовым материалом была гибкая ивовая лоза, которую заготавливали заранее.

Наиболее распространенным видом народно-прикладного искусства на Кубани была вышивка. Мастерницы казачки вышивали рушники (полотенца), скатерти, салфетки, наволочки, занавески, рубахи. С 8-9 лет к рукоделию приобщались девочки, которые под присмотром матери постигали секреты женского рукоделия, готовили себе приданое. Украшали рубахи вышивкой по низу, по краям рукавов, по вороту и груди. Сложностью отличалось декоративное оформление нарядных женских рубах. Здесь орнаментом украшались подол, рукав и грудной вырез. Количество узора и яркость цвета зависели от назначения костюма и возраста женщины.

Тщательно и со вкусом каждая хозяйка украшала вышитыми предметами быта свой дом, создавая только ей присущий уют, на окнах вышитые занавески, на иконах божники, на комоде дорожки, стены и фотографии украшались рушниками, на дверях занавесы, столешники, салфетки, ути-рач, подзоры, покрывала, наволочки – все украшалось вышивкой. В результате обучения народным промыслам, мы можем выделить бытовые функции в вышивке, это непосредственно к предмету и декоративная функция. Вещи вышивались с определенными орнаментами, символами, они уже несли в себе обрядовые функции. Овладевая народным искусством на занятиях, в кружках, у мастеров, а это значит, что истоки не будут забыты, а будут возрождены и сохранены для будущих поколений. Народные ремесла не должны исчезнуть этому искусству, которое несет радость, красоту, уют в наши дома и гордость за наш творческий народ.

Рушник для иконы Вышитые рушники Скатерть.

Таким образом, изучение культуры, фольклора, народных ремесел Кубани осуществляется на основе методологических принципов. Обращение

к исторической памяти своего народа, его культурным ценностям позволяет сформировать у школьников представление о нравственных нормах, развить культуру чувственного восприятия, художественного переживания – это одно из важнейших направлений воспитания подрастающего поколения, духовная основа для формирования личности.

Библиографический список

1. Бакланова Т.И. Педагогика народного художественного творчества. Учебник. – Москва: Планета музыки, 2016 с.
2. Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар, 2003. 200 с.
3. История Кубани / Под. ред. Куб. ГУ Щетнева, В.Е. – Краснодар.: Кубанское книжное издательство, 2004. С. 304
4. Манукало А.Н. История Кубани. Краснодар, 2004. 210 с.
5. Мальцева Л.В. Методика обучения изобразительному искусству. – Краснодар: КубГУ, 2015.
6. Мальцева Л.В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
7. Педагогика / Под ред. Л.П. Крившенко. – Москва: Проспект, 2004.
8. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97-102.

References

1. Baklanova T.I. Pedagogy of Folk Art. Textbook. Moscow: Planeta Muzyki, 2016, p.
2. Bondar N.I. Calendar Holidays and Rituals of the Kuban Cossacks. Krasnodar, 2003, 200 p.
3. History of Kuban / Ed. by Kub. GU Shchetneva, V.E. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004, p. 304
4. Manukalo A.N. History of Kuban. Krasnodar, 2004, 210 p.
5. Maltseva L.V. Methods of Teaching Fine Arts. Krasnodar: KubSU, 2015.
6. Maltseva L.V. Kuban Studies in Fine Arts Lessons in Comprehensive Schools. Krasnodar: Traditsiya, 2010.
7. Pedagogy / Ed. by L.P. Krivshenko. – Moscow: Prospect, 2004.
8. Vorozhtsova A.A. 'Little Venice' on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym 'Venezuela' // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97-102.

Ван Жуй

Преподаватель, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Ли Цзин

Доцент, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Ли Пин

Доцент, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Пути поддержки развития традиционной региональной культуры со стороны местных университетов в провинции Хэйлунцзян*

Аннотация. Региональное культурное наследие, сохраняемое местным населением, как воплощение выдающейся традиционной китайской культуры, играет огромную роль в реализации государственной стратегии культурной модернизации общества в Китае в новую эпоху. Провинция Хэйлунцзян имеет разнообразные самобытные культурные ресурсы, включая рыболовные и охотничьи обычаи приграничных этнических меньшинств, новаторский дух народа-первопроходца Великой Северной Пустоши, искусство резьбы по льду и другие виды народных ремесел и искусств, сформировавшиеся на китайско-российской границе. Университеты, расположенные в северном приграничном регионе, естественно, несут на себе всеобъемлющую задачу по изучению, сохранению, творческому развитию и распространению регионального культурного наследия. В данной статье на примере Хэйхэского университета проводится исследование роли высших учебных заведений в сохранении и передаче традиционного культурного наследия провинции Хэйлунцзян. Проанализирована многогранная практическая ценность университетов в содействии развитию местной культуры в провинции Хэйлунцзян, а также тщательно изучены проблемы, которые возникают в процессе сохранения и передачи местной культуры, такие как фрагментированная структура учебных программ по культуре в университетах, недостаточная интеграция промышленности и бизнеса в культурное развитие региона и проведение соответствующих исследований, а также отстающие методы цифрового распространения культурной информации. Авторами представлены пути оптимизации поддержки местными высшими учебными заведениями сохранения и распространения культуры провинции Хэйлунцзян: усиление культурно-нравственного воспитания студентов, расширение возможностей для академических исследований, развитие долгосрочного сотрудничества между учебными заведениями и местными органами власти, расширение способов распространения информации о культуре региона через цифровые медиа и обеспечение поддержки со стороны бизнеса и общественных организаций.

Ключевые слова: культурное развитие, высшие учебные заведения, традиционная культура провинции Хэйлунцзян, инновации в традиционной культуре.

* © Ван Жуй, Ли Цзин, Ли Пин, 2026.

Пути поддержки развития традиционной региональной культуры со стороны местных университетов в провинции Хэйлунцзян

Wan Rui

Lecturer, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Li Jing

Associate Professor, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Li Ping

Associate Professor, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Ways to support the development of traditional regional culture by local universities in Heilongjiang Province

The regional cultural heritage preserved by the local population, as the embodiment of outstanding traditional Chinese culture, plays a huge role in the implementation of the state strategy of cultural modernization of society in China in the new era. Heilongjiang Province has a variety of distinctive cultural resources, including the fishing and hunting customs of the border ethnic minorities, the pioneering spirit of the people of the Great Northern Wasteland, the art of ice carving and other types of folk crafts and arts formed on the Sino-Russian border. Universities located in the northern border region naturally have the comprehensive task of studying, preserving, creatively developing and spreading the regional cultural heritage. Using the example of Heihe University, this article examines the role of higher education institutions in preserving and transmitting the traditional cultural heritage of Heilongjiang Province. The multifaceted practical value of universities in promoting the development of local culture in Heilongjiang Province is analyzed, as well as the problems that arise in the process of preserving and transmitting local culture, such as the fragmented structure of cultural curricula at universities, insufficient integration of industry and business into the cultural development of the region and the conduct of relevant research, as well as lagging methods of digital dissemination of cultural information. The authors present ways to optimize the support of local higher education institutions for the preservation and dissemination of Heilongjiang Province's culture: strengthening cultural and moral education of students, expanding opportunities for academic research, developing long-term cooperation between educational institutions and local authorities, expanding ways to disseminate information about the culture of the region through digital media and providing support from business and public organizations.

Key words: cultural development, higher education institutions, traditional culture of Heilongjiang Province, innovation in traditional culture.

Фонд фундаментальных исследований Министерства образования провинции Хэйлуньцзян; Название проекта: Исследование пути развития местной традиционной культуры в университетах в контексте построения культурно сильной нации; Номер проекта: 2020-KYYWF-0871

I. Введение.

18-й съезд Коммунистической партии Китая четко обозначил цели и

задачи по неуклонному продвижению культурного строительства социалистической державы. «Мы должны придерживаться пути развития социализма с китайской спецификой, стимулировать культурные инновации и творчество всей нации и строить сильную социалистическую культурную страну». [1] Что касается более глубокого смысла культурной уверенности, подчеркивается, что мы должны «стремиться использовать все духовное богатство, созданное китайской нацией, для просвещения людей посредством культуры и для развития людей посредством литературы». [2] Культурные традиции, передаваемые из поколения в поколение, имеют глубокие корни в различных регионах. Они несут в себе память, уникальные духовные ценности, которые сохраняются и транслируются местными этническими группами. Они являются неотъемлемой частью многообразной, но единой по своей сути китайской культуры. Провинция Хэйлунцзян расположена на самой северной оконечности Китая. Ее более чем 4300-километровая китайско-российская граница определяет уникальную культурную самобытность этого региона, сформированную многолетним сосуществованием множества этнических групп. Ремесло ловли рыбы и изготовление изделий из кожи, которым владеют жители Хэцжэ, техника плетения изделий из бересты, которая является культурным наследием народа орочен, искусство вырезания из бумаги северо-восточных маньчжуров, новаторское творчество первопроходцев Великой Северной Пустоши, ледово-снежное искусство, а также культурно-исторический кластер района Айхуэй – все это вместе составляет уникальные сокровища северо-восточного приграничного региона. Культура этой местности по своей сути обладает характерными приграничными чертами, обусловленными веками многоэтнического сосуществования.

«Университеты – это места, где сосредоточены знания и культура, и они должны стать базой для размышлений страны и общества о культуре, а также колыбелью культурных теорий» [3] Местные высшие учебные заведения являются не только образовательными учреждениями, но и важными центрами развития и распространения культурных идей. Их деятельность тесно связана с реальными потребностями развития региона. «Главная особенность местных университетов – их местоположение. Их ценностное предложение заключается в том, что они базируются в местном регионе, опираются на местный регион и обслуживают его во всех аспектах». [4] Они, естественно, обладают уникальными географическими, академическими и кадровыми преимуществами по сравнению с другими учебными заведениями, в плане обеспечения культурного развития региона. Местные высшие учебные учреждения в провинции Хэйлунцзян, включая Хэйхэский университет, активно способствуют защите и планомерному развитию традиционной культуры провинции. Таким образом образовательные учреждения не просто реализуют задачу обучения

и воспитания молодёжи, но и проявляют социальную ответственность по сохранению и распространению культурного наследия в рамках государственной программы строительства культурно развитой провинции и государства вообще. Более того такая деятельность помогает образовательным учреждением провинции развивать свою самобытность и формировать свою идентичность. Таким образом преодолеваются проблемы гомогенизации в образовании.

На основе специального исследовательского проекта Департамента образования провинции Хэйлунцзян, на примере Хэйхэского университета, нами был проведен углубленный анализ различных проблем, с которыми сталкиваются высшие учебные заведения провинции Хэйлунцзян в процессе деятельности по сохранению региональной культуры, и разработан комплексный подход к практикам сохранения и продвижения культурного наследия, адаптированный к особенностям высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян.

II. Теоретические основы исследования.

1. Смысл и стратегии построения высокоразвитой в культурном плане державы.

«Культура – важное проявление всеобъемлющей национальной мощи. Культура – это верхушка течений, вода на высоте. Мы должны создавать страну посредством культуры, укреплять страну посредством культуры и возрождать страну посредством культуры». [5] Основная цель построения высокоразвитой в культурном плане державы заключается в использовании «мягкой силы» страны, охватывающей пять ключевых практических направлений: сохранение выдающейся традиционной культуры Китая; изучение культурных ресурсов различных регионов и этнических меньшинств для поддержания многообразной, но единой модели развития китайской культуры; содействие модернизации традиционной культуры и ее адаптации к современному образу жизни граждан, обеспечение преемственности традиционной культуры; воспитание культурного самосознания всего населения, особенно молодежи, посредством культурного просвещения и образования; и объединение всех направлений для создания системы функционирования культурной индустрии, позиционирования уникального культурного наследия Китая на международных площадках и формирования международного имиджа Китая как высокоразвитой в культурном плане державы.

Для реализации национальной стратегии построения высокоразвитой в культурном плане державы и воплощения её в конкретные практики на местном уровне всем регионам необходимо использовать собственные культурные ресурсы. Для сохранения и развития региональной культуры следует предпринимать планомерные шаги по проведению культуроохранных и образовательных мероприятий среди населения, продвижению

местных культурных практик Китая за рубежом, а также по промышленному развитию регионов. Как приграничная провинция Хэйлунцзян несёт особую миссию по формированию приграничной культуры и содействию китайско-российскому культурному обмену, а местные университеты являются ключевыми звеньями в выполнении этой задачи.

2. Роль местных университетов в сохранении и продвижении региональной культуры.

2.1. Реализация культурных функций высшими учебными заведениями.

Университеты выполняют четыре основные культурные функции: сохранение и передача культуры, распространение культуры за рубежом, отбор материала и оценка культурного наследия, а также проведение реконструкций и внедрение культурных инноваций. Местные университеты, используя такие методы, как восстановление и изучение документов и проведение полевых исследований, всесторонне сохраняют находящиеся под угрозой исчезновения региональные культуры. Они используют общественные и, в частности, студенческие организации для передачи местного культурного наследия региональным сообществам. Они адаптируют духовное ядро традиционной культуры под потребности современного общества, используя искусство, дизайн, распространение информации в новых медиа и цифровые технологии для инновационного преобразования традиционной культуры. Они в полной мере осуществляют весь цикл работ по защите региональной традиционной культуры, от ее сохранения до внедрения инноваций.

2.2. Сотрудничество университетов и местных сообществ.

Местные университеты, региональные отделы по связям с общественностью и культурному туризму, которые традиционно осуществляют функцию сохранения нематериального культурного наследия, а также городские и сельские общины сформировали крепкие взаимосвязи. Местные органы власти предоставляют университетам материалы по культуре региона, площадки для практического обучения молодежи и каналы распространения информации в области культурного туризма. Университеты, в свою очередь, предоставляют местным органам власти результаты профессиональных академических исследований, обеспечивают регион молодыми специалистами в области культуры и создают креативные дизайнерские решения в области распространения культурного наследия. Таким образом, обмениваясь ресурсами и разделяя взаимные ценности, высшие учебные заведения и местные органы власти работают вместе над созданием устойчивой региональной экосистемы культурного развития.

2.3. Формирование чувства общности китайской нации.

Провинция Хэйлунцзян является домом для множества этнических меньшинств, которые издавна сосуществуют. Разнообразие традиционных

культуры региона по сути является результатом культурного обмена, взаимодействия и интеграции между этими этническими группами на протяжении длительного периода. Местные университеты и колледжи изучают и распространяют уникальные культуры этих разнообразных этнических меньшинств. Это помогает молодежи осознать, что все этнические группы в Китае имеют общую духовную родину. Осознание общей идентичности нации соответствует практическим потребностям государственного курса в области местного управления, что в свою очередь способствует безопасности в приграничных регионах.

3. Уникальная ценность традиционной культуры провинции Хэйлунцзян.

Традиционная местная культура провинции Хэйлунцзян имеет уникальную ценность, которая заключается в том, что культуре народов провинции Хэйлунцзян свойственен новаторский дух первопроходцев Великой Северной пустоши, дух тех, кто отважился отправиться на северо-восток Китая, а также революционный дух тех, кто создал северо-восточную объединённую антияпонскую армию, все это в совокупности сформировало стойкость народов, преданных своей земле и стремящихся к защите её границ.

Эстетическая ценность культуры народов провинции Хэйлунцзян сопряжена с уникальными народными промыслами, а также обычаями и традициями. Изделия из рыбьей кожи и березовой коры, маньчжурская вышивка, резьба по льду, а также уникальный рыболовно-охотничий фольклор составляют уникальную систему искусства данного региона Китая.

Важным свойством данного региона является то, что он близок к китайско-российской границе, что делает его естественной платформой для трансграничного культурного взаимодействия и осуществления народной дипломатии. Провинция Хэйлунцзян служит уникальным окном для распространения культуры Китая за рубежом.

III. Способы содействия местных университетов провинции Хэйлунцзян развитию традиционной региональной культуры.

1. Обогащение практической базы исследований культурных функций высшего образования в приграничных регионах.

Современные исследования, которые рассматривают высшие учебные заведения как платформы по сохранению и распространению культурного наследия страны, в основном сосредоточены на университетах центральных и восточных городов. Нами выявлено, что на современном этапе существует недостаточное количество исследований, посвященных роли университетов как хранителей и распространителей уникальной культуры Китая, которые описывают холодные пограничные регионы с многонациональными сообществами. Данное исследование посвящено высшим учебным заведениям провинции Хэйлунцзян, что в определен-

ной степени закрывает пробел в исследованиях, которые в основном посвящены университетом центральных и восточных регионов, так как наше исследование описывает уникальные практические подходы университетов северо-востока Китая к сохранению и распространению культурного наследия. Данное исследование описывает микроуровневую образовательную практику Хэйхэского университета в провинции Хэйлунцзян в рамках государственной макростратегии по построению культурно развитой державы. Таким образом данная статья способствует преодолению разрыва между национальными стратегиями, которые существуют в теории и низовой образовательной практикой, что способствует общей концепции создания культурно развитой нации, где университеты выступают в качестве основных платформ по сохранению и продвижению культурного наследия страны в новую эпоху.

2. Повышение осведомленности молодежи о местном культурном наследии и воспитание у нее чувства гордости за родной край.

Долгое время в крупных университетах гуманитарные курсы были сосредоточены на традиционной культуре, уделяя недостаточно внимания популяризации местной культуры приграничных регионов, где студенты жили и обучались. В результате многие молодые люди недостаточно были осведомлены об уникальном культурном наследии своей местности. Университеты провинции Хэйлунцзян стали включать в учебные и внеклассные мероприятия занятия по региональной культуре, например, практические занятия по резьбе по льду, истории революционного движения в крае и др., тем самым создавая практический формат идеологического и политического образования, позволяющий студентам непосредственно познакомиться с местной культурой. Это помогло повысить осведомленность молодёжи о культурном наследии их родных регионов.

На примере Хэйхэского университета предлагаются факультативные курсы по традиционной музыке народа орочен и изготовлению изделий из бересты. Также организуются полевые поездки для студентов в Исторический музей Айхуэй и этнические поселения орочен. Это помогает учащимся развивать чувство принадлежности к местной культуре северо-востока Китая и воспитывает у них чувство гордости за родной край. Таким образом реализуется задача нравственного воспитания молодежи.

3. Интеллектуальное и кадровое содействие высших учебных заведений региона развитию культуры края.

Преподаватели местных университетов, специализирующиеся в соответствующих областях, проводят долгосрочные полевые исследования в сельской местности, определяют и систематизируют находящиеся под угрозой исчезновения местные культурные ценности, осуществляют работы по поиску культурных артефактов, тем самым обеспечивая научно-практическую базу для деятельности местных департаментов культуры и туризма.

Кроме того, местные университеты предоставляют целевую подготовку специалистов прикладного профиля в соответствующих культурных областях, восполняя дефицит кадров в сфере культуры, туризма и сохранения нематериального культурного наследия провинции Хэйлунцзян.

Преподаватели и студенческие творческие группы на территории кампуса используют региональные культурные элементы для создания культурно-туристических продуктов, способствуя сохранению и распространению культуры края.

Помимо этого, на базе университета разработаны китайско-российские программы сотрудничества в сфере образования, в рамках которых происходит демонстрация российской молодежи уникальной культуры провинции и создаются платформы для межкультурного взаимодействия обеих стран.

4. Противодействие университетов провинции Хэйлунцзян культурной гомогенизации образования.

В масштабах всей страны многие местные высшие учебные заведения одного типа сталкиваются с проблемой однородных программ и недостаточной самобытности. В отличие от них, местные учреждения в провинции Хэйлунцзян используют культурные ресурсы северо-восточного края для создания кластеров уникальных учебных программ, включая занятия по резьбе по льду, трансграничные виды искусства и ремесел, а также исследования нематериального культурного наследия этнических меньшинств. Это формирует уникальную идентичность, отличающую их от других учреждений высшего образования. Эти университеты укрепляют свою конкурентоспособность за счет регионального культурного развития и способствуют высококачественному, самобытному развитию края посредством сохранения и продвижения самобытных культурных элементов.

IV. Достижения и проблемы, с которыми сталкиваются местные университеты провинции Хэйлунцзян при поддержке развития региональной традиционной культуры.

1. Практические результаты деятельности Хэйхэского университета по поддержке развития местной культуры края.

Разработана структура уникальных университетских курсов по обучению традиционным культурным практикам. В Хэйхэском университете создана база практики по изучению культурного наследия на провинциальном уровне. Предлагается несколько факультативных курсов по культуре края, включая изготовление изделий из березовой коры, изучение народных обычаев народа орочен, знакомство с культурой резьбы по льду, а также изучение истории китайско-российских пограничных отношений. Местное культурное содержание интегрировано в идеологические и политические образовательные компоненты курсов по китайскому языку, художественному дизайну, управлению туризмом и музыкальному образованию, что обеспечивает последовательную интеграцию обучения мест-

ной традиционной культуре в университетскую учебную программу.

Постепенно создается платформа для сотрудничества между университетом и местными сообществами. Университет сотрудничает с муниципальным управлением культуры и туризма Хэйхэ, Историческим музеем Айхуэй, этническими поселениями народа орочен и приграничными сообществами для создания баз по подготовке кадров в сфере культуры и туризма, а также практических станций по изучению культурного наследия края. Хэйхэский университет также сотрудничает с местными органами власти в организации уникальных культурных мероприятий, таких как Китайско-российская культурная ярмарка, фестивали ледовой и снежной культуры и выставки произведений культурного наследия этнических меньшинств. Это позволило создать модель комплексного образования молодежи, площадками для которой служат не только университетские аудитории, но и выставочные залы, общественные организации и предприятия края.

Исследовательская группа реализовала несколько специальных исследовательских проектов по местной культуре в рамках программы Департамента образования провинции Хэйлунцзян. Было написано множество научных работ по приграничной культуре региона и изучению этнической культуры народов северо-востока Китая. Преподаватели и студенты, специализирующиеся в области китайского языка и литературы, создали различные культурные и творческие продукты на основе традиционной культуры, способствуя ее творческой адаптации к современным условиям. Используя ресурсы китайско-российских программ сотрудничества в сфере образования, они организовали совместные полевые исследования приграничных народных обычаев для студентов из обеих стран, расширяя возможности для трансграничного распространения культуры региона.

«Для студентов мы должны придавать значение влиянию университетской культурной атмосферы, проводить разнообразные мероприятия университетской культуры и клубов, а также уделять внимание стимулированию и защите стремления студентов к инновациям и переменам». [6] На территории кампуса сформировалась атмосфера погружения в местную культуру: создан тематический коридор, посвященный культуре северной границы, и постоянный выставочный зал для произведений материального культурного наследия. Созданы студенческие клубы, специализирующиеся на искусстве льда и снега, а также на изучении народных обычаев этнических меньшинств. Регулярно проводятся внеклассные мероприятия, такие, например, как лекции о культуре приграничных регионов и недели знакомства с нематериальным культурным наследием. Организуются волонтерские группы для популяризации культуры в местных сообществах, начальных и средних школах. Все это сформировало прочную основу для передачи и распространения культурного наследия, сочетающую теоретическое обучение в аудиториях, внеклассный практический опыт и

социальную работу на местах.

2. Проблемы передачи и распространения культурного наследия.

Интеграция местной культуры в университетскую учебную программу часто носит поверхностный характер, а структура обучения фрагментирована и разрознена. Курсы, связанные с местной культурой, в основном представляют собой разрозненные факультативные занятия и краткосрочные лекции, не образуя целостного учебного блока, охватывающего общеобразовательные предметы, основные профессиональные курсы и внеклассную практику, и, как правило, они лишены между собой логической связи. В содержании курсов делается упор на демонстрацию культурных навыков и ознакомление с народными обычаями, при этом не уделяется должного внимания глубокому пониманию сущности культурных явлений и их связи с современными ценностями, а интеграция культурного образования с идеологическим и политическим воспитанием остается лишь формальностью.

Воплощение в практику результатов академических исследований происходит неэффективно, а изучение местной культуры осуществляется недостаточно глубоко. Большинство местных университетов в провинции проводят исследования лишь на уровне сбора документов и краткосрочных полевых выездов.

Большое количество материалов по устной истории этнических меньшинств и народным обычаям хранится только в университетских библиотеках и не оцифровано, не заархивировано и не опубликовано. Результаты исследований и культурно-творческие работы оторваны от местных культурных и туристических потребностей региона. Они в основном представлены на территории кампуса, не внедрены в практику и не соответствуют потребностям рынка, при этом также отсутствует устойчивый механизм развития культурной индустрии.

Сотрудничество между университетами и местными сообществами является слабым, часто отсутствует долгосрочная институциональная поддержка такого взаимодействия. В настоящее время культурное сотрудничество между университетами и местными сообществами в основном опирается на краткосрочные мероприятия и временные проекты, институциональная же основа сотрудничества ещё не создана.

Обязанности и полномочия местных департаментов культуры и туризма, центров охраны нематериального культурного наследия, университетов, сельских общин и предприятий культуры и творчества недостаточно ясны.

Существуют барьеры для обмена культурными ресурсами, местные предприятия проявляют низкую заинтересованность в образовательной и исследовательской деятельности университетов, стажировки и совместные российско-китайские исследования и разработки часто носят лишь формальный характер.

Деятельность университетов по сохранению и продвижению культурного наследия края страдает от слабых возможностей распространения цифровой культуры и ограниченного спектра коммуникационных каналов. Местные университеты в провинции Хэйлунцзян по-прежнему в основном полагаются на офлайн-выставки, лекции и учебные поездки для популяризации местной культуры. Использование новых медиа и цифровых технологий отстает, профессиональная платформа цифровых культурно-гуманитарных ресурсов не создана. Систематическая онлайн-база данных ресурсов, содержащая видеоролики о нематериальном культурном наследии этнических меньшинств, например, старинные местные книги и записи устной народной истории, не завершена, а использование новых медиаплатформ, ориентированных на молодежь, недостаточно.

Система поддержки сохранения и передачи культурного наследия имеет недостатки, и отсутствует достаточный импульс для ее долгосрочного развития. На университетском уровне не разработаны специальные правила поощрения и оценки местных исследований в области развития культуры и творчества. Преподаватели и студенты испытывают недостаток государственной поддержки для проведения соответствующей работы: недостаточно специального финансирования для соответствующих проектов; на уровне подготовки кадров наблюдается значительная нехватка преподавателей культурно-гуманитарных специальностей, и существующая система привлечения и подготовки талантов не может удовлетворить потребности регионального культурного развития.

V. Оптимизация путей содействия местных университетов провинции Хэйлунцзян развитию традиционной региональной культуры в рамках программы построения высоко культурно развитой державы.

Опираясь на существующий практический опыт функционирования местных учебных учреждений, таких как Хэйхэский университет, мы предлагаем следующие пути оптимизации деятельности университетов провинции Хэйлунцзян по развитию традиционной культуры северо-восточного региона Китая, охватывающие пять областей: аудиторное обучение, научные исследования, сотрудничество университета с местными органами власти, цифровое распространение информации и создание вспомогательной инфраструктуры.

1. Углубление культурного образования и создание многоуровневой прогрессивной системы учебных программ по изучению местной культуры.

«Конкретная постановка предмета должна определяться местным рынком талантов, основываясь на принципе, основанном на местном регионе, с упором на практичность, начиная сейчас и ориентируясь на будущее, а также активно корректируя и трансформируя дисциплины и специальности». [7] В то же время, учебная программа в Хэйхэском университе-

те имеет трёхступенчатую структуру. На уровне общего образования всем учащимся предлагаются обязательные общеобразовательные курсы по культуре, включая «Введение в культуру бассейна реки Хэйлунцзян», «Ледовое искусство и дух народа северо-восточного региона Китая» и «Оценка нематериального культурного наследия этнических меньшинств северо-восточного региона». Эти курсы направлены на то, чтобы дать всем учащимся базовое представление о местной культуре. Вся учебная программа распределена по модулям, включающим также и элементы политическо-идеологического воспитания. Практическая подготовка в рамках этих модулей состоит из полевых исследований, работы студентов в мастерских по сохранению культурного наследия и созданию креативных культурных продуктов, а также из практических занятий по развитию культурного туризма. Таким образом преодолевается разрыв между теоретическим обучением и культурной практикой студентов.

Университет регулярно организует специализированные тренинги для преподавателей университета, предоставляя им возможность проводить полевые исследования в регионах, в которых сосредоточены этнические меньшинства, и повышать свое педагогическое мастерство в преподавании местной культуры. На базе Хэйхэского университета формируются совместные учебные группы, объединяющие преподавателей разных дисциплин, которые так или иначе связаны с региональной культурой. Помимо этого, на базе университета постоянно практикуются междисциплинарные подходы к построению содержания обучения, интегрируются знания из таких областей, как литература, дизайн, история, новые медиа и т. д.

Университет прилагает все усилия для создания практически ориентированной учебной среды и продвижения интегрированной модели обучения на базе университета и культурных и общественных организаций.

Планируется создание исторического выставочного зала Айхуэй и выставочного зала народных обычаев народа орочен в качестве университетских баз для практического обучения, где регулярно будет проводиться учебно-исследовательская деятельность студентов. Планируется проведение полевых поездок в приграничные районы, например посещение приграничных деревень и мест, связанных с деятельностью северо-восточной объединённой антияпонской армии, что позволит осуществлять на практике политико-идеологическое воспитание молодёжи и повышать ее культурное самосознание.

2. Развитие научных исследований с целью содействия изучению и творческому преобразованию региональных традиционных культурных ресурсов.

Опираясь на исследовательскую платформу университета в области гуманитарных и социальных наук, мы провели систематическое исследование исчезающих местных культур, создали специальный исследователь-

ский проект по культуре этнических меньшинств провинции Хэйлунцзян, организовали долгосрочные полевые поездки преподавателей и студентов в сельские районы, задокументировали материалы устного народного творчества на маньчжурском языке, описали традиционные методы рыболовства и охоты этнической группы Хэчжэ, изучили ритуалы и народные обычаи провинции Хэйлунцзян, собрали и систематизировали пограничную народную литературу, старинные исторические фотографии, традиционные ремесла и систематизировали библиотечный фонд документов, отражающих самобытность провинции Хэйлунцзян.

Одновременно были созданы бумажные архивы и электронные онлайн-базы данных. На территории кампуса были организованы творческие студии по нематериальному культурному наследию, призванные помочь преподавателям и студентам в создании собственной культурно-творческой продукции из бересты, рыбьей кожи, льда и снега, а также других традиционных материалов приграничных районов. В сотрудничестве с местными предприятиями культуры и туризма был создан научно-исследовательский культурный центр по изучению и удовлетворению рыночного спроса на культурно-творческую продукцию. На основе специальной программы по созданию местной культурно-творческой продукции был проведён студенческий конкурс, направленный на развитие предпринимательского потенциала студентов.

3. Создание долгосрочного механизма сотрудничества между университетами и местными органами власти для формирования экосистемы культурного развития региона.

Планируется подписание долгосрочного рамочного соглашения о стратегическом сотрудничестве между университетами и местными органами власти, при этом местные университеты и их соответствующие отделы по связям с общественностью, управления культуры и туризма, а также центры охраны нематериального культурного наследия будут включены в подписание данного соглашения.

Будут четко определены права и обязанности всех сторон в отношении обмена культурными ресурсами, совместных исследовательских проектов, подготовки местных талантов и совместной организации уникальных мероприятий.

Будет создана система ежеквартальных встреч для регулярного обсуждения потребностей развития региона, связанных с охраной местной культуры и модернизацией индустрии культуры и туризма. Это позволит преодолеть фрагментарность усилий различных организаций региона по сохранению и продвижению самобытной культуры и выстроить стабильное и долгосрочное развитие региона в области сохранения и продвижения местной культуры.

Будет создана платформа для совместной работы университетов, пра-

вительства, центров сохранения нематериального культурного наследия, культурных и творческих предприятий, а также городских и сельских общин. «Обучение студентов университета культурной грамотности должно в полной мере использовать местные культурные ресурсы и устанавливать регулярные контакты с местными государственными департаментами и соответствующими подразделениями»[8]. Местные органы власти будут предоставлять поддержку в виде политических решений, специальных финансовых фондов и ресурсов для общественных культурных учреждений. Университеты предоставят профессиональных преподавателей, результаты академических исследований и молодых талантливых специалистов в области сохранения и продвижения культурного наследия. Организации-хранители нематериального культурного наследия предоставят материалы о традиционной культуре региона. Культурные и туристические предприятия обеспечат каналы сбыта для культурной и творческой продукции. Общины, а также начальные и средние школы будут заниматься культурным просвещением на местах. Различные стороны будут сотрудничать для проведения офлайн-представлений, посвященных нематериальному культурному наследию, публичных культурных занятий и волонтерской деятельности по возрождению сельской культуры.

Университеты направляют своих преподавателей и студентов в местные начальные и средние школы для проведения курсов по нематериальному культурному наследию и культуре ледовой резьбы. Они также разрабатывают учебники по местной культуре, адаптированные к уровню знаний учащихся начальной и средней школы, воспитывают молодое поколение носителей и хранителей местной культуры.

4. Внедрение цифровых технологий для расширения каналов распространения традиционной культуры северо-восточного региона Китая.

Планируется создать всеобъемлющую цифровую базу для систематизации и хранения данных о местных культурных ресурсах приграничного района; использовать технологии видеозаписи высокого разрешения, 3D-сканирования и виртуального моделирования для фиксации традиционных методов и практик народного творчества, таких как производство изделий из березовой коры, рыбьей кожи и др., а также традиционные песни и танцы этнических меньшинств и т. д.; создать виртуальный выставочный зал, где будут демонстрироваться объекты традиционной материальной культуры, исторические документы пограничного региона, аудиовизуальные материалы по народной устной истории и создать бесплатную, общедоступную онлайн-базу данных по традиционной культуре региона, то есть планируется обеспечить удобный доступ к местным культурным ресурсам для всех.

Также планируется создать новую команду по связям с общественно-

стью и работе со СМИ, ориентированную на молодежь; разработать короткие видеоролики и образовательную инфографику, посвященные нематериальному культурному наследию провинции Хэйлунцзян, зимним видам спорта и приграничным обычаям; разработать эмодзи и цифровые иллюстрации, отражающие культуру этнических меньшинств, адаптировав их для популярных среди молодежи социальных сетей, таких как Douyin и Xiaohongshu, с целью содействия широкому распространению местной культуры северо-востока Китая за пределы региона.

С учётом преимуществ приграничных университетов провинции Хэйлунцзян в плане приграничного образования молодежи, планируется проведение трансграничных культурных обменов между Китаем и Россией; сотрудничество с университетами российского Дальнего Востока в организации онлайн- и офлайн-выставок народной культуры, а также создание двуязычного (на китайском и русском языках) научно-популярного контента, способного осуществить культурную поддержку национальной народной дипломатии и способствующего культурному взаимодействию между Китаем и Россией.

5. Создание механизмов поощрения и финансирования в области деятельности по сохранению и продвижению культурного наследия провинция Хэйлунцзян.

Чтобы мобилизовать всех учителей и студентов для участия в работе по сохранению культурного наследия следует оптимизировать системы оценки работы учителей и поощрения учащихся.

Планируется учреждение специальной стипендии для поддержки местной культуры, инноваций и предпринимательства в регионе, которой будут награждаться студенты, активно участвующие в развитии народной культуры и творчества.

Кроме того, планируется интеграция финансовых ресурсов региона из различных каналов для поддержки всей научно-исследовательской и практической работы по сохранению и развитию традиционной культуры региона. Будут созданы специальные фонды поддержки местной культуры, выделяемые Департаментом образования провинции и Бюро культуры и туризма провинции; будут выделяться ежегодные фиксированные ассигнования от университетов на научные исследования и развитие университетской культуры; и будут создаваться фонды обратной связи, генерируемые в рамках проектов культурного и творческого сотрудничества между университетами и предприятиями. Эта система всесторонне покрывает все потребности в финансировании полевых исследовательских поездок, создании баз данных цифровых ресурсов, осуществлении повседневной работы мастерских по изучению нематериального культурного наследия и организации уникальных культурных мероприятий.

Таким образом сотрудники университетов в провинции Хэйлунцзян

должны содействовать привлечению и обучению специалистов в области традиционной культуры региона, а также регулярно организовывать обмен опытом между преподавателями университетов и ведущими культурно-творческими предприятиями в провинции и за ее пределами; устранять недостатки в применении цифровых технологий и процессах функционирования культурно-творческой индустрии; использовать китайско-российские программы сотрудничества в сфере образования для привлечения экспертов и ученых в области русской культуры, тем самым обогащая базу трансграничных культурологических исследований.

Библиографический список

1. Си Цзиньпин. Обеспечение решающей победы в построении умеренно процветающего общества во всех отношениях и великая победа социализма с китайской спецификой в новую эпоху: Доклад на 19-м съезде Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство, 2017. 41 с.
2. Си Цзиньпин. Высказывания Си Цзиньпина об управлении страной: Том 1, 2-е издание. Пекин: Издательство Foreign Languages Press, 2018. 164 с.
3. Хуан Чжунчжао. «Культурное сознание» и перестройка ценностей в университетах. Исследование высшего образования, 2006. № 2. С. 90.
4. Дун Цзэфан. Ценностная ориентация местных университетов в служении обществу // Управление высшим образованием. 2007. № 3. С. 12-18.
5. Го Цзяньнин. Значение, идеи и пути построения культурно сильной страны // Дalianьский кадровый журнал. 2011. № 11. С. 101-107.
6. Ли Яньбао. Культурный дух и историческое наследие современных университетов // Журнал Университета Сунь Ятсена (издание по социальным наукам). 2004. № 6. С. 45-52.
7. Цю Цзюфэн. О скоординированном развитии местных университетов и местных органов власти // Академический форум. 2006. № 2. С. 72-78.
8. Лян Фасян. Краткое обсуждение формирования и сохранения региональной культуры уникальными университетами в муниципалитетах (префектурах) // Журнал Хэцзеского университета. 2008. № 4. С. 82-88.

References

1. Xi Jinping. "Securing a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and the Great Victory of Socialism with Chinese Characteristics in the New Era": Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. Beijing: People's Publishing House, 2017. 41 p.
2. Xi Jinping. "Xi Jinping's Remarks on Governance: Volume 1, 2nd Edition." Beijing: Foreign Languages Press, 2018. 164 p.
3. Huang Zhongzhao. "Cultural Awareness" and Value Realignment in Universities. Higher Education Studies, 2006. № 2. 90 p.
4. Dong Zefang. "Value Orientation of Local Universities in Serving Society." Higher Education Administration, 2007. № 3. P. 12-18.
5. Guo Jianning. The Importance, Ideas, and Paths of Building a Culturally Strong Country // Dalian Personnel Journal. 2011. № 11. P. 101-107.
6. Li Yanbao. Cultural Spirit and Historical Heritage of Modern Universities // Journal of Sun Yat-sen University (Social Sciences Edition). 2004. № 6. P. 45-52.
7. Qiu Zufeng. On the Coordinated Development of Local Universities and Local Governments // Academic Forum. 2006. № 2. P. 72-78.
8. Liang Faxiang. A Brief Discussion of the Formation and Preservation of Regional Culture by Unique Universities in Municipalities (Prefectures) // Journal of Hejie University. 2008. № 4. P. 82-88.

Воронкова А.С.

Соискатель. Санкт-Петербургский институт культуры. Руководитель арт-подразделения Общества с ограниченной ответственностью «Кампо Верде Медиа Групп». SPIN-код: 6905-0479

От грани к ронду, от света к знаку: Врубель и Куинджи в художественной системе Юрия Косаговского*

Аннотация. Статья посвящена типологическим переключкам творчества Юрия Косаговского (1941–2023) с двумя значимыми традициями русского искусства, представленными Михаилом Врубелем и Архипом Куинджи. Цель исследования заключается в определении, каким образом в авторской системе Косаговского трансформируются, с одной стороны, символистская модель воплощения незримого и лермонтовская демонология, с другой – традиция светоносного ночного пейзажа. Материалом служат произведения лермонтовского цикла Косаговского, такие как «Демон и Тамара», «Мцыри», «Настанет год», «Триптих. Демон. 2. Предчувствие», а также «Ночная дорога. Москва» (1988) и ранний натюрморт, соотносенный с обращением художника к Врубелю. Применяются сравнительно-типологический, формально-стилистический, иконографический и источниковедческий методы. Показано, что параллели Косаговский – Врубель и Косаговский – Куинджи имеют различную природу. Первая основана на общем литературном источнике, устойчивом интересе Косаговского к Врубелю и понимании Демона как метафизического состояния; вторая преимущественно на типологии ночного пейзажа и функции света как смыслообразующего начала. В рондизме кристаллическая множественность формы преобразуется в систему округлых модулей, а концентрированный природный свет в распределенную знаковую пульсацию живописной поверхности. Сделан вывод, что Косаговский не воспроизводит исторические модели, а актуализирует их как элементы индивидуальной живописной метапоэтики.

Ключевые слова: Юрий Косаговский, рондизм, Михаил Врубель, Архип Куинджи, Михаил Лермонтов, Демон, ночной пейзаж, свет, художественная традиция, типологический анализ.

Voronkova A.S.

Applicant. St. Petersburg Institute of Culture. Head of the Art Department, Campo Verde Media Group, Limited Liability Company. SPIN-code: 6905-0479

From facet to rondo, from light to sign: Vrubel and Kuidzhi in Yuri Kosagovsky's artistic system

Abstract. The article examines typological parallels between the oeuvre of Yuri Kosagovsky (1941–2023) and two significant traditions in Russian art, represented by Mikhail Vrubel and Arkh-

* © Воронкова А.С., 2026.

От грани к ронду, от света к знаку: Врубель и Куинджи в художественной системе Юрия Косаговского

ip Kuindzhi. The aim of the study is to determine how Kosagovsky's artistic system transforms, on the one hand, the Symbolist model of rendering the invisible and Lermontov's demonology, and on the other, the tradition of the luminous nocturnal landscape. The material comprises works from Kosagovsky's Lermontov cycle, such as «Demon and Tamara», «Mtsyri», «The Year Will Come», «Triptych. Demon. 2. Premonition», as well as «Night Road. Moscow» (1988) and an early still life associated with the artist's engagement with Vrubel. The methods employed include comparative-typological, formal-stylistic, iconographic, and source-study approaches. It is demonstrated that the Kosagovsky–Vrubel and Kosagovsky–Kuindzhi parallels are of different natures. The former is grounded in a shared literary source, Kosagovsky's sustained interest in Vrubel, and his interpretation of the Demon as a metaphysical state; the latter is based primarily on the typology of the nocturnal landscape and the function of light as a meaning-generating principle. In his “rondism,” the crystalline multiplicity of form is transformed into a system of rounded modules, while concentrated natural light is converted into a distributed, signifying pulsation of the pictorial surface. It is concluded that Kosagovsky does not reproduce historical models but actualizes them as elements of an individual painterly metapoetics.

Key words: Yuri Kosagovsky, Rondism, Mikhail Vrubel, Arkhip Kuindzhi, Mikhail Lermontov, Demon, nocturnal landscape, light, artistic tradition, typological analysis.

Творчество Юрия Косаговского представляет собой уникальное художественное явление в истории отечественного искусства второй половины XX – начала XXI века. Художник, связанный с традициями неофициального искусства, последовательно выходил за пределы одного вида творческой деятельности. Он занимался живописью, поэзией, музыкой и кино, совершая тем самым, выходящее за рамки отдельных жанров, синтетическое действие. Наиболее узнаваемой частью его наследия стал рондизм – разработанный художником живописный метод, при котором форма строится преимущественно из округлых элементов. Круг в системе Косаговского выступает способом организации зрения. Он разделяет видимое, связывая части изображения и переводя изображаемое на картине в цветовую среду в общем ритмическом строе.

Рондизм исследуется как индивидуальный способ пересмотра культурной традиции. Такое понимание позволяет поставить вопрос о сходстве части работ Косаговского с произведениями Михаила Врубеля и Архипа Куинджи и о типологическом диалоге двух значимых традиций русского искусства в творчестве Юрия Косаговского.

Эти параллели неравнозначны. Сопоставление с Врубелем имеет иконографическое, смысловое и частично биографическое основание. Обоих художников объединяет обращение к Лермонтову, прежде всего к образу Демона. Сохранилось также устное свидетельство об осознанном интересе Косаговского к врубелевской живописи в юности. Сопоставление с Куинджи строится иначе. Здесь нет достаточных оснований утверждать прямую зависимость конкретного произведения, однако «Ночная дорога. Москва» обнаруживает убедительную типологическую связь с традицией

светоносного ночного пейзажа, в которой свет становится самостоятельным героем и основным организатором пространства.

Цель статьи заключается в раскрытии механизмов преобразования этих традиций в художественной системе Косаговского. Для этого необходимо уточнить методологические границы понятия «диалог». Следует рассмотреть рондизм как пластический и семантический принцип, а также проанализировать лермонтовский цикл в контексте врубелевской демонианы. Поставлена задача определить функцию света в «Ночной дороге» и сопоставить ее с куйнджиевской моделью ночного пейзажа. Также установить, что именно сохраняется, а что принципиально изменяется при включении исторического опыта в авторскую систему Косаговского.

Основу исследования составляют произведения Косаговского, относящиеся к разным этапам его творчества: ранний натюрморт, который, согласно воспоминанию Татьяны Ли, был написан под впечатлением от Врубеля; «Ночная дорога. Москва» (1988); произведения лермонтовского корпуса «Демон и Тамара», «Мцыри», «Настанет год»; триптих 2014 года «Демон», включающий части «В поле внимания. Песня ангела», «Взгляд в глубину» и «Персонажи»; а также отдельная композиция «Триптих. Демон. 2. Предчувствие» (холст, масло, 100 × 120 см), дата которой в доступном электронном каталоге не указана [4; 5].

Серия «Разгадывая Лермонтова» была подготовлена по инициативе Выставочного центра Библиотеки иностранной литературы. В экспозицию вошли двенадцать абстрактных и фигуративных работ по стихотворениям Лермонтова и поэмам «Демон» и «Мцыри», сопровождавшихся литературными цитатами [6; 7]. Принципиально важно, что в материалах проекта произведения определялись не как иллюстрации в узком смысле, а как диалог «художников слова и кисти» [7]. Сам Косаговский объяснял выбор текстов личной вовлеченностью: его привлекали стихи, которые особенно волновали и открывали «особый мир души поэта» [6]. Это высказывание позволяет рассматривать цикл как интерпретацию, которая не является последовательным пересказом.

Отдельную группу источников образует устное сообщение Татьяны Ли, вдовы художника, переданное автору статьи. По ее воспоминанию, Косаговский рассказывал, что еще в юности, живя в Находке, обратился к репродукциям Врубеля после восхищенного замечания матери: «Ах, какой художник Врубель». Рассматривая их, он, по словам Т. Ли, пришел к метафоре внутренней глубины мазка, будто каждый мазок можно выдвинуть «как ящичек», обнаруживая находящееся внутри содержание [3]. Татьяна Ли связывает с этим опытом один из ранних натюрмортов художника. Поскольку свидетельство передает слова Косаговского ретроспективно и не подкреплено пока обнаруженным авторским текстом, оно используется как источник устной истории, но не как безусловное доказательство

происхождения рондизма. По той же причине нельзя считать подтвержденным встречающееся в популярной литературе утверждение, будто Косаговский прямо называл Врубеля своим учителем. Т. Ли допускает такое отношение лишь предположительно.

Источниковедческая осторожность необходима и при обращении к Куинджи. Татьяна Ли сообщает, что Косаговский высоко ценил этого мастера, и вспоминает детскую реплику о «светящихся красках» одного из натюрмортов [3]. Однако зрительское впечатление и последующая семейная интерпретация не устанавливают прямого влияния. Поэтому связь с Куинджи рассматривается в статье как формально-композиционная и семантическая типология.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-типологический, формально-стилистический и иконографический методы. Под типологической переключкой понимается воспроизведение или преобразование сходной художественной задачи, воплощение незримого через структуру живописной материи в случае Врубеля; организация ночного пространства светом в случае Куинджи. Источниковедческий метод позволяет развести документированный факт, устное свидетельство и исследовательскую интерпретацию. Элементы интермедиального анализа применяются к лермонтовскому циклу, где словесный текст переводится в самостоятельную систему пространственно-временных живописных отношений.

Термин «рондизм» происходит от обозначения округлой формы, однако морфологическое описание еще не раскрывает сущности метода. Округлый элемент может напоминать клетку, семя, глаз, след движения, световую частицу или письменный знак. Его значение определяется местом в общей структуре. Повторяясь, ронды создают плотность; меняя размер, вытягиваясь и накладываясь друг на друга, формируют объем, направление и дистанцию; контрастируя по цвету, задают эмоциональное напряжение. Изображение сохраняет узнаваемость, но одновременно демонстрирует собственную конструкцию.

В классической перспективной картине элементы подчинены единой точке зрения и иерархии планов. У Косаговского поверхность приобретает относительную автономию. Дальний план не обязательно растворяется, а передний не всегда обладает большей материальной весомостью. И горы, и человеческая фигура, и небо могут быть образованы близкими по характеру модулями. Возникает полицентрическое пространство, которое зритель считывает, перемещаясь от одного сгущения к другому. Поэтому рондизм соединяет изображение и письмо, когда отдельные знаки можно видеть и как части предметов, и как элементы визуального текста.

Эта двойственность важна для обращения к художественной традиции. Косаговский не цитирует историческую манеру целиком. Он выде-

ляет в ней фундаментальную задачу и переводит ее на собственный язык. Врубелевская грань преобразуется в округлый модуль. Куинджиевский свет трансформируется в распределенную систему цветовых импульсов. Таким образом, рондизм выступает механизмом пластического перевода, сохраняющим память об исходной проблеме при радикальном изменении формы ее решения.

Наиболее прочным основанием для сопоставления Косаговского с Врубелем служит общий лермонтовский источник. Для Врубеля тема Демона стала многолетним авторским мифом, реализованным в иллюстрациях, живописи и графике. В исследовательском проекте Третьяковской галереи подчеркивается, что его Демон отражает скорее отвлеченную идею духовного состояния, чем является персонификацией определенного героя [8]. «Страдающий и скорбный», властный и величавый образ выражает внутренний разлад, невозможность обрести ответ «ни на земле, ни на небе» [8]. Врубель тем самым выходит за пределы литературной иллюстрации. Лермонтовский персонаж становится метафорой сознания, скованного между земным и трансцендентным.

Косаговский обращается к Лермонтову из иной исторической ситуации и пользуется другим пластическим языком, но решает сходную задачу. Он переводит незримое психическое и метафизическое состояние в зримую организацию картины. Название «Триптих. Демон. 2. Предчувствие» особенно показательно. Предчувствие не имеет устойчивой иконографии. Оно еще не событие и не действие, а направленность сознания к тому, что только должно проявиться. Композиция строится вокруг крупного концентрического образования, напоминающего одновременно глаз, мишень, воронку или узел внутреннего зрения. Окружающие его овальные поля и многочисленные ронды образуют среду, где различие между небом, землей, телом и мыслью становится условным.

Здесь образ Демона подвергается предельному обобщению. Если врубелевская фигура сохраняет телесную мощь, даже становясь носителем отвлеченной идеи, Косаговский переносит демоническое из тела в структуру поля. Метафизическое состояние передается напряжением между центральным кругом и периферией, между крупными замкнутыми зонами и россыпью малых знаков. Демон оказывается не столько существом, сколько способом видения, точкой притяжения, из которой пространство одновременно раскрывается и замыкается.

Произведение «Демон и Тамара» дает возможность прямого иконографического сопоставления с врубелевскими иллюстрациями к поэме. Врубель сосредоточивается на психологической и телесной близости двух персонажей. Ограниченная графическая гамма, драматические пересечения фигур, белила, извлекающие лица и руки из темноты, превращают сцену в момент предельного притяжения и гибели. Пространство кельи

сжато. Отношения Демона и Тамары господствуют над окружением.

У Косаговского кульминационный эпизод также узнаваем, но включен в развернутый мир. Маленькая красная фигура Тамары и светлое, змеевидно изгибающееся тело Демона существуют на фоне гор, воды и растительности. Рондические элементы покрывают не только природное окружение, но и самих персонажей. Благодаря этому противопоставление героя и среды ослабевает. Событие становится частью космического узора. Белое тело Демона одновременно антропоморфно, бесплотно и текуче. Оно не столько вторгается в пространство, сколько пронизывает его, соединяя верх и низ композиции.

Смысловой акцент также смещается. У Врубеля трагедия концентрируется в сцеплении двух судеб. У Косаговского она разворачивается как нарушение и вместе с тем проявление всеобщего порядка. Ронд здесь амбивалентен. Он может восприниматься как цветок или семя, но также как глаз, знак наблюдения и множественности сознаний. Поэтому сцена любви, искушения и гибели оказывается помещена в мир, который словно видит происходящее множеством собственных «глаз». Лермонтовский сюжет переводится из психологической драмы в полицентрический миф.

Другие работы цикла уточняют характер этого перевода. В «Мцыри» Косаговский не выбирает единственный эпизод. Разновременные события организованы масштабом, цветом и рондическими сгущениями. Возникает принцип симультанности, когда время поэмы превращается в пространство, доступное одновременному обзору.

В композиции «Настанет год» крупный профиль Лермонтова занимает почти половину поля. Поэт изображен в момент письма; перо и лист образуют второй смысловой центр. За ними разворачивается темный пейзаж с дальними фигурами и тревожными цветными акцентами. Название отсылает к стихотворению «Предсказание», однако Косаговский не реконструирует историческую сцену буквально. Он показывает механизм появления видения. Огромный профиль поэта соединяет внутреннюю речь и историческое пространство, а повторяющиеся кольцевые знаки как будто материализуют распространение слова.

В этой работе особенно очевидна метапоэтическая природа цикла. Предметом изображения становится само поэтическое сознание, порождающее образ будущего. Таким образом, «Демон и Тамара», «Мцыри» и «Настанет год» образуют последовательность от сюжетной сцены к симультанному повествованию и далее к изображению акта творчества. Общим для них является стремление визуально воспроизвести процесс возникновения смысла.

Формальное сопоставление Врубеля и Косаговского требует особой осторожности. Между кристаллической манерой Врубеля и рондиче-

ской структурой Косаговского нет внешнего тождества. Острый, угловый фрагмент и округлый знак противоположны морфологически. Однако именно это различие позволяет увидеть трансформацию общей художественной проблемы.

Врубелевская живопись строится как напряженная работа с материей изображения. Исследователи характеризуют ее через кристаллическое формообразование, множественность контуров и постоянно превращающуюся пластическую ткань. Мазок-грань конструирует новые принципы формы, автономные от непосредственного зрительного опыта [8]. Благодаря сочетанию масляной живописи, эффекта мозаики и почти скульптурной лепки Врубель добивается «овеществления незримого»: духовное состояние становится свойством самой материи картины [8].

Метафора Косаговского, сохраненная в воспоминании Татьяны Ли, созвучна такому пониманию того, что за каждым мазком Врубеля будто находился выдвигаемый «ящик» с новым содержанием [3]. Это свидетельство ценно как характеристика восприятия. Молодой художник увидел в мазке вход в глубину. Элемент изображения оказался способен заключать самостоятельный смысловой объем.

В раннем натюрморте, который Т. Ли связывает с этим впечатлением, еще отсутствует рондическая система. Предметы – темная бутылка, яблоки, сосуды – написаны свободно, широкими разнонаправленными мазками. Серо-зеленая стена дробится на крупные прямоугольные фрагменты. Локальный цвет нарушается вспышками розового, оранжевого и фиолетового. Картина не позволяет выводить рондизм непосредственно из Врубеля, но демонстрирует ранний интерес Косаговского к внутренней активности мазка и к поверхности, которая не служит нейтральным фоном.

Позднее грань сменяется рондом. Противоположность этих элементов принципиальна. Грань расчленяет и кристаллизует. Ронд связывает и пульсирует. Врубелевская форма словно высечена из живописного вещества, тогда как форма Косаговского растет через повторение клеток-знаков. Но в обоих случаях минимальный элемент обладает относительной самостоятельностью и превышает функцию локального мазка. Он одновременно принадлежит предмету и выявляет устройство картины.

Следовательно, типологическая перекличка заключается в многоуровневости живописной единицы. У Врубеля грань соединяет цвет, объем, сияние и символическую метаморфозу. У Косаговского ронд совмещает цветовую частицу, элемент контура, знак, глаз и ритмический импульс. Историческая традиция преобразуется через смену геометрической парадигмы: кристаллическое множество становится органическим и знаковым множеством.

Параллель Косаговский – Куинджи имеет иную природу. Она не поддерживается общим литературным сюжетом и пока не располагает

сопоставимой совокупностью авторских высказываний. Ее основанием является типология пейзажа, в котором ночь перестает быть временем суток или нейтральным фоном, а свет превращается в самостоятельное событие.

В «Лунной ночи на Днепре» Куинджи достигает эффекта свечения через радикальную концентрацию средств. Погружая природу во тьму и сокращая подробности, он строит образ на контрасте декоративных цветовых пятен, модуляции света и пространственном развороте композиции [9]. Свет выделяет реку, облака и горизонт, определяет глубину и превращает наблюдаемую природу в символическое пространство. В «Ночном» большие формы приобретают монументальность благодаря четкой линии, а целью художника, по известной характеристике Репина, становится сила и иллюзия света [10].

«Ночная дорога. Москва» Косаговского, указанная в электронном каталоге как произведение 1988 года размером 110 × 81 см [5], также организована вокруг отношения тьмы и свечения. Однако источник света здесь не локализован в луне или закате. Светлая дорога пересекает темные массивы холмов и направляет взгляд в глубину. Маленькое оранжево-желтое пятно вдали действует как сигнальный импульс. Небо при этом не темное, а зеленовато-светлое, покрытое сетью овалов. Ночь возникает как взаимодействие насыщенных синих, фиолетовых, зеленых и белых модулей.

Согласно Татьяне Ли, мотив картины был увиден художником в действительности и затем написан по памяти; точное место она не смогла подтвердить [3]. Это обстоятельство важно: пейзаж опирается на зрительное впечатление, но память уже преобразовала его. Название электронного каталога связывает работу с Москвой, поэтому предположение о другом месте без дополнительных данных учитывать не следует [5].

Сравнение с Куинджи выявляет как родство задачи, так и различие методов. У Куинджи свет концентрирован. Даже когда он широко разлит по воде или небу, его действие определяется ясным источником и системой крупных тональных масс. Темнота служит условием максимальной интенсивности светового центра. Пространство воспринимается сразу. Горизонт, река, небо и освещенная полоса связаны в единую величественную конструкцию.

У Косаговского свет распределен. Дорога представляет собой крупный световой вектор, но одновременно свечение дробится на сотни белых, голубых, зеленых и сиреневых колец. Оно присутствует в небе, растительности, склонах и отдельных графических знаках. Темные холмы не поглощают свет полностью: их поверхность пронизана синими и фиолетовыми рондами, благодаря чему тьма становится внутренне активной.

Эту разницу можно определить как переход от света-феномена к свету-знаку. У Куинджи свет явлен как редкое природное чудо, изменяющее

состояние пространства и зрителя. У Косаговского он включен в алфавит картины: каждый светлый ронд – локальная единица, а их множество формирует общее мерцание. Свет как показывает дорогу, так и заставляет поверхность «говорить».

Рондическая структура меняет и положение зрителя. Куинджиевский пейзаж создает эффект дистанции и созерцания. Зритель стоит перед развернутой панорамой. В «Ночной дороге» направление светлой полосы вовлекает взгляд внутрь, тогда как многочисленные кольца постоянно возвращают его к плоскости. Мы одновременно следуем по дороге и считываем живописную ткань. Иллюзия глубины и материальная поверхность существуют в напряженном равновесии.

Сопоставления с Врубелем и Куинджи сходятся на более общем уровне. Оба мастера конца XIX века освобождали живопись от роли прозрачного окна в мир. Врубель превращал материю картины в носитель духовной метаморфозы. Куинджи организовывал пространство через световой эффект, доводя наблюдение природы до символической концентрации. Косаговский наследует само право живописи создавать особую реальность.

В лермонтовском цикле эта реальность возникает между словом и изображением. Литературный сюжет расщепляется на фигуры, знаки и состояния поля. Во «врубелевской» линии рондизм выполняет функцию дематериализации и одновременно нового овеществления незримого. Психическое состояние лишается единственного антропоморфного носителя и распределяется по структуре картины.

В «Ночной дороге» сходный механизм применяется к природному впечатлению. Свет перестает быть только оптическим эффектом и распределяется между знаками поверхности. В «куинджиевской» линии рондизм переводит светоносность пейзажа в визуальный язык. Таким образом, обе традиции проходят через один авторский фильтр, но сохраняют различие исходных задач – метафизическое состояние и природный свет.

Эта система может быть названа метапоэтической, поскольку Косаговский делает видимым способ художественного возникновения предмета изображения. В «Настанет год» показан поэт, рождающий историческое видение; в «Мцыри» – превращение повествовательного времени в симультанное пространство; в «Предчувствии» – формирование образа из еще не названного состояния; в «Ночной дороге» – преобразование зрительного впечатления. Рондизм становится моделью творческого сознания. Каждая округлая единица самостоятельна, но смысл возникает из их отношений.

При таком подходе вопрос о «влиянии» теряет центральное значение. Даже если дальнейшая архивная работа обнаружит новые прямые высказывания Косаговского о Врубеле или Куинджи, они не отменяют главного, а именно то, что историческая традиция включается в его ис-

кусство лишь после структурной трансформации. Врубелевская грань не сохраняется как грань, куинджиевский источник света, как единый источник. Они становятся проблемами, заново решенными средствами рондической системы.

Проведенный анализ подтверждает научную продуктивность сопоставления Юрия Косаговского с Михаилом Врубелем и Архипом Куинджи при условии отказа от модели прямого стилистического влияния. Две параллели имеют различную источниковую и художественную природу.

Переключка с Врубелем обладает наиболее высокой степенью обоснованности. Ее поддерживают общий лермонтовский источник, устойчивое обращение Косаговского к образу Демона, материалы цикла «Разгадывая Лермонтова», а также устное свидетельство Татьяны Ли об осознанном изучении Врубеля художником в юности. Однако даже здесь корректнее говорить не о происхождении рондизма из врубелевской манеры. Следует говорить о преобразовании сходной художественной задачи. Врубелевское кристаллическое формообразование и рондический метод морфологически противоположны, но оба делают минимальный элемент живописной поверхности носителем множественного значения. У Врубеля грань материализует метаморфозу образа. У Косаговского округлый модуль превращает фигуру, пространство и психическое состояние в единый знаковый ритм.

В лермонтовском цикле эта трансформация развивается от узнаваемой иконографии к метапоэтике. «Демон и Тамара» переносит трагическую встречу персонажей в полицентрический космический узор. «Мцыри» переводит последовательность событий в симультанное поле. «Настанет год» показывает поэта как источник исторического видения. «Триптих. Демон. 2. Предчувствие» освобождает демоническую тему от обязательной фигуративности и воплощает ее как напряжение самого живописного пространства.

Связь с Куинджи является преимущественно типологической. «Ночную дорогу. Москва» роднит с куинджиевской традицией сокращение повествовательной подробности, контраст крупных темных и светоносных масс, а главное – превращение света в смыслообразующее начало. Различие заключается в организации свечения. У Куинджи оно концентрировано и подчиняет пейзаж единому природному феномену; у Косаговского свет распределяется по рондическим элементам и становится знаковой пульсацией поверхности. Ночной пейзаж превращается в пейзаж памяти.

Следовательно, традиция в искусстве Косаговского действует как поле задач, которое не является только набором наследуемых форм. От Врубеля художник типологически движется к проблеме воплощения незримого, от Куинджи – к проблеме светоносной организации пространства. Обе задачи переводятся в рондическую систему, где грань становится рондом,

свет – знаком, литературный персонаж – состоянием поля, а природный мотив – структурой внутреннего зрения. В этом преобразовании и обнаруживается самостоятельное историко-художественное значение метода Косаговского.

Библиографический список

1. Ли Т. Устное сообщение А. Воронковой. Август 2026 г. Аудиозапись и расшифровка в личном архиве автора.
2. Музей рондизма Юрия Косаговского. Рондические картины // Музей рондизма // URL: <https://rondism.ru/rondicheskie-kartiny/> (Дата обращения: 13.08.2026).
3. Музей рондизма Юрия Косаговского. Пейзажи // Музей рондизма // URL: <https://rondism.ru/pejzazhi/> (Дата обращения: 13.08.2026).
4. Разгадывая Лермонтова // MySlo.ru. 11.07.2015. // URL: <https://myslo.ru/afisha/vistavki/razgadivaya-lermontova> (Дата обращения: 13.08.2026).
5. Открытие выставки Юрия Косаговского «Разгадывая Лермонтова» // Культура.РФ // URL: <https://www.culture.ru/events/514190/otkrytie-vystavki-yuriya-kosagovskogo-razgadivaya-lermontova> (Дата обращения: 13.08.2026).
6. Середнякова Е. Демониана // Лаврус: образовательный проект Государственной Третьяковской галереи 07.12.2021. // URL: <https://lavrus.tretyakov.ru/publications/demoniana/> (Дата обращения: 13.08.2026).
7. Куинджи А.И. Лунная ночь на Днепре. 1880 // Виртуальный Русский музей // URL: https://rasmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/kuindzhi_ai_lunnaya_noch_na_dnepre_1880_zh_4191/index.php (Дата обращения: 13.08.2026).
8. Куинджи А.И. Ночное // Виртуальный Русский музей. // URL: https://rasmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/zh_4196/index.php (Дата обращения: 13.08.2026).
9. Чапкин Н.С. Ключевые проблемы информационно-аналитической деятельности по регулированию миграционных процессов в Российской Федерации // Альманах Казачество. 2016. № 24 (11). С. 101-104.

References

1. Lee T. Oral communication by A. Voronkova. August 2026. Audio recording and transcript in the author's personal archive.
2. Yuri Kosagovsky Museum of Rondism. Rondic Paintings // Museum of Rondism // URL: <https://rondism.ru/rondicheskie-kartiny/> (August 13, 2026).
3. Yuri Kosagovsky Museum of Rondism. Landscapes // Museum of Rondism // URL: <https://rondism.ru/pejzazhi/> (August 13, 2026).
4. Unraveling Lermontov // MySlo.ru. July 11, 2015. // URL: <https://myslo.ru/afisha/vistavki/razgadivaya-lermontova> (August 13, 2026).
5. Opening of Yuri Kosagovsky's exhibition "Unraveling Lermontov" // Kultura.RF // URL: <https://www.culture.ru/events/514190/otkrytie-vystavki-yuriya-kosagovskogo-razgadivaya-lermontova> (August 13, 2026).
6. Serednyakova E. Demoniana // Lavrus: Educational Project of the State Tretyakov Gallery, December 7, 2021. // URL: <https://lavrus.tretyakov.ru/publications/demoniana/> (August 13, 2026).
7. Kuindzhi A.I. Moonlit Night on the Dnieper. 1880 // Virtual Russian Museum // URL: https://rasmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/kuindzhi_ai_lunnaya_noch_na_dnepre_1880_zh_4191/index.php (13.08.2026).
8. Kuindzhi, A.I. Night // Virtual Russian Museum. // URL: https://rasmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/zh_4196/index.php (13.08.2026).
9. Chapkin N.S. The key issues of information-analytical activity in regulation of migration processes in the Russian Federation // Almanac Cossacks. 2016. № 24 (11). P. 101-104.

Илл. 1. Ю.Ю. Косаговский. Натюрморт. Атрибуционные данные уточняются.

Илл. 2. Ю.Ю. Косаговский. «Демон и Тамара». Из цикла «Разгадывающая Лермонтова».

Илл. 3. Ю.Ю. Косаговский. «Мцыри». Из цикла «Разгадывающая Лермонтова».

Илл. 5. Ю.Ю. Косаговский. «Триптих. Демон. 2. Предчувствие». Холст, масло. 100 × 120 см.

Илл. 4. Ю.Ю. Косаговский. «Настанет год». Из цикла «Разгадывая Лермонтова».

Илл. 6. Ю.Ю. Косаговский. «Ночная дорога. Москва». 1988. 110 × 81 см.

Галаганова С.Г.

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

«По неконтактным пряслам континентов...» Мир японской культуры в творчестве Миланы Алдаровой*

Аннотация. Растущая самоизоляция цивилизаций и культур воспринимается автором как реакция на процесс глобализации и новый вызов человечеству. В этих условиях постижение народами специфики иных мировоззрений, особенностей иных национальных менталитетов становится проблемой общечеловеческой безопасности. На материале цикла стихов Миланы Алдаровой (1956–2012) «В поисках Японии» в статье продемонстрированы результаты проникновения носителя русской традиции в миропонимание иероглифической цивилизации при помощи освоенных на практике японских канонов стихосложения. На конкретных примерах в статье показано, как под пером русского поэта происходит прояснение глубинных смыслов японской культуры, делающее их доступными для российской аудитории.

Ключевые слова: Милана Алдарова, «В поисках Японии», самоизоляция культур, японская традиция, иероглифическая культура, диалог цивилизаций, взаимопроникновение культур.

Galaganova S.G.

PhD in Philosophy, Associate Professor in the Department of Information Analytics and Political Technologies at the Bauman Moscow State Technical University.

**“Along the uncontacted strands of continents...”
The world of Japanese culture in the works of Milana Aldarova**

Abstract. Reciprocal implication of national cultures is treated as the main way to overcome the growing self-isolation of civilizations. Milana Aldarova's book “In Search of Japan” is presented and analysed as a successful attempt to penetrate into traditional Japanese world outlook and “translate” it into the language of poetry. The essentials of hieroglyphic culture, deeply explored by Russian poet, reveal philosophical background of Japanese mind. Transformed into poetical discourse, it enables to make extraordinary cultural identity of a unique Far Eastern civilization evident and accessible for Russian audience.

Key words: Milana Aldarova, «In Search of Japan», self-isolation of cultures, Japanese tradition, hieroglyphic culture, dialogue of civilizations, mutual penetration of cultures.

* © Галаганова С.Г., 2026.

«По неконтактным пряслам континентов...» Мир японской культуры в творчестве Миланы Алдаровой

Я песню твою слышал
и позабыл свою.

Милана Алдарова

Процесс галопирующей глобализации породил ответную реакцию в форме стремления цивилизаций, конфессий, этносов к духовно-культурной самоизоляции. Ориентация на «традиционные ценности» наблюдается сегодня не только в России: она является объективно обусловленной мировой тенденцией. Принимая различные локальные формы, поворот к «фундаментам» и «корням» выражает одну и ту же интенцию – защитить свою культуру от влияния некоего «враждебного Иного». Способ защиты видится в возведении «стены», непроницаемой для чуждых и, следовательно, потенциально опасных мировоззренческих установок. Если в середине минувшего века теолог Пауль Тиллих писал о единой «крепости цивилизации», воздвигнутой человечеством для защиты от стихийных сил природы, то сегодня многочисленные «крепости» возводятся отдельными цивилизациями для защиты своих духовно-культурных устоев.

Сложно сомневаться в закономерности и обоснованности подобной установки. Однако любая медаль имеет обратную сторону, а благая цель – потенциальные риски. Не превратятся ли «защитные ограждения» в тюремные стены? Не обернётся ли духовная безопасность духовной неволей? А главное: не утратят ли самоизолировавшиеся культуры и цивилизации способность к взаимопониманию и взаимообогащению, а следовательно, к дальнейшему развитию?

Речь идёт не о «диалоге культур», в котором каждая из них «изъясняется» на своём языке через специалистов-«переводчиков» (культурологов, философов, искусствоведов). Речь не о познании чужой культуры ради более глубокого осмысления своей, не о мирном «мультикультурном» сосуществовании. Подлинное взаимообогащение культур возможно прежде всего через вхождение «людей искусства» (поэтов, музыкантов, художников) в глубины иного мировоззрения, «присвоение» ими иного образа мыслей, «причащение» иному строю чувств, а также овладение иными формами их выражения ради последующего раскрытия своему народу чужого для него культурного кода именно в этих, освоенных и «присвоенных» формах.

Подобные примеры в истории культуры единичны, и поэтому каждый из них заслуживает отдельного внимания. Среди них – вышедший в 2024 году сборник стихов Миланы Алдаровой (1956–2012), одной из самых загадочных фигур современной поэзии, неизменно привлекающей внимание исследователей своими прозрениями и предостережениями [5; 6; 7]. Книга «В поисках Японии» включила стихи, написанные Алдаровой под впечатлением посещения Страны восходящего солнца [1]. Мастерски ис-

пользуя традиционные формы японского стихосложения, автор смотрит на мир сквозь призму традиционной японской культуры, философии, этики. Уникальное наследие отдельной страны обретает общечеловеческую значимость; национальный менталитет становится инструментом постижения общемировых проблем.

* * *

Люди строят свою жизнь в соответствии с образом их мысли. Следовательно, подлинное взаимопонимание возможно лишь при условии взаимного проникновения в специфику присущих народам и цивилизациям самобытных способов осознания мира. Французский философ Мишель Фуко называл этот особый угол зрения «эпистемой» (от *греч.* *episteme* – знание) [12, с. 29]. «Пропитывая» все уровни культуры, эпистема определяет её «лицо», её качественное своеобразие.

Милана Алдарова раскрывает иероглифическую эпистему народов Дальнего Востока в традиционных формах японского стихосложения, при помощи «расшифрованных» смыслов японских ассоциативных образов, символов, метафор. Это поэтическое «исследование» не является «взглядом со стороны» – оно представляет собой результат погружения в глубины японского мировоззрения, в японский культурный код. Сложность подобного погружения для иностранца состоит в том, что мировоззренческие константы этой культуры далеко не всегда выступают в зримых, овеществлённых текстуальных формах. Зачастую они просто передаются от поколения к поколению в качестве «неписаного закона» – укоренённых в традиции ценностных ориентаций и нравственных принципов, незаметно активируемых в повседневном поведении людей [11].

В данном случае они «активированы» ещё и в творчестве нашей соотечественницы и современницы, чьё «двойное видение» рождает «аутентичные» поэтические мыслеобразы. *«Злая кукушка! Зачем ты её прогнала / своей громозвучной свирелью! / Ведь так редко охраню ночью / ко мне приплывает она / под шёпоты лунных лучей / в утлой ладье сновидений...»* [1, с. 40]. Я заинтересовалась авторством этой зарисовки у знатоков японской поэзии. «Похоже на Басё», – ответил один. «Что-то из Сайгё», – сказал другой. Предположения были различны, но никто не усомнился, что автор – японский поэт.

Центральная категория японской философии и культуры – *истина*, трактуемая как *вечность*. Выход за пределы времени и приобщение к вечности – в этом видят японцы высший смысл земного человеческого бытия. Человек тоскует по вечности, по «утраченному дому», зачастую не осознавая этого. Подсознательное ощущение этой ностальгии – глубинная основа всех наших тревог и неудовлетворённостей [8].

Путь к истине мыслится как деятельное созерцание природы, ибо

она существует независимо от хода человеческой истории. В её нерукотворной гармонии японская традиция усматривает нечто, выходящее за рамки времени. Поэтому сосредоточенное всматривание в образы природы, любование её совершенными формами – единственная возможность для «заброшенного в историю» человека хотя бы ненадолго выйти за историческую «ограду», ощутить радость соприкосновения с вечностью [9]. *«Японцы мыслят глазами, – поясняет Милана Алдарова. – Созерцание сакуры, клёна, заката, / клокотанья струи под скалою, / тонкой графики иероглифа / проясняет им грифы миров»* [1, с. 69]. Потому что ни устное, ни письменное слово к «прояснению» этих «грифов» в принципе не способно.

Результатом созерцания должно стать чувственное переживание единения с природой, а через неё – с космосом, «растворение» в ней как в живой, одухотворённой стихии, мыслящей и чувствующей подобно человеку. Созерцатель должен перестать быть простым наблюдателем: он должен быть способен испытать чувства любви, восторга, благоговения, нежности, жалости, испытать боль при виде гибели живого. *«Всему свой путь... / Но как не разрыдаться / при мысли о пути птенца, злосчастно / свалившегося из гнезда? Мышонка, / что утонул в весенних талых водах? / Как не грустить, как не оплакивать листья, / когда к сегодняшнему утру вдруг опала, / едва вкусив апрельской ласки солнца?..»* [1, с. 90]. В древней японской поэзии это называлось «правдивым сердцем» (*магокоро*). Истинно лишь то, что идёт от сердца. Подлинная поэзия не может идти исключительно «от ума». Чтобы грустить об опавшей листве, поэт как бы и сам должен «стать» одним из этих листьев – таких же живых, наделённых сердцем. Установка японской культуры на преодоление дихотомии «наблюдатель – участник» в своё время поразила Нильса Бора своей схожестью с открытым им феноменом неотделимости поведения элементов микромира от психофизического состояния исследователя [4, с. 35].

Природа в японской культуре – эстетический идеал, камертон, эталон. С её состояниями соотносят состояния человеческого духа, с ней соизмеряют человеческую жизнь, сравнивают чувства, поведение, обличья. Вот смутилась, покраснела от комплимента юная Йоко, *«словно мак на закате / поник грациозной головкой»*. Вот она улыбнулась, *«словно лотос, приветствуя солнце, / раскрыл лепестки»* [1, с. 25]. Любовь немолодого человека уподоблена ягоде терновника, *«алеющей зорко сквозь острия годов»* [1, с. 47].

Поведение живых существ служит человеку примером для подражания, поводом для сожалений: *«Улитка упорно – листики-листья, / трудные, узкие, липкие листики-листья, / – нырнув в колкий зелёный риск, <...> / ползёт, не отступит – ввысь! ввысь! / – по склону Фудзи»;* *«Я иду по ущелью старости, / не поднявшись ни разу на Фудзи»* [1, с. 91; 92]. Природа не

раскрывает тайн рождения своих красот: *«Дивный лотос цветёт на болоте. / Разве видим зловонную бурую тину, / любуюсь любовно цветком?»* [1, с. 48].

Японский эстетический канон требует предельной лаконичности в выражении этого любования – будь то поэзия, или живопись на шёлке [3]. *«В бамбуке ветер – озвученный пейзаж»* [1, с. 36]. Недосказанность призвана будить воображение, побуждать нас «отворить» внутреннее зрение и слух. *«Травы ходят волною, / а волны / расстилаются, ровно трава»* [1, с. 89]. Лаконичность рождает долгое «эхо» пережитого читателем чувства, которое раскрывается подобно сжатой пружине, побуждая достраивать образы-намёки до их изначальной целостности. По этой же причине японские художники оставляют возле рисунка незаполненный белый фон. *«Одну лишь цветущую ветку ивы / выдвинул в плоскость-двумерность ширмы – / и в ошеломлённую душу вплеснуло / всю полноту весны!»* [1, с. 19].

Речь идёт не только об эстетике как таковой, но и об обретении способности входить в пульсирующий ритм мирового континуума и таким образом ощущать его и себя в едином движении, эфемерности, неуловимости ежесекундных перемен. Толчком к этому состоянию могут стать... да вот хотя бы запахи ароматических палочек, которые *«ширься, уж полнят сладко полость стратосферы / и вакуум вселенский»* [1, с. 94]. Ещё немного – и вот уже *«цветами – смотри! смотри! – улыбки мая краше / пошли людские мысли / <...> от сердца к сердцу, от столетия к столетью, / по неконтактным пряслам континентов...»* [1, с. 94].

Не случайно сам японский иероглиф «мысль» состоит из расположенных один над другим иероглифов «сердце» и «звук» [2]. А вот комментарий русского поэта: *«... Снизу – сердце, а сверху – звук, / то есть звук исходит из сердца, / то есть мысль – и льётся музыка, / и струится, стремится неостановимо – ритм! ритм! <...> Переключка вселенских ритмов! Моё сердце стучит "от-зо-вись!", / и в ночи, когда слышно, как дышат левкои, / ловит – регентом строгим – / во встречных хорах неумолчный – искомый! – ритм»* [1, с. 70–71].

Истина в японской философии «горька на вкус»: осознание-переживание эфемерности бытия требует мужества. *«И понял: <...> флокс за крыльцом, жасмин / станут цвести и той – злой ли? – весной, / которой уже не узрит»* [1, с. 45]. Человек осознал, что однажды придёт весна, когда его уже не будет на этой земле, что каждая весна может стать для него последней. И можно ли спокойно созерцать, как *«мотыльки / среди листьев стреловидно у воды, / вместившей свет и сумерки июня, / снуют растерянны – всё ищут, ищут / ушедшую весну...»?* [1, с. 42].

Время течёт *«прозрачнее струй / из-под вечного льда на древних высотах, / быстрее обезумевших вод, что, рыча, / роют ложе себе / в неприступных базальтах ущелий...»* [1, с. 86]. Этот поток неумолимо увлекает

всё живое, уносит человеческие жизни. В «гуманной» христианской традиции – уносит к милосердному Отцу, избавившему род людской от смерти ценой своей крестной жертвы. «Так наша жизнь течёт к Его рукам, / Благословлённая Его рукою», – писал архиепископ Иоанн (Шаховской) [10]. Жизнь японца течёт в Небытие – непостижимую и невыразимую пустоту. Об этом Алдарова не размышляет: слишком высоко для европейского ума лежит эта «планка». Другое дело – поделиться собственными чувствами и думами на берегу океана. *«Предутренняя бухта утонула, / в клубах тумана... / Берег дремлет тяжко, / прислушиваясь к бормотанью океана... / Я думаю о корабле, что не вернулся...»* [1, с. 75].

Что же делать с этой тяжкой думой? Как побороть эту «мировую скорбь»? *«Я вздрогнул от лязга металла. / Закатные копья солнца / ударили в яростном буйстве / по голым клинкам бамбука, / пресекая тоску конца»* [1, с. 44]. Спасение – в созерцании гармонии природы, приоткрывающей тайну мироздания. Благоговейное любование её красотой может заставить человека вздрогнуть от соприкосновения с чем-то, превосходящим его человеческую данность, «покинуть» на миг свои «человеческие границы», испытать восторг бытия. Только так можно «пресечь тоску конца», пережить состояние, именуемое «счастьем» [9].

Показательно, что его русское название этого состояния включает в себе «японский смысл»: «со-участие», «со-причастность», покорность некоему высшему началу, радостное стремление «вручить» ему свою иллюзорную человеческую свободу ради подлинной свободы в Истине. Ведь и сам японский иероглиф «свобода» (*дзию*) состоит из двух иероглифов – «сам» (*дзи*) и «причина» (*ю*). Ты сам заточил себя в темницу неведения и только ты сам можешь вырваться из неё к тому, что в японской культуре обозначается понятием *пранджня* – способности эстетического постижения мира. Это когда *«рекой льётся музыка, / выпуская слепого узника / из сверкающих пут иллюзий»*, – «разъясняет» Алдарова [1, с. 71]. Это когда деятельный, созидательный *homo faber*, взыскующий власти над универсумом, превращается в *homo poeta*, способного подняться до ощущения-осознания ложности изреченной мысли, до интуитивных прозрений. Впрочем, это тоже созидание (ведь и греческое «*poietes*» буквально означает «творец») – мужественное созидание своего духа перед лицом вечности.

Подсознательное, веками закреплявшееся в национальном менталитете стремление к преодолению «сверкающих пут» мира сего препятствует тотальной социализации японского общественного сознания: социальные темы и проблемы здесь тоже познаются не только в контексте социума. Вот, например, осмысление проблемы «межличностной гармонии»: *«В блёклый, истомный сухмень, / как под хмельком, столкнулись, / присмотрелись и вдруг улыбнулись / облако и кремень. / И потекли бок о бок в*

немыслимых на азбуки / заповедною звёздной тропой, / будто век вековали вдвоём... / Что их рознит – открыто слепому. / Что роднит – не проник астроном» [1, с. 57]. В эту тайну проник немецкий поэт-романтик Фридрих Гёльдерлин, утверждавший, что способность к подобным прозрениям потенциально присуща каждому человеческому существу, ибо «*dichterisch wohnet der Mensch auf dieser Erde*» («поэтически обитает человек на этой земле»). Эта тайна была открыта русскому священнику Павлу Флоренскому, американскому писателю Рею Брэдбери.

Аналогичен подход к проблеме общественной гармонии. «Словно не живём, / но, не прощаясь, провожаем дни», – печалится поэт, глядя на нашу жизнь с высот поэтического духа [1, с. 61]. Обществу, где люди, «не прощаясь, провожают жизнь», будучи не в силах «приподняться», дабы «увидеть горизонт», едва ли стоит задаваться вопросом об «оптимальном социальном устройстве».

По слову Будды, добро существует, а зло творится. В сегодняшнем мире оно творится ещё и при помощи настойчивого стравливания народов, внушения им мысли о принципиальной враждебности и опасности иных культур их собственным традициям, толкая к взаимной настороженности и недоверию. Рассказать своему народу о незнакомой ему цивилизации на языке её самобытной философии, этики, эстетики, рассказать так, чтобы вызвать у читателя, «чувство странной ностальгии по миру, в котором не бывал» [1, с. 13], – не в этом ли состоит одна из миссий современного искусства?

Библиографический список

1. Алдарова Милана. В поисках Японии. – М.: Издательский дом Игоря Сазонова, 2024.
2. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008.
3. Арутюнов С.А. Япония: философия красоты // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 2.
4. Бор Нильс. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1961.
5. Галаганова С.Г. Проблема личностного идеала и мифологическая аксиология Миланы Алдаровой // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 67-75.
6. Галаганова С.Г. «Воспоминание о будущем»: мифологическое смыслообразование для XXI века // Культура Мира. 2019. Т. 7. Вып. 1 (№ 18). С. 60-72.
7. Галаганова С.Г. Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога // Миссия конфессий. 2019. Т. 8. Ч. 5 (№ 40). С. 476-485.
8. Григорьева Т.П. Дао и Логос. – М.: Наука, 1992.
9. Григорьева Т.П. Япония: путь сердца – М.: Новый Акрополь, 2008.
10. Иоанн (Шаховской), архиеп. «Уходят люди...». // URL: <https://azbyka.ru/fiction/uxodyat-lyudi-kazhdomu-chered-shahovskoj-ioann/>
11. Корнилов М.Н. Японская национальная психология. – М.: ИНИОН РАН, 1981.
12. Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. – СПб.: А-сэд, 1994.
13. Рыбаков С.В. О сущности веры // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 6. № 47. С. 576-582.

References

1. Aldarova Milana. In Search of Japan. Moscow: Igor Sazonov Publishing House, 2024.
2. Alpatov V.M. Japan: Language and Culture. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008.
3. Arutyunov S.A. Japan: Philosophy of Beauty // Bulletin of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 2021. № 2.
4. Bohr Niels. Atomic Physics and Human Cognition / translated from English. Moscow: Foreign Literature, 1961.
5. Galagananova S.G. The Problem of the Personal Ideal and Milana Aldarova's Mythological Axiology // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2019. № 8 (134). P. 67-75.
6. Galagananova S.G. "Remembrance of the Future": Mythological Meaning-Formation for the 21st Century // Kultura Mira. 2019. Vol. 7. Issue 1 (№ 18). P. 60-72.
7. Galaganova S.G. Heroism as a Theme of Intercultural and Interfaith Dialogue // Mission confessions. 2019. Vol. 8. Part 5 (№ 40). P. 476-485.
8. Grigorieva T.P. Tao and Logos. Moscow: Nauka, 1992.
9. Grigoryeva T.P. Japan: The Path of the Heart. Moscow: Novy Akropol, 2008.
10. Ioann (Shakhovskoy), Archbishop. "People are leaving..." // URL: <https://azbyka.ru/fiction/uxodyat-lyudi-kazhdomu-chered-shaxovskoj-ioann/>
11. Kornilov M.N. Japanese National Psychology. Moscow: INION RAS, 1981.
12. Foucault Michel. Words and Things. Archaeology of the Humanities / translated from French. St. Petersburg: A-cad, 1994.
13. Rybakov S.V. About the essence of faith // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 6. № 47. P. 576-582.

Демьянова А.Д.

Педагог классического и современного танца, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург.

Актуализация методики исполнения *Grand rond de jambe jete* в современной классической хореографии*

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена значительными изменениям физических и технических возможностей артистов балета XXI века при сохранении методических требований классического танца, которые были сформированы в начале XX века. Современные танцовщики обладают большей гибкостью, амплитудой движений и мобильностью тела.

Ключевые слова: методические требования, классический танец, балет, современные танцовщики, методика А.Я. Вагановой.

Demianova A.D.

Teacher of classical and modern dance, Academy of Russian Ballet named after A.Ya. Vaganova, St. Petersburg.

Updating the methodology for performing *Grand rond de jambe jete* in contemporary classical choreography

Abstract. The relevance of the problem is determined by significant changes in the physical and technical capabilities of twenty-first-century ballet dancers, while the methodological requirements of classical dance, established in the early twentieth century, have remained largely unchanged. Contemporary dancers demonstrate greater flexibility, a wider range of motion, and increased body mobility.

Key words: methodological requirements, classical dance, ballet, contemporary dancers, Vaganova methodology.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть, насколько традиционные правила методики А.Я.Вагановой и требования к исполнению *Grand rond de jambe jete* соответствует возможностям современного профессионального артиста балета и могут ли традиционные требования

* © Демьянова А.Д., 2026.

Актуализация методики исполнения *Grand rond de jambe jete* в современной классической хореографии

актуализироваться под физические возможности современных танцовщиков без нарушения основных принципов школы А.Я. Вагановой.

Методика А.Я. Вагановой была изложена в ее труде «Основы классического танца» вышедшая впервые в 1934 году, ставшая фундаментом русской балетной школы и продолжая определять основные принципы обучения классическому танцу [4]. Но вместе с тем современная балетная эстетика танца предъявляет исполнителям новые требования: высота работающей ноги, большие амплитудные движения, пластичность тела и техническая виртуозность.

В связи с этим исследование современного исполнения классического движения *Grand rond de jambe jete* в экзерсисе у палки и на середине представляет особую актуальность: важно определить возможность увеличения амплитуды данного движения с учетом физических возможностей современных танцовщиков при обязательном сохранении основных правил, выворотности, устойчивости корпуса, правильной работы тазобедренного сустава, положении руки, координации, акцентов и академической формы движения.

Основная задача провести сравнительный анализ принципов исполнения *Grand rond de jambe jete* в традиционной методике классического танца и в современной исполнительской практике. Для этого определим какие технические требования, заложенные методом А.Я. Вагановой, сохраняют свою фундаментальную значимость, а какие могут быть пересмотрены с учетом изменившихся (за 92 года) физических и технических возможностей современных артистов балета.

На основе данного анализа предполагается сформулировать актуальные требования к исполнению движения и определить, каким образом развитая гибкость, выворотность и мобильность тела современного танцовщика могут способствовать эволюции *Grand rond de jambe jete* без утраты его академической формы и основных принципов классического танца.

Grand rond de jambe jete входит в систему экзерсиса у палки и выполняется после ряда подготовительных упражнений, согласно методике А.Я. Вагановой, в частности *rond de jambe par terre*, которые подготавливают тазобедренный сустав, мышцы и связки к более интенсивной амплитудной работе. Движение выполняется в форме овала: исполнитель кончиком ноги рисуем овал в воздухе.

Grand rond de jambe jete. En dehors.

В традиционном правиле особое значение Ваганова придавала максимальному охвату пространства работающей ногой, ее самостоятельной работе от тазобедренного сустава до кончиков пальцев, сохраняя полную выворотность и полной устойчивости корпуса, держа очень крепко опорное плечо и лопатку [2]. При исполнении движения *en dedans* движение

Таблица 1.

Фаза движения	Действие работающей ноги	Высота и траектория	Положение корпуса и суставов
1. Импульс (Замах)	Предыдущий <i>rond de jambe par terre</i> переходит в исходную точку. Нога находится в положении <i>battement tendu</i> назад с вытянутыми пальцами.	На полу (0°)	Корпус готов к мощному движению, опорная нога стабильна.
2. Проходящее движение	Нога с силой бросается вперед, проскальзывая через I позицию.	На полу (0°)	Импульс направляет ногу строго вперед.
3. Взлет вперед	Нога взлетает вперед в положении <i>attitude</i> вперед.	45°	Импульс направляет ногу строго вперед.
4. Раскрытие и овал	Нога полностью вытягивается и начинает подниматься описывать максимально большой овал через положение <i>à la seconde</i> , повышается до положения <i>ecarte</i> назад, где <i>ecarte</i> самая высокая точка.	Поднимается до 90° и выше	Движение происходит за счет мощного вращения в бедренном суставе.
5. Завершение	Нога, пройдя все точки, опускается и возвращается в исходную точку.	С 90° в положении <i>battement tendu</i> назад	Корпус удерживает баланс, сохраняется выворотность.

осуществляется в обратном направлении с сохранением тех же принципов координации и амплитуды, сильнее держа ягодичные мышцы для контроля выворотности в тазобедренном суставе.

Особое внимание заслуживает графическое изображение *Grand rond de jambe jete* в методической литературе разных периодов. На иллюстрации в «Основы классического танца» А.Я. Вагановой видно, что максимальная высота работающей ноги приходится на положение *ecarte*, после которого траектория постепенно идет на снижение.

Интерес вызывает описание принципа исполнения *Grand rond de jambe jete* в книге Н.П. Базаровой «Классический танец. Методика обучения в четвертом и пятом классах» (1975 г.) [1]. Максимальная высота подъема ноги в тексте не описывается, однако представленная автором иллюстрация демонстрирует более широкую и свободную амплитуду овального движения. Именно графическое изображение у Базаровой представляется особенно интересным с позиции современной практики, поскольку визу-

Рис. 1. Графическое изображение традиционного исполнения. Grand rond de jambe jete 1934 г. [2].

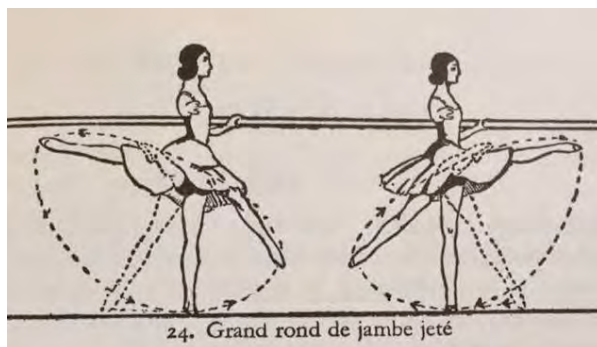

Рис. 2. Графическое изображение традиционного исполнения. Grand rond de jambe jete 1975 г. [1].

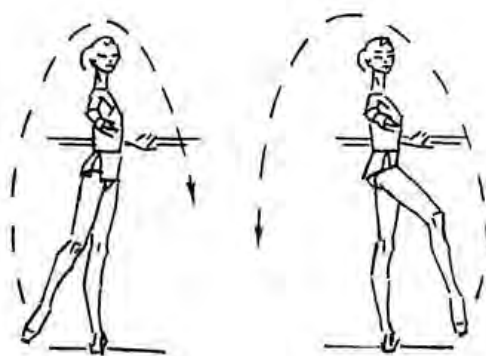
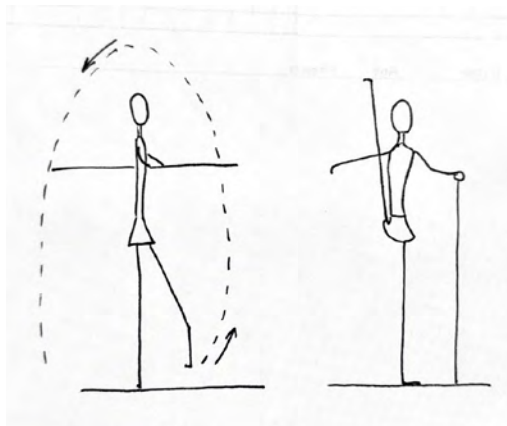

Рис. 3. А.Д. Демьянова. Графическое изображение исполнения. Grand rond de jambe jete 2026 г.

ально оно значительно ближе к той траектории, которую позволяют выполнять физические возможности современного танцовщика.

Важно отметить, что графические изображения Grand rond de jambe jete А.Я. Вагановой (1934) и Н.П. Базаровой (1975) разделяет 41 год. Уже за

этот период можно наблюдать развитие представления об амплитуде движения при сохранении его основных методических принципов, что позволяет говорить о естественной эволюции техники классического танца. Если основополагающие требования - выворотность, самостоятельность работающей ноги, максимальный охват пространства и устойчивость корпуса, сохраняют свою методическую значимость, то конкретная высота ноги не должна рассматриваться как неизменная величина. Более того, уже графическое изображение у Базаровой позволяет увидеть предпосылки к расширению амплитуды и высоты работающей ноги, что дает основание рассматривать современную интерпретацию не как отказ от традиционной методики, а как ее законное продолжение.

Современный уровень профессиональной подготовки танцовщиков характеризуется значительно большей гибкостью, высотой шага и подвижностью тазобедренного сустава [5]. Изменились и условия ежедневной работы: современная тренировочная одежда значительно легче, удобнее и функциональнее, не ограничивая тело в движениях, позволяя реализовать свои физические способности по максимуму. В связи с этим представляется целесообразным уточнить требования к амплитуде *Grand rond de jambe jete* сохранив при этом его первоначальную методическую задачу.

При исполнении *en dehors* предлагается сохранить начало движения в соответствии с традиционным принципом: работающая нога с положения *battement tendu* назад энергично проводится через I позицию, выбрасывается вперед в положении *attitude* вперед примерно на 45°, вытягивается и продолжает описывать широкий овал. Однако максимально контролируемую высоту предлагается достигать не в положении *ecarte*, а точно в *a la seconde*. В зависимости от индивидуальных физических возможностей танцовщика эта высота может достигать уровня головы при максимальном сохранении выворотности, устойчивости корпуса и правильного положения таза. После прохождения максимальной точки нога продолжает овал через *ecarte* назад, постепенно снижая и завершая движение в направлении *battement tendu* назад. При исполнении *en dedans* тот же принцип применяется в обратном направлении.

Таким образом, описание современного исполнения не изменяет природу *Grand rond de jambe jete*, а развивает заложенный в нем принцип максимального охвата пространства.

Если Ваганова определяла необходимость выполнения круга «возможно большим» [2], а Базарова показала в рисунке возможность увеличения амплитуды, то современные физические возможности танцовщика позволяют по-новому определить границы этого «возможно большого». Перенос кульминационной точки амплитуды в положение *a la seconde* позволяет сохранить методическую функцию упражнения - развитие выворотности, свободы тазобедренного сустава и силы работающей ноги - и

одновременно привести его в форму в соответствие с техническими возможностями современного классического танца.

Сопоставление изданий 1934 и 1975 годов показывает, что за 41 год определенная эволюция амплитуды *Grand rond de jambe jete* уже получила отражение в графическом изображении движения, хотя его основные методические принципы остались неизменными. С 1975 по 2026 год прошел еще 51 год, а с момента первого издания труда А.Я. Вагановой - 92 года. За это время существенно изменились физические и технические возможности артистов балета, что дает основание для дальнейшего осмысления и актуализации отдельных требований классической методики при обязательном сохранении ее фундаментальных принципов.

Библиографический список

1. Базарова Н.П. Классический танец. Методика обучения в четвертом и пятом классах. Л., «Искусство», 1975. 184 с. с ил. // URL: <http://dancelib.ru/books/item/f00/s00/z00000004/st062.shtml> Л., «Искусство», 1975. (Дата обращения: 07.31.2026).
2. Ваганова А.Я. Основы классического танца. Издание 6. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература» СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 44-45. // URL: https://krispen.ru/knigi/vaganova_aya_01.pdf (Дата обращения: 07.31.2026).
3. Ваганова А.Я. Основы классического танца. Учеб. пособие // [Вступ. статья В. Чистяковой. 4-е изд.]. Ленинград, Москва : Искусство, 1963. 179 с. ил., нот. ил.; 22.
4. Кремшевская Г.Д. Агриппина Ваганова. Л.: Искусство, 1981. 136 с, 31 л. ил. // URL: <http://dancelib.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st008.shtml> (Дата обращения: 07.31.2026)
5. Нечаев В.А., Васильев А.Ю. Лучевая диагностика патологии тазобедренного сустава у артистов балета (обзор литературы) // Радиология - практика. 2018. № 3. С. 51-60. // URL: <https://www.radp.ru/jour/article/view/21/21> (Дата обращения: 07.31.2026).
6. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.

References

1. Bazarova N.P. Classical Dance. Teaching Methods in the Fourth and Fifth Grades. Leningrad, "Art", 1975. 184 p. with ill. // URL: <http://dancelib.ru/books/item/f00/s00/z00000004/st062.shtml> Leningrad, "Art", 1975. (07.31.2026).
2. Vaganova A.Ya. Fundamentals of Classical Dance. Edition 6. Series "Textbooks for Universities. Specialized Literature" St. Petersburg: Lan Publishing House, 2000. P. 44-45. // URL: https://krispen.ru/knigi/vaganova_aya_01.pdf (07.31.2026).
3. Vaganova A.Ya. Fundamentals of Classical Dance. Textbook // [Introduction. Article by V. Chistyakova. 4th ed.]. Leningrad, Moscow: Iskusstvo, 1963. 179 p. ill., music ill.; 22.
4. Kremshvetskaya G.D. Agrippina Vaganova. L.: Iskusstvo, 1981. 136 p., 31 p. ill. // URL: <http://dancelib.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st008.shtml> (07.31.2026)
5. Nechayev V.A., Vasiliev A.Yu. Radiation diagnostics of hip joint pathology in ballet dancers (literature review) // Radiology - Practice. 2018. № 3. P. 51-60. // URL: <https://www.radp.ru/jour/article/view/21/21> (07.31.2026).
6. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.

Ли Ён Ок

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Символизм в русской живописи и диалог культуры М.В. Нестерова: в путевых записях 1889 года - бахтинский анализ*

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества М.В. Нестерова как художника-символиста в контексте русского культурного Ренессанса рубежа XIX–XX веков. Опираясь на теорию диалога М.М. Бахтина и постбахтинскую исследовательскую традицию, автор рассматривает европейские путешествия Нестерова как пространство межкультурного диалога, в котором «чужое слово» западноевропейского искусства превращается в «свое-чужое» посредством принципов вневходимости и творческого ядра личности. Особое внимание уделяется путешествию 1889 года как катализатору создания цикла образов Сергия Радонежского, ставшего центральным религиозным и иконографическим мотивом всего творчества художника.

Ключевые слова: М.В. Нестеров, Символизм, Серебряный век, М. Бахтин, Диалог культур.

Lee Yeon Ok

Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Symbolism in Russian painting and the cultural dialogue of M.V. Nesterov: travel notes of 1889 – A Bakhtinian Analysis

Abstract. The article analyses the work of M.V. Nesterov as a symbolist artist in the context of the Russian cultural Renaissance at the turn of the 19th and 20th centuries. Drawing on M.M. Bakhtin's theory of dialogue and the post-Bakhtinian research tradition, the author interprets Nesterov's European journeys as a space of intercultural dialogue, in which the "other word" of Western European art is transformed into "one's-other" through the principles of estrangement (*vnenakhodimost'*) and the creative core of personality. Particular emphasis is placed on the 1889 journey as a catalyst for the creation of the cycle of images of St Sergius of Radonezh, which became the central religious and iconographic motif in the artist's oeuvre.

Key words: M.V. Nesterov, Symbolism, Silver Age, M. Bakhtin, Dialogue of cultures.

* © Ли Ён Ок, 2026.

Символизм в русской живописи и диалог культуры М.В. Нестерова: в путевых записях 1889 года - бахтинский анализ

Введение

Путевые записи 1889 года, включённые М.В. Нестеровым в книгу «Давние дни. Рассказы и очерки», давно используются как биографический источник, но редко рассматриваются как самостоятельный философско-художественный текст, фиксирующий не просто маршрут «уфимского купеческого сына» по Европе, а становление мировоззрения будущего автора «Видения отроку Варфоломею» и «Святой Руси».

Актуальность исследования связана с ростом интереса к религиозному компоненту русского художественного сознания рубежа XIX–XX веков и к взаимодействию православной традиции с западноевропейским наследием. Зрелое творчество Нестерова изучено довольно полно, тогда как ранняя стадия – формирование его философско-эстетических установок, отражённая в путевом тексте 1889 года, – остаётся на периферии внимания. В данной статье, анализируя ранние европейские путешествия Нестерова через призму бахтинской теории, выходит за рамки традиционного искусствоведения и иконографии, расширяя междисциплинарные горизонты исследования и углубляя реконструкцию его мировоззрения и художественного становления.

Объект – духовное и художественное развитие личности М.В. Нестерова; предмет – текст «Путешествие 1889 года» и его восприятие художественных и культурных явлений Запада. Цель исследования – 1. рассмотреть Русский культурный Ренессанс как особый этап духовного и художественного развития; 2. выявить три основных этапа эволюции символизма в русской живописи рубежа XIX–XX веков; 3. проанализировать путевой текст 1889 года как документ встречи русского художника с западной культурой на основе категорий «своего и чужого слова» и «внеаходимости»; 4. показать, как Нестеров формулирует образ святого преподобного Сергия Радонежского.

1. Символизм в русском живописи и Художник-символист Нестеров

Русский культурный Ренессанс начала XX века осмысливается как особый этап духовного и художественного развития, связанный не с повторением европейского Возрождения, а с пробуждением интеллектуальных и духовных потенций русского духа. В Серебряном веке особенно ярко проявилось стремление искусства соединить чувственное и сверхчувственное, что придаёт художественному процессу философскую глубину и символическую многозначность. Реализм в этом контексте не отвергался, а рассматривался как ступень на пути к интуитивному постижению Абсолюта и Истины. Многообразие художественных форм рубежа XIX–XX веков свидетельствует о расширении творческого опыта и углублении познания мира. Религиозное искусство приобретает особое значение как форма духовного поиска, выходящая за рамки рационального знания, что позволя-

ет рассматривать русское искусство этого периода как важнейшее проявление философско-религиозного обновления русской культуры [1, с. 7-8].

О.С. Давыдова отмечает, что символизм достиг наибольшего расцвета в русском искусстве предреволюционного периода, однако после Октябрьской революции его художественная поэтика маргинализировалась под давлением материалистической идеологии. Исследователь выделяет три основных этапа эволюции символизма в русской живописи рубежа XIX–XX веков – Абрамцевский кружок, «Мир искусства» и «Голубая роза», подчёркивая его тесную связь с модернизмом как ведущим стилистическим направлением эпохи. Истоки раннесимволистской эстетики восходят к Абрамцевскому кружку, чья национально-романтическая программа во многом определила развитие новаторского искусства, включая творчество М.В. Нестерова, называвшего себя «русским прерафаэлитом», а также В.Г. Перова, братьев В.М. и А.М. Васнецовых, В.А. Серова, К.А. Коровина, М.А. Врубеля и Е.Д. Поленова [2, с. 10-13].

Поворот к религиозной тематике М.В. Нестерова (1862–1942) начался с полотна «Христова невеста» (1887); за ним последовали серия крупных религиозных произведений: «Пустынник» (1888–1889), «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890) и др. С 1890 по 1896 гг. Нестеров участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве (вместе с В.М. Васнецовым), создав свыше тридцати монументальных композиций – в числе прочего «Рождество Христово», «Воскресение» – а также иконы для иконостасов северного и южного приделов.

В 1890–1906 гг. художник последовательно разрабатывал жизненный и духовный цикл образов Сергия Радонежского: «Отрочество Сергия» (1891), «Юность преподобного Сергия» (1892–1897), серия «Труды преподобного Сергия» (1896–1897). Одновременно он выполнял церковные заказы и эскизы для росписей: эскизы для храма Воскресения в Санкт-Петербурге (1894–1897), работы для церкви в Новой Чертории (1899–1901) и роспись храма Александра Невского в Абастумани (1899–1904). В конце XIX – начале XX вв. появляются крупные полотна библейского и духовного содержания: «Голгофа» (1899–1900), «Воскрешение Лазаря» (1900), позже – «Святая Русь» (1901–1906). В XX веке Нестеров продолжает церковно-тематическую деятельность: роспись Покровского храма Марфо-Мариинской обители в Москве (1908–1912), иконы для храма в Сумах (1913–1914). В 1914–1916 гг. он выполнил более 60 этюдов к масштабному циклу «На Руси». Поздние произведения отражают сохраняющийся духовный интерес: «Философы» (1917), «Несение креста» (1924), «Страстная седмица» (1933) и повторение «Христовой невесты» (1937). Ключевые линии религиозного круга Нестерова – раннее обращение к христианской символике, монументальная храмовая живопись и циклическая разработка жизнеописаний святых (в частности Сергия Радонежского) – проходят

сквозь всё творчество художника, сочетая церковные заказы и самостоятельные философско-традиционные полотна [1, с. 140-141].

А. Бенуа рассматривает Нестерова не только как пейзажного поэта наряду с Левитаном, Серовым и Коровиным, но прежде всего как художника, тяготеющего к символическому измерению бытия. По его мнению, Нестеров сочетает реалистическое отношение к природе с внутренним стремлением за её пределы, ориентируясь на вопросы сверхчувственного и религиозные искания, что сближает его с символистской традицией, в которой внешний облик становится знаком мистического содержания [3, с. 367].

И.А. Азизян в статье «О диалоге искусств Серебряного века» системно применяет постбахтинскую теорию диалога к анализу русской художественной культуры 1890–1920-х годов, подчёркивая ключевую роль соловьёвской религиозно-философской школы как идеологической основы синтеза искусств. Диалогический подход позволяет рассматривать эпоху не как набор изолированных явлений, а как пространство «большого диалога» литературы, живописи, архитектуры и музыки. [4, с. 113] Такой подход создаёт методологическую основу для анализа первого европейского путешествия Нестерова через бахтинские категории внешности и «чужого слова».

2. Анализ путевых записи М. Нестерова через призму теории М. Бахтина

М.М. Бахтин в «К философии поступка» подчеркивает: «образы ее объективированы, изъяты из действительного единственного становления» [5, с. 47].

Записи Нестерова становятся поступками-диалогами, выходя за пределы эстетического созерцания, документируя живые диалогические события: конфронтацию с Беклемишевым («неистовые споры») [6, с. 201], визуальный ответ в «Пагано» («стал своим») [6, с. 205], философский разговор с англичанином («симпатия через Данилевского») [6, с. 204], сравнение Сан-Марко с Красной площадью («схожая») [6, с. 197], переосмысление Бастье-на-Лепажя («славянин») [6, с. 218]. Эти поступки остаются причастными реальному бытию и процессу становления религиозного мировоззрения.

В работе «К методологии гуманитарных наук» М.М. Бахтин формулирует принципиально новый подход к пониманию как ключевому методу гуманитарных наук. Центральным тезисом является идея о том, что понимание – это не одноактный процесс, а сложная многоуровневая структура. В реальном опыте все этапы понимания слиты в единый процесс, но теоретически их можно расчленить на отдельные акты, каждый из которых обладает идеальной смысловой самостоятельностью [7, с. 391].

Понимание в гуманитарной перспективе – это не полное присвоение чужого, а сохраняющая трансформация: чужое слово становится «сво-

им-чужим», сохраняя свою инаковость и одновременно функционируя в новом репертуаре. Принцип вменяемости обеспечивает критическую дистанцию и восприимчивость: внешняя позиция позволяет увидеть неочевидные опоры собственной традиции и корректно реконструировать чужой смысл. Процесс превращения проходит через узнавание формы, интерпретативное внедрение и творческую реинтерпретацию в новом хронотопе. Критерий глубины понимания – достижение творческого ядра личности или традиции: устойчивые мотивы и интенции, которые сохраняют жизнеспособность и обеспечивают культурную «бессмертность» при переносе в новые контексты. Методологически это требует сочетания вменяемости и эмпатической глубины, что позволяет сохранить инаковость чужого и превратить её в продуктивный ресурс [7, с. 400].

В путешественной записке М.В. Нестерова реализуются в жанре личного свидетельства ключевые положения бахтинской концепции «свое и чужое слово», диалогизма и вменяемости.

2-1. *Свое и чужое слово как диалог культур*

В путевых записках 1889 года Нестеров постоянно сталкивается со «своим» и «чужим»: русский православный художник встречается с католическим Римом, архитектурой Сан-Марко, ренессансной живописью Рафаэля и Микеланджело, западными музеями и выставками.

Описывая впечатление от Венеции, он сопоставляет Сан-Марко и Дворец дождей с Красной площадью и Василием Блаженным, вводя западный образ в русский иконописный и пространственный контекст [6, с. 197]. Восприятие живописи Тинторетто, Тициана и Веронезе он переживает как «нежную влюблённость» в искусство, а не как холодное созерцание, что делает чужое слово западной живописи живым диалогическим партнёром, а не отчуждённой системой [6, с. 198]. После встречи с Микеланджело и фресками Сан-Марка Нестеров говорит о хаосе впечатлений, где «язычник» Боттичелли уживается с «наихристианнейшим» Беато Анжелико, а подлинное искусство требует проникновения в «душу» формы [6, с. 200-201]. В Сикстинской Мадонне он прямо признаёт различие: «Мадонна Рафаэля – чисто католический идеал», который православному русскому надо «примирить» и «признать» как иной, «чуждый» образ. В то же время он восхищается тем, как Рафаэль «передал... на многие сотни лет свою религиозную мечту миллионов людей», сравнивая его с Ивановым, выразившим в «Явлении Христа народу» «всего себя» [6, с. 221].

Таким образом, Нестеров не копирует и не подавляет чужое; он активно диалогизирует западный опыт, включая его в собственный религиозно-художественный контекст. Включение «чужого» в «свое» без потери его инаковости и есть превращение чужого в «свое-чужое» по бахтинскому образцу, где западное искусство сохраняется и обновляется в русском эстетическом и духовном репертуаре.

2-2. Вненаходимость как позиция русского художника. Путешествие Нестерова в Европу – это опыт вненаходимости: он существует как «вненаходный» наблюдатель по отношению к западной культуре

Восприятие Собора Святого Петра как «холодного», «гордого» и «слишком католического» по отношению к его православному опыту [6, с. 204-205], ощущение «чужести» Парижа, дистанция к Мулен-Ружу [6, с. 219], – всё это проявления вненаобщающей позиции. Эта вненаходимость позволяет ему видеть слепые пятна западной традиции и, одновременно, сознательно выбирать, что именно из Запада может быть продуктивно перенесено в русскую иконографическую и религиозную практику.

2-3. Сложные отношения субъекта понимания и создателя. В тексте прослеживаются сложные отношения между субъектом-понимающим (Нестеров-художник) и создавшим (Рафаэль, Микеланджело, Пюви, Бастийан-Лерпаж, Данилевский и т. д.).

Описывая впечатления от Рафаэля и Микеланджело, Нестеров отмечает, что ватиканские фрески Рафаэля и свод Сикстинской капеллы произвели на него глубокое впечатление, став ориентиром высшего художественного и духовного уровня [6, с. 205]. Это подчёркивает его активную позицию субъекта-понимающего, который вступает в диалог с творческим ядром мастеров, соотнося чужое слово с собственными исканиями.

В эпизоде с английским собеседником старый англичанин удивляется любящему отношению Нестерова к России и его симпатии к Данилевскому [6, с. 211]. Его слово становится медиумом межкультурного диалога, где чужое активно реинтерпретируется и встраивается в новый хронотоп.

Восхищаясь «Жанной д'Арк» Бастийана-Лерпажа, Нестеров обращает внимание на глубину духовного поиска художника, близкого к русскому и славянскому типу исканий человеческой драмы. Восприятие глаз Жанны как «тайны художника» показывает, что «созданное» для Нестерова не объект наблюдения, а партнёр диалога, чьё слово вызывает творческий ответ и обновляет хронотоп [6, с. 217]. Так Нестеров не только созерцает, но и переосмысливает чужое через русское религиозное чувство и художественное образование, реализуя бахтинский принцип: понимание – это творческий ответ, где «созданное» и «понимающее» взаимно обновляют свои хронотопы.

2-4. Творческое ядро личности и «бессмертие» художника.

Центральное значение в тексте приобретает творческое ядро личности.

Описывая Пюви де Шаванна и Бастийана-Лерпажа, он отмечает, что именно их творчество оказывает на него глубочайшее воздействие, становясь эталоном художественного и профессионального совершенства [6, с. 218-219]. Восхищение ими совпадает у него с ощущением завершенности «европейского обучения» и намерением «претворить виденное» в русское искусство, что превращает чужое слово мастеров Запада в «своё-чужое» и встраивает их творческое ядро в новый, русский хронотоп.

Для Нестерова западный опыт – это путь к собственному художественному завершению и способу «встроить» найденные элементы в будущие религиозные образы России. В бахтинском смысле творческое ядро художника оказывается «бессмертным», продолжая существовать и обновляться в новых культурах и контекстах. В путевых записях реализуется модель диалога культур: «свое и чужое слово» вступают в диалог, вненаходимость рождает критический и продуктивный взгляд, а творческое ядро личности обеспечивает преемственность и сохранение религиозно-художественного опыта, превращая чужое в творческое «свое-чужое» и обновля культурную идентичность.

3. Путешествие М. Нестерова 1889 года и начало цикла святого преподобного Сергия Радонежского

После путешествия по Европе 1889 года Михаил Нестеров обращается к теме Сергия Радонежского, из которой затем вырастает циклический религиозный ряд его творчества. В путевых и послепутевых письмах того же 1889–1890 гг. он фиксирует своё вненаходное положение в европейской среде, одновременно укрепляя идентичность с русской православной и «северной» культурой. Именно в эти месяцы он приступает к работе над картиной «Видение отроку Варфоломею (преподобному Сергию)», называя её одной из самых «верных» и реалистичных задумок, способной «увидеть свет Божий». В описании замысла и пейзажного фона этой картины Нестеров связывает европейский опыт художественного и духовного диалога с «своей» русской природой и святыней. Путешествие по Европе 1889 года становится катализатором, спустя который начинается цикл образов Сергия Радонежского как центрального художественного и религиозного мотива в его творчестве.

Павел Флоренский в своей работе «Троице-Сергиева Лавра и Россия» оценивает о Преподобном Сергии Радонежском как центральной фигуре, в которой сошлись и были трансформированы культурные наследия Византии и русской средой. Флоренский видит в Сергии не только религиозного подвижника, но и «центр объединения» множества культурных линий, от нравственно-государственных начал до искусства и науки [8].

В.О. Гусакова оценивает святого преподобного Сергия Радонежского – символ духовного возрождения, народного единения и культурного подъема и отмечает что отечественные историки все как один высоко оценивали роль преподобного Сергия в судьбе России [9, с. 5-12].

В письме июля 1889 г., написанном на Капри, М. В. Нестеров описывает спор с представителями разных европейских наций, одновременно подчёркивая собственную идентичность с русской православной и «северной» культурой. Сочетая восхищение иностранным ландшафтом с тоской по родине и памятью о всеобщей у «Преподобного», он демонстрирует бахтинскую вненаходимость, диалогизируя европейскую культуру, не подавляя собственную идентичность [10, с. 51].

В письме от 20 августа 1889 г. из Хотькова Нестеров сообщает о работе над этюдом к картине «Видение отроку Варфоломею (преподобному Сергию)», называя её одной из самых «верных» и реалистичных задумок, способной «увидать свет Божий» [10, с. 58]. В сентябрьском письме из Камьякино он уточняет сюжет, подчёркивая поэтичность и простоту, а также описание осеннего пейзажа, где звуки «благовеста» связывают природное и духовное пространство. В этом фрагменте ярко проявляется циклическая разработка образа Сергия Радонежского, где «чужой» иконо-символический код сплетается с «своей» русской природой по бахтинской модели превращения «чужого» в «своё-чужее» [10, с. 58-59].

В письме от 26 марта 1890 г. из Абрамцева Нестеров отмечает поддержку своей картины И.Е. Поленовым и в то же время критикует скандал вокруг полотна Н.Н. Ге «Что есть истина», подчёркивая искусственность её популярности. Задавая вопрос о судьбе «Отрока Варфоломея» в Москве, он фиксирует диалог своего религиозно-символического образа с «чужим» столичным и «своим» православным культурным контекстом, а также свою позицию внаходящего наблюдателя относительно художественных вкусов эпохи [10, с. 64-65].

Выводы

Проведённое исследование показывает, что путевые записи и письма 1889 года представляют собой философско-художественный текст, в котором наглядно воплощаются бахтинские категории «своего и чужого слова», «внаходямости» и «творческого ядра личности» как интуитивные принципы культурного самоопределения Нестерова. Встреча с западноевропейским искусством Рафаэля, Микеланджело, Пюви де Шаванна и Бастьена-Лепаж не привела к заимствованию, а реализовалась через «своё-чужое»: чужое слово, сохранив инаковость, вошло в русский православный художественный контекст, а позиция внаходямости обеспечила критическую дистанцию и творчески продуктивное усвоение западного наследия.

Установлена прямая связь между путешествием 1889 года и началом цикла Сергия Радонежского: интенсивное погружение в «чужое» культурное пространство укрепило идентичность художника с русской православной традицией, а «Видение отроку Варфоломею» стало первым воплощением этого синтеза, где европейский опыт превратился в глубоко национальный образ. Применение бахтинской диалогической концепции подтвердило её эвристическую ценность: творчество Нестерова вписывается в парадигму Серебряного века как «большого диалога» культур, где русское религиозное искусство формирует самобытный синтез, не замыкаясь на национальных границах и не растворяясь в европейском модернизме.

Таким образом, путевые записи 1889 года занимают особое место в творческой судьбе художника как точка пересечения чужого и своего, из

которой берёт начало его зрелая религиозно-символическая система. Перспективу дальнейших исследований составляет расширение источников за счёт поздней переписки Нестерова и сравнительный анализ межкультурного диалога у других мастеров Абрамцевского круга (В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, В.Д. Поленова) с применением бахтинской методологии.

Библиографический список

1. Вагнер Г.К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников, середина XIX – начало XX в. – М.: РИП-холдинг, 2014. 189 с.
2. Давыдова О.С. Символизм в русском изобразительном искусстве эпохи модерна. Аналитический обзор в свете последних исследований // *Философия и культура*. 2021. № 3. С. 10-24.
3. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. – Москва: Республика, 1995. С. 367-373.
4. Азизян И.А. О диалоге искусств Серебряного века / И.А. Азизян // *Соловьевские исследования*. 2006. № 1. С. 112-138.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // *Избранное*. Т. I: Автор и герой в эстетическом событии / сост. Н.К. Бонцкая. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 47-102.
6. Нестеров М.В. Давние дни: рассказы и очерки. – СПб: Лениздат, 2014. 256 с.
7. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Избранное*. Т. I: Автор и герой в эстетическом событии / сост. Н.К. Бонцкая. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 391-401.
8. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия [Электронный ресурс] / П.А. Флоренский. – Электрон. дан. – [Б. м.], [б. г.]. // URL: https://hrono.ru/libris/lib_f/floren_lavra.html?ysclid=mpgqwp51o0620998015 (Дата обращения: 01.05.2026).
9. Гусакова В.О. Преподобный Сергий Радонежский / В.О. Гусакова. – Санкт-Петербург: Аврора, 2023. 62 с.
10. Нестеров М.В. Письма. *Избранное / вступ. ст., сост., коммент. А.А. Русаковой*. – Л.: Искусство, 1988. 536 с.

References

1. Wagner G.K. In Search of Truth. Religious and Philosophical Quests of Russian Artists, Mid-19th – Early 20th Centuries. Moscow: RIP-holding, 2014. 189 p.
2. Davydova O.S. Symbolism in Russian Fine Art of the Art Nouveau Era. An Analytical Review in Light of Recent Research // *Philosophy and Culture*. 2021. № 3. P. 10-24.
3. Benois A.N. History of Russian Painting in the 19th Century. Moscow: Respublika, 1995. P. 367-373.
4. Azizyan I.A. On the Dialogue of the Arts of the Silver Age // *Soloviev Studies*. 2006. № 1. P. 112-138.
5. Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of Action // *Selected Works*. T. I: Author and Hero in an Aesthetic Event / compiled by N.K. Bonetskaya. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. P. 47-102.
6. Nesterov M.V. Bygone Days: Stories and Essays. – St. Petersburg: Lenizdat, 2014. 256 p.
7. Bakhtin M.M. Toward a Methodology of the Humanities // *Selected Works*. Vol. I: Author and Hero in an Aesthetic Event / compiled by N.K. Bonetskaya. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. P. 391-401.
8. Florensky P.A. Trinity Lavra of St. Sergius and Russia [Electronic resource] / P.A. Florensky. – Electronic data. – [No. m.], [No. y.]. // URL: https://hrono.ru/libris/lib_f/floren_lavra.html?ysclid=mpgqwp51o0620998015 (01.05.2026).
9. Gusakova V.O. St. Sergius of Radonezh / V.O. Gusakova. – St. Petersburg: Aurora, 2023. 62 p.
10. Nesterov M.V. Letters. *Selected / introduction, compiled, commented by A.A. Rusakova*. – L.: Art, 1988. 536 p.

Лыкова Н.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Гасанова В.Т.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Андрейченко О.И.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Некоторые аспекты инкорпорации Таврической губернии в социокультурное пространство Российской империи XVIII - нач. XX ст.*

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу интеграции Крыма в общеимперское пространство России XVIII - нач. XX ст. Воссоединение полуострова с Российской империей оценивается как особый случай историко-культурного процесса формирования великодержавного пространства. Актуальность данного исследования осуществляется с учётом общего теоретического осмысления модели самодержавной политики российского государства, где особую роль играет становление города, как административного центра вновь созданной Таврической губернии. История губернского города в единстве всех её образующих, на фоне культур-исторических, политических и социально-экономических процессов, с учётом влияния природно-климатических и геополитических факторов, позволяющих представить город как муниципалитет и особую социокультурную сферу с присущими ему ценностными ориентирами, моральными устоями, идеалами и духовной атмосферой периода XVIII - нач. XX ст.

Ключевые слова: инкорпорация, культурологический анализ, геополитический фактор, губернский город, муниципалитет, Российская империя, административная единица, Таврическая губерния, историческое ядро, Петровская слобода, полуциркулярная площадь, духовная атмосфера, Кафедральный собор, трехлучевая схема.

Lykova N.N.

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

* © Лыкова Н.Н., Гасанова В.Т., Андрейченко О.И., 2026.

Некоторые аспекты инкорпорации Таврической губернии в социокультурное пространство Российской империи XVIII - нач. XX ст.

Gasanova V.T.

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

Andreychenko O.I.

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

Some aspects of the incorporation of the Taurida Governorate into the socio-cultural space of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries

Abstract. This article provides a cultural analysis of Crimea's integration into Russia's imperial space from the 18th to the early 20th centuries. The peninsula's reunification with the Russian Empire is viewed as a special case of the historical and cultural process of great-power formation. The relevance of this study is informed by a general theoretical understanding of the state's imperial policy model, with the city's emergence as the administrative center of the newly created Taurida Governorate playing a key role. The comprehensive history of the provincial capital, framed against the backdrop of cultural, historical, political, and economic processes, and taking into account the influence of natural, climatic, and political factors, allows the city to be seen as a municipality and a distinct sociocultural space with its inherent value systems and the spiritual atmosphere of the 18th to early 20th centuries.

Key words: incorporation, cultural analysis, geopolitical factors, provincial capital, municipality, Russian Empire, administrative unit, Tauride Governorate, historical core, Petrovskaya Sloboda, semicircular square, spiritual atmosphere, Cathedral, three-beam scheme.

Анализ научной проблемы: Появление губернских городов стало символом наступления новой эпохи в истории Российской империи XVIII - нач. XX ст. Административный центр вновь созданной Таврической губернии, как новая среда обитания и неискушённая тема развития начинает выполнять важнейшие функции в социуме. Губернская город-столица достаточно сложно организован и в нем по-разному преломляются самые уникальные стороны жизни России XVIII - нач. XX ст.

Основной материал: После подписания манифеста Екатериной II (8 апреля 1783 г.) [8, с. 3], конкретно в феврале 1784 года правителем созданной на присоединённых землях Таврической области был назначен В.В. Коховский [4, с. 171]. Вначале администрация области дислоцировалась в городе Карасубазар (ныне Белогорск). Однако затем она была переведена на территорию на высоком левом берегу Салгира, где до интеграции Крыма в общеимперское пространство России XVIII - нач. XX ст. обосновался город Ак-Мечеть. Это было логистически удобно. Именно здесь пересекались основные магистрали, соединяющие восток Крыма с западом и север с югом.

В XV в. город Ак-Мечеть (от крымскотатарских слов *aq* – белый, *mescit* – мечеть) назывался в честь мечети Кебир-Джами, построенной в 1508 году и считающейся самым старым сохранившимся зданием города [6, с. 120 – 164]. Она представляет собой храм базиликальной планировки [6, с. 120 – 164]. Вход в мечеть находился с северной стороны строения, а в южной стене был михраб – ниша с двумя колоннами и аркой, указывающей путь к Каабе [6, с. 120 – 164].

Ак-Мечеть являлась вторым после Бахчисарая городом государства. Османский путешественник XVII характеризовал его так: «Это благоустроенный город с домами <...> двухэтажными, с выложенными из камня стенами. Все дома просторные. Имеется двести лавок. <...> Имеется три постоянных двора для купцов» [12, с. 92].

Впоследствии Ак-Мечеть стала частью Симферополя и стала называться Старым городом. Это исторически сложившийся район, ограниченный улицами Ленина (до революции – Лазаревская), Севастополь, Крылова (Кладбищенской), Красноармейской (Армейской). Для этих кварталов характерен неповторимый колорит: лабиринт узких, причудливо извивающихся улочек.

В. Коховский написал в докладе Новороссийскому генерал-губернатору Г. Потёмкину: «Место для построения изберётся вне старого города такое, кое при строении нового не подвергнет оных сломке». Это означало, что областной центр предполагалось строить несколько ниже по течению реки Салгир от Ак-Мечети. На этом месте с 1777 года стояла военная крепость, известная как «Суворовский редут» [6, с. 120-164]. Они занимали площадь от теперешней гостиницы «Украина» (улица Александра Невского, 7) до медицинского колледжа (улица Екатерининская, 28/10).

С 1784 года на этом и прилегающих участках началось строительство собственно Симферополя. Возводились административные и жилые зда-

Симферополь начала XIX века. Художник К. Боссоли

ния и православный собор. Так сформировалось второе после бывшей Ак-Мечети историческое ядро города. Район отличается правильной прямоугольной планировкой и напоминает Санкт-Петербург.

В основу исторического ядра столицы Крыма легла застройка на основе проектного плана 1785 – 1788 гг., яркого документа эпохи классицизма. План предусматривал строительство в квадрате, ограниченном современными улицами Самокиша, Толстого, Розы Люксембург (Александра Невского) и проспектом Кирова. Пересекающиеся внутри этого квадрата улицы должны были делить его на 26 кварталов. Особая роль отводилась полукруглой площади, в центре которой предусматривалось место для кафедрального собора на пересечении теперешних улиц Жуковского и Карла Либкнехта. Полукружия площади образовались зданиями учреждений и народного училища. Отходя от соборной площади, кварталы образовали трехлучевую схему, типичную для классицизма.

Кроме центральной части, с июня 1784 года стали строиться и частные дома на окраине города, где жили переселенцы из Украины и России. Одним из первых был Пётр Винников, и микрорайон, выросший возле его дома, получил название Петровской слободы. Ныне это кварталы, примыкающие к улице Воровского.

8 октября 1802 года город стал административным центром вновь созданной Таврической губернии, включавшей не только полуостров Крым, но и ряд материковых уездов (Бердянский, Днепровский, Мелитопольский) и в дальнейшем превратился в крупный культурный и экономический центр.

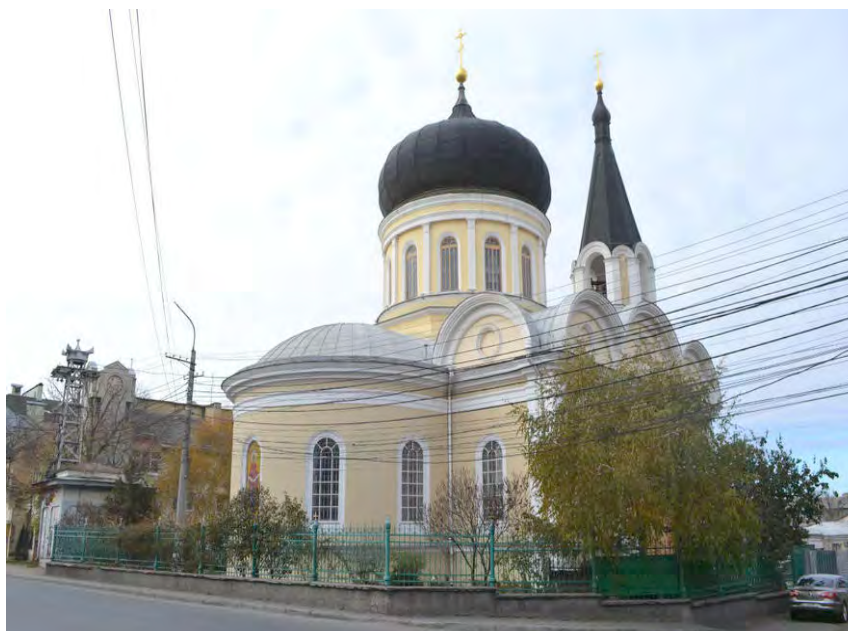
Кафедральный собор Святого Благоверного Великого князя Александра Невского в Симферополе был заложен 12 марта 1823 г. по проекту известного петербургского зодчего И.И. Шарлеманя. Строительством руководил его ученик, архитектор И.Ф. Колодин [6, с. 120-164]. Через 6 лет, 3 июня 1829 г., собор был освящён. Он просуществовал до 1930 года, когда в ночь с 26 на 27 сентября 1930 года его снесли по решению большевистских властей. Камни, оставшиеся от взорванного храма, коммунисты кощунственно использовали при строительстве элитного дома «1905 года» (бульвар Ленина, 1), предназначенного для активистов режима.

Однако первым специально построенным христианским храмом в прежней Ак-Мечети (какое-то время православные богослужения шли в бывшем татарском доме, приспособленном под церковь командиром одного из русских полков Б.А. Тищевым) стал не Александро-Невский собор, а Петропавловский храм (ул. Октябрьская, 16). Распоряжение о его постройке дала императрица Екатерина II во время своего посещения города 26 мая 1787 г.: «Построить в Ак-Мечети приличный храм соборный» [9, с. 92]. 8 ноября 1806 г. строительство было завершено. В своём первоначальном виде церковь представляла собой деревянное здание с гранё-

ной апсидой на востоке и колокольной на западе. Храм функционировал как соборный, но после введения в эксплуатацию собора Александра Невского был упразднён. Однако в марте 1866 года был учреждён комитет по строительству новой Петропавловской церкви. Её проект, составленный архитектором К.Е. Лазаревым, был утверждён в Санкт-Петербурге. Старую деревянную церковь разобрали, а на её месте 29 июня 1866 года заложили новое здание храма. 16 августа 1870 г. собор вновь распахнул ворота для своих прихожан. Однако в 1937 году по решению большевистской власти здесь прекратилось богослужение, купол и колокольня были разобраны, в храме устроили склад. Лишь в 1980-е гг. началось восстановление Петропавловского собора, и сейчас он поражает своим внутренним убранством. С 2003 года храму-собору придан статус кафедрального.

Окончательное формирование образа Симферополя закончилось к началу Первой мировой войны (1914 г.). Более ста лет город застраивался, в основном, в соответствии с первым проектным, «екатерининским» планом XVII века.

Первый монумент Симферополя был заложен 5 апреля 1842 года на Соборной площади (пересечение нынешних улиц Жуковского и Карла Либкнехта). Здесь, по преданию, была ставка князя В.М. Долгорукова, который командовал российскими войсками в русско-турецкой войне.

Петропавловский храм. Современный вид

Памятник сооружался на средства В.В. Долгорукова, внука великого полководца, а в его строительстве активное участие принимал генерал-губернатор Новороссийского края М.С. Воронцов. Автор проекта монумента – профессор А. Штрейхенберг, подданный прусского короля. Высота обелиска около 20 м. Материал – крымский диорит. Четыре сюжетных барельефа по сторонам памятника были исполнены из итальянского мрамора. Обелиск был открыт и освящён в обстановке особой торжественности 17 (29) ноября 1842 г.

В 40-е года XIX века появился и другой архитектурный памятник столицы Крыма – дом Дворянского собрания (нынешняя улица Горького, 10).

Его строительство было вызвано укреплением положения дворян Таврической губернии, которые пользовались правом на самоуправление своего сословия. Известно, что первоначально архитектором Дворянского собрания был видный ялтинский зодчий К.И. Эшлиман [9, с. 92]. Однако его проект не прошёл утверждение в Петербурге «по неблагоприятности фасада и неудобному внутреннему размещению», и авторство здания принадлежит кому-то другому [9, с. 92]. Бывшее собрание широко известно тем, что с 1925 по 2007 гг. здесь размещалась Универсальная научная библиотека им. И.Я. Франко.

Памятником архитектуры XIX века является и «Дом Воронцова» в парке «Салгирка».

На планах Симферополя 1786 года почти всюду вдоль берега Салгира

Дом Дворянского собрания. Современный вид

можно видеть надпись «лес», а на плане 1794 г. – подробное обозначение отдельных рощ. Здесь росли вековые деревья, перевитые лианой-ломоносом и крымским вечнозеленым плющом. В конце 1795 г. в этом месте построил усадьбу один из крупнейших русских учёных того времени – академик П. Паллас. Она представляла собой замкнутое четырехугольное одноэтажное строение рядом с рекой и называлось Каролиновкой – в честь жены хозяина. Сам хозяйский дом был выстроен в европейском стиле, с высокими окнами и лепкой, а хозяйственные постройки вокруг него стилизованы под восточную архитектуру. Необычный экзотический вид этому ансамблю придавала восьмигранная башня обсерватории. Академик Паллас постепенно превращал лес, окружавший усадьбу, в лесопарк, привозя редкие деревья со всех концов Земли.

Менее экзотична, но столь же ценна для истории культуры построенная на тогдашней границе парка и городской застройки усадьба видного общественного деятеля XIX века, известного врача Ф.К. Мильгаузена (ныне ул. Киевская, 24). Медик приобрёл её в 1819 г. у наследников члена Таврического областного правления Г. И. Беляева, скончавшегося в 1804 г. Построенный уже новым владельцем и сохранившийся по сей день дом представляет собой каменное одноэтажное (с мансардой в центральной части) строение с двумя боковыми флигелями, расположенными симметрично. Стилистическая направленность здания позволяет однозначно относить его к раннему классицизму [9, с. 92].

В Симферополе лютеранский приход существовал с 1817 года. Вначале богослужения проходили в домах прихожан, а с 1830 г. – в странноприимном доме А.С. Таранова-Белозерова (ныне – здание медицинского колледжа на ул. Карла Маркса, 28/10). В 1830 году возник вопрос о строительстве здания кирхи, и прихожане начали собирать пожертвования на постройку

Дом Воронцова. Современный вид

церковного здания [9, с. 92].

После того, как Крым был инкорпорирован в Российскую империю, здесь начали создаваться новые управленческие структуры. В декабре 1783 года образовалось Таврическое областное правление. В его состав вошли русские чиновники и представители крымскотатарской элиты. В 1784 г. оформилась Таврическая область. Она включала в себя Крымский полуостров, материковые земли севернее Перекопа и Тамань. Новая область состояла из семи уездов: Симферопольского, Левкопольского (с 1787 года – Феодосийского), Евпаторийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского, Тмутараканского [9, с. 92-102].

Первоначально Г. Потёмкин, как уже отмечалось, планировал сделать областным центром Карасубазар. Именно там 14 июля 1784 г. состоялось первое заседание областного правления. Потом этот орган переместился в Симферополь.

В 1796 году император Павел I принял решение о включении Таврической области в состав Новороссийской губернии, центром которой был Екатеринослав (ныне Днепр). Его преемник Александр I разделил эту губернию на три, одной из которых стала Таврическая, фактически оказавшаяся в границах бывшей Таврической области.

Состав губернии претерпевал исторические изменения. В 1820 году Тмутараканский уезд отошёл к области Войска Черноморского. В 1838 г. возник Ялтинский уезд (выделившийся из состава Симферопольского), а в 1843-м – Бердянский.

После инкорпорации Крыма в российскую империю царские власти стремились всячески привлечь на свою сторону крымскотатарское население, особенно его элиту [2]. В связи с этим 22 февраля 1784 года Екатерина II издала указ, в соответствии с которым высшее дворянство полуострова (беи и мурзы, общим числом 334 человека) было уравнено в правах с российским дворянским сословием. Были подтверждены его земельные права. Отменялись внутренние торговые пошлины, что содействовало росту торговли и экономики в целом.

8 сентября 1796 годы крымские татары освобождались от рекрутской

Дом Мильгаузена. Современный вид

повинности и обязанности предоставлять жилища на постой военным. Мусульманскому духовенству сохранили его земельные владения (вакуфы) и бессрочно освободили от уплаты податей. Была подтверждена личная свобода крымскотатарских крестьян, хотя в самой России пока сохранялось крепостное право [2].

В 1827 году вышло постановление, по которому крымские татары имели законное право на движимое и недвижимое имущество.

Несмотря на это, земельный вопрос остался «камнем преткновения», осложнявшим отношения официального Санкт-Петербурга с крымскими татарами. Дело в том, что общероссийское законодательство признавало только две формы землевладения – частную и государственную [2]. В Крымском ханстве существовала более сложная система права пользования землёй. Она включала около десяти форм такого права. Это приводило к разного рода трениям, конфликтам по земельному вопросу. В результате этих конфликтов некоторая часть крымскотатарского населения выехала с полуострова на постоянное жительство в Османскую империю [2].

На опустевших в результате эмиграции степных и предгорных землях стали селиться представители славянского населения, прибывшие из России, Украины и Белоруссии. Они происходили от крепостных, бежавших

Бывшая лютеранская кирха в Симферополе. Современный вид. Сейчас в этом здании расположен спортивный клуб одной из строительных компаний

в Крым от помещичьего ига, и от политических ссыльных. Поэтому эти люди отличались своим независимым, а порою и непокорным нравом. Так возникли сёла Курцы, Мангуш, Мазанка, Зуя, Саблы, Степановка, Изюмовка, Николаевка и другие [3, с. 100]. Постепенно на полуострове стали жить и поляки, армяне, немцы, греки, болгары и представители других этносов. Так сложилось неповторимое этническое своеобразие региона. Постепенно русские и украинцы стали двумя доминирующими в регионе группами.

К началу XX века Таврическая губерния включала в себя весь полуостров Крым (пять уездов – Симферопольский, Перекопский, Феодосийский, Евпаторийский и Ялтинский – общей площадью 25.000 км²) и юг материковой Украины (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский уезды – 35.000 км²) [3].

Выводы и перспективы дальнейших исследований: итак, в теоретическом осмыслении историко-культурной интеграции Крыма в общеевропейское пространство России XVIII - нач. XX ст., а так же его освоения, мы отчётливо видим общие механизмы формирования многонационального Российского государства, доктрины окраинной политики. На протяжении XVIII - нач. XX ст. вовлечение периферийных регионов, таких как созданная Таврическая губерния, в великодержавное пространство, осуществлялось путём прямой экспансии и присоединения. Активно используя механизмы усиления своего внутригосударственного влияния, превращение провинциальных городов в крупные города-столицы региона, как важный политический, социальный, экономический и культурный шаг стало возможным интегрировать вновь созданную Таврическую губернию в единое общероссийское политическое, экономическое, культурно-социальное и культурно-правовое пространство. В конце XVIII - нач. XX ст. веков произошли изменения в структуре населения губернской столицы - Симферополь. Увеличивалась доля дворян, из которых формировалась интеллигенция, что отразило рост культурной функций Симферополя. Однозначно говорим о полиэтничности населения. В начале XX в. Симферополь превратился в крупный культурно-образовательный центр созданной Таврической губернии.

Библиографический список

1. Агаджанов С.Г., Сахаров А.Н. Крым: прошлое и настоящее. – М.: Мысль, 1988. 114 с.
2. Бекирова Г. Крымские татары. 1941 – 1991 (Опыт политической истории). – Том 1. – Симферополь: ИД «Тезис», 2008. 480 с.
3. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. 320 с.
4. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / Под общ. ред. Б.В. Грызлова; Гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.
5. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV – XIX веков: Пути раз-

вития. Рукописи, тексты и источники. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2009. 304 с.

6. Историческое наследие Крыма. – Симферополь: Крымучпедгиз. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. С. 120-164.

7. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма (в 17 частях). – СПб.: Типография В. Веллинга (СПб), 1875. 2012 с.

8. Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу.] – СПб.: Печатанъ при Сенатѣ, 1783. 3 с.

9. Поляков В.Е. Улицами Симферополя. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. 230 с.

10. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. 79 с.

11. Сумароков П.П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М.: Университетская типография, 1800. 250 с.

12. Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. / Пер., вступ. ст. и комментировать. Е. В. Бахревского. Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий». – Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. 272 с.

13. Ширяев С.Д. Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII-XIX вв. // Крым. 1927. № 2 (4).

14. Шеремет В.И. Становление Османской империи. XIII-XVI вв. Текст. / В.И. Шеремет // Новая и Новейшая история. – М.: 2001. № 1. С. 60-69.

References

1. Agadzhanov S.G., Sakharov A.N. Crimea: Past and Present. Moscow: Mysl', 1988. 114 p.
2. Bekirova G. Crimean Tatars. 1941–1991 (An Essay on Political History). Volume 1. Simferopol: Tesis Publishing House, 2008. 480 p.

3. Dyulychev V.P. Stories on the History of Crimea. Simferopol: Business-Inform, 2006. 320 p.

4. Provinces of the Russian Empire. History and Leaders. 1708–1917 / General editors B.V. Gryzlov; Editor-in-chief N.F. Samokhvalov. Moscow: United Editorial Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 480 p.

5. Zaitsev I.V. Crimean Historiographic Tradition of the 15th–19th Centuries: Paths of Development. Manuscripts, Texts, and Sources. Moscow: Izdatelskaya Firma "Vostochnaya Literatura", 2009. 304 p.

6. The Historical Heritage of Crimea. Simferopol: Krymchpedgiz. Simferopol: Krymchpedgiz, 2005. P. 120-164.

7. Kondaraki V.Kh. A Universal Description of Crimea (in 17 Parts). St. Petersburg: V. Welling Printing House (St. Petersburg), 1875. 2012 p.

8. The Imperial Manifesto on the Acceptance of the Crimean Peninsula, Taman Island, and the Entire Kuban Region into the Russian Empire. St. Petersburg: Senate Press, 1783. 3 p.

9. Polyakov, V.E. The Streets of Simferopol. – Simferopol: Crimean State Educational and Pedagogical Publishing House, 2005. 230 p.

10. Romm, J. Journey to Crimea in 1786. – Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1941. 79 p.

11. Sumarokov, P. P. Journey across Crimea and Bessarabia in 1799. – Moscow: University Printing House, 1800. 250 p.

12. Celebi, E. Book of Travels. Crimea and Adjacent Regions: Extracts from the Work of a 17th-Century Turkish Traveler. 2nd ed., corrected and supplemented. / Transl., introduction and commentary. E.V. Bakhrevsky. Historical and Archaeological Charitable Foundation "Heritage of Millennia". – Simferopol: DOLYA Publishing House, 2008. 272 p.

13. Shiryayev, S.D. Landlord Colonization and Russian Estates in Crimea in the Late 18th-19th Centuries // Crimea. 1927. № 2 (4).

14. Sheremet, V.I. The Formation of the Ottoman Empire. 13th-16th Centuries. Text. / V.I. Sheremet // New and Contemporary History. – Moscow: 2001. № 1. P. 60-69.

Ma Haijzjunь

Аспирант. ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Понятие изобразительного творчества в семиотическом контексте межкультурного взаимодействия*

Аннотация. Данная статья исследует механизмы порождения смыслов в изобразительном творчестве в контексте межкультурного взаимодействия с позиций семиотики. В условиях глобализации изобразительное творчество рассматривается как визуальная знаковая система, выступая значимым медиатором культурного диалога. Автор раскрывает логику трансформации знаков в различных культурных контекстах, подчеркивая определяющую роль культурных концепций в визуальной экспрессии. Обосновывается тезис о том, что изобразительное творчество представляет собой эффективный путь к достижению межкультурного понимания и становлению многополярного сосуществования.

Ключевые слова: изобразительное творчество, семиотика, межкультурное взаимодействие, диалог культур, символизм.

Ma Haijun

Postgraduate Student, Vladivostok State University, Vladivostok.

The concept of visual artistic creation in the semiotic context of intercultural interaction

Abstract. This article examines the mechanisms of meaning generation in visual artistic creation within the context of intercultural interaction from a semiotic perspective. Amidst globalization, visual artistic creation is conceptualized as a visual sign system and serves as a crucial mediator in cultural dialogue. The author elucidates the logic underlying the transformation of signs across diverse cultural contexts, emphasizing the determinative role of cultural concepts in visual expression. The study substantiates the thesis that visual artistic creation constitutes an effective pathway toward achieving intercultural understanding and fostering multipolar coexistence.

Key words: visual artistic creation, semiotics, intercultural interaction, dialogue of cultures, symbolism.

* © Ma Haijzjunь, 2026.

Научный консультант:

Коноплева Н.А.

Доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

В условиях процесса глобализации и трансформации мировой культуры на фоне всестороннего стратегического развития партнерских отношений ряда стран теоретические и практические исследования межкультурной коммуникации приобретают актуальность и научную ценность. Межкультурная коммуникация как динамичный и сложный процесс кодирования, передачи, декодирования информации и согласования значений между субъектами различных культур имеет своей целью преодоление культурных различий во взаимодействии для достижения эффективного диалога и понимания. Диалог в процессе межкультурной коммуникации способен предоставить когнитивные пути для устранения непонимания и укрепления взаимного доверия, содействуя восприятию всего ценного в других культурах, совместному инновационному развитию.

С наступлением XXI, на фоне технологической перенасыщенности, значительно усиливающей информационный дисбаланс и геополитическую напряженность в мире, разрушаются ранее сложившиеся договоренности. Это приводит к необходимости активизации межкультурного общения, как ключевого механизма к урегулированию различного рода конфликтов и построению международных отношений, основанных на равенстве и взаимном доверии, а также на соблюдении принципа «гармонии в разнообразии».

XXI век – это время технического прогресса, возможностей искусственного интеллекта, используемого некоторыми странами и народами как преимущество для развития, позволяющего не учитывать интересы других, что создает высокую напряженность в мире. «Особенно актуальной становится проблема культурного взаимодействия стран с различными типами культур, а наиболее продуктивным современным видом этого взаимодействия, основанном на равноправии и взаимоуважении, является диалог культур» [20, с. 2]. В связи с этим возникает насущная проблема – расширение возможностей коммуникации.

Вместе с тем изучение других культур хотя и не прекращалось на протяжении всего исторического периода развития человечества, однако чаще всего носило эпизодический характер. Сегодня, когда общение с представителями разных культур стало повседневной реальностью нашей жизни в самых разнообразных её областях, все более остро ощущается необходимость нахождения способов взаимопонимания народов. «В культурологии

существует общеупотребительное понятие межкультурной коммуникации, сущность которого – связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации» [2, с. 6].

Теоретические подходы к пониманию изобразительного творчества рассматриваются в контексте ряда наук. В философии сущность творчества трактуется как иррациональное вдохновение; представлена теориями, касающимися сущности творчества, изобразительной деятельности, символизма, межкультурного взаимодействия и репрезентативности в сфере художественной культуры. Прежде всего, это античные теоретические подходы Платона, трактующего творчество в онтологическом, антропологическом и эстетическом аспектах как иррациональное вдохновение и переход из небытия в бытие, как рождение нового (Платон), бессознательный процесс, опосредованный свободой субъекта (И. Кант), приобщение к Абсолюту (Ф. Шеллинг), различие между постижением идеи и подражанием (А. Шопенгауэр), преодоление ужаса существования (Ф. Ницше).

В русле эстетических концепций искусство понимается как конкретно-чувственное явление абсолютной идеи (Г.В.Ф. Гегель), лирическая интуиция и игра воображения, не стремящаяся к правдивому отражению действительности (Б. Кроче).

Психология рассматривает изобразительное творчество как сублимацию подавленных, в том числе сексуальных, влечений (З. Фрейд) и как выражение коллективного бессознательного через внутренний инстинкт художника (К.Г. Юнг).

Социология акцентирует зависимость содержания искусства от социальной среды (И. Тэн).

Теоретическое осмысление художественного творчества в сфере изобразительной деятельности в контексте объекта нашего исследования в научной литературе представлено рядом взаимодополняющих подходов. Прежде всего, оно рассматривается как специфический вид синкретической человеческой деятельности, в структуре которой М.С. Каган выделяет единство познавательной, ценностно-ориентационной, преобразовательной и коммуникативной составляющих, определяя его как художественно-образное освоение действительности [8, с. 61–68]. Ключевым атрибутом творчества выступает созидание нового, что подчеркивается в работах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и др. Согласно комбинаторному взгляду (А.Т. Шумилин) новое рождается из реорганизации и синтеза существующего опыта [22, с. 25]. Психоаналитические теории акцентируют внимание на внутренних движущих силах человека: от сублимации (З. Фрейд) и проявления архетипов (К.Г. Юнг) до потребности

в самоактуализации (А.Г. Маслоу). Важным является личностно-деятельностный подход Д.Б. Богоявленской, определяющей творчество через интеллектуальную активность и способность личности к развитию и преобразованию самой деятельности [4]. В культурологическом аспекте (М.С. Каган) творчество неотделимо от культуры; выступает одновременно ее продуктом и источником, а его специфика раскрывается через образность и эстетическое отношение к миру [3, с. 42–58]. В свою очередь, в диссертации Н.А. Коноплевой обоснован подход творческой личности к истокам творчества; художественное творчество предстает как сложный, многомерный феномен, интегрирующий деятельностное, личностное, психологическое и культурное начала [12].

Произведения «...художественного творчества являются не только произведениями искусства, но и историческими фактами, концентрирующими в себе черты культурно-исторической эпохи, господствующего мировоззрения» [12, с. 39].

Российский учёный В.А. Васильев указывает, что изобразительное творчество – это специфическая и уникальная форма диалога и взаимодействия культур, осуществляемая художником, который действует в точке пересечения разных культурных систем [6, с. 336–340.]. В этом процессе художник выступает не только как создатель эстетических ценностей, но и как активный посредник (медиатор) и интерпретатор: он начинает с восприятия «чужой» культуры, включает в свою работу сопоставление, осмысление и усвоение её духовных ценностей, а затем завершает этот путь созданием нового художественного образа, синтезирующего общечеловеческие ценности и элементы взаимодействующих культур. Таким образом, изобразительное творчество является универсальным принципом и атрибутом исторического процесса, обеспечивающим развитие культур как по горизонтали (межкультурный обмен в синхронии), так и по вертикали (преемственность традиций в диахронии) и направленным на взаимообогащение при сохранении культурной самобытности.

Цуй Чжэньюнь отмечает, что «изобразительное творчество» является самым прямым проявлением культурной уверенности, заключающимся в точном понимании и ярком интерпретировании китайского духа. Китайский дух – это не абстрактное понятие, а то, что пронизывает повседневные приветствия, обычаи, праздники, одежду, питание, жилище и передвижение китайского народа. Изобразительное творчество представляет собой визуализацию национального духа: оно освобождается от упрощённой концептуализации и символизации, при этом наделяет произведения ярко выраженной китайской сущностью и чертами эпохи, позволяя зрителю в процессе восприятия искусства естественным образом формировать чувство идентичности и гордости за национальную культуру [19, с. 206].

Если обратиться к символизму, то в статье Д.А. Левченкова «Художественный символизм в изобразительном искусстве» представлен ее анализ в ряде работ ключевых авторов: Эрнст Кассирер рассматривал символ как универсальную культурную форму, выделяя в искусстве тип связи «выражения» с самоценной чувственной составляющей [11, с. 481]; Иммануил Кант трактовал символическое как способ интуитивного познания идей через аналогию [10, с. 373]; Алексей Лосев проводил различие между метафорой, обогащающей образ, и символом, осуществляющим выход за его пределы [16]; Мераб Мамардашвили и Александр Пятигорский ввели онтологическое понятие «символы сознания» как первичных «вещей», лежащих в основе понимания и противопоставляемых вторичным идеологизированным формам [17, с. 114]. Д.А. Левченков отмечает, что в этих работах символ предстаёт и как основа культуры, и как инструмент познания, и как трансцендирующий художественный образ, имеющий онтологическое основание в сознании [15, с. 483–486].

Согласно анализу В.В. Видеркера [7], теоретический анализ символов включает три основных направления: семиотический подход, основанный на концепциях Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра, где символ трактуется как тип условного знака, что позволяет анализировать живописные произведения как сложные знаковые системы. Согласно философско-культурологическому подходу (представленному идеями А.Ф. Лосева и К.Г. Юнга) символ рассматривается как ключевая категория для понимания глубинных основ культуры и психики. В контексте внутрисимволистского подхода, сформулированного теоретиками русского символизма (А. Белый), символ определяется как основное средство художественного познания – чувственная,

М.А. Врубель «Голова Демона». 1890. Холст, масло. 23×35,6 см.

Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

В.Э. Борисов-Мусатов «Водоём». 1902. Холст, масло. 177×216 см.

Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

многозначная форма, выражающая невыразимые идеи и вызывающая «соответствия» между мирами. Эти теории находят воплощение в живописи. Так, многогранный образ Демона у М.А. Врубеля (Ил. 1) символизирует дух мятежа и вечного поиска, а элегические полотна В.Э. Борисова-Мусатова («Водоём») (Ил. 2) превращаются в символ ускользающей гармонии и прошлого, где сама живописная атмосфера становится носителем смысла [13, с. 64–67].

Яркими примерами символизации, по мнению В.В. Бычкова, являются пейзажи К.Д. Фридриха «Исполиновы горы» (Ил. 3), где природа становится символом метафизической бесконечности, и картина И.И. Левитана «Над вечным покоем» (Ил. 4), где образ природы возводит зрителя к переживанию вечности и вселенской гармонии [5, с. 81–90].

Множественность символических значений одного и того же предмета можно продемонстрировать примерами: весы в юридической деятельности – символ правосудия, в православии – символ справедливости Бога, взвешивающего греховные побуждения людей для воздаяния за них, в искусстве – атрибут богини судьбы, Немезиды, символ беспристрастной оценки достоинств и недостатков человека. Весы также ассоциировали с совестью человека, возможностью баланса и гармонии в его душе. В современной культуре весы – это символ здорового образа жизни, самодисциплины и контроля. Горы – символ, с одной стороны, стабильности и силы природы, духовного убежища, мужества, выносливости человека, а с другой – опасности, дома богов и богинь. Лес – символ безмятежности, спокойствия, умиротворения, символ силы, жизни обновления, роста, возрождения, духовного убежища, место тишины и покоя, уединения, расслабления, с одной стороны, а с другой – символ изобилия, плодородия, гармонии природы и богатств, символ возможностей.

К.Д. Фридрих «Исполиновы горы». 1835. Холст, масло. 29×40 см.

Хранится в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург.

И.И. Левитан «Над вечным покоем». 1894. Холст, масло. 150×206 см.

Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

Свеча – символ света, озарения жизни, с одной стороны, кратность, мимолетность жизни, – с другой [14, с. 3–10].

В статье «Исследование роли символических знаков в живописном творчестве для акцентирования основной темы» Бай Цзиньянь подчёркивает, что в живописи символические знаки играют ключевую роль в раскрытии идейного содержания произведения. Как отмечал российский художник и теоретик изобразительного творчества В.В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве», художник должен не только тренировать глаз, но и воспитывать душу, что подчёркивает важность духовного начала и символического языка в творчестве [9]. Бай Цзиньянь приводит примеры использования символики в современных китайских произведениях искусства. Например, в картине Ло Чжунли «Отец» ручка-роллер, находящаяся непосредственно над левым ухом пожилого крестьянина, служит важной деталью образа, символизирующего грамотность и стремление к знаниям крестьянина новой эпохи (Ил. 5). В работе Сюй Манъяо «Мой сон» такие элементы, как парящий гипсовый слепок, оторванная перчатка и зелёный лист, передают грёзы и мечты как противопоставление реальности, а также символизируют надежду и контроль над собственной жизнью (Ил. 6). Эти примеры показывают, как тщательно подобранные символы углубляют восприятие темы, создавая эмоциональный и интеллектуальный отклик у зрителя [1, с. 100].

С точки зрения семиотики, творчество Хэ Долина анализируется через ключевые теории знака. Чжэн Шаньшань определяет его искусство как символический язык эмоций, подчёркивая, что художественные произведения выступают самостоятельными «презентационными символа-

Ло Чжунли «Отец». 1890.
Холст, масло. 150×215 см.

Хранится в Музее изобразительных искусств Китая.

Сюй Манъяо «Мой сон». 1987.
Холст, масло. 180×180 см.
Частная коллекция.

ми», выражающими чувства. В работе «Весна уже пробудилась» образ девочки в природе символизирует надежду и духовное возрождение после «культурной революции» (Ил. 7). В картине «Юность» мотив летящей птицы становится знаком свободы, тоски и экзистенциальных поисков (Ил. 8). Таким образом, живопись Хэ Долина представляет собой систему визуальных знаков, где конкретные образы преобразуются в сложные символы, связывающие личный опыт с коллективной исторической памятью [21, с. 46].

Таким образом, живопись выступает как сложный семиотический комплекс, требующий учёта контекста для раскрытия её символических значений.

Множественность значений символов в китайском культурном контексте демонстрирует ценностные ориентации и смысловое содержание, отличные от российской культуры: весы символизируют не только «справедливость» и «баланс сил» в правовой сфере, но и глубоко укоренены в конфуцианской идее «золотой середины» национальных смыслов символа, представляя умеренный баланс общественного порядка и личного поведения; в народной традиции они связаны с моральным самоограничением в понятиях «совесть» и «кармическое воздаяние», а в современности часто расширяются до символов «честности рынка» и «гармоничного взаимовыигрыша». Горы в конфуцианской системе воплощают «гуманность, добродетель» и «незыблемость», в даосизме и буддизме становясь «местом бессмертия» и «святыней духовной практики», а в искусстве пейзажа несут космический порядок «единства неба и человека» и отшельнический дух литераторов, сочетая двойственность защиты и святости. Лес часто метафорически указывает на жизненную силу и

Хэ Долин «Весна уже пробудилась». 1981. Холст, масло. 96×130 см.

Хранится в Музее изобразительных искусств Китая.

Хэ Долин «Юность». 1984.

Холст, масло. 150×186 см.

Хранится в Музее изобразительных искусств Китая.

преемственность семьи («пышные ветви и густая листва»), являясь также воплощением даосского «естества недеяния», символом места самосовершенствования отшельников, а в современном контексте трансформируется в символ «устойчивого развития» и «экологической мудрости». Свеча выходит за рамки простого значения света, акцентируя «дух самоотверженности» и уважение к «общению между небом и землёй» в ритуалах; её диалектическое отношение «кратковременности» и «света» в литературе символизирует хрупкость жизни и продолжение надежды, а в современности часто используется как образ «культурного наследия» и «просветительского образования» [18, с. 153].

Заключение

В эпоху тесной взаимосвязи и одновременно обострения глобальных культурных противоречий изобразительное творчество как визуальная знаковая система демонстрирует уникальную силу, способную преодолевать языковые барьеры и сохранять культурную память. Являясь одновременно результатом индивидуального творчества художника и продуктом конкретного культурного контекста, оно играет ключевую роль в межкультурной коммуникации посредством конструирования и реконструирования символических знаков, способствуя взаимопониманию между различными культурами при сохранении их неповторимого своеобразия. На основе интегративного анализа семиотики и культурологии в статье обосновывается, что создание произведений изобразительного творчества представляет собой не только эмоционально-эстетическую экспрессию, но и важнейший способ формирования каналов для порождения межкультурных смыслов. В дальнейших культурных обменах и научных исследованиях следует уделять особое внимание активной роли изобразительного творчества в трансляции национального духа и продвижении трансграничного понимания, что будет способствовать реализации концепции «единства при сохранении различий» в построении сообщества единой судьбы человеческой культуры.

Библиографический список

1. Бай Цзиньлянь. Исследование роли символических знаков в живописном творчестве для акцентирования основной темы // Журнал Суйхуаского университета. 2020. № 40 (9). С. 99-101.
2. Барынина О.А. Мировые культуры и межкультурные коммуникации: курс лекций. – Санкт-Петербург: ВШТЭ СПбГУПТД, 2020. 62 с.
3. Батищев Г.С. Диалектика и смысл творчества (к критике антропоцентризма) // Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание. – Ростов-на-Дону, 1983. С. 42-58.
4. Богоявленской Д.Б. Основные современные концепции творчества и одаренности. – Москва: Молодая гвардия, 1997. 402 с.
5. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81-90.

6. Васильев В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования проблемы роли художника в процессе взаимодействия культур // Вестник СГТУ. 2011. № 2 (60). С. 336-340.
7. Видеркер В.В. Символизм как явление культуры: на материале русской живописи рубежа XIX–XX вв.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Видеркер Вячеслав Владимирович. – Новосибирск, 2006. 165 с.
8. Каган М.С. Избранные труды в VII томах. Т. II. Теоретические проблемы философии. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2006. 660 с.
9. Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости; о духовном в искусстве. – Москва: Изд-во АСТ, сор. 2018. 332 с.
10. Кант И. К критике способности суждения // Соч.: В 6 т. – Москва: Мысль, 1964–1966. Т. 5. 564 с.
11. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – Москва: Гардарики, 1998. 779 с.
12. Коноплева Н.А. Гендерные основания творческой деятельности и человека творческого в культуре: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Коноплева Нина Алексеевна. – Владивосток, 2012. 676 с.
13. Кочик О. О музыкальности живописи Борисова-Мусатова // Искусство. 1968. № 8. С. 64-67.
14. Кулагина, Н.В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. 2006 Т. 2 (1). С. 3-10.
15. Левченков Д.А. Художественный символизм в изобразительном искусстве // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18 (2). С. 483-486.
16. Лосев А.Ф. Из творческого наследия. Современники о мыслителе. – Москва: Русский мир, 2007. 774 с.
17. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символизме и языке. – Москва: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. 217 с.
18. Суй Янь. Китай в символах. – Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2014. 224 с.
19. Цуй Чжэньюнь. Анализ историко-культурного контекста и культурной уверенности в реалистическом изобразительном искусстве // Китайский национальный альманах. 2025. № 14. С. 205-207.
20. Цуй Чаобин. Мультикультурализм, культурное разнообразие и межкультурный диалог // Семья народов. 2025. № 3. С. 1-10.
21. Чжэн Шаньшань. Анализ произведений масляной живописи Хэ Долина с точки зрения семиотики // Красота и время. 2019. № 3. С. 46-47.
22. Шумилин А.Т. Проблемы теории творчества. – Москва: Высшая школа, 1989. 143 с.
23. Вознесенский И.С. Ускользящее восприятие духа времени: от мифа к реальности // Власть истории и История власти. 2020. Том 6. Часть 5. № 23. С. 763-773.

References

1. Bai Jinlian. "A Study of the Role of Symbolic Signs in Painting to Accentuate the Main Theme" // Journal of Suihua University. 2020. № 40 (9). P. 99-101.
2. Barynina O.A. World Cultures and Intercultural Communications: A Lecture Course. St. Petersburg: Higher School of Technical Economics, St. Petersburg State University of Industrial and Technical Design, 2020. 62 p.
3. Batishchev G.S. Dialectics and the Meaning of Creativity (Towards a Critique of Anthropocentrism) // Dialectics of Reflexive Activity and Scientific Cognition. Rostov-on-Don, 1983. P. 42-58.
4. Bogoyavlenskaya, D.B. Basic Contemporary Concepts of Creativity and Giftedness. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1997. 402 p.
5. Bychkov V.V. Symbolization in Art as an Aesthetic Principle // Questions of Philosophy. 2012. № 3. P. 81-90.
6. Vasiliev V.A. Theoretical and Methodological Aspects of the Study of the Artist's Role in Cultural Interaction // Vestnik of Saratov State Technical University. 2011. № 2 (60). P. 336-340.

7. Viderker V.V. Symbolism as a Cultural Phenomenon: Based on Russian Painting at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Cand. of Cultural Studies Dissertation: 24.00.01 / Viderker, Vyacheslav Vladimirovich. – Novosibirsk, 2006. 165 p.
8. Kagan M.S. Selected Works in VII Volumes. Vol. II. Theoretical Problems of Philosophy. – St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”, 2006. 660 p.
9. Kandinsky V.V. Point and Line on a Plane; On the Spiritual in Art. Moscow: AST Publishing House, cop. 2018. 332 p.
10. Kant I. Towards a Critique of the Power of Judgment // Works: In 6 volumes. Moscow: Mysl', 1964–1966. Vol. 5. 564 p.
11. Cassirer, E. Selected Works. An Essay on Man. Moscow: Gardarika, 1998. 779 p.
12. Konopleva N.A. Gender Foundations of Creative Activity and the Creative Person in Culture: Doctor of Cultural Studies Dissertation: 24.00.01 / Nina Alekseevna Konopleva. Vladivostok, 2012. 676 p.
13. Kochik O. On the Musicality of Borisov-Musatov's Painting // Art. 1968. № 8. P. 64-67.
14. Kulagina N.V. Symbol and Symbolic Consciousness // Cultural-Historical Psychology. 2006. Vol. 2 (1). P. 3-10.
15. Levchenkov D.A. Artistic Symbolism in the Fine Arts // Russia: Trends and Prospects of Development. 2023. № 18 (2). P. 483-486.
16. Losev A.F. From the Creative Heritage. Contemporaries about the Thinker. Moscow: Russkiy Mir, 2007. 774 p.
17. Mamardashvili M.K. Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism, and Language. Moscow: School of “Languages of Russian Culture”, 1997. 217 p.
18. Sui Yan. China in Symbols. – Beijing: People's University of China Press, 2014. 224 p.
19. Cui Zhenyun. Analysis of the Historical and Cultural Context and Cultural Confidence in Realistic Fine Arts // Chinese National Almanac. 2025. № 14. P. 205-207.
20. Qu Chaobing. Multiculturalism, Cultural Diversity, and Intercultural Dialogue // Family of Nations. 2025. № 3. P. 1-10.
21. Zheng Shanshan. Analysis of He Dolin's Oil Paintings from a Semiotic Perspective // Beauty and Time. 2019. № 3. P. 46-47.
22. Shumilin A.T. Problems of the Theory of Creativity. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1989. 143 p.
23. Voznesenckiy I.S. Elusive perception of the spirit of the times: from myth to reality // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 5. № 23. P. 763-773.

Щербакова Е.Н.

Учитель. Автономная некоммерческая общеобразовательная организация «Школа № 1» ст. Новотитаровская Краснодарский край, Динской район.

«Васнецовский след» в селе Чумой: история, память, сохранение наследия*

Аннотация. Данная публикация посвящена изучению связи села Чумой Игринского района Удмуртской Республики с родом Васнецовых через судьбу священнослужителя Чумойского храма Богоявления Господня и учителя церковно-приходской школы Николая Фёдоровича Васнецова. Николай Фёдорович состоял в родстве с известными художниками Виктором Михайловичем и Аполлинарием Михайловичем Васнецовыми в шестом поколении и оставил свой заметный след на Игринской земле.

В статье показано, что «васнецовский след» в селе Чумой – не просто эпизод локальной истории, а живой процесс: от краеведческих исследований, работы с архивными документами и поиска потомков служителя до практических шагов в сохранении и популяризации. Работа в этом направлении способствует не только сохранению памяти о конкретном человеке и храме, но и духовно возрождает село, вовлекает жителей в изучение своего прошлого, что важно, как для жителей села Чумой, так и для понимания общей картины культурного наследия России, так как это помогает сохранить многогранность русской культуры и её связь с локальными историями.

Ключевые слова: «васнецовский след», храм, священнослужитель, учитель, «Потомки и наследие», «Васнецовское разноцветье», «Васнецовские символы вечности», библиопленэр «По просторам Родины с Васнецовым».

Shcherbakova E.N.

Teacher. Autonomous Non-Commercial General Education Organization "School No. 1" Novotitarovskaya Village, Krasnodar Krai, Dinskoy District.

“Vasnetsovsky trace” in the village of Chumoy: history, memory, preservation of heritage

Abstract. This publication is devoted to the study of the connection between the village of Chuma in the Igrinsky district of the Udmurt Republic and the Vasnetsov family through the fate of the clergyman of the Chumoysky Church of the Epiphany of the Lord and the teacher of the parish school Nikolai Fedorovich Vasnetsov. Nikolai Fedorovich was related to the famous artists Viktor Mikhailovich and Apollinarius Mikhailovich Vasnetsov in the sixth generation and left his mark on the Igrinsky land.

* © Щербакова Е.Н., 2026.

«Васнецовский след» в селе Чумой: история, память, сохранение наследия

The article shows that the “Vasnetsov trail” in the village of Chumoy is not just an episode of local history, but a living process: from local history research, work with archival documents and the search for descendants of the minister to practical steps in preservation and popularization. Work in this direction contributes not only to preserving the memory of a particular person and temple, but also spiritually revives the village, involves residents in the study of their past, which is important both for residents of the village of Chumoy and for understanding the overall picture of Russia’s cultural heritage, as it helps to preserve the versatility of Russian culture and its connection with local stories.

Key words: “Vasnetsov’s footprint”, temple, priest, teacher, “Descendants and legacy”, “Vasnetsov’s multicolored colors”, “Vasnetsov’s symbols of eternity”, bibliotour “Across the Fatherland’s Expanses with Vasnetsov”».

Связь села Чумой с родом Васнецовых уходит корнями к Николаю Фёдоровичу Васнецову (1867-?), священнослужителю, просветителю, оставившему свой заметный след на Игринской земле. Н.Ф. Васнецов состоял в родстве с известными художниками Виктором Михайловичем и Аполлиналием Михайловичем Васнецовыми в шестом поколении.

Отец Николая Федоровича, Федор Гаврилович Васнецов (1822–1905), родом из Вятского уезда Вятской губернии. 14 декабря 1851 г. окончил Вятскую духовную семинарию с аттестатом 2 разряда. Рукоположен в сан диакона села Сезенево Слободского уезда. С 1 июля 1860 г. по сентябрь 1871 г. служил наставником сельского приходского училища в селе Сезенево. С 24 января 1871 г. перемещен из села Сезенево Слободского уезда в село Паздеры Сарапульского уезда, был рукоположен в сан священника и прослужил в Паздерах до 15 июня 1900 г. [7].

За время службы в 1876 г. награжден набедренником за благочестное служение святой церкви, в 1877 г. определен настоятелем Паздеринского прихода Сарапульского уезда, в 1877 г. – катехизатором в Паздеринском приходе Сарапульского уезда, в 1880 г. награжден скуфьей за отлично-усердную службу по духовному ведомству, получил Архипастырское благословение за благостное служение Святой Церкви (1881г.), за усердные труды в пользу Святой Церкви (1883 г.) в деле обращения из раскола в Православие (1894 г.); благодарность Епархиального Попечительства – за пожертвование из своих средств 200 рублей в пользу открытия в Вятке Епархиальной богадельни (1897 г.).

15 июня 1900 г. уволен за штат.

1 ноября 1905 г. умер [7].

Мать Николая Федоровича, Александра Павловна (в разных документах встречаются разные варианты отчества: помимо Павловна – Анисимовна, Петровна), из духовного сословия, родом из Вятского уезда Вятской губернии, получила домашнее начальное образование [7].

В семье Федора Гавриловича и Александры Павловны было пятеро де-

тей: Илья (1895-?), Михаил (1860 -?), Клавдия (1864 -?), Николай (1867 -?), Владимир (1871 -1901) [7].

Н.Ф. Васнецов родился 4 февраля 1867 г. в селе Сезенево Слободского уезда Вятской губернии. 20 июня 1887 г. окончил Сарапульское уездное училище. 15 сентября 1888 г. определен учителем в Русско-Лозинскую церковно-приходскую школу Сарапульского уезда. В этой должности Н.Ф. Васнецов проходил 5 лет 3 месяца 22 дня. 6 февраля 1894 г. определен на должность псаломщика во вновь открытое село Чумой Сарапульского уезда. 3 июля 1894 г. женился на Юлии Никаноровне Шкляевой – дочери представителя священнической династии – Шкляева Никанора Антоновича, диакона и законоучителя, и Александры Михайловны из духовного сословия. В семье Н.А. Шкляева и его жены, Александры Михайловны, родились: Аполлоний (1866-?), Юлия (1868-?), Михаил (1869-?), Иоанн (1871-?), Василий (1873-?), Мария (1875-?), Антонина (1877–1895), Александр (1879-?), Стефан (1881-?), Серафима (1885-?), Анатолий (1888–1889) [[1,7, 9].

В данный период Н.Ф. Васнецов с 6 февраля 1894 г. состоял учителем в церковно-приходской школе села Чумой для детей служителей храма и местных крестьян; с 12 мая 1897 г. утвержден учителем пения Чумойской церковно-приходской школы; 13 февраля 1905 г. рукоположен в сан дьякона с оставлением на вакансии псаломщика в селе Чумой [7, 14, 15, 12].

В семье Николая Федоровича и Юли Никаноровны родились дети: Василий (1895-1917), Агния (1897-1899), Мария (1899-1983), Серафима (1901-1902), Людмила (1903-?), Константин (1905-?), Капитолина (1905-?) [1,7,9].

Союз Н.Ф. Васнецова, священнослужителя-просветителя, с Ю.Н. Шкляевой, дочерью представителя священнической династии – Н.А. Шкляева, послужил примером личного жизненного подвига и оставил благодарную память в людских сердцах своей заботой об их здоровье, просвещении в различных областях знаний.

И своих, и крестьянских детей Николай Федорович и Юлия Никаноровна поучали к получению образования в богословских или светских учебных заведениях [1, 7, 9].

В течение тринадцати лет, прожитых в селе Чумой, Н.Ф. Васнецов служил со священниками: Аркадием Константиновичем Никольским – с 1894 по 1900 г., Андреем Павловичем Голубевым – с 1900 по 1903г., Константином Алексеевичем Ергинным – с 1903 по 1906 г., Василием Ивановичем Мальгиновым – с 1906 по 1907 г.

Все священники характеризуются только с положительной стороны: закончили духовную семинарию с аттестатами 2 разряда; с большим опытом практической деятельности и знания обязанностей от псаломщика до священника, не судимы, не штрафованы, под судом и следствием не состояли. На счету многих – многочисленные проповеди собственного сочине-

ния [7, 16, 17, 18].

В данный период жизни супругов, с одной стороны, происходит радостное событие – Николай Федорович становится диаконом, с другой – цепь невосполнимых потерь: смерть отца Юлии Никаноровны (1901), смерть брата Николая Федоровича, Владимира (1901), и отца (1905), смерть дочерей: Агнии (1899) и Серафимы (1902). В мае 1907 г. Н.Ф. Васнецов написал прошение о переводе его в село Зуру, где впоследствии служил в Митрофановской церкви. 13 декабря 1910 г. был допущен уездным отделением к занятиям в первых двух отделениях по Закону Божию в Зуринской церковно-приходской школе. 6 ноября 1913 г. Указом Духовной Консистории от 05.11.1913 г. был допущен к занятиям по Закону Божию в Квадравозском земском училище под руководством и ответственностью священника А. Фаворского.

Жизненный опыт, опыт учительской деятельности дали Н.Ф. Васнецову возможность понимать вотскую речь и даже говорить отдельные фразы [1, 7, 9].

Из Метрической книги Зуринской Митрофановской церкви за 1927 г. видно, что семья Васнецовых проживала в селе Зура до июля 1927 г. включительно. На сегодняшний день сведения о дальнейшей судьбе Н.Ф. и Ю.Н. Васнецовых отсутствуют [19].

23–25 июня 2017 г. (немногим менее 150 лет со времени образования Абрамцевского (Мамонтовского) художественного кружка) Фондом Васнецовых (председатель Олег Васильевич Кузнецов – правнук Н.Ф. Васнецова) совместно с музеем-заповедником «Абрамцево» при поддержке Государственной Третьяковской галереи, Большого театра России, Финансового университета при Правительстве РФ был организован проект «Потомки и наследие». Его важность обусловлена тем, что Фонд Васнецовых был создан потомками известной фамилии для поддержания молодых талантов, призванных сохранить и преумножить культурное наследие их великих предков [6].

Среди участников проекта, собравшихся в Абрамцеве, в усадьбе Саввы Мамонтова, были потомки таких известных династий, как Васнецовы, Праховы, Поленовы, Репины, Серовы, Нестеровы, Мамонтовы и др. [8]. Программа этого масштабного мероприятия включала: литургию и панихиду в церкви Спаса Нерукотворного с последующим возложением цветов на могилу предков; конференцию, организованную ныне живущими потомками великих фамилий, посвященную памяти предков-участников Абрамцевского художественного кружка; экспозицию работ наших современников [8]. В рамках проекта также были организованы круглый стол «Потомки и наследие»; проведение мастер-классов потомками известных фамилий; концерт, в котором принимали участие студенты МГИМ им. А.Г. Шнитке, оперная певица О. Невская и др. В программе концерта про-

звучала не только вокальная музыка из опер, постановка которых была напрямую связана с творчеством братьев В.М. и А.М. Васнецовыми, но и инструментальная [8].

Правнук организатора кружка С.И. Мамонтова, С.Н. Чернышев, представил на суд зрителей спектакль по своей пьесе, главные и второстепенные роли в котором исполняли его внуки [8].

В завершении для участников проекта была организована экскурсия в музей Абрамцевского художественно-промышленного колледжа им. В.М. Васнецова, в дом-музей В.М. Васнецова, Государственную Третьяковскую галерею, на Введенское кладбище [8].

В Государственной Третьяковской галерее потомки великих фамилий прослушали доклад Э.В. Пастон на тему: «Абрамцевский художественный кружок». Для всех приглашенных была организована поездка в Поленово. Также все желающие могли присутствовать при открытии Мемориальной доски в доме С.И. Мамонтова на ул. Садовая-Спаская, 6 [8].

Следует отметить, что на это масштабное мероприятие были приглашены и сотрудники Игринской центральной районной библиотеки им. Кедр Митрея Н.В. Дубовцева и В.Г. Гордеюк, принимавшие активное участие в сохранении памяти священнической ветви рода Васнецовых. После посещения ими данного мероприятия в Игринском районе были успешно реализованы проекты «Васнецовское разноцветье» и «Васнецовские символы вечности», оживившие объекты историко-культурного наследия, связанного с родом Васнецовых:

- историческое здание храма Богоявления Господня, в XIX веке перевезенное в Чумой из села Сосновка Шарканского района, где венчались родители писателя Александра Грина. В советские и постсоветские годы в храме размещался школьный спортзал, а позже возобновились службы;
- место бывшей усадьбы священника;
- поповские узоры;
- поповская липовая аллея – старинные липы, которые называют «васнецовскими»;
- кожейнский родник.

Цель этих проектов – популяризировать наследие рода Васнецовых, служивших в храмах Удмуртии [8,2].

Проект «Васнецовское разноцветье» – культурно-экологический проект, реализован к 340-летию села Чумой. Проект включал три подпроекта:

- экологический подпроект «Кожейнский родник» (куратор Н.В. Дубовцева). Его задачи – благоустройство территории родника, строительство купели, создание достопримечательности села. В марте 2020 г. в конкурсе «Лучшее муниципальное образование – сельское поселение в Игринском районе» подпроект занял 3 место и получил грантовую поддержку в раз-

мере 50 тыс. рублей на восстановление родника и строительство купели;

– православный подпроект «Чумойская святыня» (куратор Н.К. Перовщикова). Основная его задача – восстановление старинного храмового сооружения, которое до 2024 г. использовалось в качестве школьного спортзала. В трех магазинах окрестных деревень был организован сбор средств через ящики для пожертвований. Установлены пожертвования от участников Крестных ходов, пожертвования от трех благотворительных концертов и крупных мероприятий. На сумму пожертвований 24 тыс. руб. заменена кровля алтарной части. На спонсорские средства благоустроили место захоронения священников: установили забор, крест, разбили цветник. На стене храма установлены две памятные таблички с датами строительства и освящения, о служении Н.Ф. Васнецова. В данный момент на собранные пожертвования планируется отремонтировать крыльцо (заменить стояки и отремонтировать бортик);

– эколого-краеведческий подпроект «Поповские угоры» (куратор Г.А. Рылова), основная задача которого – очистка пролеска от валежника и разработка экскурсионной программы на основе краеведческих материалов о церковной пасеке. В течение всего времени работы проекта систематически устраивались субботники по очистке леса от валежника, мусора. У дороги, у подножья угоров, установлена часовенка.

За каждым подпроектом была закреплена инициативная группа из артели, которая привлекала в свои дела, как всех сельчан, так и жителей соседних деревень. И не удивительно, что жители считали, что все святыни: и храм, и родник, и поповские угоры – общие, да и разделяют деревни какие-то километры, а родственные связи в деревнях – круговые.

Вместе с тем, проект решал социальные задачи: проводились арт-терапевтические занятия для людей с ограниченными возможностями здоровья, поддерживались юные таланты и мастера декоративно-прикладного искусства [2].

В рамках проекта проведен республиканский художественный пленэр «Васнецовское разноцветье», в котором приняли участие учащиеся и преподаватели детских школ искусств из разных городов Удмуртии, а также профессиональные художники из Кирова, Сарапула, Малой Пурги, Глазова и других населённых пунктов.

Завершился проект встречей Крестного хода Чутырь-Чумой [2].

Реализация проекта способствовала духовному подъёму на основе искусства и православных ценностей, а также формированию национальной идентичности. Проект «Васнецовское разноцветье» стал частью более масштабной инициативы – проекта «Васнецовские символы вечности», который получил грант международного конкурса «Православная инициатива – 2017–2018». Следовательно, проект объединил экологическую, культурную и социальную составляющие и стал успешным примером сохранения

локальной истории и поддержки творческого потенциала жителей Игринского района.

Проект «Васнецовские символы вечности» поддержан координационным комитетом по поощрению социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [3].

Смысловой ассоциацией проекта стала картина В.М. Васнецова «Богатыри»: как витязи охраняют рубежи Отечества, так и проект призван укреплять духовные и нравственные основы общества. Эпицентром стал поселок Игра и село Чумой, где служил священнослужителем представитель рода – Н.Ф. Васнецов [4].

«Среди основных задач проекта отметим следующие:

- возрождение классического варианта театра-антрепризы, как союза талантливых людей из местных художников, режиссеров, музыкантов, мастеров декоративно-прикладного искусства (ДПИ) и поэтов, выполняющих миссию по поддержке молодых дарований;
- реализация программы арт-терапии для взрослых с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) из общества инвалидов и общества слепых на базе Игринской районной библиотеки;
- реализация программы арт-терапии для учащихся Зуринской школы-интерната на базе Зуринской школы-интерната и Зуринской сельской библиотеки;
- проведение творческих конкурсов для детей, подростков, молодежи, мастеров по интерпретации культурного наследия Васнецовых;
- проведение мероприятий познавательной и эстетической направленности «васнецовской тематики» для учащихся школ искусств и общеобразовательных школ;
- трансляция опыта мастеров по изобразительному искусству в свете традиций «Абрамцевского (Мамонтовского) кружка»;
- вовлечение населения МО «Мужберское» в акции по благоустройству территории села и уникальных мест, связанных с духовным краеведением (родника, «поповских угоров», «поповской липовой аллеи», территории закрытого храма);
- создание рабочей артели из мужского населения МО «Мужберское» по исторической аналогии «рабочих артелей», работавших на принципах добросовестности и товарищества (отличие от современного понятия «добровольцы» - в традиционном укладе и духовной мотивации);
- строительство «рабочей артели» арт-объектов и создание арт-пространства на месте бывшей усадьбы Васнецовых в селе Чумой (передвижной сцены, беседки, столов и лавок), создающих в комплексе культурную площадку для проведения мероприятий духовного направления» [3, с. 6-7].

Мероприятия проекта проводились в разнообразных форматах: арт-терапевтические занятия для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ); творческие конкурсы для детей и молодёжи; конференция «на колесах» «Не зарастет тропинка к храму», которая прошла в селах, где служил Н.Ф. Васнецов; театральные постановки (в том числе «Васнецовские антрепризы»); арт-фестиваль «Васнецовский сквер» с парковыми скульптурами, интерактивными площадками и мастер-классами; пленэры.

В рамках данного проекта в селе Чумой, в школе, оформили экспозиции об истории храма и рода Васнецовых; организовали выставки репродукций работ В.М. Васнецова и произведений участников пленэра; создали арт-пространство на месте бывшей усадьбы священника: построили сцену, беседку, деревянные скамейки, обустроили «поповские угоры», липовую аллею, посаженную предками Васнецовых, и родник.

Говоря о значении проекта «Васнецовские символы вечности», отметим: он не только повысил интерес к культурному наследию, но и способствовал духовному сплочению жителей района. Кроме того, проект вошел в число двенадцати социальных практик республики, оказавших влияние на ее развитие [3].

Итак, конкретные дела в рамках этих проектов не просто сохраняют отдельные объекты, но и создают живую среду для диалога между прошлым и настоящим, между искусством и жизнью людей.

Таким образом, мероприятие «Потомки и наследие», организованное в Абрамцево в 2017 г. по инициативе Фонда Васнецовых, явилось важным толчком для объединения потомков деятелей искусства, культурным импульсом для новых инициатив по сохранению культурного наследия, дало старт конкретным делам: от сохранения материального наследия до духовного возрождения и социальной поддержки.

Сегодня в селе Чумой проводятся такие мероприятия, как экскурсии, мастер-классы, тематические праздники. К примеру, с 20 мая 2024 по 31 декабря 2026 г. Мужберской сельской библиотекой Игринского района реализуется проект – библиопленэр «По просторам Родины с Васнецовым», представляющий собой выездное путешествие с элементами экскурсии и творчества, где гости проходят «васнецовскими тропами»; посещают музей истории деревни, хранящий бесценные свидетельства прошлого; единственный деревянный храм в Игринском районе, которому уже более ста лет; участвуют в творческих занятиях; окунаясь в купель, чувствуют связь с древними традициями [5].

Учащиеся школ Игринского района совершают незабываемое путешествие по родным местам Н.Ф. Васнецова, чтобы прикоснуться к истории и культуре родного края. Экскурсии по величественному храму Богоявления Господня проводит Н.В. Дубовцева – заслуженный работник куль-

туры Удмуртской Республики, краевед. Ребята с интересом слушают рассказ об истории храма; с любопытством исследуют музей «Васнецовское наследие», инициатором создания которого в 2019 г. явилась правнучка Н.Ф. Васнецова – Елена Николаевна Щербакова (Кузнецова). Там собраны уникальные материалы о жизни и деятельности ее прадеда, первого псаломщика храма, учителя церковно-приходской школы – Н.Ф. Васнецова, копии архивных документов по истории Чумойской церкви, книги о селе, школе, церкви.

Также по инициативе Елены Николаевны и с ее непосредственным участием создана экспозиция, посвящённая воинству рода, с личными вещами ее отца – подполковника Николая Алексеевича Кузнецова (1922–2008), ветерана Великой Отечественной войны, его братьев – тоже ветеранов Великой Отечественной войны: Виктора Алексеевича Кузнецова (1925–1989), вступившего в ряды ополченцев, Василия Алексеевича Кузнецова (1927–2007), профессионального военного, и документами, подтверждающими участие Васнецовых в войне 1812 г. и Великой Отечественной войне [10]. Под патронажем Елены Николаевны создана и коллекция Кубанских сувениров, посвященная памяти ее бабушки – Марии Николаевны Кузнецовой (Васнецовой), которая постоянно пополняется. Здесь же находится галерея репродукций картин художников В.М. и А.М. Васнецовых. Украшают музей работы участников пленэра «Васнецовское разноцветье»: художников из Малой Пурги, Сарапула, Шаркана, преподавателей и учащихся детских школ искусств поселка Игры, г. Глазова. Музей был задействован в работе школы: проводились экскурсии, мастер-классы, народные праздники [11].

В 2019 г. Чумойская школа занимала третье место в межрегиональном конкурсе «Деревенька моя» в номинации «Наша деревня – наше наследие».

В связи с тем, что 11 апреля 2024 г. школа ликвидирована в соответствии с постановлением Администрации района № 565, музей «Васнецовское наследие» переведен в здание старинной церкви – храм Богоявление Господне, вновь открытой по решению Совета депутатов муниципального образования «Муниципальный округ Игринский район Удмуртской Республики» от 12 декабря 2024 г. [11].

Можно упомянуть и другие инициативы – например, создание «живых скульптур», словно сошедших с полотен В. Васнецова, в рамках районного арт-фестиваля «Васнецовский сквер»: районный конкурс парковой скульптуры из дерева «Сказки в дереве» и скульптур из природных материалов в технике «ленд-арт»¹; «Арктический пленэр»² в Чумое и ряд других [3].

1 «Ленд-арт» — ландшафтное искусство.

2 «Арктический пленэр» в Чумое — отражение сути проекта: это художественная работа в суровых северных ландшафтах, которая стремится передать их неповторимое очарование и величие.

Подытоживая все вышеизложенное, сделаем вывод: сохранение памяти о наследии рода Васнецовых важно, как для жителей села Чумой, так и для понимания общей картины культурного наследия России, потому что это помогает сохранить многогранность русской культуры и её связь с локальными историями.

Библиографический список

1. Абрамович Е.З., Щербакова Е.Н. Род Васнецовых-Шкляевых: культурологический анализ: монография / Е.З. Абрамович, Е.Н. Щербакова. – Краснодар: КВВУ, 2019. 80 с.
2. Анкета «История и особенности развития территории: уникальные мероприятия и проекты, реализованные на территории Игринской центральной районной библиотеки им. Кедр Митрея», 2020.
3. Васнецовские символы вечности. Часть1: [сб.] / МБУК «Игринская ЦБС»: сост. В.Г. Гордеюк, Н.В. Дубовцева. – Игра, 2018. 97 с.
4. Гордеюк В.Г., Скопкарева С.Л. Васнецовы на Игринской земле: научное издание / В.Г. Гордеюк, С.Л. Скопкарева/ под ред. Т.И. Зайцевой. – Ижевск: Б. и., 2018. 111 с.
5. Незабываемое путешествие по родным местам Васнецова ...: сайт. // URL: vk.com>wall-191962216_3164 (Дата обращения: 15.08.2026).
6. Фонд Васнецовых: сайт. // URL: ru-ru.facebook.com (Дата обращения: 15.04.2020).
7. Щербакова Е.Н. Васнецовский след на Игринской земле: социокультурный анализ: сайт. // URL: http://elibrari.ru (Дата обращения: 23.09.2020).
8. Щербакова Е.Н. Зарождение и развитие культурного наследия посредством диалога искусств (на примере Абрамцевского кружка и рода Васнецовых-Чарушиных) / Е.Н. Щербакова // Современные аспекты диалога литературы, музыки, изобразительного искусства в западноевропейской и отечественной музыкальной культуре. Мат. II Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар: КГИК, 2020. С. 312-320.
9. Щербакова Е.Н. Культурологический анализ жизни и деятельности Николая Васнецова, представителя древнеявского рода Васнецовых, священников, учителей, художников. // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 4 (45). С. 451-455.
10. Щербакова Е.Н. Род Васнецовых, священников и воинов, сквозь призму проекта «Васнецовские символы вечности» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 30-33. – DOI: 10.37882/2500-3682.2020.05.21
11. Щербакова Е.Н. Краснодар – Саратов: Васнецовы-Кузнецовы – Резниковы-Кривосовы: монография / Е.Н. Щербакова – Краснодар: ООО Магарин О.Г., 2025.
12. Вятские Епархиальные ведомости. 1898. № 22.
13. Вятские Епархиальные вести. 1905. № 3.
14. Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦАГ УР»). Ф. 245. Оп. 2. Д. 657.
15. Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦАГ УР»). Ф. 245. Оп. 2. Д. 660.
16. Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦАГ УР»). Ф. 174. Оп. 1. Д. 51.
17. Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦАГ УР»). Ф. 174. Оп. 1. Д. 53.
18. Клировые ведомости о Сретенской (Вознесенской) церкви с. Чутырь.
19. Метрическая книга Митрофановской церкви с. Зура за 1917 г.
20. Вознесенский И.С. Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и История власти. 2019. Том 5. Часть 3. № 17. С. 279-287.

References

1. Abramovich E.Z., Shcherbakova E.N. The Vasnetsov-Shklyayev Family: A Cultural Analysis: Monograph / E.Z. Abramovich, E.N. Shcherbakova. – Krasnodar: KVVU, 2019. 80 p.

2. Questionnaire "History and Features of the Territory's Development: Unique Events and Projects Implemented on the Territory of the Igrinskaya Central District Library named after Kedr Mitreya", 2020.
3. Vasnetsov Symbols of Eternity. Part 1: [collection] / MBUK "Igrinskaya Centralized Library System": compiled by V.G. Gordeyuk, N.V. Dubovtseva. – Igra, 2018. 97 p.
4. Gordeyuk V.G., Skopkareva S.L. The Vasnetsovs on the Igrinskaya Land: A Scientific Publication / V.G. Gordeyuk, S.L. Skopkareva/ ed. T.I. Zaitseva. – Izhevsk: B. i., 2018. 111 p.
5. An Unforgettable Journey Through Vasnetsov's Native Places ...: website. // URL: vk.com>wall-191962216_3164 (15.08.2026).
6. The Vasnetsov Foundation: website. // URL: ru-ru.facebook.com (15.04.2020).
7. Shcherbakova E.N. Vasnetsov's Trace on the Inrinskaya Land: A Sociocultural Analysis: website. // URL: <http://elibrari.ru> (Accessed: 23.09.2020).
8. Shcherbakova E.N. The Birth and Development of Cultural Heritage through Dialogue of the Arts (Based on the Abramtsevo Circle and the Vasnetsov-Charushin Family) / E.N. Shcherbakova // Contemporary Aspects of the Dialogue of Literature, Music, and Fine Arts in Western European and Russian Musical Culture. Proc. of the II All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation. Krasnodar: KGIK, 2020. P. 312-320.
9. Shcherbakova E.N. Culturological Analysis of the Life and Work of Nikolai Vasnetsov, a Representative of the Ancient Vyatka Vasnetsov Family, Priests, Teachers, and Artists. // Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. № 4 (45). P. 451-455.
10. Shcherbakova E.N. The Vasnetsov Family, Priests, and Warriors, Through the Prism of the "Vasnetsov Symbols of Eternity" Project // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2020. № 5. P. 30-33. – DOI: 10.37882/2500-3682.2020.05.21
11. Shcherbakova E.N. Krasnodar – Saratov: Vasnetsov-Kuznetsov – Reznikov-Krivososov: monograph / E.N. Shcherbakova – Krasnodar: OOO Magarin O.G., 2025.
12. Vyatka Diocesan News. 1898. № 22.
13. Vyatka Diocesan News. 1905. № 3.
14. State Budgetary Institution "Central State Archives of the Udmurt Republic" (GKU "TSAG UR"). F. 245. Op. 2. D. 657.
15. State government institution "Central State Archive of the Udmurt Republic" (GKU "TsAG UR"). F. 245. Op. 2. D. 660.
16. State government institution "Central State Archives of the Udmurt Republic" (GKU "TSAG UR"). F. 174. Op. 1. D. 51.
17. State government institution "Central State Archives of the Udmurt Republic" (GKU "TSAG UR"). F. 174. Op. 1. D. 53.
18. Clergy reports about the Sretenskaya (Voznesenskaya) Church of the village. Chutyr.
19. Metric book of the Mitrofan Church. Zura for 1917.
20. Voznesenckiy I.S. Digital economy and human-centered nature of work // The Power Of History – The History Of Power. 2019. Volume 5. Issue 3. № 17. P. 279-287.

Political science

Политология

Демидов А.В.

Кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Дипломатия больших данных*

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать определение понятию «большие данные». Приводятся ключевые характеристики больших данных. Указываются источники, производящие большие данные. Анализируются точки зрения российских и зарубежных исследователей на большие данные, как на новое явление. Рассматриваются истоки этого явления, подчеркиваются связанные с ним проблемы. При этом особое внимание обращается на необходимость соблюдения требований этики и конфиденциальности.

Автором, проработавшим не один десяток лет на дипломатической службе и находящимся в настоящее время на научной работе, рассматривается влияние больших данных на науку и дипломатию. Подчеркивается, что появление больших данных способно оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на науку, так и на международную дипломатию. Проводятся параллели с другим также новым явлением, известным как научная дипломатия. Отмечается возможность и целесообразность заимствования дипломатией больших данных некоторых концептуальных начал из научной дипломатии.

Особое внимание обращается на то, что появление больших данных и их воздействие на человеческое общество, включая науку и дипломатию, в качестве важнейшего инструмента усиливается благодаря развитию искусственного интеллекта.

Ключевые слова: информатизация, объем информации, большие данные, объём, скорость передачи/поступления, разнообразие, достоверность, изменчивость, ценность, наука, источники данных, дипломатия, анализ, обработка, передача информации, научная дипломатия, информационная дипломатия, дипломатия данных, искусственный интеллект.

Demidov A.V.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor. Moscow University of the Humanities and Economics.

Big Data Diplomacy

The article attempts to define the concept of “big data”. The key characteristics of big data are given. The sources producing big data are indicated. The points of view of Russian and foreign researchers on big data as a new phenomenon are analyzed. The sources of this phenomenon are considered, and the problems associated with it are emphasized. At the same time, special attention is paid to the need to comply with the requirements of ethics and confidentiality.

The author, who has worked for decades in the diplomatic service and is currently engaged in scientific research, examines the impact of big data on science and diplomacy. It is emphasized that

* © Демидов А.В., 2026.

Дипломатия больших данных

the emergence of big data can have both positive and negative effects on science and international diplomacy. The author draws parallels with another emerging phenomenon known as scientific diplomacy. The article highlights the potential and feasibility of incorporating big data into diplomacy. The possibility and expediency of borrowing some conceptual principles from scientific diplomacy by big data diplomacy is noted.

Special attention is paid to the fact that the emergence of big data and its impact on human society, including science and diplomacy, as a crucial tool is being strengthened by the development of artificial intelligence.

Key words: informatization, information volume, big data, volume, transmission/receipt speed, diversity, reliability, variability, value, science, data sources, diplomacy, analysis, processing, information transfer, scientific diplomacy, information diplomacy, data diplomacy, artificial intelligence.

Постановка проблемы.

С началом эпохи информатизации произошел взрывной рост объемов информации, поступающей к организациям и к рядовым обывателям. Подобного рода информация носит как структурированный, так и неструктурированный характер. Зачастую речь идет о таком потоке информации, который одному человеку сложно, а то и невозможно, должным образом принять и адекватно проанализировать. Такая информация получила обозначение «большие данные».

В этой связи хотелось бы проанализировать как взрывной рост информационного потока может повлиять на науку и на дипломатию: на две сферы человеческой жизни, неразрывно связанные со сбором, анализом, хранением и передачей информации.

Определение понятий.

Введение в научный и политический оборот термина «большие данные» приписывают американскому журналисту Клиффорду Линчу, возглавившему в сентябре 2008 г. специальный выпуск журнала "The Nature". Темой этого выпуска стал вопрос: «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных». К.Линчем были собраны материалы о феномене взрывного роста объемов и многообразия поступающих данных и о технологических перспективах в философском плане вероятного скачка «от количества к качеству». Сам термин «большие данные» был предложен американцем по аналогии с принятыми в англоязычной деловой среде понятиями: «большая нефть», «большая руда» [8].

С конца 2000 годов в мире уже широко заговорили о больших данных, как о важном явлении современности. Под этим термином понимается новое измерение информации: во-первых, ее несопоставимый с прошлым объем и, во-вторых, значительно более широкое тематическое многообра-

зие содержания получаемой информации.

Ключевые характеристики больших данных называют «Модель 6V» (по первым буквам в их англоязычном варианте). Среди этих характеристик:

- объём (volume);
- скорость передачи/поступления (velocity);
- разнообразие (variety);
- достоверность (veracity),
- изменчивость (variability);
- ценность (value) [12].

Среди источников, производящих большие данные, в частности, выделяют:

- а) электронные источники информации: Интернет, СМИ, блоги, социальные сети;
- б) интернет вещей и подключенные к нему устройства;
- в) данные компаний: сообщения о деловых транзакциях, о заказах товаров и услуг, профили клиентов;
- д) состояние окружающей среды: показания приборов метеостанций: измерения температуры и состава воздуха, состояния воды в водоемах, данные об экологической обстановке в различных местностях;
- е) статистические данные: статистика государств и отдельных городов, показатели рождаемости и смертности, браков и разводов;
- и) миграционная информация: данные о перемещениях людей в связи с трудоустройством, с военно-политической обстановкой (беженцы), туристические поездки;
- ж) медицинские данные: результаты анализов, статистика и характеристики заболеваний, диагностические снимки.

Что важно подчеркнуть в этой связи: поскольку жизнь не стоит на месте, и эволюционные процессы в мире все ускоряются, приведенный примерный перечень не является исчерпывающим. Важно и то, что объем и характер информации, составляющей большие данные, значительно различается в зависимости от сферы деятельности.

Проблемы, с которыми связано появление больших данных.

Как и любое новое явление большие данные вызывают проблемы как объективного, так и субъективного порядка. В этой связи возникают серьезные вопросы.

Во-первых, нужно упомянуть вопросы по качеству самих данных. В большом объеме информации могут скрываться ошибки, неточности. Кроме того, недостоверные сведения часто целенаправленно поставляются правительственные источники с целью сокрытия истины. Проверить корректность получаемых данных бывает весьма сложно.

Во-вторых, соображения этики и конфиденциальности. Большой неу-

правляемый и неконтролируемый поток информации может привести к нежелательному раскрытию чьих-то личных данных. Эксперты обращают внимание на то, что государственные учреждения, движимые рекламными соображениями, часто невольно способствуют некорректному распространению персональной информации о госслужащих высокого ранга в открытых источниках [5].

В-третьих, технические сложности. Квалифицированное получение, хранение и обработка огромного объема информации требует применения ЭВМ серьезных мощностей, зачастую специализированной компьютерной техники, привлечения специалистов высокой квалификации и, без сомнения, требует серьезного финансирования.

Большие данные в науке.

В научном контексте можно говорить о поступающих научным организациям и отдельным ученым огромных массивах информации по соответствующим научным отраслям. Подобная информация генерируется с высокой скоростью большим числом самых разных источников. Она требует специальных технологий по ее сбору, хранению, обработке и, что особенно важно для научных сотрудников, по анализу получаемой информации.

Как же влияют большие данные на науку?

Здесь нельзя ограничиваться однозначным указанием на какое-то одно проявление такого влияния.

Во-первых, более широкий, чем ранее, тематический охват информации способствует появлению новых, не существовавших ранее, объектов и целых отраслей исследований.

Во-вторых, как известно, в современной науке самые заметные достижения появляются на стыках научных направлений. В этой связи широкий охват тематик приводит к все большему появлению междисциплинарных исследований.

В-третьих, быстрое развитие электронных средств связи и коммуникации способствует возникновению и развитию новых форм и методов контактов между исследователями, появлению новых каналов обмена научной информацией, таких как: электронная переписка, on line конференции, выход интернет-изданий и т.д.

В-четвертых, совершенно непредсказуемые последствия может внести в науку применение нейросетей и искусственного интеллекта. Возможно, с одной стороны, появление новых научных направлений, новых прорывных достижений, вскрытие новых закономерностей, о которых мы сейчас даже не подозреваем, появление новых возможностей прогнозирования и моделирования ситуаций, но, с другой стороны, вероятно может произойти сужение сферы человеческой интеллектуальной деятельности, сведение человека на уровень технического оператора электронных устройств.

Большие данные и дипломатия.

Работа профессионального дипломата, как известно, связана со сбором, анализом и передачей своему правительству информации о стране пребывания (в случае с двусторонней дипломатией) или о соответствующей международной организации/конференции (в случае с многосторонней дипломатией). И здесь нет никакого преувеличения. Венская конвенция о дипломатических сношениях, являющаяся своеобразным кодексом профессионального поведения дипломатов, гласит, что функции дипломатического представителя состоят, в частности, «в выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщении о них правительству аккредитуемого государства» [2].

То есть работа профессионального дипломата состояла в получении из разных источников требуемой информации, ее анализ, обработка и передача в свое внешнеполитическое ведомство (Центр). Появление больших данных, приводят к необходимости для дипломата принимать и обрабатывать невиданный ранее объем информации, поступающей из гораздо большего круга источников.

Требованиями, предъявляемыми к информации, поступающей от дипломатов в Центр, в частности, являются: актуальность и своевременность, новизна и достоверность и др. [4].

В современных условиях, дипломату, получающему информацию, в обязательном порядке надо учитывать, что поступающая информация не возникает просто так из воздуха, что она имеет совершенно конкретных авторов, что информация может иметь различные цели, в т.ч. введение в заблуждение, нанесение политического и экономического ущерба другому государству [9]. Хорошо известно, что на основании недостоверной информации могут быть сделаны неверные выводы, а неверные выводы могут стать отправной точкой для принятия неправильных решений на государственном уровне. Соответственно, нельзя исключать ситуации, при которой большие данные могут привести к международному конфликту.

Позитивное использование сравнительных данных в межгосударственных отношениях может помочь наладить взаимовыгодное сотрудничество, организовать и адресно направить необходимую помощь, благоприятно повлиять на сложные переговоры. Но, с другой стороны, выборочное использование тенденциозно подобранных данных может способствовать продвижению корыстных интересов отдельных игроков.

Важно отметить, что воздействие больших данных на дипломатию значительно увеличивается с ростом влияния на принимаемые государственные решения со стороны т.н. «народной дипломатии». При всем уважении игроки народной дипломатии менее склонны к глубокому анализу поступающей информации, чем дипломаты профессиональные. Соответствен-

но, информация, поступающая по каналам народной дипломатии может быть основана лишь на эмоциональных моментах.

Научная дипломатия.

Бурное развитие науки и техники во второй половине XX – начале XXI веков привело к тому, что наука, по выражению, использованному К. Марксом в «Капитале» и затем заимствованному Программой КПСС, стала «непосредственной производительной силой» [8, с. 215].

С 2010 г. в связи с ростом международного научно-технического сотрудничества в исследовательский оборот введено понятие «научной дипломатии», которое, по общепринятому мнению, разделяется на три подгруппы:

- наука в дипломатии, предполагающая что научные эксперты включаются в дипломатический процесс, стремясь помочь выявить и решить проблемы национальной и глобальной политики, экономики, экологии (например, изменение климата);
- дипломатия в интересах науки, предполагающая, что дипломаты совместно с учеными работают над глобальным развитием науки и международными научными программами;
- наука для дипломатии, предполагающая, что научное взаимодействие и сотрудничество служат инструментами установления и укрепления отношений между странами (например, взаимодействие западных и советских ученых во время холодной войны, способствовавшее укреплению доверия и открытию каналов коммуникации в широких политических и дипломатических целях).

Информационная дипломатия.

Цель дипломатии состоит в том, чтобы урегулировать конфликты мирными средствами (путем переговоров). Может быть предложено следующее определение информационной дипломатии: использование дипломатических действий и навыков различными заинтересованными сторонами для обеспечения доступа к достоверным данным, а также широкого использования и понимания поступающих данных в интересах общества и государства.

Концепция информационной дипломатии относится к широкому спектру взаимодействий между данными и дипломатами, а также к дипломатическим принципам, практике и целям. Информационная дипломатия объединит и дает материал для анализа мотивов, методов, ценностей и других аспектов переговоров, основанных на данных.

Традиционно дипломатия является инструментом поддержания отношений между государствами. Но растущая доступность и даже повсеместное распространение данных (информации) о государственных и

негосударственных субъектах на национальном, наднациональном и субнациональном уровнях бросает вызов традиционным представлениям и согласуется скорее с подходом публичной дипломатии, который охватывает более широкий круг заинтересованных сторон.

Рассматривая использование данных в дипломатии, специалисты-практики могут с большей легкостью учитывать сдвиги в традиционных геополитических, организационных и тематических границах, а получаемые результаты, вероятно, будут более виртуальными или концептуальными.

Дипломатия данных (использование больших данных в дипломатии).

Появление больших данных приводит к тому, что можно ставить вопрос и о выделении нового направления в дипломатии – «дипломатии больших данных», направления, выходящего за рамки информационной дипломатии. В частности, большие данные могут использоваться в межгосударственных отношениях для стимулирования развития международной обстановки в направлении, нужном данному государству, группе государств, международной организации.

В основу разработки концепции дипломатии данных могут быть положены принципы, творчески заимствованные из концепции научной дипломатии. В этой связи может быть предложена следующая разбивка явления «дипломатия данных» на подгруппы:

- «данные в дипломатии» - данные могут использоваться для стимулирования или предотвращения нежелательных политических и геополитических изменений;

- «дипломатия для данных» - данные могут потребовать применения формальных и неформальных дипломатических методов для реализации их потенциала или для предотвращения ущерба, возникающего в результате их использования;

- «данные для дипломатии» – означает, что использование данных и контроль за ними могут способствовать укреплению дипломатических отношений и потенциала.

Без сомнения, предлагаемые положения ни в коем случае не являются истиной в последней инстанции, они требуют дальнейшего серьезного изучения.

Имеющиеся дискуссии.

Российский исследователь Леонид Черняк считает, что с момента появления термина «большие данные» уже прошло несколько лет, но если в науке все более или менее ясно, то место больших данных в других областях остается неопределенным. Он подчеркивает, что часто упоминают «проблему больших данных», не просто как имеющуюся проблему, но как

проблему плохо определенную. Одни исследователи ее упрощают, другие гиперболизируют, представляя чуть ли не как стихийное бедствие, с которым нужно срочно справиться. Надо признать, что данных действительно становится все больше, что проблема вызвана не столько обрушившимися в невероятном количестве данными, сколько нашей неспособностью справиться с новыми объемами привычными методами. Отмечают даже существующий дисбаланс — способность порождать новые данные намного сильнее, чем способность их перерабатывать [8].

Группа исследователей из Российского университета дружбы народов в своем докладе в качестве преимущества применения больших данных в сфере управления отмечает следующее:

- во-первых, применение больших данных помогает повысить эффективность принятия решений. Появляется возможность сбора данных в режиме реального времени, что позволяет извлекать ключевую информацию на основе быстрой обработки и анализа большой массы данных, что позволяет лучше удовлетворять насущные потребности заказчиков;
- во-вторых, применение больших данных способствует продвижению все более разнообразных инструментов принятия решений;
- в-третьих, применение больших данных повышает степень убедительности и качества принимаемых решений, т.к. такие данные опираются на увеличенную базу исходной информации. А это существенно укрепляет доверие к схемам принятия решений;
- в-четвертых, технологии больших данных также служат ориентиром для операционной стратегии компании дипломатических миссий, внешнеполитических ведомств и даже правительств [7].

В 2014 году американский исследователь Уильям Дж. Хайбл, возглавлявший Консультативную комиссию США по общественной дипломатии, опубликовал от имени комиссии доклад, в котором термин “дипломатия, основанная на данных” используется относительно узко для обозначения лишь данных, предназначенных для оценки воздействия дипломатии и профессиональных качеств дипломатов [14].

В 2018 году другая американская исследовательница Барбара Розен Джейкобсон и ее коллеги обсудили новые возможности использования больших данных для получения важнейшей дипломатической информации, для выявления внешнеполитических планов других стран, для оценки и анализа объективной информации о ходе переговоров, информации, которая могла бы стать основой взаимного доверия [13].

Большие данные и искусственный интеллект.

Появление больших данных и их воздействие на человеческое общество в качестве важнейшего инструмента усиливается благодаря развитию искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Среди американских исследователей

бытует убеждение, что ИИ будет определять наше будущее. Нам сейчас остается лишь размышлять на тему о том, как он будет это определять [3].

Объем информации и высокая скорость ее передачи выливается в то, что управленческие решения, как в науке, так и в дипломатии, будут приниматься не в привычных нам кабинетах, а через мгновенный обмен цифровыми сигналами, которые будут обобщаться в информационных узлах по цифровым алгоритмам без участия человека и так же мгновенно доводиться до сведения заинтересованных исполнителей и общественно-го мнения.

Многие данные в дипломатии будут использоваться в качестве под-группы научных исследований, например, при использовании стати-стики смертности для совершенствования здравоохранения на междуна-родном уровне.

Другое возможное взаимодействие может предполагать, к примеру, об-мен данными о планах и действиях недружественно настроенных держав.

В отличие от четко определенного сбора и использования данных в международных отношениях, в дипломатии можно найти неструктуриро-ванные и неконтролируемые примеры использования данных.

* * *

Большие данные — это мощный инструмент, преобразующий сам процесс научного познания. Они позволяют переходить от статичных наблюдений к динамическим моделям, от простых обобщений к глубоко-му детальному анализу самых сложных систем в разных областях знаний. Однако для эффективного использования этого инструмента требуется не только развитие технологий, но и создание новых методологических подходов.

Дипломатия данных находится на стыке информации, управления и социальных норм и направлена на то, чтобы предвидеть последствия ис-пользования данных в будущем.

Основным принципом дипломатии данных, даже в условиях активно-го внедрения ИИ, должна стать кооперация, т.е. взаимовыгодное сотру-дничество заинтересованных стран с целью позитивного использования больших данных и той информации, что они несут, в интересах всего че-ловечества.

Учитывая быстрые темпы изменений в сфере обработки данных, эта структура может обеспечить устойчивую адаптацию к ландшафту инфор-мационной дипломатии, в котором “путешествие к данным” каждого че-ловека формирует контуры для будущих пользователей.

Появление дипломатии данных также говорит о расширяющемся развитии дипломатии как дисциплины. В мире, наполненном все более сложными данными, дипломатия все чаще осуществляется за пределами

государства и все реже полагается на профессиональных дипломатов в качестве своего главного агента.

Потребность в новых специалистах по работе с данными, которые смогут упростить информационные процессы, и в то же время разработать меры предосторожности для обеспечения уверенности и защиты ответственности, будет только расти.

Мы должны стремиться к всестороннему пониманию того, как данные взаимодействуют с дипломатией во всех ее формах, что, в свою очередь, помогает информировать о дипломатических взаимодействиях.

Мы также должны стремиться понять, как дипломатия может устранять барьеры, опять же на благо общества.

И мы должны понять, как данные могут объединять сообщества, помогая налаживать дипломатические отношения.

Неспособность или нежелание рассматривать дипломатию данных как отдельную категорию в современных международных отношениях рискует привести к недооценке растущей роли информации в обществе, к недооценке потенциальных как положительных, так и отрицательных последствий, к которым она может привести.

Библиографический список

1. Гонтмахер Е.И. С гневом и пристрастием. // Россия в глобальной политике. 15.07.2026. // URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/chelovek-ii-gontmaher/>.
2. Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml?ysclid=mrnljw8wvl458546544.
3. Гоэл С. Выступление на Международной конференции киберстабильность: подходы, перспективы, вызовы. // Россия и глобальные вызовы в области информационной безопасности. Специальный выпуск. 2025.
4. Дипломатическая служба Российской Федерации. Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Аспект-Пресс. 2019.
5. Кузнецов А.И. Выступление на Международной конференции киберстабильность: подходы, перспективы, вызовы. // Россия и глобальные вызовы в области информационной безопасности. Специальный выпуск. 2025.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. т. 46, ч. II.
7. Федорова Л.А., Ху Гуйюй, Хуан Сяоянь, Землякова С.А. Применение технологий big data в деятельности современных предприятий. // Вестник Алтайской академии экономики и права. // URL: <https://www.vael.ru/article/view?id=1337>.
8. Черняк Л. Большие данные – новая теория и практика. // «Открытые системы». СУБД. 2011. № 10. // URL: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990>.
9. Boyd A., Gatewood J., Thorson S.J. Data Diplomacy. // Science & Diplomacy. An Online Publication from the AAAAS Center for Science Diplomacy. 06/24/2019. // URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy>.
10. Hafner-Burton E.M. Sticks and Stones: Naming and Shaming the Human Rights Enforcement Problem. // International Organization 62. N 4 (October 2008).
11. Holzeis C.C., Fears R., Braun J. New Models for Science Diplomacy Transcending Boundaries: The InterAcademy Partnership Food and Nutrition Security and Agriculture Project. // Science & Diplomacy. A quarterly publication from the AAAS Center for Diplomacy. – Science & Diplomacy – A quarterly publication from the AAAS Center for Diplomacy.
12. 6V's of Big Data. // URL: <https://www.geeksforgeeks.org/big-data/5-vs-of-big-data/?ysclid=mrnljw8wvl458546544>.

clid=ms8n3txcq193703368.

13. Jakobson B.R. Hone K.E. Kurbalija. Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era. // Geneva: Diplo Foundation. 2018. // URL: <https://www.diplomacy.edu/datadiplomacy/policyresearch>.

14. US Advisory Commission on Public Diplomacy. Data Driven Public Diplomacy: Progress towards Measuring the Impact of Public Diplomacy and International Broadcasting Activities (ACPD, September 2014). // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/231945.pdf>.

15. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

References

1. Gontmakher E.Sh. With Anger and Passion. // Russia in Global Affairs. July 15, 2026. // URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/chelovek-ii-gontmaher/>.

2. Vienna Convention on Diplomatic Relations. Adopted on April 18, 1961. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml?ysclid=mrnljw8wvl458546544.

3. Goel S. Speech at the International Conference on Cyber Stability: Approaches, Prospects, Challenges. // Russia and Global Challenges in Information Security. Special Issue. 2025.

4. Diplomatic Service of the Russian Federation. Ed. by A.V. Torkunov. – Moscow: Aspect-Press. 2019.

5. Kuznetsov A.I. Presentation at the International Conference “Cyber Stability: Approaches, Prospects, Challenges.” // Russia and Global Challenges in Information Security. Special Issue. 2025.

6. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed., Vol. 46, Part II.

7. Fedorova L.A., Hu Guiyu, Huang, Xiaoyan, Zemlyakova, S.A. Application of Big Data Technologies in the Activities of Modern Enterprises. // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. // URL: <https://www.vael.ru/article/view?id=1337>.

8. Chernyak L. Big Data – New Theory and Practice. // “Open Systems.” DBMS. 2011. № 10. // URL: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990>.

9. Boyd A., Gatewood J., Thorson S.J. Data Diplomacy. // Science & Diplomacy. An Online Publication from the AAAAS Center for Science Diplomacy. 06/24/2019. // URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy>.

10. Hafner-Burton E.M. Sticks and Stones: Naming and Shaming the Human Rights Enforcement Problem. // International Organization 62. N 4 (October 2008).

11. Holzeis C.C., Fears R., Braun J. New Models for Science Diplomacy Transcending Boundaries: The InterAcademy Partnership Food and Nutrition Security and Agriculture Project. // Science & Diplomacy. A quarterly publication from the AAAS Center for Diplomacy. – Science & Diplomacy – A quarterly publication from the AAAS Center for Diplomacy.

12. 6V's of Big Data. // URL: <https://www.geeksforgeeks.org/big-data/5-vs-of-big-data/?ysclid=ms8n3txcq193703368>.

13. Jakobson B.R. Hone K.E. Kurbalija. Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era. // Geneva: Diplo Foundation. 2018. // URL: <https://www.diplomacy.edu/datadiplomacy/policyresearch>.

14. US Advisory Commission on Public Diplomacy. Data Driven Public Diplomacy: Progress towards Measuring the Impact of Public Diplomacy and International Broadcasting Activities (ACPD, September 2014). // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/231945.pdf>.

15. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Бережнова О.В.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального и дошкольного образования. Ставропольский государственный педагогический институт (Филиал СГПИ в г. Железноводске).

Борокова И.Д.

Кандидат политических наук, учитель, МБОУ СОШ №1 имени Героя Советского Союза И.В. Королькова.

Аксиологические ориентации современного студенчества: от прагматизма к социальной ответственности*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания ценностных трансформаций в студенческой среде в условиях глобализации, цифровизации и экономической нестабильности. В статье рассматриваются аксиологические ориентации современного российского студенчества как динамичной социальной группы, отражающей общественные трансформации. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических исследований автором выявляется бинарная природа ценностных доминант студентов, сочетающих прагматические установки (стремление к материальному благополучию, карьерному успеху, индивидуализм) и ценности социальной ответственности. Обосновывается, что указанный дуализм не является ценностным хаосом, а представляет собой адаптационную стратегию к вызовам цифрового общества риска. Особое внимание уделяется факторам формирования социальной ответственности, среди которых ключевую роль играет образовательная среда и инновационные практики, такие как «обучение служением». Автор приходит к выводу о формировании гибридной аксиологической модели и тенденции перехода от «чистого» прагматизма к социально ответственному прагматизму, где личный успех достигается через общественно значимую деятельность.

Ключевые слова: аксиологические ориентации, студенчество, прагматизм, социальная ответственность, ценностные доминанты, обучение служением, цифровизация, гибридная ценностная модель, молодежная политика.

* © Калабекова С.В., Бережнова О.В., Борокова И.Д., 2026.

Kalabekova S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Berezhnova O.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary and Pre-school Education of the Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of the SSPI in Zheleznovodsk).

Borokova I.D.

Candidate of Political Sciences, Teacher, Secondary School № named after Hero of the Soviet Union I.V. Korolkov.

Axiological orientations of modern students: from pragmatism to social responsibility

The relevance of the study is due to the need to understand the value transformations in the student environment in the context of globalization, digitalization, and economic instability. The article examines the axiological orientations of modern Russian students as a dynamic social group that reflects societal transformations. Based on the analysis of theoretical approaches and empirical studies, the author identifies the binary nature of students' value dominants, which combine pragmatic attitudes (the desire for material well-being, career success, and individualism) and values of social responsibility. It is argued that this dualism is not a value chaos, but rather an adaptation strategy to the challenges of a digital risk society. The article focuses on the factors that contribute to the development of social responsibility, including the educational environment and innovative practices such as "service learning." The author concludes that a hybrid axiological model is emerging, and there is a trend towards a shift from "pure" pragmatism to socially responsible pragmatism, where personal success is achieved through socially meaningful activities.

Key words: axiological orientations, students, pragmatism, social responsibility, value dominants, service learning, digitalization, hybrid value model, youth policy.

Современное российское общество переживает период глубокой трансформации ценностных ориентиров, что наиболее рельефно проявляется в студенческой среде. Студенчество как особая социально-демографическая группа выступает не только «барометром» общественных настроений, но и активным субъектом формирования новых аксиологических моделей. В условиях глобализации, цифровизации и экономической нестабильности ценностные ориентации студентов приобретают бинарную природу, сочетая в себе как прагматические установки, так и стремление к социальной ответственности. Данная статья посвящена анализу аксиологических доминант современного студенчества и выяв-

лению тенденции перехода от утилитарно-гедонистических ценностей к осознанной социальной ответственности.

Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций студенчества. Ценностные ориентации представляют собой сложное системное образование, определяющее направленность личности, ее избирательное отношение к действительности и стратегии жизнедеятельности. Как отмечают исследователи, «ценности, являясь основным механизмом социальной ориентации и регулирования общественных отношений, отражают степень порядка и предсказуемости последних» [4, с. 50].

В современной науке сложилось несколько подходов к пониманию аксиологических ориентаций студенчества. Социологический подход акцентирует внимание на влиянии социально-экономических факторов и институциональной среды на формирование ценностных установок. Психологический подход рассматривает ценностные ориентации как структурные компоненты личности, определяющие мотивационно-потребностную сферу. Педагогический подход фокусируется на возможностях целенаправленного формирования ценностных ориентаций в образовательном процессе.

Особого внимания заслуживает концепция «обучения служением», восходящая к идеям Джона Дьюи о прагматизме в образовании. Данная методология предполагает интеграцию академического обучения с активным участием студентов в решении социальных проблем, что обеспечивает не только приобретение профессиональных навыков, но и развитие гражданской позиции и социальной ответственности [8].

Прагматизм как доминирующая аксиологическая тенденция. Современные социологические исследования фиксируют устойчивую тенденцию прагматизации ценностных ориентаций студенческой молодежи. Как показывают результаты исследований Ешева М.А. и соавторов, «размывание традиционной соционормативности приводит к прагматической интерпретации действительности и усилению утилитарно-гедонистических ценностей в современной молодежной среде» [2, с. 92].

Прагматические установки студенчества проявляются в нескольких ключевых направлениях:

Во-первых, это стремление к материальному благополучию и построению успешной карьеры. Студенты рассматривают образование преимущественно как инструмент достижения финансовой независимости и социального статуса. Как отмечается в исследовании, «наблюдается прагматизация ценностных ориентаций регионального студенчества, которая выражается в стремлении к достижению материального благополучия, получению качественного и востребованного образования, построении

успешной карьеры» [2, с. 93].

Во-вторых, имеет место переосмысление традиционных ценностей через призму утилитарных смыслов. Семья, дружба, здоровье наполняются прагматическим содержанием, становясь не самоценностями, а средствами достижения иных целей. «Сами же традиционные ценности наполняются утилитарными смыслами и, тем самым, обретают новое, прагматическое содержание» [2, с. 94].

В-третьих, наблюдается доминирование индивидуалистических ценностей. Эмпирические исследования показывают, что студенты ориентированы на гедонизм, власть и достижения, что характеризует их как людей, сосредоточенных на собственной индивидуальности и личном успехе [6, с. 201].

Факторы, обуславливающие прагматизацию ценностных ориентаций, многообразны. Винокурова Н.В. и Приходченко Т.Н. выделяют следующие ключевые факторы: семья, транслирующая социокультурные нормы; система образования; средства массовой коммуникации, особенно в условиях цифровизации; референтные группы; социально-экономическая среда, определяющая возможности и ограничения [1, с. 265-268].

Особую роль играет цифровая трансформация, которая оказывает амбивалентное воздействие: с одной стороны, обеспечивает доступ к межкультурному обмену, с другой — создает риски размывания традиционных ценностей, формирования виртуальной идентичности и зависимости от цифровых технологий [5, с. 4-5].

Социальная ответственность как вектор аксиологической трансформации. Несмотря на доминирование прагматических установок, в студенческой среде наблюдается рост значимости ценностей социальной ответственности. Исследователи фиксируют формирование новой ценностной парадигмы, основанной на «прагматизме, экологичности и социальной ответственности» [3, с. 218]. Социальная ответственность студентов проявляется в нескольких аспектах. В сфере потребительских практик наблюдается переориентация на рациональное потребление, внимание к качеству и долговечности товаров, интерес к совместному потреблению и вторичному рынку [3, с. 220-222]. В образовательной сфере растет запрос на социально значимые проекты и практики, позволяющие применить знания для решения реальных общественных проблем.

Категория социальной ответственности в научном дискурсе определяется как «многофакторное личностное образование, обусловленное осознанием причинно-следственных связей между действиями индивида и изменениями в социальной среде» [7, с. 3]. Исследователи выделяют несколько структурных компонентов социальной ответственности: когнитивный (знание социальных норм и последствий своих действий),

аксиологический (ценностное отношение к социальному благу) и поведенческий (способность реализовывать ответственное поведение) [7, с. 4-5]. Анализ ценностного ядра современной российской молодежи показывает его гибридный характер, сочетающий традиционные и модернистские ценности. В ценностное ядро входят такие ценности, как любовь, семья, материальное благополучие, здоровье, дружба, права человека, свобода, справедливость, развитие, безопасность, самореализация [6, с. 202]. При этом фиксируется высокая значимость ценностей патриотизма, творчества и социальной активности [6, с. 203].

Факторы формирования социальной ответственности студенчества. Процесс формирования социальной ответственности студентов обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов. Исследователи подчеркивают, что «социальная ответственность – это формируемое качество личности, определяющее взаимоотношения с обществом. Особенно важно развивать его в молодом возрасте, учитывая отличительные черты» [7, с. 6].

Образовательная среда выступает ключевым институтом формирования социальной ответственности. Инновационные образовательные подходы, такие как «обучение служением», интегрируют академическое обучение с практическим участием в решении социальных проблем. Данная методология базируется на принципах: интеграция теории и практики, социальная значимость проектов, рефлексия и партнерство с общественными организациями [8, с. 2-4]. Преимущества такого подхода многообразны: развитие практических навыков, формирование гражданской позиции, повышение мотивации к учебе, укрепление связей с обществом [8, с. 5]. Особенно важно, что студенты начинают воспринимать учебу не как обязанность, а как средство достижения социально значимых целей.

Деятельностный подход признается наиболее результативным в формировании социальной ответственности молодежи, поскольку «поведенческий компонент ответственности наиболее характерен для молодежи» [7, с. 7]. Участие в социально значимых проектах, волонтерской деятельности, студенческих отрядах создает условия для интериоризации ценностей социальной ответственности.

В условиях цифровизации особое значение приобретает формирование «духовно-нравственного иммунитета» студентов, способности противостоять рискогенным воздействиям информационной среды. Пак Л.Г. и Шишковская И.П. обосновывают закономерности аксиологической концепции социализации цифрового поколения, выделяя ключевые установки педагога-фасилитатора как навигатора в инфополе смешанной реальности [5, с. 8-10].

Бинарная природа аксиологических доминант студенчества. Современные исследования фиксируют бинарную природу ценностных ориентаций студенческой молодежи. С одной стороны, сохраняется жизнеспособность традиционных ценностей, выражающихся в потребности создания семьи, укрепления родственных отношений, поддержании здоровья и сохранении дружеских связей. С другой стороны, наблюдается устойчивая прагматизация ценностных ориентаций [2, с. 94-95]. Этот аксиологический дуализм не является проявлением ценностного хаоса, но отражает адаптационные стратегии молодежи к вызовам современного общества риска. Как отмечают исследователи, «утилитарно-гедонистическая модель личности, фундируемая в рамках современного общества, успешно встраивается в социотип студенческой молодежи нового поколения, в рамках которой формируются новые адаптационные стратегии к вызовам и рискам XXI в.» [2, с. 95].

Расторгуев С.В. и Сучилина А.А. на основе метаанализа исследований подтверждают «гибридный характер ценностного ядра современной российской молодежи», включающего как традиционные, так и модернистские ценности [6, с. 202]. Это свидетельствует не о кризисе ценностной системы, а о ее динамичной трансформации в ответ на изменяющиеся социально-экономические условия. Особую роль в формировании гибридной аксиологической модели играют процессы глобализации и цифровизации. Глобализационные процессы, как отмечается в исследовании, «оказывают амбивалентное воздействие на ценностные ориентации молодежи: с одной стороны, обеспечивают доступ к возможности для межкультурного обмена, с другой стороны, создают риски размывания традиционных ценностей» [1, с. 272].

Аксиологические ориентации современного студенчества представляют собой сложную, динамичную и бинарную систему, в которой прагматические установки и ценности социальной ответственности не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Прагматизм, проявляющийся в стремлении к материальному благополучию, карьерному успеху и индивидуалистических ориентациях, отражает адаптационные стратегии молодежи к условиям современного общества риска. Образование воспринимается преимущественно как инструмент достижения личного успеха, традиционные ценности наполняются утилитарными смыслами.

Вместе с тем, наблюдается устойчивый рост значимости ценностей социальной ответственности. Это проявляется в изменении потребительских практик в сторону рациональности и экологичности, участии в социально значимых проектах, запросе на образование, интегрированное с общественной пользой. Социальная ответственность становится не альтернативой, а новой формой самореализации, сочетающей личный успех с

общественным благом.

Перспективным направлением аксиологической трансформации студенчества выступает переход от «чистого» прагматизма к социально ответственному прагматизму, где личный успех достигается через общественно значимую деятельность. В этом контексте особую роль играют инновационные образовательные практики, такие как «обучение служением», интегрирующие академическое обучение с решением реальных социальных проблем.

Дальнейшие исследования ценностных ориентаций студенчества требуют комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего как макросоциальные факторы, так и психологические механизмы формирования ценностных установок. Практическая значимость таких исследований заключается в разработке эффективных образовательных и воспитательных программ, направленных на формирование у молодежи позитивных ценностных ориентаций, способствующих успешной социализации и интеграции в социум.

Библиографический список

1. Винокурова Н.В., Приходченко Т.Н. Факторы формирования ценностных ориентиров современной молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 12. С. 261-279.
2. Ешев М.А., Марков П.Н., Нехай В.Н., Криволапова А.А. Ценностные ориентации студенческой молодежи: актуальное состояние и тенденции развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 2 (319). С. 90-96.
3. Коробова Д.В. Изменение потребительских практик студентов как результат трансформации их ценностных ориентаций в условиях экономической нестабильности // Русский инженер, Международный конгресс, 3-й. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2026. Т. 5.
4. Молчанова Е.В., Корнеева Т.В. Ценностные ориентации студентов как основа духовной культуры молодежи // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1 (82). С. 149-153.
5. Пак Л.Г., Шишковская И.П. Закономерности аксиологической концепции социализации цифрового поколения студенческой молодежи в условиях противостояния рисковенности современного социума // Вестник Оренбургского государственного университета. 2025. № 4.
6. Расторгуев С.В., Сучилина А.А. Исследования ценностного ядра современной российской молодежи // Власть. 2025. Том 33. № 1. С. 198-204.
7. Формирование социальной ответственности студенческой молодежи средствами социальной активности: деятельностный подход // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 4.
8. Kushnina E.B. Обучение служением: интеграция образования и общественной пользы // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2025.
9. Фидарова К.К., Калабекова С.В., Погосова К. Л., Кулова М.Л. Первые шаги в науку: исследования студентов, аспирантов и молодых ученых вузов СКФО // Культура мира. Москва. 2026. Том 14. Выпуск 1 (52).
10. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.

References

1. Gontmakher E.Sh. With Anger and Passion. // Russia in Global Affairs. July 15, 2026. // URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/chelovek-ii-gontmaher/>.
2. Vienna Convention on Diplomatic Relations. Adopted on April 18, 1961. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml?ysclid=mrnljw8wv1458546544.
3. Goel S. Speech at the International Conference on Cyber Stability: Approaches, Prospects, Challenges. // Russia and Global Challenges in Information Security. Special Issue. 2025.
4. Diplomatic Service of the Russian Federation. Ed. by A.V. Torkunov. – Moscow: Aspect-Press. 2019.
5. Kuznetsov A.I. Presentation at the International Conference “Cyber Stability: Approaches, Prospects, Challenges.” // Russia and Global Challenges in Information Security. Special Issue. 2025.
6. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed., v. 46, part II.
7. Fedorova L.A., Hu Guiyu, Huang Xiaoyan, Zemlyakova S.A. Application of Big Data Technologies in Action.
8. Vinokurova N.V., Prikhodchenko T.N. Factors in the Formation of Value Orientations of Modern Youth.
9. Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept.” 2025. № 12. P. 261-279.
10. Eshev M.A., Markov P.N., Nekhay V.N., Krivolapova A.A. Value Orientations of Student Youth: Current Status and Development Trends.
11. Bulletin of Adyghe State University. Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies”. 2023. Issue 2 (319). P. 90-96.
12. Korobova D.V. “Changes in Students’ Consumer Practices as a Result of the Transformation of Their Value Orientations in the Context of Economic Instability” // Russian Engineer, International Congress, 3rd. – Moscow: Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2026. Vol. 5.
13. Molchanova E.V., Korneeva T.V. “Students’ Value Orientations as the Basis of Youth Spiritual Culture” // Bulletin of the Kama Social Institute. 2017. № 1 (82). P. 149-153.
14. Pak L.G., Shishkovskaya I.P. Patterns of the Axiological Concept of Socialization of the Digital Generation of Student Youth in the Context of Confronting the Riskiness of Modern Society // Bulletin of the Orenburg State University. 2025. № 4.
15. Rastorguev S.V., Suchilina A.A. Research on the Value Core of Modern Russian Youth // Vlast. 2025. Vol. 33. № 1. P. 198-204.
16. Developing Social Responsibility in Student Youth through Social Activity: An Activity-Based Approach // Modern Problems of Science and Education. 2025. № 4.
17. Kushnina E.B. Service-Learning: Integration of Education and Social Benefit // Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. 2025.
18. Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Pogossova K.L., Kulova M.L. First Steps in Science: Research by Students, Postgraduates, and Young Scientists from Universities in the North Caucasus Federal District // Culture of the World. Moscow. 2026. Volume 14. Issue 1 (52).
19. Performance of Modern Enterprises // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. // URL: <https://www.vael.ru/article/view?id=1337>.
20. Chernyak, L. Big Data – New Theory and Practice // Open Systems. DBMS. 2011. № 10. // URL: <https://www.osp.ru/os/2011/10/13010990>.
21. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.

***Current issues of science
and innovation***

***Актуальные вопросы науки
и инновации***

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти», руководитель проекта.

Место встречи: секреты семантики коммуникаций*

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода анализируются знаковые места городских встреч – фонтаны, площади с часами, набережные, книжные магазины и кафе – как сложные семиотические и коммуникативные феномены. Эти локации рассматриваются не просто как функциональные элементы инфраструктуры, а как активных участников человеческого взаимодействия, обладающих глубинной семантикой и способных организовывать коммуникацию, задавать ритм и формировать особый хронотоп. Через призму понятий лиминальности, «третьего места» и культурных кодов раскрывается природа их непреходящей аттрактивности. Особое внимание уделяется перекрестку как семиотической модели, аккумулирующей значения выбора, границы, соединения и перехода. Делается вывод, что устойчивая привлекательность этих пространств обусловлена их способностью адаптироваться к изменяющимся контекстам, удовлетворяя фундаментальные человеческие потребности в общении, созерцании, принадлежности и осмыслении времени, – качества, недостижимые в виртуальной среде.

Ключевые слова: семиотика города, место встречи, хронотоп, лиминальность, третье место, коммуникация, городские пространства, фонтан, набережная, площадь с часами, книжный магазин, кафе, перекресток, городская антропология, культурный код, аттрактивность, коммунитас.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal “The Power of History and the History of Power”, and Project Director.

Meeting Place: Secrets of Communication Semantics

Abstract. This article, using an interdisciplinary approach, analyzes iconic urban meeting places – fountains, clock squares, embankments, bookstores, and cafes—as complex semiotic and communicative phenomena. These locations are viewed not simply as functional elements of infrastructure, but as active participants in human interaction, possessing deep semantics and capable of organizing communication, setting a rhythm, and shaping a distinctive chronotope. Through the prism of concepts of liminality, the “third place,” and cultural codes, the nature of their enduring appeal is revealed. Particular attention is paid to the intersection as a semiotic model accumulating the meanings of choice, boundary, connection, and transition. It is concluded that the enduring appeal of these spaces is due to their ability to adapt to changing contexts, satisfying fundamental

* © Терновая Л.О., 2026.

Место встречи: секреты семантики коммуникаций

human needs for communication, contemplation, belonging, and time-consciousness – qualities unattainable in a virtual environment.

Key words: urban semiotics, meeting place, chronotope, liminality, third place, communication, urban spaces, fountain, embankment, clock square, bookstore, café, intersection, urban anthropology, cultural code, attractiveness, communitas.

Любое пространство можно рассматривать как сложный семиотический текст, в котором оно несет определенное значение, а люди, взаимодействуя с ним, становятся соавторами этого текста. То может быть свободный текст природы, диктующий человеку правила поведения. Или это сжатое урбанизацией послание, в котором пространство пытается «докричаться» до его создателя и выразить свою суть. Именно такие точки превращаются в места встреч. Действительно, среди множества городских локаций существуют особые места, которые на протяжении десятилетий, а то и столетий сохраняют свою притягательность: фонтаны, площади с часами, набережные, книжные магазины и библиотеки, кафе.

Что объединяет эти, казалось бы, разные пространства? Почему они продолжают привлекать людей вне зависимости от эпохи, технологий и модных трендов? Ответ кроется в их глубинной семантике – в том, как эти места «говорят» с человеком, как организуют коммуникацию и создают условия для встречи. С семантической точки зрения «знаковое место встречи» – не просто географическая точка, а коммуникативный маркер, который несет смысловую и эмоциональную нагрузку и тем самым повышает ценность взаимодействия.

Такие места становятся «знаковым» для коммуникации, неся единые смыслы, прежде всего, взятые из общего культурного кода. Место становится узнаваемым и сразу считывается собеседниками, например, в Москве «у памятника Пушкину», где и москвичи, и гости города понимают, о чем речь. Это экономит когнитивные усилия. Поскольку не нужно долго объяснять ориентиры, коммуникация стартует быстрее. У этих мест есть особая ритуальность и предсказуемость. Посещение кафе, площади или аллеи, где люди встречаются регулярно, превращается в мини-ритуал. То, что у людей там формируются устойчивые сценарии поведения и ожидания, снижает тревожность и повышает доверие.

Историко-символический слой этих мест добавляют встречам глубину, позволяя опираться на контекст места как на метафору. Кафе, парки, общественные пространства часто воспринимаются как нейтральная, «ничейная» территория, где статус собеседников выравнивается. Это особенно ценно для деловых и конфликтных разговоров, потому что снижается напряжение и растет готовность к диалогу. Если у пары или команды есть «свое» место, оно работает как триггер, ибо сам факт локации активизирует

нужный настрой на серьезность или веселость, креативность или разрушение. Места с яркой визуальной идентичностью обладают пространственной выразительностью. Фонтаны, набережные, смотровые площадки дают дополнительные темы для разговора и невербальные опоры, в которых люди могут ссылаться на то, что видят, обсуждать детали, тем самым подерживая контакт.

Во многом эти места являются стяжкой, пересечением, перекрестами разных пространств. Перекресток – не просто точка пересечения дорог: в культуре, языке и символике у него богатый семантический пласт, в котором спрессованы базовые семантические слои, прежде всего, выбора и распутья¹. Перекресток оказывается местом, где нужно принять решение, когда находишься «на распутье». В фольклоре герой у камня на развилке выбирает путь. И от выбора зависит не только его судьба, что легко переносится в метафоры: «перекресток эпох», «перекресток идей», «перекресток дисциплин», «перекресток поколений». В них всех пересекаются разные «пути», возникает напряжение и потенциал для новых смыслов.

Следующий слой формируется границами и порогами². Перекресток осмысливается как маргинальное пространство между «своим» и «чужим», между освоенным и неосвоенным. Отсюда и ритуальная роль: на границе часто совершают обережные действия: завязывают цветные ленты, оставляют предметы, ставят кресты.

Еще один слой создается точками схождения и расхождения линий, по которым движется и герой, и сама история. Семантика соединения, когда дороги сходятся, и одновременно разъединения, где пути расходятся «на все четыре стороны», вызывает смысловой парадокс, связывая место максимальной связности и максимальной неопределенности направлений.

Слой мифологической и сакральной семантики перекрестка неоднороден. Он состоит из сакральных и «нечистых» мест. В славянской традиции перекресток одновременно почитался и считался опасным. Там могли обитать духи, демоны, души «заложных» покойников. Отсюда происходят поверья и запреты, а также практика ритуальных действий именно на перекрестке.

В слое, созданном контактом с иным миром, перекресток трактуется как «место перехода». Туда выносили предметы для избавления от порчи, там гадали, оставляли подношения. В греческой мифологии перекрестками «ведала» Геката – богиня границ, перекрестков и ночных видений. Сам термин и образ перекрестка отсылают к кресту как к знаку ориентации по сторонам света и как к символу соединения вертикали «Небо-Земля» и го-

1 Терновая Л.О. Кресты, крестцы и перекрестки истории и судьбы России // Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации. – М.: Ин-т молодежи, 1999. С. 63-67.

2 Терновая Л.О. Геополитическая лимнология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2026.

ризонтالي, обозначенной сторонами света.

Слой лингвистической и фразеологической семантики закреплён в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках, которые подчеркивают производные смыслы: «перекрестный», «перекрестно», «перекрестные связи» – в переносном значении это взаимодействие, пересечение линий, мнений, интересов³.

Исторически и сегодня перекрестки – удобные ориентиры и места randevu: «встретимся на углу», «на перекрестке у памятника». Пространственная ясность и узнаваемость делают их семантически «надежными» точками для индивидов. Но и для сообщества они также являются важными узлами коммуникации. Перекрестки собирают потоки людей, транспорта, информации. На них располагаются остановки и киоски, размещаются афиши, плакаты, реклама. Они становятся естественными «коммуникационные хабы». В семантике транзита и темпоральности перекрестки связаны с движением, сменой ритма, ожиданием, выраженным знаками перехода, светофором. В этой точке время «замирает» в ожидании и снова ускорится.

В архитектурно-планировочной и символической семантике перекрестки вписываются в ось и структуру города. Во многих традициях город строился вокруг пересечения двух главных осей, берущих начало от римских двух главных взаимно перпендикулярных улиц кардо (лат. *cardo*) и декуманус (лат. *decumanus*). Это не только придает перекрестку статус «каркаса» пространства, но и снижает нагрузку противоречий центра и периферии. Так, перекресток может быть и центром, выступая в роли главной площади, транспортного узла, и границей, будучи окраиной, выездов из города. И тогда его смысл меняется от «места сборки» к «месту перехода наружу».

В такой точке человек стоит перед выбором направления. Ему надо понять, куда потечет его жизнь. А вода изначально была не только источником жизни, изливающимся вовне, но и центром притяжения. Он часто обозначался фонтаном. Еще в античности святилища у источников воды – нимфеи, становились местами, где персонализировался дух города. Фонтан был не просто источником жизни, но и центром святилища, символом города. Эта архетипическая семантика сохраняется и сегодня. Современный фонтан выступает динамическим центром площади. Струи воды создают движение, звук и визуальный ритм, который вовлекает человека.

Время является важнейшей координатой встречи, поэтому часы на городской площади оказываются больше чем устройством для измерения времени. Они являются семиотическим якорем, вписывающим в про-

3 Терновая Л.О. Роль перекрестных годов культуры в национальной идентичности и межкультурной коммуникации России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 8. Часть II. – М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 336-341.

странство временное измерение. Назначение встречи «под часами» соответствует универсальному культурному коду, понятному в любом городе мира. Часы становятся точкой отсчета как для времени, так и для человеческих отношений. Семиотически часы на площади выполняют двойную функцию. С одной стороны, напоминают о быстротечности времени, о необходимости быть здесь и сейчас. С другой – создают общий ритм для всех присутствующих, синхронизируют городское сообщество. В этом смысле часы можно назвать метрономом коллективной жизни.

Линией, идущей вдоль воды, очень четко прочерчивается маршрут встречи. Поэтому набережная представляет собой большее, чем линейное общественное пространство, примыкающее к водному объекту. Ее семантика гораздо глубже, отражает одновременно границу и связь, разделяя город и воду. Но именно на этом рубеже возникает особое качество открытости. Здесь человек оказывается на краю, что создает у него ощущение свободы и перспективы. Это обеспечивает многофункциональность набережной, являющуюся ключом к ее аттрактивности. Набережная диктует не один сценарий. Она предлагает их множество: можно гулять в одиночестве, встречаться с друзьями, заниматься спортом, наблюдать за закатом, участвовать в городских праздниках. Особая аура создается водой благодаря звуку волн, отражению огней, свежему ветру. Все это формирует сенсорный опыт, что невозможно воспроизвести в замкнутом пространстве. Набережные становятся «лицами» городов, важным фактором привлекательности для жителей и туристов.

На первый взгляд, книжный магазин – место торговли, а не общественное пространство. Но его семантика совершенно иная, семантика встречи с идеями и людьми. «Книжные магазины» – травелог писателя и книжного критика Хорхе Карриона (род. 1976), живого и любознательного наблюдателя, наполненный историями из вселенной написания, издания и продажи книг. В эссе Каррион отправляет читателя в путешествие по книжным магазинам мира. Вслед за автором читатель посещает *Shakespeare & Co* в Париже, *Wells* в Винчестере, *Green Apple Books* в Сан-Франциско, *Librairie des Colonnes* в Танжере, *Strand Bookstore* в Нью-Йорке, небольшие лавки и огромные книжные супермаркеты. Каррион рисует картину книжных магазинов, рассматривая эту институцию через призму пространства и времени как уникальное аутентичное место, обособленный мир и ценный культурный феномен. По мнению Карриона, книжный магазин не столько пространство для материальных сделок, сколько место для собраний людей и идей, для встреч, способных изменить мир и жизнь⁴. Семиотический подход превращает интерьер книжного магазина в осмысленную коммуникативную систему. Элементы оформления становятся носителями смыслов, формируя эмоциональную и психологическую реакцию

4 Каррион Х. Книжные магазины / Пер. А. Дунаев. – М.: Ad Marginem Press, 2024.

посетителей. В этом пространстве можно не только купить книгу, но и задержаться, полистать, посидеть в кафе, посетить встречу с автором, поучаствовать в книжном клубе.

Неслучайно локация книжного магазина так полюбилась авторам романтических произведений. В концепции «третьего места» американского городского социолога Рэя Ольденбурга (1932 – 2022) книжные магазины занимают особое положение. «Третье место» – это пространство вне дома (первое место) и работы (второе место), где происходят неформальные встречи и укрепляются социальные связи⁵. Книжный магазин оказывается тем самым местом именно потому, что он предлагает нечто большее, чем товар. Он обещает общность, интеллектуальный обмен, чувство принадлежности.

С ним поспорить как пространство для беседы и наблюдения может кафе. Это, пожалуй, самый интимный и одновременно самый публичный из всех форматов мест встречи⁶. В отличие от площади или набережной, кафе имеет четкие границы: стены, окна, столики. Но именно эта «рамка» создает особую магию, так как внутри нее время течет иначе. В кафе разрешено задерживаться, наблюдать, говорить шепотом или, наоборот, громко смеяться. Семиотика кафе строится на трех китах: напиток как ритуал, столик как личная территория и окно как сцена. Чашка напитка является оправданием для присутствия, ритуалом, который структурирует встречу. Столик становится микро-пространством, которое можно разделить с собеседником или занять в одиночестве, создавая защитную зону. А большое окно, выходящее на улицу, превращает посетителя одновременно в зрителя и в актера городского спектакля.

Кафе – это место, где встречаются не только люди, но и потоки. Уличный шум врывается через открытую дверь, аромат кофе смешивается с запахом дождя, разговоры соседей становятся фоном для собственных мыслей. Именно эта полисенсорная насыщенность делает кафе идеальной площадкой для свиданий, деловых переговоров, творческих поисков и просто «ничегонеделания» – ценного умения быть в городе, не будучи включенным в его суету.

Исторически кафе были колыбелью европейского Просвещения и

5 Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2018; Харченко Л.Н., Бровко С.Б. Возникновение и развитие концепции «третьего места» в зарубежной историографии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 113-121.

6 Вознесенский И.С. Индикаторы и двигатели корпоративной культуры: о роли кофе в организации труда // Власть истории и История власти. Том 5. Часть 4. 2019. (№ 18). С. 395-406; Терновая Л.О. Войны в кофейном и чайном «пространствах» // Государственная служба. 2013. № 4. С. 54-57; Терновая Л.О. «Кофейная» культура против культуры «чайной» // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1 (55). С. 122-129.

авангарда. В них рождались манифесты, завязывались романы, строились политические заговоры. Сегодня они продолжают эту линию, но уже в более демократичном ключе. Кофейня становится «третьим местом» в чистом виде: она нейтральна по отношению к статусу, доступна по цене, открыта в широком диапазоне времени и не требует обязательств. Именно поэтому она остается вневременным символом городской коммуникации – местом, где случайные взгляды могут перерасти в судьбоносные разговоры, а одиночество – в приятное соседство.

Каждое из описанных мест – фонтан, площадь с часами, набережная, книжный магазин, кафе – уникально не потому, что обладает исключительной архитектурой или историей. Его уникальность рождается на пересечении двух фундаментальных категорий – пространства и времени, причем не как объективных физических величин, а как переживаемых феноменов. Их взаимодействие становится главным предметом семантического языка города.

В семиотике пространство и время не существуют раздельно. Они образуют хронотоп (др.-греч. χρόνος – время и τόπος – место) – смысловую спайку, в которой временные отношения становятся зримыми, а пространство наполняется событийной плотностью⁷. Место встречи – всегда особый хронотоп: здесь время течет иначе, чем на соседней улице, а пространство обретает ритм, который задается не только геометрией, но и человеческими практиками.

Если обратиться к фонтану, то его пространство – это круг или овал, замкнутая, но проницаемая форма. Вода непрерывно движется по циклу: вверх, вниз, снова вверх. Этот циклический ритм создает ощущение вечного возвращения – времени, которое не уходит, а повторяется. Семантически фонтан говорит, что около него можно остановиться, настоящее будет длиться дольше, чем обычно. Именно поэтому у фонтана так легко задерживаться, забывая о часах.

Площадь с часами, напротив, предлагает хронотоп линейного, неумолимого времени. Стрелки движутся вперед, и пространство площади организуется вокруг этого движения. Люди туда приходят, чтобы встретиться в точный момент, а затем расходятся, подчиняясь заданному ритму. Семантика часов – семантика обязательства и синхронизации. Пространство около них становится ареной для «встречи-в-миг», где ценность имеет именно точность совпадения во времени, а не длительность пребывания.

Набережная – типичный хронотоп потока. Пространство там линейное, вытянутое вдоль воды, а время – текучее, подобно реке. Прогулка по набережной не имеет фиксированной цели. Она длится ровно столько,

7 Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407; Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002.

сколько хочется. Каждый следующий шаг разворачивает новую перспективу. Семантика набережной – семантика свободного маршрута, в котором время измеряется не минутами, а сменой впечатлений: закат, огни, плеск волн. Уникальность набережной заключена в том, что она позволяет каждому выбрать свой темп: можно идти быстро, можно замереть у перил.

Книжный магазин конструирует совершенно иной хронотоп – остановленного времени. Страницы книг хранят следы прошлых эпох. Посетитель, погружаясь в чтение, выпадает из текущей минуты. Пространство в нем лабиринтообразное, с укромными уголками. Оно приглашает к замедлению. Семантика книжного магазина – семантика глубины, где время становится вертикальным, уходящим вниз, в историю и мысль. Встреча в нем оказывает не столько встречей людей, сколько свиданием с образом, идеей, которая может длиться часами, а может захватить на всю жизнь.

Наконец, кафе предлагает хронотоп растянутого настоящего. В нем пространство разделено на интимные зоны – столики, но при этом пронцаемо для внешнего мира через окна. Время в кафе не привязано к расписанию: можно выпить эспрессо за пять минут или просидеть с одной чашкой целый вечер, наблюдая за уличной жизнью. Семантика кафе строится на добровольной изоляции внутри коллективного ритма: я присутствую здесь, но мой хронотоп не совпадает с хронотопом прохожих за окном. Это делает кафе идеальной средой для глубоких разговоров, в которой время перестает быть внешним ограничением и становится внутренней длительностью.

Уникальными с точки зрения семантики эти места делает динамический резонанс между физической структурой и человеческим восприятием, а вовсе не статичные свойства. Семиотический язык описывает этот резонанс через систему оппозиций: закрытое/открытое, цикличное/линейное, быстрое/медленное, свое/чужое. Каждое место встречи выбирает свою комбинацию этих оппозиций, создавая неповторимый «временной профиль». Самое главное состоит в том, что эти профили не фиксированы. Одно и то же место в разное время суток, в разные сезоны, в разные эпохи способно менять свое темпоральное звучание. Утренний фонтан говорит о бодрости и начале дня; а вечерний о романтике и воспоминаниях. Летняя набережная напоминает карнавал; зимняя склонна к медитации. Книжный магазин в час пик полон суеты; в тихий будний день он представляет убежище. Такая множественность хронотопов внутри одной локации оказывается источником непреходящей притягательности места, которая никогда не исчерпывается до конца и всегда оставляет пространство для нового переживания.

Язык семантики позволяет видеть уникальность места встречи. Понимать, что она – не данность, а событие, происходящее всякий раз раз заново, когда человек вступает в диалог с пространством и временем.

Фонтан, часы, набережная, книжный, кафе – не просто точки на карте. Они являются сложными темпоральными инструментами, благодаря которым пространство учит людей слышать ритм собственной жизни, синхронизироваться с другими и одновременно сохранять автономию. В этом заключена магия этих мест, не подвластная ни авторитету, ни моде, ни техническому прогрессу.

Анализ семантики фонтанов, площадей с часами, набережных, книжных магазинов и кафе дает возможность выделить несколько общих черт, объясняющих их непреходящую привлекательность.

Первое – наличие естественного или культурного «якоря». Каждый из элементов: вода у фонтана и набережной, время у часов, знание у книг, ритуал кофе у кафе – выступает как первичный аттрактор, который притягивает внимание и создает смысловой центр пространства. Якоря работают на архетипическом уровне: вода символизирует жизнь, время – судьбу, знание – мудрость, горячий напиток – уют и гостеприимство.

Второе – открытость и доступность. Все перечисленные пространства являются общедоступными, независимо от порога входа, не требуют специального статуса, билета или приглашения. К их классическим характеристикам относятся: доступность, комфорт, четкая функциональность, насыщенность активностью, равенство участников.

Третье – множественность сценариев. В таких местах можно быть разным: прийти одному и погрузиться в себя, встретиться с друзьями, наблюдать за другими, участвовать в событии. Человек вовлекается в пространство, которое предлагает собственный сценарий, со своим ритмом, сменой впечатлений, понятными точками притяжения и комфортом на уровне повседневного пользования. Кафе, в частности, позволяет прибывать в одиночестве среди других людей, что не доступно на открытой площади. У каждого из мест встречи имеется уникальная опция, отличная от других.

Четвертое – способность к диалогу с контекстом. Эти пространства не существуют изолированно, вступают в диалог с окружающей застройкой, с историей места, с культурными кодами города. Подобно городскому тексту, они могут быть прочитаны в историческом, социальном и культурном контекстах. Именно эта укорененность в контексте делает их «своими» для присутствующих.

Эти места сохраняют аттрактивный потенциал как во времени, так и вне времени. Секрет долговечности этих мест состоит в их способности адаптироваться, оставаясь собой. Технологии меняются: фонтаны становятся светодинамическими, часы – интерактивными, книжные магазины – мультимедийными, кафе осваивают коворкинг и бесконтактную оплату. Однако их глубинная семантика остается неизменной. Эти пространства удовлетворяют фундаментальные человеческие потребности в: общении, принадлежности, созерцании, осмыслении времени и своего места в

мире. Они не конкурируют с виртуальным пространством, а предлагают то, чего цифровая среда дать не может: телесное присутствие, случайную встречу, общий ритм дыхания, тактильный контакт с материалом, которым может быть вода, страницы книги, чашки керамики, камни мостовой.

В период, когда новости и торговля уходят в виртуальное пространство, места встречи становятся еще более ценными. Они напоминают людям, что встреча – всегда событие, происходящее здесь и сейчас. Каждая такая локация, будь то фонтан, часы, набережная, книжный или кафе, по-своему хранит магию семантики, превращающей обычную точку в место силы. Эти точки являются своеобразными аномальными зонами, в которых время замедляется, социальные роли размываются, а случайные прохожие превращаются в потенциальных собеседников. Антропологи назвали бы их лиминальными пространствами (англ. *liminal space*) – пороговыми территориями между «было» и «будет», работой и домом, публичным и приватным⁸. Именно здесь рождается магия коммуникации, а встреча из простого совпадения во времени и пространстве превращается в событие, насыщенное смыслом.

Площади с часами, фонтаны, набережные, кафе, книжные магазины – каждый из этих архетипов по-своему конструирует лиминальность, предлагая человеку временно выйти из-под диктата повседневности и вступить в диалог с собой, другими, городом и бесконечностью.

Площадь с городскими часами является классическим лиминальным пространством, центром ожидания и синхронизации. Ее главная функция состоит в том, чтобы не просто показывать время, а служить точкой отсчета для перехода. Человек приходит сюда не для того, чтобы остаться, а с целью встретиться и отправиться дальше: в кино, гости или просто на прогулку. Это место, где время, запертое в часах, становится главным действующим лицом, а люди оказываются в состоянии ожидания, которое является квинтэссенцией лиминальности.

Сама площадь как открытое, «ничейное» пространство не принадлежит никому из присутствующих в данный момент, но в то же время оно становится общим для всех. В момент ожидания социальные иерархии стираются, поскольку перед часами все равны. В этой точке формируется специфическое, временное сообщество – коммунитас (англ. *communitas*), по Виктору Тернеру⁹, объединенное общей целью или моментом.

Городские площади и центральные улицы служат универсальными точками встреч с высокой узнаваемостью, так как они выступают «общим

8 Тэрнер В. Символ и ритуал / Пер. с англ.; вступ. ст. В.А. Бейлиса, с. 7-31. – М.: Наука, 1983; Фусу Л.И. Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 240-246.

9 Воробьева Н.С. Коммунитас как «Сущностное мы»: возможность диалогических отношений в общности // Социология власти. 2019. Вып. 31. № 4. С. 155-184.

знаменателем» для людей с разным опытом. В таком свете каждое биеение часов на площади отсчитывает секунды до момента, когда это переходное состояние разрешится встречей и переходом к следующему этапу. Фонтан в городском пространстве видится водной границей между мощным сакральным началом, отражающим воду, как первоэлемент, связанную с ритуалами очищения и перехода, и стихийным центром, обозначающим границу. Звук и вид текущей воды создают сенсорный барьер, отделяющий пространство вокруг фонтана от шумной, прагматичной городской суеты. Вокруг фонтана, как вокруг костра, возникает особая, почти ритуальная атмосфера, располагающая к спонтанному общению и рефлексии.

Набережные дают протяженный маршрут для прогулки и разговора, естественный ритм смены тем по ходу движения, плюс визуальный фон, который помогает заполнять паузы. Эти места, обладая двойной стихией, добавляют списку особую ноту: они напоминают, что любая встреча, как и река, течет между берегами, и именно в этом течении, в его непрерывности, и заключается истинная магия человеческого контакта. Если фонтан – точечный водный портал, то набережная – линейная граница между стихиями. Ее протяженная версия представляет собой двойную границу: между сушей и водой, между городом и природой, между суетой и созерцанием. В отличие от статичной площади, набережная воплощает в себе не только пространство движения, но одновременно и зону остановки. Там можно бесконечно идти вдоль реки или моря, глядя на бегущую воду. Ритм волн задает особый, медитативный темп, вырывающий человека из жесткого графика повседневности. Лиминальность набережной усиливается ее открытостью горизонту. Набережная видится как место встречи не только людей, но и встречи человека со стихией, что значит, и с самим собой, делая разговоры более доверительными, паузы – естественными, из-за того, что вода заполняет молчание и снимает давление социальной необходимости говорить.

Кафе можно назвать уникальным гибридом приватизированной публичности и уютного «нигде». Кафе – одно из самых ярких воплощений лиминальности в современном городе, находящееся «между» домом и работой, публичным и приватным. Человек в кафе не принадлежит ни тому, ни другому миру. Он находится в пространстве добровольной временной изоляции, где может побыть наедине с собой или с собеседником, оставаясь при этом частью общественной жизни. В этом месте время течет иначе.

Кафе и книжные магазины создают «мягкий» нейтральный контекст, где разговор может начаться с бытовых деталей, например меню, витрин, и перейти к более важным темам. Книжный магазин придает лиминальности интеллектуальный оттенок. Он служит порталом в миры и храм культуры. Пройдя через него, посетитель покидает линейное время и входит в пространство, по которому можно путешествовать и по эпохам, и

по вселенным. В книжных магазинах старое знание встречается с новым, привычное – неизведанным. Они являются хранилищами потенциальных трансформаций, которые открываются благодаря каждой книгой на полке, приглашающей читателя к переходу, изменению себя и своего мировоззрения. То, что современные книжные все чаще становятся гибридными пространствами, объединяя в себе функции магазина, библиотеки, кафе и площадки для событий, усиливает их лиминальную природу, превращая в настоящие «третьи места» для диалога и творчества.

К местам встречи относятся еще и музеи, галереи, выставки, которые дают готовые смысловые опоры: можно обсуждать экспонаты, что особенно полезно, если собеседники мало знакомы. Парки и прогулочные зоны снижают формальность, способствуют неформальному обмену мнениями; хорошо подходят для мозговых штурмов и доверительных бесед.

Таким образом, знаковые места встреч – более чем функциональные элементы городской инфраструктуры. Каждое из них способно оказаться порталом в лиминальное состояние, предложить человеку на время выйти из-под власти социальной структуры. Площадь синхронизирует и создает общее поле ожидания. Фонтан обозначает магическую границу. Набережная – разворачивает эту границу в бесконечную линию, где движение и покой сливаются воедино. Кафе предоставляет уютное убежище для рефлексии, а книжный магазин – открывает портал в мир идей. Безусловно, в этих «междумирьях» рождается магия коммуникации, сбрасываются маски социальных ролей. Люди становятся более открытыми, равными и готовыми к диалогу. Эти места – не просто фон для встреч, а их активные соучастники, создающие ту самую неповторимую атмосферу, в которой случайные знакомства перерастают в глубокие разговоры, а идеи обретают форму.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. Вознесенский И.С. Индикаторы и двигатели корпоративной культуры: о роли кофе в организации труда // Власть истории и История власти. Том 5. Часть 4. 2019. (№ 18). С. 395–406.
3. Воробьева Н.С. Коммунитас как «Сущностное мы»: возможность диалогических отношений в общности // Социология власти. 2019. Вып. 31. № 4. С. 155–184.
4. Каррион Х. Книжные магазины / Пер. А. Дунаев. – М.: Ad Marginem Press, 2024. 336 с.
5. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. 454 с.
6. Терновая Л.О. Войны в кофейном и чайном «пространствах» // Государственная служба. 2013. № 4. С. 54–57.
7. Терновая Л.О. Геополитическая лимология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2026. 225 с.
8. Терновая Л.О. «Кофейная» культура против культуры «чайной» // Этносоциум и

межнациональная культура. 2013. № 1 (55). С. 122-129.

9. Терновая Л.О. Кресты, крестцы и перекрестки истории и судьбы России // Россия между Западом и Востоком: духовные аспекты цивилизации. – М.: Ин – т молодежи, 1999. С. 63-67.

10. Терновая Л.О. Роль перекрестных годов культуры в национальной идентичности и межкультурной коммуникации России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 8. Часть II. – М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 336-341.

11. Тэрнер В. Символ и ритуал / Пер. с англ.; вступ. ст. В.А. Бейлиса, с. 7-31. – М.: Наука, 1983. 277 с.

12. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. 448 с.

13. Фусу Л.И. Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 240-246.

14. Харченко Л.Н., Бровко С.Б. Возникновение и развитие концепции «третьего места» в зарубежной историографии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 113-121.

15. Ананченкова П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.

References

1. Bakhtin M.M. "Forms of Time and Chronotope in the Novel." Essays on Historical Poetics. Issues of Literature and Esthetics: Collection. – Moscow: Fiction, 1975. P. 234-407.

2. Voznesensky I.S. "Indicators and Drivers of Corporate Culture: On the Role of Coffee in Labor Organization." The Power of History and the History of Power. Vol. 5. Part 4. 2019. (№ 18). P. 395-406.

3. Vorobyova N.S. "Communitas as the "Essential We": The Possibility of Dialogic Relationships in Community." Sociology of Power. 2019. Issue 31. № 4. P. 155-184.

4. Carrion J. Bookstores. Translated by A. Dunaev. – M.: Ad Marginem Press, 2024. 336 p.

5. Oldenburg, R. Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons, and Other Hangouts as the Foundation of Community / Translated from English by A. Shirokanova. 2nd ed. – M.: New Literary Review, 2018. 454 p.

6. Ternovaya L.O. Wars in the Coffee and Tea "Spaces" // Public Service. 2013. № 4. P. 54-57.

7. Ternovaya L.O. Geopolitical Limology: Textbook. – M.: INFRA-M, 2026. 225 p.

8. Ternovaya L.O. "Coffee" Culture versus "Tea" Culture // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2013. № 1 (55). P. 122-129.

9. Ternovaya L.O. Crosses, Sacrams, and Crossroads of Russia's History and Destiny // Russia between West and East: Spiritual Aspects of Civilization. Moscow: Institute of Youth, 1999. P. 63-67.

10. Ternovaya L.O. The Role of Cross-Cultural Years in Russia's National Identity and Inter-cultural Communication // Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook. Issue 8. Part II. Moscow: INION RAS, 2013. P. 336-341.

11. Turner W. Symbol and Ritual / Translated from English; introduction by V.A. Beilis, P. 7-31. Moscow: Nauka, 1983. 277 p.

12. Ukhtomsky A.A. Dominant. – St. Petersburg: Piter, 2002. 448 p.

13. Fusu L.I. "Concepts of Liminality in Scientific Discourse as an Interdisciplinary Problem" // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2017. Vol. 6. № 3А. P. 240-246.

14. Kharchenko L.N., Brovko S.B. "The Emergence and Development of the Concept of the "Third Place" in Foreign Historiography" // Society: Philosophy, History, Culture. 2022. № 5. P. 113-121.

15. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cosacks. 2020. № 47. P. 20-28.

Хитарова И.Ю.

Доктор философских наук, профессор, Заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Колистратова А.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Кораблева С.А.

Кандидат культурологии, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Николаева Е.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Научный дискурс как объект лингводидактики: структура, характеристики и принципы моделирования в учебном процессе*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность дискурсивного подхода в последипломном языковом образовании. Предметом исследования выступает лингводидактический анализ научного дискурса, рассматриваемого в единстве трех аспектов: как модель речевого поведения, вид интеллектуальной деятельности и речевой продукт. Авторы выделяют ключевые характеристики научного дискурса (коммуникативные ситуации, структурная организация, когезия, интертекстуальность) и определяет принципы их адаптации в учебном процессе. В заключении формулируются требования к построению обучения письменному научному дискурсу на основе воспроизведения его системообразующих свойств.

Ключевые слова: научный дискурс, лингводидактика, последипломное образование, обучение иностранным языкам, дискурсивный подход, письменный научный дискурс, характеристики дискурса, когезия, интертекстуальность, коммуникативные ситуации.

* © Хитарова И.Ю., Колистратова А.В., Кораблева С.А., Николаева Е.А., 2026.

Научный дискурс как объект лингводидактики: структура, характеристики и принципы моделирования в учебном процессе

Khitarova I.Yu.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Kolistratova A.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Korableva S.A.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Nikolaeva E.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Scientific discourse as an object of linguodidactics: structure, characteristics and principles of modeling in the educational process

Abstract. The article substantiates the relevance of the discursive approach in postgraduate language education. The subject of the study is the linguodidactic analysis of scientific discourse, considered in the unity of three aspects: as a model of speech behavior, a type of intellectual activity, and a speech product. The authors identify the key characteristics of scientific discourse (communicative situations, structural organization, cohesion, intertextuality) and determine the principles of their adaptation in the educational process. In conclusion, the requirements for constructing teaching of written scientific discourse based on the reproduction of its system-forming properties are formulated.

Key words: scientific discourse, linguodidactics, postgraduate education, teaching foreign languages, discursive approach, written scientific discourse, characteristics of discourse, cohesion, intertextuality, communicative situations.

Введение

Необходимость интеграции дискурса в учебный процесс всё активнее обсуждается исследователями и педагогами-практиками в области преподавания иностранных языков. Дискурсивный подход к обучению имеет весомое преимущество перед классическим текстоориентированным фор-

матом: дискурс, представляя собой «живой язык» и «грамматику надпредложенческого уровня», обогащает коммуникативное языковое обучение теми функциональными характеристиками, которые присущи реальной речевой практике, и это трудно оспорить. Последипломное языковое образование, в рамках которого осуществляется подготовка магистрантов, аспирантов и научных сотрудников, представляет собой одну из ключевых областей обучения иностранным языкам в специальных целях. Именно поэтому поиск результативных методов освоения научного дискурса приобретает особую актуальность: исследователи объективно нуждаются в знании коммуникативных норм и стандартов, принятых в мировом научном пространстве, поскольку без этого невозможно добиться профессионального признания. С точки зрения социолингвистики и прагмалингвистики научный дискурс изучен достаточно основательно. В рамках данных дисциплин он рассматривается как особый институционально обусловленный тип коммуникации, фундаментальными ценностями которого выступают такие концепты, как истина, знание и исследование. Его участниками являются учёные, форматом взаимодействия служит научный диалог, а ключевой функцией – вербальное порождение и трансляция нового знания о действительности, осуществляемые в строгом соответствии с устоявшимися канонами научного общения [1].

Прежде чем вводить данное понятие в систему методических категорий, необходимо его переосмыслить и конкретизировать. Требуется такая трактовка научного дискурса, которая позволила бы выделить его ключевые характеристики, способные служить опорой в учебном процессе. Именно лингводидактический анализ научного дискурса составляет предмет настоящего исследования.

Обсуждение

В основе разрабатываемого подхода к обучению лежит следующая идея: формирование навыков письменного научного дискурса окажется результативным при условии, что учебный процесс будет выстроен на воспроизведении наиболее значимых, системообразующих свойств научного дискурса, обусловленных его пониманием как:

- 1) своеобразной модели речевого поведения, присущей членам научного сообщества и воплощающей их целевые установки и побудительные мотивы, устоявшиеся нормы и стереотипные модели, а также систему ценностей и идеологических взглядов, для воплощения которой необходим ряд специальных условий;

- 2) самостоятельного вида интеллектуальной деятельности, направленной на преобразование концептуальной идеи в структурированное текстовое высказывание с учётом конкретной коммуникативной цели и обстоятельств научного взаимодействия, обусловленной широким контекстом

научно-исследовательской практики и абстрактно-обобщённым характером мышления, задействованным в данном процессе;

3) результирующего продукта в виде завершённого, внутренне связного и упорядоченного научного текста, который отражает закономерности мыслительной деятельности учёного-автора, в том числе последовательные стадии становления научного знания, и одновременно служит отправной точкой для интерпретационной работы учёного-читателя.

Какими же характеристиками обладает научный дискурс? Для воспроизведения научного дискурса в образовательной среде необходимо выявить, систематизировать и адаптировать его ключевые характеристики, преобразовав их в элементы учебного процесса. Рассматривая научный дискурс сквозь призму деятельностного подхода, можно выделить два уровня его анализа. Во-первых, он разделяет универсальные черты любой деятельности: наличие побудительного мотива, конкретной цели, ориентации на результат, а также общей структурной организации, охватывающей этапы ориентирования, планирования, исполнения и контроля. Во-вторых, поскольку речь идёт об особом виде деятельности – познавательно-коммуникативном, – все перечисленные характеристики приобретают здесь специфическое выражение и реализуются принципиально иным способом [2].

Коммуникативная ситуация выступает определяющим фактором для научного дискурса, который представляет собой речевое поведение в области научного общения. Ключевые параметры дискурса – а именно то, каким образом осуществляется коммуникация – задаются через совокупность ситуативных характеристик, отвечающих на вопросы о субъектах общения, их целях, мотивах, предмете, месте и времени взаимодействия. В свёрнутом виде все эти характеристики аккумулируются в тексте, обладающем синергетической природой.

В рамках научного общения принято выделять несколько категорий типовых ситуаций, которые противопоставляются друг другу по ряду признаков: по характеру протекания они делятся на динамические и статические, по направленности – на центробежные и центростремительные, по функциональной роли – на формирующие и оценивающие, а по степени управленческого воздействия – на управляемые и управляющие.

Когда речь идёт об объяснительной интенции, ей соответствуют центробежные ситуации, отличающиеся изменчивостью и подвижностью тематики. Описательной же интенции, напротив, свойственны центростремительные ситуации, которые строятся на единстве и тематической целостности [3].

Статические ситуации, примером которых может служить доклад, предполагают одностороннее воздействие: выступающий стремится сформировать у аудитории определённый взгляд на те или иные явления дей-

ствительности, либо склонить слушателей к признанию истинности или ложности конкретных суждений о реальном мире. Иначе устроены динамические ситуации – такие как дискуссия: в их рамках участники обнаруживают, в каких точках их оценки совпадают, а в каких расходятся применительно к различным фрагментам окружающей действительности.

Ключевое различие между оценивающей и формирующей ситуациями состоит в следующем: если в первом случае автор целенаправленно убеждает адресата, опираясь на систему доказательств и аргументов в поддержку высказываемого тезиса, то во втором – позиция обоих участников коммуникации по отношению к передаваемой информации носит априорный характер и не предполагает её проверки или квалификации с точки зрения достоверности. Что касается разграничения управляемых и управляющих ситуаций, то оно основывается на том, совпадают ли или расходятся пресуппозиции коммуникантов, а также на соотношении их социальных статусов [4].

Научная коммуникация, с её многообразием поведенческих моделей, по всей видимости, полностью укладывается в рамки перечисленных типов ситуаций, которые в совокупности способны описать весь спектр взаимодействий в данной сфере.

Написание журнальной статьи, выступающей центральным элементом письменного научного дискурса, представляет собой статичную, оценочную и управляющую ситуацию: автор отстаивает определённую концепцию и стремится оказать воздействие на читателя, опираясь на неравенство пресуппозиций и сохраняя строгую верность заявленной теме. В противовес этому научная дискуссия носит принципиально иной характер – она динамична, центробежна и одновременно формирует коммуникативное пространство, оставаясь при этом управляемой.

Что касается субъектов научного общения, ими выступают представители исследовательского сообщества. Принципиально важной чертой их взаимодействия служит то, что ни один из учёных не располагает исключительным правом на обладание истиной – все участники коммуникации находятся в равном положении в этом отношении. Поскольку процесс познания не имеет конечной точки, каждый исследователь вынужден подходить с критической меркой не только к работам коллег, но и к собственным научным изысканиям. Субъект, участвующий в научном обмене информацией, представляет собой нечто большее, чем просто человека, воспроизводящего или фиксирующего мысли. Прежде всего, это активный исследователь, вовлечённый в процесс познания и выражающий его итоги в принятых в научном сообществе текстовых форматах. При этом данный субъект объединяет в себе как коллективные, так и сугубо личностные характеристики научного мышления: особенности познавательного подхода, интуитивные механизмы и индивидуальную ассоциативность [5].

Что касается ориентации на читателя, то здесь ключевую роль играет сама природа научного знания. Поскольку учёный стремится расширить и дополнить существующую картину мира, тот, кому адресовано его сообщение, неизбежно оказывается её хранителем и носителем. Адресат в научной коммуникации выступает не пассивным получателем информации, а активным участником познавательного процесса – равноправным партнёром и соучастником мышления. Именно поэтому он, будучи полноценным субъектом общения, выдвигает ряд требований к научному тексту, которые автор обязан принимать во внимание, если его целью является достижение эффективного взаимодействия.

Среди ключевых характеристик научного общения особое место занимает целенаправленность. В данной сфере принято выделять два главных коммуникативных намерения: во-первых, формирование у читателя или слушателя определённого представления о том или ином фрагменте реальности, а во-вторых, стремление убедить его в правомерности авторской позиции. При этом пишущий или говорящий может преследовать различные конкретные цели: констатировать факты и описывать явления, выдвигать доводы, доказывать или опровергать те или иные положения, а также проводить сравнительный анализ и формулировать обобщающие выводы.

Выбор жанра, речевой формы, грамматических и лексических средств построения дискурса определяется намерениями автора. Из целенаправленной природы дискурса прямо вытекает необходимость формировать дискурсивные навыки в ситуациях реального речевого взаимодействия, когда перед участниками стоят конкретные коммуникативные цели и задача оказать влияние на собеседника.

Научный дискурс существует в определённой среде, характерной для профессионального научного общения. Поскольку такое общение может реализовываться как в устной, так и в письменной форме, каждый из этих форматов предполагает свои типичные пространства: устный научный диалог естественно вписывается в обстановку конференц-залов, лабораторий, университетских кафедр и кабинетов исследователей, тогда как письменная коммуникация традиционно ассоциируется с библиотекой как её прототипным местом.

Основные результаты

Научно-познавательная деятельность представляет собой особую форму человеческой активности, результатом которой выступает производство нового знания – именно в этом контексте необходимо анализировать дискурсивную практику учёного. При этом тематическое пространство научного дискурса отличается значительной широтой охвата, а ключевым критерием его структурирования служит разграничение между естествен-

нонаучным и гуманитарным направлениями познания. Предметная наполненность любого дискурса определяется прежде всего тем, какая тема избирается в качестве смыслообразующего стержня сообщения – именно через неё и раскрывается его содержание.

Научное знание можно рассматривать с двух принципиально различных позиций: как статичный результат познавательной деятельности и как динамичный процесс получения этого результата. В зависимости от выбранного угла зрения структура знания приобретает разный вид. Если акцентировать внимание на содержательной стороне, выделяются три ключевых измерения: онтологическое, аксиологическое и методологическое. Если же рассматривать знание как живой процесс, не разрывая связи между субъектом и объектом познания, на первый план выходит его поступательное развёртывание – от постановки проблемы через формулировку гипотезы к её интерпретации и последующему обоснованию [6]. Под онтологическим измерением подразумевается предметная направленность знания: любое знание по своей природе соотносено с той реальностью, которая существует независимо от него и выступает объектом познания. Аксиологическое же измерение отражает то, каким образом ценностные установки познающего субъекта воплощаются и проявляются в ходе самого познавательного процесса.

Специфика дискурса как особого вида деятельности по созданию и восприятию текстов отражает общие закономерности структуры деятельности в целом.

Методологический аспект познания предполагает, что субъект, вовлечённый в познавательную деятельность, опирается на определённые способы обоснования и интерпретации получаемого знания. При этом когнитивный аспект охватывает совокупность форм, в которых это знание существует. На этапе планирования происходит реализация когнитивной стратегии: общая тема дискурса членится на отдельные микротемы, которые в своей совокупности формируют единое смысловое целое.

Прежде чем перейти к непосредственному построению дискурса, необходимо пройти этап ориентировки в речевой ситуации. Он предполагает осмысление целей и условий предстоящей коммуникации, составление психологического портрета адресата, а также определение жанровой принадлежности, стиля и типа планируемого высказывания.

В рамках фазы воплощения осуществляется применение ряда ключевых стратегий. Прежде всего, задействуется языковая стратегия, обеспечивающая точное словесное выражение предмета высказывания с опорой на специфику конкретной коммуникативной ситуации. Наряду с этим применяется стратегия, регулирующая произносительные и поведенческие аспекты речи, а также технику письма применительно к условиям той или иной ситуации общения. Немаловажную роль играет коммуникатив-

но-композиционная стратегия: она определяет логическое выстраивание содержания и жанровой формы высказывания, принимая во внимание закономерности восприятия как устной, так и письменной речи, а также индивидуальные характеристики аудитории.

Особое место занимает организация взаимодействия с получателем сообщения: говорящий отслеживает реакцию собеседника в процессе коммуникации, принимает во внимание особенности его восприятия и вносит необходимые коррективы в собственное речевое поведение, ориентируясь на достижение запланированного коммуникативного результата [5]. Редактирование высказывания в рамках контроля охватывает несколько этапов: текущий, итоговый, акциональный и посткоммуникативный.

Совокупность качеств научного дискурса, рассматриваемого в качестве деятельности, формирует основу для порождения речевого продукта – текста, обладающего рядом специфических характеристик. К таким характеристикам относятся: структурная организация, когезия, когерентность, информативность и интертекстуальность. Единицы различных уровней и природы, выполняющие неодинаковые функции, образуют систему членения текста. При этом их можно рассматривать как в совокупности – в качестве элементов, формирующих то или иное текстовое целое, – так и в отдельности, изучая каждую из них как независимый объект исследования. Что касается научного текста, его смысловая организация представляет собой трёхуровневое единство. Первый уровень отражает степень присутствия в тексте ключевых экстралингвистических факторов, связанных с определённым видом деятельности и соответствующей ему формой общественного сознания. Второй охватывает эпистемические и коммуникативные факторы, характерные для конкретной сферы общения. Третий уровень соотносится с эксплицитно выраженным содержанием отдельного произведения [7]. Наиболее абстрактные смысловые значения, отражающие универсальные характеристики типа мышления, формируют основу глубинного пласта смысловой структуры текста.

Закономерности творческого познания и особенности структурирования знания как результата целенаправленной интеллектуальной деятельности субъекта находят своё воплощение на втором уровне. Здесь же прослеживается рефлексия исследователя в ходе его продуктивной научной работы. Данный уровень организован как иерархически выстроенная система коммуникативных программ, которые обеспечивают последовательное выполнение необходимого комплекса мыслительных операций, формируя тем самым его смысловую структуру.

Содержательно-смысловой уровень, который точнее всего соответствует третьему уровню смысловой организации, непосредственно связан с понятием денотатного смысла. Данный уровень раскрывает главную

тему текста, последовательно разворачивающуюся через систему подтем и более дробных тематических единиц [5].

Когда исследователи начинают учитывать роль внеязыковых факторов в процессе становления научного текста, они приходят к принципиально новому пониманию его смысловой организации. Оказывается, что она представляет собой своеобразное отражение движения научной мысли – от возникновения проблемной ситуации через формулировку проблемы и выдвижение идеи к гипотезе, её последующему доказательству и, наконец, к итоговому закону или выводу. Таким образом, смысловая структура научного произведения воспроизводит логику познавательного процесса и фиксирует этапы зарождения и развития научной концепции. Формальная организация текста, в свою очередь, предполагает существование устойчивой прототипической структуры, что напрямую обусловлено наличием инварианта на уровне глубинной смысловой организации. Под инвариантом формальной структуры понимается совокупность текстовых компонентов, которые регулярно воспроизводятся и занимают фиксированное положение в рамках текстового целого. Ключевой единицей при анализе композиционно-смысловой организации научного текста выступает коммуникативный блок. Именно через эту содержательную единицу в научном тексте находит своё выражение поэтапность познавательно-коммуникативного процесса, а также выстраивается его поверхностная композиционно-смысловая структура.

В ходе анализа были определены следующие смысловые блоки коммуникации: формулировка проблематики, выдвижение гипотетических предположений, обозначение цели и задач, исторический обзор рассматриваемого вопроса, описание экспериментальных этапов, теоретическое моделирование исследования, введение в тему и итоговые заключения. Поскольку каждый структурный уровень представляет собой потенциальный источник затруднений и ошибок для учащихся, изучение и систематизация этих уровней, а также создание на их основе учебных материалов играют ключевую роль в процессе освоения дискурса. Неотъемлемыми характеристиками текста выступают когерентность и когезия – его смысловая целостность и структурная связность, которые находятся в непосредственной взаимосвязи с организацией текста как системы.

Когерентность и когезия, при широкой трактовке понятия связности, представляют собой две самостоятельные характеристики текста: первая отражает его внутреннюю организацию, вторая – внешнюю [2]. Таким образом, когезия служит формальным воплощением когерентности. Содержательная целостность и структурная связность – два неотделимых друг от друга критерия, без которых текст не может считаться полноценным. Целостность проявляется в единстве авторского замысла и комму-

никативной направленности, а также в сосредоточенности текста вокруг единой темы. Что касается связности, то она находит своё выражение во внешних, формальных взаимозависимостях между составными частями текста – через структурные показатели, которые связывают его компоненты между собой. Несмотря на различную природу этих двух признаков, они постоянно взаимодействуют и пересекаются.

Тематическое единство текста достигается за счёт того, что ключевые понятия последовательно воспроизводятся на протяжении всего произведения – посредством синонимических замен и повторной номинации. Основу этого единства составляет референциальное тождество: различные слова и их заместители неизменно указывают на один и тот же предмет описания. Если рассматривать текст с точки зрения его организации, то категория целостности выводит нас на уровень содержания и коммуникативного устройства, тогда как категория связности определяет его формальную, структурную сторону [3]. Научный тип дискурса отличается особой насыщенностью межтекстовыми связями. Интертекстуальность выступает здесь не случайным явлением, а одним из фундаментальных признаков, поскольку обращение к устоявшимся прецедентным текстам и закреплённым в них концептам составляет неотъемлемую основу научного познания и коммуникации. Научный текст по своей природе неизбежно строится на принципе интертекстуальности, который в содержательном отношении отражает незавершённый и всегда открытый диалог между участниками познавательного процесса. Этот диалог одновременно служит механизмом творческого переосмысления как уже накопленных, так и вновь создаваемых знаний, обеспечивая тем самым непрерывность научного прогресса и выступая формой диалогического взаимодействия, неотделимой от самого познания. Что касается формального выражения, интертекстуальность в научном дискурсе всегда получает явное, эксплицитное обозначение. Её основными проявлениями становятся интерпретация предшествующих текстов, их критическое осмысление и развёрнутый комментарий к ним [8].

В контексте развития современных средств мультимедиа все большее значение приобретает такие экстралингвистические составляющие дискурса как поликодовость и креолизация.

Под полимодальными материалами понимаются материалы, в представлении которых задействовано обращение к различным, т.е. более, чем одной, модальностям восприятия обучающихся. Под модальностями подразумеваются индивидуальные особенности восприятия: традиционно выделяемые зрительная (визуальная), слуховая (аудиальная), осязательная (гаптическая, кинестетическая), обонятельная (ольфакторная), вкусовая. Важным представляется отметить, вслед за Е.Д. Таликиной, что «... модальность является как характеристикой восприятия человека (способ

получения информации), так и характеристикой воспринимаемого (форма информации)» [9].

Под креолизованными текстами, так же как и ранее [10], понимаются тексты, в которых вербальные и невербальные составляющие образуют единое целое, комплексно воздействующее на адресат. Невербальные знаки различных семиотических систем (например, иллюстрации, таблицы, формулы, отчеркивания, цветовые выделения) нередко являются неотъемлемой частью научно-технического дискурса, в рамках которого и существует иноязычная профориентированная компетенция технического специалиста.

Наиболее часто задействованными при изучении иностранного языка модальностями называются зрительная и слуховая – обучающийся видит текст и слышит звучание речи. Полимодальные средства представления учебного материала, в которых задействовано обращение именно к этим двум модальностям, повсеместно применяются как на аудиторных занятиях, так в дистанционных курсах по дисциплинам, связанным с изучением иностранного языка.

Для обучающихся инженерных направлений и специальностей наиболее часто находят применение учебные материалы, основывающиеся на зрительной модальности, а именно различного рода тексты, как учебные (для обучающихся по программам бакалавриата и специалитета), так и аутентичные (для обучающихся по программам магистратуры и проходящих подготовку в аспирантуре), причем большая доля этих текстов, апеллирующих к зрительной модальности восприятия, является креолизованными текстами.

По мнению исследователей, наличие визуального образа в тексте в среднем повышает восприятие последнего до 55 % [11], причем в научно-популярном тексте невербальный компонент дополняет текст, придавая ему наглядность, а в научно-технических текстах невербальный компонент может становиться настолько важным, что его утрата может исказить понимание текста в целом [12].

С точки зрения психологии, требующий вербализации невербальный элемент КТ может восприниматься как требующая завершения задача. Общеизвестно, что незавершенные переживания (действия, задачи) значительно более актуальны для человека, чем завершенные, и человек демонстрирует стремление завершить их. В психологии это явление получило название эффекта Зейгарник, дидактические возможности которого на сегодняшний день отмечает методика преподавания иностранного языка [13].

Включение в речь невербальных элементов научно-технического текста требует их вербализации. Сами по себе невербализованные, т.е. не получившие своего вербального описания и «требующие» вербализации для

включения в речь, элементы креолизованного текста побуждают обучающегося к созданию речевого произведения, являясь, стимулом к речевой деятельности. Таким образом, можно заключить, что само по себе наличие невербальных элементов в научно-техническом тексте создает повод для построения высказывания. Поэтому включение в учебный процесс текстов и материалов с невербальными компонентами, которые, являясь своеобразными «опорами», облегчат понимание текста будут стимулировать студентов сначала к его воспроизведению, а затем и к созданию собственных речевых произведений.

В качестве учебных материалов при обучении иноязычной профориентированной коммуникативной компетенции целесообразным представляется подбирать аутентичные тексты с более высокой степенью креолизации, а при создании упражнений на развитие навыков говорения включать в них невербальные элементы. Это могут быть фотографии, чертежи, планы, с помощью которых можно описывать внешний вид зданий, сооружений, машин, механизмов и их устройство/ структуру. Принципы работы приборов, механизмов, машин можно описать с помощью схем, а процессы изменений каких-либо характеристик помогут описать диаграммы и графики.

Например, обучающимся, ознакомившимся с лексическими единицами, употребляющимися для описания графиков, предлагается дорисовать незавершенный график/диаграмму на основе прослушанного или прочитанного текста, или же, наоборот, дополнить текст на основе прилагающегося графика/диаграммы. В качестве итогового упражнения обучающийся самостоятельно выполняет описание графика/диаграммы.

Важным невербальным компонентом текста научно-технического дискурса являются цифровые обозначения, которые имеют особое значение для научно-технического дискурса, поскольку данный вид дискурса насыщен численно выраженной информацией, и она играет в нем важную, иногда ключевую, роль; поэтому работа с ней требует особого внимания в процессе обучения. Обучающиеся выполняют упражнения в назывании различных чисел, мер в различных системах измерения; прослушивают тексты различных жанров и тематики с целью услышать и зафиксировать численные выражения различных единиц; соотносят различную численно выраженную информацию с фактами текста; составляют различные, с том числе профессионально-ориентированные, высказывания с целью употребления численно выраженной информации в речи.

Также для научно-технического дискурса характерно представление информации в табулированном виде, чему способствует широко используемый метод сравнения различных качественных и количественных характеристик каких-либо предметов или явлений. Такие качественные и количественные характеристики, но в дидактических целях, можно также

представлять в виде таблиц. Например, обучающимся предлагается заполнить таблицу по материалам прослушанного или прочитанного текста, составить предложения на материале заполненной таблицы. В качестве итогового упражнения обучающимся предлагается развернуть в текст-описание информацию, представленную в виде аналогичной таблицы.

Заключение

Таким образом, с точки зрения методики преподавания, в рассмотренной концепции научного дискурса можно выделить два ключевых момента: прежде всего, поскольку дискурсивная деятельность охватывает как рецептивные, так и продуктивные процессы, обучение письменному дискурсу неизбежно должно включать два взаимосвязанных компонента – понимание и интерпретацию чужих текстов при чтении, а также самостоятельное создание собственных текстов при письме. Кроме того, двойственная природа научного дискурса, выражающаяся в его одновременном существовании и как процесса, и как результата, диктует особые требования к организации обучения: необходимо воссоздать как деятельностные характеристики дискурса – его этапность и стратегическую составляющую, – так и его характеристики как готового продукта.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 2-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2022. 264 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2021. 560 с.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореферат диссертации доктора филологических наук / Г.И. Богин. – Ленинград, 1984. 38 с.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; перевод с английского. – Москва: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – Москва: ЛЕНАНД, 2020. 248 с.
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 томах / М.М. Бахтин. – Москва: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159-206.
7. Сусов И.П. Введение в языкознание / И.П. Сусов. – Москва: АСТ: Восток–Запад, 2007. 379 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. 139 с.
9. Таликина Е.Д. Полиmodalность в обучении рецептивным видам речевой деятельности / Е.Д. Таликина // Иностранные языки в школе. 2021. № 9. С. 91-96.
10. Карякина Ю.Н., Кораблёва С.А., Синельникова В.Н. Креолизованный текст как средство формирования иноязычной профоринированной коммуникативной компетенции у студентов инженерных специальностей // Профессиональное лингвообразование: материалы тринадцатой международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 171-175.
11. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 75-80.
12. Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Психолингвистические методы исследования

креолизованного текста // Полит. наука. 2017. № 2. С. 126-137.

13. Янченко В.Д. Обучающий потенциал эффекта Зейгарник в преподавании русского языка как иностранного // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 178-183.

14. Суздалева Т.Р. Игроки политической модернизации современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 54-61.

References

1. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality / Yu.N. Karaulov. – 2nd ed. – Moscow: Flinta: Nauka, 2022. 264 p.
2. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Path to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World / E.S. Kubryakova. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2021. 560 p.
3. Bogin G.I. Model of Linguistic Personality in Its Relation to Types of Texts: Abstract of a Doctor of Philological Sciences Dissertation / G.I. Bogin. – Leningrad, 1984. 38 p.
4. Dijk T.A. van. Language. Cognition. Communication / T.A. van Dijk; translated from English. – Moscow: Progress, 1989. 312 p.
5. Chernyavskaya V.E. Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity / V.E. Chernyavskaya. – Moscow: LENAND, 2020. 248 p.
6. Bakhtin M.M. The problem of speech genres / M.M. Bakhtin // Collected Works: in 7 volumes / M.M. Bakhtin. – Moscow: Russian Dictionaries, 1996. Vol. 5. P. 159-206.
7. Susov I.P. Introduction to linguistics / I.P. Susov. – Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 379 p.
8. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research / I.R. Galperin. – Moscow: Nauka, 1981. 139 p.
9. Talikina E.D. Polymodality in teaching receptive types of speech activity / E.D. Talikina // Foreign Languages at School. 2021. № 9. P. 91-96.
10. Karyakina Yu.N., Korableva S.A., Sinelnikova V.N. Creolized Text as a Means of Developing Foreign-Language Career-Oriented Communicative Competence in Engineering Students // Professional Linguistic Education: Proceedings of the Thirteenth International Scientific and Practical Conference. – Nizhny Novgorod: RANEPa, 2019. P. 171-175.
11. Voroshilova M.B. Creolized Text: Aspects of Study // Political Linguistics. 2007. № 21. P. 75-80.
12. Voroshilova M.B., Zlokazov K.V. Psycholinguistic Methods of Studying Creolized Text // Polit. science. 2017. № 2. P. 126-137.
13. Yanchenko V.D. The Educational Potential of the Zeigarnik Effect in Teaching Russian as a Foreign Language // Teacher XXI Century. 2015. № 1. P. 178-183.
14. Suzdaleva T.R. The players of the political modernization of modern Russia // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 54-61.

Полякова Я.Н.

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Вилкова А.В.

Доктор педагогических наук, профессор заместитель начальника. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Система воспитательной работы пенитенциарной системы России*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе.

Цель воспитательной работы пенитенциарной системы является исправление осужденного.

Методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация, методы убеждения и стимулирования.

Система воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе (УИС) – это сложный педагогический и социальный процесс, призванный разорвать порочный круг преступности.

Ключевые слова воспитательная система, осужденные, исправление, уголовно-исполнительная система, законодательство.

Polyakova Ya.N.

Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service".

Vilkova A.V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Head, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service".

The system of educational work of the penitentiary system of Russia

Abstract. The article discusses the issue of educational work in the penal system.

The purpose of the educational work of the penitentiary system is to correct the convict.

Research methods: analysis of scientific literature and regulatory documentation, generalization, classification, methods of persuasion and stimulation.

The system of educational work in the penal system (UIS) is a complex pedagogical and social process designed to break the vicious circle of crime.

Key words: educational system, convicts, correction, penal system, legislation.

* © Полякова Я.Н., Вилкова А.В., 2026.

Введение

Система воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе (УИС) представляет собой комплекс целенаправленных, организованных и нормативно закреплённых мер, применяемых к осуждённым для их исправления, ресоциализации и подготовки к полноценной жизни в обществе после освобождения¹.

В Российской Федерации основы этой системы заложены в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ), в частности в статье 9 (Цели и задачи исполнения наказаний) и статье 109 (Воспитательная работа с осуждёнными к лишению свободы).

Методы исследований

При подготовке материалов статьи были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация, а также методы убеждения и стимулирования.

Результаты и обсуждение

Согласно российскому законодательству, главной целью наказаний, связанных с изоляцией от общества, является исправление осуждённого. В пенитенциарной педагогике под исправлением понимается не полная перелка личности, а формирование у осуждённого².

1. уважительного отношения к человеку, обществу, труду и нормам морали;

2. правосознания и понимания содеянного;

3. устойчивой мотивации к законопослушному поведению (предупреждение рецидива).

Задачи воспитательной работы:

4. нейтрализация криминогенных установок и агрессивного поведения;

5. повышение образовательного и культурного уровня;

6. оказание психологической помощи и коррекция девиантного поведения;

7. подготовка к освобождению (социальная адаптация, помощь в восстановлении документов, поиске работы и жилья).

Воспитательный процесс в местах лишения свободы строится на строгих принципах:

Законность: строгое соблюдение прав человека и норм УИК РФ;

Гуманизм: уважение человеческого достоинства осуждённого, запрет на жестокое обращение;

1 Митькина А.В. Психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя / А.В. Митькина // В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник материалов открытой научно-практической конференции. Воронеж, 2010. С. 386-397.

2 Фадеева С.А. Патриотическое воспитание молодежи как актуальная стратегия деятельности структурных подразделений УИС / С.А. Фадеева, А.В. Вилкова // Антропология. 2024. № 2 (14). С. 23-26.

Дифференциация и индивидуализация: учет характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, его возраста, пола и поведения при выборе форм воспитания;

Комплексность: сочетание воспитательных, психологических, социальных и трудовых мер.

Основные направления воспитания взаимосвязаны. Система включает в себя несколько взаимосвязанных направлений³:

1. Нравственное воспитание: формирование совести, эмпатии, чувства ответственности. Часто проводится через обсуждение моральных дилемм, работу с литературой и искусством.

2. Правовое воспитание: ликвидация правовой безграмотности. Осужденные изучают свои права и обязанности, основы Конституции, семейного и трудового права. Это помогает им понять границы дозволенного.

3. Трудовое воспитание: приобщение к общественно полезному труду. Труд в УИС не является самоцелью (принудительный труд запрещен), но он служит средством социализации, получения профессиональных навыков (через ПУ и учебные центры при колониях) и заработка для погашения исков потерпевшим.

4. Психологическое воспитание (коррекция): работа штатных психологов включает тренинги по управлению гневом, профилактику суицидов, работу с зависимостями (алкогольной, наркотической) и помощь в разрешении внутренних конфликтов.

5. Эстетическое и культурное воспитание: организация кружков, самодеятельности, библиотек, кино клубов, художественных студий. Творчество является мощным инструментом сублимации агрессии.

6. Физическое воспитание: занятия спортом, проведение спартакиад. Спорт дисциплинирует, снимает психоэмоциональное состояние и учит работать в команде.

7. Духовно-нравственное (религиозное) воспитание: сотрудничество с представителями традиционных конфессий (в первую очередь с Русской Православной Церковью, а также исламскими, буддийскими и иудейскими организациями). Священнослужители проводят беседы, совершают обряды и помогают в духовном поиске.

Формы и методы работы⁴

– индивидуальные формы: личные беседы, психологическое консультирование; наставничество, составление индивидуальных программ работы

3 Полякова Я.Н. Образовательная система как совокупность элементов образовательной деятельности в уголовно-исполнительной системе / А.В. Вилкова, Я.Н. Полякова // Антропология. 2024. № 2 (14). С. 4-8.

4 Вилкова А.В. Модели планов внеурочной деятельности в воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных / А.В. Вилкова, С.А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С. 69-76.

с лицами, склонными к суициду или агрессии (профилактический учет);

- групповые и коллективные формы: лекции, тематические вечера, диспуты, клубы по интересам, собрания отрядов, соревнования;
- методы убеждения: разъяснение, совет, одобрение;
- методы стимулирования: применение мер поощрения (благодарность, разрешение на дополнительное свидание или посылку, денежная премия) и мер взыскания (выговор, водворение в ШИЗО) с обязательным воспитательным разбором проступка.

Субъекты воспитательной работы⁵.

Воспитанием осужденных занимается не только администрация колонии или СИЗО. В процесс вовлечены:

- сотрудники УИС: начальники отрядов (воспитатели), оперуполномоченные, социальные работники, психологи;
- общественные организации: общественные наблюдательные комиссии (ОНК), правозащитники, волонтеры;
- религиозные организации;
- образовательные учреждения: учителя вечерних школ, работающих на территории исправительных учреждений;
- родственники и близкие: поддержание социально полезных связей считается важнейшим фактором исправления, поэтому администрация поощряет частые свидания и переписку.

Современные тенденции и проблемы.

Современная система воспитательной работы в УИС находится в процессе реформирования и гуманизации:

- фокус на ресоциализацию: смещение акцента с карательной функции на подготовку человека к жизни на свободе. Внедряются программы «Школа подготовки к освобождению»;
- внедрение новых технологий: использование дистанционного обучения, электронных библиотек и специализированных компьютерных программ для психологической разгрузки (с соблюдением строгих мер безопасности);
- проблемы: главными проблемами остаются высокая скученность учреждений, дефицит квалифицированных кадров (психологов и социальных педагогов), высокий процент лиц с психическими отклонениями или тяжелыми зависимостями, а также стигматизация бывших осужденных в обществе, которая сводит на нет результаты тюремного воспитания.

5 Вилкова А.В. Зависимость общения несовершеннолетних осужденных от уровня организации воспитательного процесса в колонии / А.В. Вилкова // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс, материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова, Самара, 2024. С. 68-71.

Вывод

Система воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе (УИС) – это сложный педагогический и социальный процесс, призванный разорвать порочный круг преступности. Ее успех зависит не только от условий содержания, но и от совместных усилий государства, общества и самого осужденного.

Библиографический список

1. Митькина А.В. Психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя / А.В. Митькина // В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник материалов открытой научно-практической конференции. Воронеж, 2010. С. 386-397.
2. Фадеева С.А. Патриотическое воспитание молодежи как актуальная стратегия деятельности структурных подразделений УИС / С.А. Фадеева, А.В. Вилкова // Антропология. 2024. № 2 (14). С. 23-26.
3. Полякова Я.Н. Образовательная система как совокупность элементов образовательной деятельности в уголовно-исполнительной системе / А.В. Вилкова, Я.Н. Полякова // Антропология. 2024. № 2 (14). С. 4-8.
4. Вилкова А.В. Модели планов внеурочной деятельности в воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных / А.В. Вилкова, С.А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С. 69-76.
5. Вилкова А.В. Зависимость общения несовершеннолетних осужденных от уровня организации воспитательного процесса в колонии / А.В. Вилкова // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс, материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова, Самара, 2024. С. 68-71.
6. Долженко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Деловая игра как форма активного обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 28-33.

References

1. Mitkina A.V. Psychological and pedagogical characteristics of the personality of the educator / A.V. Mitkina // In the collection: Actual problems of the activities of the divisions of the Penal System. Collection of materials of the open scientific and practical conference. Voronezh, 2010. P. 386-397.
2. Fadeeva S.A. Patriotic education of youth as a relevant strategy for the activities of the structural divisions of the Penal System / S.A. Fadeeva, A.V. Vilkova // Anthropology. 2024. № 2 (14). P. 23-26.
3. Polyakova Ya.N. The educational system as a set of elements of educational activity in the penal system / A.V. Vilkova, Ya.N. Polyakova // Anthropology. 2024. № 2 (14). P. 4-8.
4. Vilkova A.V. Models of Extracurricular Activity Plans in a Juvenile Correctional Colony / A.V. Vilkova, S.A. Fadeeva // In the collection: Scientific Works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and Practical Quarterly Publication. Moscow. 2024. P. 69-76.
5. Vilkova A.V. Dependence of Communication of Juvenile Convicts on the Level of Organization of the Educational Process in the Colony / A.V. Vilkova // In the collection: Criminal-executive system: legislation, policy, process, materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 30th anniversary of the foundation of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, dedicated to the memory of the Russian scholar and penitentiary specialist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov, Samara, 2024. P. 68-71.
6. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Business game as a form of active training // Ethnosocium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 28-33.

Лаврикова И.Н.

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры правовой и гуманитарной подготовки. Тверской филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Тверь. SPIN-код: 8325-0436

Эмоциональное выгорание и «тихое увольнение»: современный деонтологический тезаурус*

Аннотация. Заметным явлением последних лет на рынке труда стала ситуация «тихого увольнения» («ухода в тень» или «тихого ухода»), описанию которого посвящены публикации в российских и зарубежных научных изданиях. Поскольку отечественная наука освещает происходящее не столь активно, данная статья призвана привлечь внимание к феномену как к тенденции, обобщить теоретические положения столь устойчивого сценария в трудовой коммуникации. В частности, рассматриваются его признаки и последствия, приводящие к некомфортным условиям сотрудничества, и, как следствие, к снижению эффективности компании.

В статье исследуются основания для трансформации подходов к управлению человеческими ресурсами в условиях распространения феномена «тихого увольнения». Обосновывается необходимость пересмотра принципов современного менеджмента на любом уровне, что позволит не только предотвращать развитие сценария «тихого увольнения», но и способствовать формированию среды для устойчивой лояльности и продуктивности персонала.

Ключевые слова: вовлеченность сотрудников, выгорание, гибкие формы работы, менеджмент, мотивация персонала, организационная культура, осмысленность труда, профессиональный стресс, синдром эмоционального выгорания, «тихое увольнение», управление человеческими ресурсами, эмоциональный интеллект.

Lavrikova I.N.

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Legal and Humanities Studies. Tver Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tver. SPIN-code: 8325-0436

Emotional burnout and «quiet quitting»: a modern deontological thesaurus

Abstract. A notable phenomenon in recent years in the labor market has been the situation of «quiet quitting» («going underground» or «quiet departure»), which has been described in publications in Russian and foreign scientific journals. Since domestic science does not cover this phe-

* © Лаврикова И.Н., 2026.

Эмоциональное выгорание и «тихое увольнение»: современный деонтологический тезаурус

nomenon as actively, this article is intended to draw attention to the phenomenon as a trend and to summarize the theoretical provisions of such a persistent scenario in labor communication. In particular, its signs and consequences are examined, which lead to uncomfortable working conditions and, as a result, to a decline in the company's efficiency.

The article examines the grounds for transforming approaches to human resource management in the context of the spread of the «quiet quitting» phenomenon. It substantiates the need to revise the principles of modern management at any level, which will not only help prevent the development of the «quiet quitting» scenario but also contribute to creating an environment conducive to sustained staff loyalty and productivity.

Key words: employee engagement, burnout, flexible working, management, staff motivation, organizational culture, work meaningfulness, occupational stress, burnout syndrome, «quiet quitting», human resource management, emotional intelligence.

Цифровая революция с ее возможностями, которые способствуют быстрому и многостороннему диалогу, «обнажила» существование новой тенденции в системе организации труда: в данном случае речь идет о феномене, названном «quiet quitting»¹ («тихое увольнение» или «тихий уход»). Использование определения «тихий» оправдано, в том числе, смыслом «скрытый» или «закрытый», что лишний раз обращает наше внимание на глубину содержания слова.

Новое понятие удачно прижилось, первоначально характеризуя формулу отношения к рабочему процессу, обсуждаемому в пространстве социальных сетей в среде молодежной возрастной группы²: «[Вы] не увольняетесь в прямом смысле слова, а избавляетесь от идеи отдавать себя работе целиком и полностью; [ваша] ценность как личности не определяется вашей продуктивностью на работе» [об этом более подробно см: 5, с. 260].

Состояние «тихого увольнения» (quiet quitting)³ затронуло и корпо-

1 Составители британского словаря английского языка Collins в 2022 году понятию «тихое увольнение» присвоили уровень «слово года» [цит. по: Устинков О. «Тихое увольнение»: новый тренд на рынке труда набирает обороты [Электронный ресурс]. // URL: <https://samara.hh.ru/article/31073> (Дата обращения: 04.09.2026)].

2 В настоящее время использование подобной лексики при характеристике трудового процесса перестало быть принадлежностью исключительно молодежной аудитории. По результатам социологического опроса Gallup, в мире лишь 21 % людей по-настоящему увлечены своей работой; остальные руководствуются в своем отношении к работе выражениями «работать ради зарплаты», «жить ради выходных», «отсиживать часы» и т.п. [Новый тренд – люди по всему миру массово увольняются, но делают это «тихо». Что происходит? [Электронный ресурс]. // URL: <https://money.onliner.by/2022/09/04/novyy-trend-lyudi-massovo-uvolnyayutsya-po-tixo-etokak> (Дата обращения: 04.09.2026), цит. по: Лебедева Е.В. «Тихое увольнение» как феномен современной системы организации труда / Е.В. Лебедева // В сборнике: Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2025. с. 260].

3 Согласно Е.Д. Радько, о распространении «тихого увольнения» в России можно судить как по замечаниям экспертного сообщества (Выдавливание и токсичность: как рабо-

ративную среду России. На происходящее следует обратить внимание не только в связи с тенденцией снижения производительности труда, но и потому, что подобный процесс есть свидетельство «кризиса трудовой мотивации и лояльности», – читаем мы у С.Е. Чебыкиной и Е.Д. Колташовой. Авторы отмечают пропорциональную зависимость между изменением трудовых ценностей/ожиданий сотрудников и необходимостью иных управленческих решений в среде персонала компаний всех отраслей, начиная «от IT-сектора до традиционного производства». Процессы, происходящие в современной трудовой сфере, вынуждают пересматривать основные инструменты удержания кадрового резерва (материальное стимулирование, карьерный рост), поскольку в реальном мире они перестают быть эффективными. По мнению С.Е. Чебыкиной и Е.Д. Колташовой, «тихое увольнение» – это комплексное следствие, своего рода, симптом «эмоционального выгорания, потери осмысленности труда и нарушения психологического контакта между работником и работодателем» [13, с. 12].

Проявления феномена стали настолько заметны в России, что не составило труда ознакомиться с внушительным библиографическим списком исследований его природы⁴. Предлагаю последовательно ознакомиться с сутью явления, проанализировав уже имеющиеся результаты. Считаю, что подобное реферирование – это и отклик на происходящее в системе труда, и возможность, через систематизацию повторяющихся признаков, глубже осмыслить природу «quiet quitting».

Итак, по мнению ученых, исследовавших феномен, суть интересующе-

родатели реагируют на «тихое увольнение» // Forbes. 26.04.2023. // URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/488327-vydavlivanie-i-toksnost-kakrabotodatel-reagiruut-na-tihoe-uvol-nenie> (Дата обращения: 29.07.2026), так и данным смежных исследований (на пример, согласно недавнему исследованию Get Experts (Россияне все меньше думают о карьере // Ведомости. 16.11.2023. // URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2023/11/16/1006098-rossiyane-vse-menshe-dumayut-o-karere> (Дата обращения: 29.07.2026), 41 % респондентов стремятся к соблюдению баланса работы и личной жизни, при том что ранее, еще пять лет назад, в числе ведущих факторов нематериальной мотивации были профессиональное развитие и карьера; в исследовании Работа.ру и СберЗдоровье (26 % россиян отмечают максимальный уровень выгорания на работе // Работу.ру. 17.11.2023. // URL: <https://press.rabota.ru/26-rossiyan-otmechayut-maksimalniy-uroven-vygoraniya-na-rabote> (Дата обращения: 29.07.2026), проведенном в октябре 2023 г., отмечается, что 26 % респондентов испытывают максимальную степень профессионального выгорания, на 4 балла из 5-ти оценивают его еще 20 % опрошенных, на 3 балла – 25 %) [об этом более подробно см: Радько, Е.Д. «Тихое увольнение» как новый тренд на рынке труда // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24. № 1. С. 8].

4 Бережная, М.С. «Тихое увольнение» в российских организациях: диагностика и профилактика / М.С. Бережная // Самоуправление. 2023. № 3 (136). С. 5-8; Демичева А.С. Психологические причины развития феномена «тихий уход» у сотрудников сферы продаж / А.С. Демичева, В.Е. Петров // В сборнике: Модернизация России: ключевые проблемы и направления их решения. Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам международных научно-практических конференций в декабре 2023 года. Москва, 2024. С. 55-69; Денисова Е.В. «Тихое увольнение» – новая угроза экономике / Е.В. Денисова, Г.В. Петрова // Менеджмент в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 94-99 и др.

го нас явления заключена в следующем: специалист выполняемую работу не любит, но и не увольняется, при этом он строго придерживается требований должностной инструкции (объемов обозначенной работы, распорядка дня и пр.). Таким образом, приняв для себя ситуацию «тихого увольнения», сотрудник не делает ничего сверх того, что оговорено в трудовом соглашении. Другими словами, человек не желает свою личную жизнь встраивать/подчинять трудовому потоку. Е.В. Лебедева указывает на крайне негативное отношение со стороны работодателей к такому поведению подчиненного: ведь, в таком случае, подразумевается строгое выполнение обязанностей «в соответствии с должностными инструкциями и отказ от дополнительной и, зачастую, неоплачиваемой нагрузки»⁵ [5, с. 261].

Согласно И.И. Саенко, «тихое увольнение» – это не только официально-формальное продолжение рабочей деятельности, но и на психологическом уровне дистанцирование от нее. В таком случае, признаки «тихого увольнения» выглядят следующим образом: во-первых, эмоциональная отстраненность (исключение различных активностей и пр.); во-вторых, строгое соблюдение рабочего режима («ни минутой позже, ни минутой раньше»)⁶; в-третьих, наблюдается ухудшение здоровья как психологического (стресс, выгорание, депрессия), так и физического (бессонница, постоянные головные и позвоночные боли, ухудшение зрения); в-четвертых, ухудшаются профессиональные показатели (минимизация затрат собственных ресурсов, выполнение определенного минимума обязанностей) [8, с. 383-384].

Обозначив характеристики интересующего нас феномена, выделим базовые основания по так называемому «уходу в тень» – на сегодняшний день уже выработаны ряд таких классификаций. Например, согласно

5 Наиболее ярко подобное поведение демонстрирует поколение т.н. «зумеров» (поколение Z, представители которого родились с 1995 г. по 2012 г.), которые в настоящее время свою карьеру лишь начинают. Современные работодатели, ожидающие, что смогут их подвергнуть эксплуатации на волне карьерных устремлений, существуют в пространстве, как показывают реалии, устаревших методик [Зумер встал и вышел: почему происходит «голые увольнения» и как их избежать [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/518908-zumer-vstal-i-vysel-pocemu-proishodit-golye-uvol-nenia-i-kak-ih-izbeza> (Дата обращения: 28.07.2026)]. Аналитические данные свидетельствуют: «зумеров» в значительной мере волнует «ценность личной свободы» на фоне отвержения традиционных представлений о работе (например, необходимость упорного труда в купе с отсутствием условий для самореализации), заметим, даже в ситуации персональной финансовой нестабильности. Опрос Deloitte показал, что 40 % представителей «поколения Z» уже сейчас хотят уйти из организаций, в которых они работают, в течение ближайших двух лет, причем больше трети из них (35 %) готовы уволиться, даже еще не найдя новую работу [об этом более подробно см: Горская, Л.С. «Тихое увольнение» – новое явление в управлении персоналом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия экономика и право. 2024. № 5. С. 21-24].

6 В длительном проживании «тихого увольнения» человек позволяет себе опаздывать на работу, не опасаясь констатации прогулов.

классификации Е.В. Лебедевой, таких факторов следует выделить три, а именно: 1) чрезмерные нагрузки и стресс, связанные с переработками; 2) выгорание и демотивация сотрудников в тех случаях, когда организация проводит политику жестокой оптимизации для увеличения эффективности труда; 3) переоценка личных жизненных ценностей⁷ и приоритетов, когда собственные жизненные приоритеты становятся важнее переработок [цит. по 5, с. 262].

Характеризуя «уход в тень», И.И. Саенко расширяет спектр причин, традиционно перечисляемых исследователями феномена: помимо отсутствия баланса между работой и личной жизнью и несправедливых условий труда (низкая заработная плата, не гибкий график, отсутствие выбора деятельности, ограниченные возможности карьерного роста), автор указывает на токсичность рабочей среды (постоянные конфликты внутри рабочей группы, распространение сплетен, с прямой целью пошатнуть положение коллег, непосредственное отсутствие поддержки на фоне нездоровой конкуренции)⁸ [цит. по: 8, с. 385; 9, с. 12].

Для полноты понимания природы феномена представим классификацию факторов его появления, разработанную Т. Махандом и К. Колдуэллом [14, р. 10-12; цит. по 7, с. 9]. Согласно данной систематизации, к катализаторам «quiet quitting» возможно отнести: отсутствие стремления к карьерному развитию сотрудников (1); неспособность ценить работников (2); растущая разобщенность сотрудников (3); важность автономии сотрудников⁹ (4); снижение организационного доверия¹⁰ (5).

Проведем некоторую детализацию вышеперечисленных факторов, при этом особое внимание уделим состояниям выгорания и демотивации. В частности, известны публикации результатов исследований от 2025 года, в которых М.Ю. Балашова проводит детальный анализ «питательной среды» для развития СЭВ¹¹. По мнению автора, ключевое значение для развития

7 Пусть весь мир подождет. Будут ли в России практиковать «тихое увольнение» [Электронный ресурс]. // URL: https://aif.ru/health/psychologic/pust_ves_mir_podozhdet_budut_li_v_rossii_praktikovat_tih_oe_uvolnenie (Дата обращения: 07.08.2026).

8 Выгорание и полное безразличие: в чем причины феномена «тихого увольнения». [Электронный ресурс]. // URL: [uvolnenie.html?ysclid=miolsuxu4x856823496](https://aif.ru/health/psychologic/uvolnenie.html?ysclid=miolsuxu4x856823496) (дата обращения: 28.07.2026).

9 Микроменеджмент: что это, чем опасен и как от него уйти // РБК. 12.05.2022. // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/627c1f3b9a7947c523ada424> (Дата обращения: 30.07.2026).

10 По мнению В.Н. Мининой, доверие есть неосязаемый актив компании, обладание которым «способствует повышению организационной эффективности» [Минина, В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Менеджмент. 2012. № 2. С. 127].

11 Понятие «синдром эмоционального выгорания» введено в психологию американским психиатром Г. Фрейденбергером в 1974 году [Малышева, Е.К. Синдром эмоционального выгорания сотрудников социальной сферы и практические рекомендации по его профилактике // Молодой ученый. 2022. № 48. С. 494-496]. Синонимичные названия – эмо-

подобного состояния играет «неблагоприятный организационный климат, нечеткие обязанности и несправедливое распределение ресурсов», что приводит к разрушению чувства общности и профессиональной идентичности. По утверждениям М.Ю. Балашовой, выгорание – не только личная «плата» сотрудника, но и «симптом» неблагополучия самой организации» [1, с. 630].

Автор выделяет следующие группы причин «эмоционального сгорания»: личностные (вследствие неоцененности работы или недостатка автономности/свободы действий)¹²; организационные как результат отсутствия четких обязанностей и справедливого распределения ответственности¹³; содержательные (напряженная психоэмоциональная деятельность) [1, с. 631-632].

СЭВ, по мнению специалистов, разворачивается поэтапно, последовательно проходя фазу сопротивления [об этом более подробно см: 12]; далее, фазу истощения, которая сопровождается снижением мотивации, нарастанием подавленности настроения, раздражительностью и пр., и фазу истощения в виде стойких эмоциональных и соматических расстройств. Согласно З. Фрейду, формула базовой триады проявлений СЭВ выглядит следующим образом: безразличие и психическое истощение + дегуманизация + негативное восприятие себя как специалиста [об этом более подробно см: 11]. В качестве комментария: по утверждениям М.Н. Трущенко, непрерывная защита от происходящего потребляет значительный психический ресурс человека [10, с. 1-8].

Не менее важно, об этом мы уже говорили несколько выше, учитывать мотивационное состояние сотрудников¹⁴, поскольку «эффективность ор-

циональное сгорание, перегорание, психическое выгорание, профессиональное выгорание [Левшина, А.А. Эмоциональное выгорание как профессиональная деструкция // Молодой ученый. 2023. № 19. С. 558-562]. Синдрому подвержены специалисты, работа которых предполагает постоянное глубокое взаимодействие с людьми. В группе риска находятся врачи, психологи, учителя, преподаватели, социальные работники, спасатели, служащие правоохранительных органов. Распространенность синдрома эмоционального выгорания среди таких специалистов достигает 80-90% [цит. по: Балашова, М.Ю. Выгорание как разрыв связей: роль организационной культуры в формировании синдрома эмоционального выгорания // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 11 (92). С. 630].

12 Эмоционально сгорающими чаще оказываются люди, склонные к сочувствию, проявлению гуманности, увлекающиеся, сопереживающие, одержимые навязчивыми идеями.

13 В коллективах повышена конфликтность и конкуренция, совместные усилия не согласованы, существует дефицит времени и/или материальных ресурсов, успешный результат достигается редко.

14 Система мер по диагностике сбоев в системе управления мотивацией персонала предполагает внутренние опросы (формирование обратной связи), анкетирование (чаще анонимное), интервью и тестирование в профессиональном секторе, мониторинг показателей производительности (уровень текучести кадров, количество неофициальных прогулов работников, обращения в различные службы и к вспомогательным программам, отчеты отделов управления и персоналом) и пр.

ганизаций разных сфер находится в прямой зависимости от уровня мотивации сотрудников». Согласно И.И. Саенко, к рекомендациям по минимизации сбоев в системе управления мотивацией персонала следует отнести: создание индивидуальных программ признания и методов поощрения; обеспечение баланса личной жизни и работы сотрудников посредством внедрения гибких графиков, плановых отпусков для восстановления ресурсного потенциала и возможности для удаленной работы; становление корпоративной культуры поддержки и доверия для устранения токсичной среды и пр. [8, с. 383, с. 386].

Существенным для понимания генезиса «тихого увольнения» представляется анализ причин столь широкого его распространения в настоящее время. Например, в версии О. Полднера¹⁵, помимо профессионального выгорания¹⁶ и общего состояния неопределенности, за которым с большой долей вероятности может следовать неожиданное увольнение, делается акцент на дефиците эмоционального интеллекта¹⁷ как у сотрудников, так и у руководителей [7, с. 10]. Более того, согласно исследованиям, склонность к «тихому увольнению» связана также с уровнем удовлетворения трех основных потребностей – в компетентности/наличии возможностей для выполнения задач, автономии и привязанности. «Чем выше уровень удовлетворения данных потребностей, тем более сотрудники вовлечены в работу» [15; цит. по 7, с. 11].

Подытожим вышесказанное: согласно результатам многочисленных исследований, «тихое увольнение» справедливо считать реакцией работника «на события, явления, происходящие в организации, личной жизни и мире в целом» [7, с. 8]. Важно понимать, что анализируемая нами ситуация не является производным отдельно взятой организации или индивида. Напротив, в данном случае речь идет об устойчивой, активно развивающейся и разносторонне некомфортной модели профессиональной коммуникации. Поэтому, вполне логичным в этой связи выглядит вопрос: «В какой мере на сегодняшний день решена проблема по блокированию состояния “тихого увольнения”, поскольку оно не приносит удовле-

15 Выдавливание и токсичность: как работодатели реагируют на «тихое увольнение» // Forbes. 26.04.2023. // URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/488327-vydvavlianie-i-toksnost-kak-rabotodateli-reagiruut-na-tihoe-uvol-nenie> (Дата обращения: 30.07.2026).

16 Согласно исследованию платформы hh.ru и компании AIBY14, в середине 2022 г. с профессиональным выгоранием столкнулись более половины (54 %) работников российских компаний. Что интересно, для борьбы с ним 42 % респондентов готовы поменять работу и род деятельности в целом, еще 22 % – оставить текущее место работы и взять перерыв на отдых от 1-го до 6-ти месяцев [более подробно см.: Радько Е.Д. «Тихое увольнение» как новый тренд на рынке труда / Е.Д. Радько // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24. № 1. С. 10].

17 Эмоциональный интеллект – способность понимать и контролировать свои эмоции и эмоции окружающих.

ния ни работнику, ни работодателю? Существуют ли “антидоты” данному процессу?».

Исследователи методов стратегического управления персоналом С.Е. Чебыкина и Е.Д. Колташова указывают на значимость диагностики и укрепления «мягких» аспектов организационной среды, а также ориентацию на осмысленность труда и личностное развитие¹⁸, кроме того, весьма значимой представляется трансформация современного менеджера – носителя высокого эмоционального интеллекта (не только контролера и распределителя задач). Исследователи делают акценты на следующих аспектах управления: во-первых, на переходе от реактивных мер (борьба с текучестью) к проактивным (системное укрепление лояльности)¹⁹; во-вторых, на смену структуры мотивационных пакетов²⁰; в-третьих, на расширение ответственности за корпоративную культуру²¹. Фактически, современные реалии побуждают к созданию «поддерживающей организационной экосистемы», которая предполагает эмоциональный интеллект лидера, культуру признания и доверия, баланс между профессиональной и личной жизнью сотрудников, что позволит сохранить долгосрочную мотивацию и лояльность [13, с. 13].

Процесс «тихого увольнения» представляется отнюдь не временным – следует понимать, что в мировом сообществе идет серьезная переоценка форм занятости, места работы и роли карьеры в жизни человека. Перед современным менеджментом встает задача поиска новых оснований для согласования организационной и личностной культуры, своего рода, точек баланса для достижения профессиональных успехов в условиях минимизации усилий тех, кто трудится.

18 Согласно исследованиям Сбербанка и Validata молодежь поколения Z ориентирована на наслаждение жизнью, получение удовольствия, саморазвитие и разнообразие [Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи // AdIndex. 10.03.2017. // URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml?ysclid=lqia3ho1eq503280777> (Дата обращения: 30.07.2026)]. Самореализация является одной из основных ценностей для «зумеров», потому работа также должна быть наполнена смыслом, иметь ценность и реальный результат. В то же время молодые люди не нацелены на «долгосрочную профессиональную карьеру, 8-часовой рабочий день и желание быть трудоголиком» [Кулакова, А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42)., с. 6], если работать, то в удовольствие и при условии соответствия ценностей компании личным.

19 Вместо традиционных опросов об удовлетворенности раз в год компании все чаще применяют постоянный «пульс»-мониторинг настроения в коллективе с помощью цифровых платформ, что позволяет оперативно выявлять очаги напряженности и вовремя на них реагировать.

20 Речь идет о развитии нематериальной мотивации в виде гибкого графика, возможности удаленной работы, программы wellbeing, корпоративного волонтеринга и пр.

21 Подключение всех без исключения руководителей, ежедневное поведение которых моделирует желаемые нормы и ценности.

Библиографический список

1. Балашова М.Ю. Выгорание как разрыв связей: роль организационной культуры в формировании синдрома эмоционального выгорания // М.Ю. Балашова // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 11 (92). С. 629-639.
2. Горская Л.С. «Тихое увольнение» – новое явление в управлении персоналом / Л.С. Горская // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия экономика и право. 2024. № 5. С. 21-24.
3. Денисова Е.В. «Тихое увольнение» – новая угроза экономике / Е.В. Денисова, Г.В. Петрова // Менеджмент в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 94-99.
4. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1-10.
5. Лебедева Е.В. «Тихое увольнение» как феномен современной системы организации труда / Е.В. Лебедева // В сборнике: Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2025. С. 259-265.
6. Минина В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // В.Н. Минина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2012. № 2. С. 107-130.
7. Радько Е.Д. «Тихое увольнение» как новый тренд на рынке труда / Е.Д. Радько // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24. № 1. С. 5-15.
8. Саенко И.И. Синдром тихого увольнения: диагностика сбоев в системе управления мотивацией персонала / И.И. Саенко, В.С. Колтунова // В сборнике: Экономический рост как основа устойчивого развития России. Сборник статей IX-ой Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2025. С. 383-387.
9. Саенко И.И. Стратегическое управление человеческими ресурсами в организации / И.И. Саенко, А.Ю. Баранова // Вектор экономики. 2020. № 11 (53). С. 12.
10. Трущенко М.Н. К вопросу о синдроме выгорания: традиционные подходы исследования и современное состояние проблемы / М.Н. Трущенко // Психология: традиции и инновации: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2012 г.). – Уфа: Лето, 2012. С. 1-8.
11. Фрейд З. Невропсихозы защиты: критически-историческое исследовательское издание [Текст] / З. Фрейд. – Ижевск: ERGO, 2018. 67 с.
12. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации / Х. Хартманн // Теория и практика психоанализа [Текст]. Изд-во: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 160 с.
13. Чебыкина С.Е. Управление человеческими ресурсами в эпоху «тихого увольнения»: роль корпоративной культуры в сохранении мотивации и лояльности персонала / С.Е. Чебыкина, Е.Д. Колташова // В сборнике: Актуальные проблемы современности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – В 2 ч. – Пенза, 2025. С. 12-14.
14. Mahand T. Quiet Quitting – Causes and Opportunities / T. Mahand, C. Caldwell // Business and Management Researches. 2023. Vol. 12. № 1. P. 9-19.
15. Nordgren H. Quiet Quitting, Loud Consequences: The role of Management in Employee Engagement / H. Nordgren, A. Björs. – Uppsala: Uppsala Universitet, 2023. 66 p.
16. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

References

1. Balashova M.Yu. Burnout as a Severe Connection: The Role of Organizational Culture in the Formation of Emotional Burnout Syndrome // M.Yu. Balashova // Science Bulletin. 2025. Vol. 1. № 11 (92). P. 629-639.
2. Gorskaya L.S. "Quiet Dismissal" – a New Phenomenon in Personnel Management / L.S. Gorskaya // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2024. № 5. P. 21-24.

3. Denisova E.V. "Quiet Dismissal" – a New Threat to the Economy / E.V. Denisova, G.V. Petrova // *Management in Russia and Abroad*. 2025. № 3. P. 94-99.
4. Kulakova A.B. Generation Z: Theoretical Aspect / A.B. Kulakova // *Issues of Territorial Development*. 2018. № 2 (42). P. 1-10.
5. Lebedeva E.V. "Quiet Dismissal" as a Phenomenon of the Modern Labor Organization System / E.V. Lebedeva // In the collection: *Economy in the Sociocultural Space of Our Time: Problems, Solutions, Forecasts*. Proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference. Vladimir, 2025. P. 259-265.
6. Minina V.N. Organizational Trust as an Intangible Asset of a Company: The Problem of Measurement // V.N. Minina // *Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2012. № 2. P. 107-130.
7. Radko E.D. "Quiet Dismissal" as a New Trend in the Labor Market / E.D. Radko // *The World of Economics and Management*. 2024. Vol. 24. № 1. P. 5-15.
8. Saenko I.I. The Quiet Layoff Syndrome: Diagnostics of Failures in the Personnel Motivation Management System / I.I. Saenko, V.S. Koltunova // In the collection: *Economic Growth as the Basis for Sustainable Development of Russia*. Collection of articles from the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. – Kursk, 2025. P. 383-387.
9. Saenko I.I. Strategic Human Resource Management in an Organization / I.I. Saenko, A.Yu. Baranova // *Vector of Economy*. 2020. № 11 (53). P. 12.
10. Trushchenko M.N. On the Issue of Burnout Syndrome: Traditional Research Approaches and the Current State of the Problem / M.N. Trushchenko // *Psychology: Traditions and Innovations: Proc. of the 1st Int. sci. conf. (Ufa, October 2012)*. – Ufa: Leto, 2012. P. 1-8.
11. Freud Z. Neuropsychoses of Defense: A Critical-Historical Research Publication [Text] / Z. Freud. – Izhevsk: ERGO, 2018. 67 p.
12. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation / H. Hartmann // *Theory and Practice of Psychoanalysis* [Text]. Publisher: Institute for General Humanitarian Research, 2002. 160 p.
13. Chebykina S.E. Human Resource Management in the Era of "Quiet Dismissal": The Role of Corporate Culture in Maintaining Staff Motivation and Loyalty / S.E. Chebykina, E.D. Koltashova // In the collection: *Actual Problems of Our Time*. Collection of articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference. – In 2 hours. – Penza, 2025. P. 12-14.
14. Mahand T. Quiet Quitting – Causes and Opportunities / T. Mahand, C. Caldwell // *Business and Management Researches*. 2023. Vol. 12. № 1. P. 9-19.
15. Nordgren H. Quiet Quitting, Loud Consequences: The role of Management in Employee Engagement / H. Nordgren, A. Björs. – Uppsala: Uppsala Universitet, 2023. 66 p.
16. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // *Cultural World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Прокладочный фетр в ручном изготовлении бумаги: технологическая роль и исторические причины внедрения*

Аннотация. При отжиме сырых листов европейские мастера бумажного дела помещали между ними отрезки шерстяного войлока, которые принято называть прокладочным фетром. Судя по имеющимся данным, эта практика утвердилась в Западной Европе приблизительно на рубеже тринадцатого и четырнадцатого столетий. На протяжении длительного времени бытовало представление, что в отсутствие подобных прокладок листы неминуемо срываются между собой, а само производство делается невозможным. В предлагаемой работе, опирающейся на итоги экспериментальных реконструкций и на полевые наблюдения практиков ремесла, это представление подвергается критическому пересмотру. Основу анализа составляют материалы многолетних воспроизведений старинных процессов, осуществлённых мастерами и исследователями на бумажной мельнице *Moulin du Verger* в комуне *Риутуоен*, а также наблюдения, проведённые в Бухаре. Сведение этих данных воедино приводит к заключению, что прокладочный фетр не является технической необходимостью при выработке бумаги из размолотой тряпичной массы. Свойство листов не срывать друг с другом обусловлено не наличием прокладок, а физикой самого волокна – качеством его распределения в водной среде и характером межволоконных связей, возникающих по мере удаления влаги. На этом основании обсуждается гипотеза, разделяемая рядом специалистов: фетр был введён не ради «спасения» операции формования, а как ответ на иную производственную потребность – переход к массовой сушке бумаги на верёвках, потребовавший, в свою очередь, существенно более сильного прессования. Исследование носит междисциплинарный характер и объединяет подходы экспериментальной археологии, физической химии целлюлозы и истории техники.

Ключевые слова: ручное изготовление бумаги, прокладочный фетр, наливное формование (нагасидзуки), растительный диспергатор (нэри), водородные связи, целлюлозные волокна, исламская бумага, Фабриано.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Прокладочный фетр в ручном изготовлении бумаги: технологическая роль и исторические причины внедрения

Dediu E.I.*Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.***Felt interleaving in hand papermaking: technological role and historical reasons for its introduction**

Abstract. When pressing wet sheets, European papermakers place pieces of woollen felt between them, commonly referred to as interleaving felt. According to available evidence, this practice became established in Western Europe around the turn of the thirteenth and fourteenth centuries. For a long time, it was believed that without such interleaving, the sheets would inevitably stick together, making the production process impossible. The present study, based on the results of experimental reconstructions and field observations of practitioners of the craft, offers a critical reassessment of this assumption. The analysis draws on materials from long-term reproductions of historical processes carried out by craftsmen and researchers at the Moulin du Verger paper mill in the commune of Puymoyen, as well as on observations conducted in Bucharest. The synthesis of these data leads to the conclusion that interleaving felt is not a technical necessity in the production of paper from beaten rag pulp. The non-adhesion of sheets to one another is determined not by the presence of interleaving materials, but by the physics of the fibre itself – the quality of its distribution in the aqueous medium and the nature of the inter-fibre bonds that form as moisture is removed. On this basis, the study discusses a hypothesis shared by several specialists: that felt was introduced not to «save» the sheet-forming operation, but as a response to a different production need – the transition to mass drying of paper on ropes, which in turn required substantially stronger pressing. The research is interdisciplinary in nature, combining approaches from experimental archaeology, the physical chemistry of cellulose, and the history of technology.

Key words: hand papermaking, interleaving felt, nagashizuki (wet-laid sheet formation), plant-based dispersant (neri), hydrogen bonding, cellulose fibres, Islamic paper, Fabriano.

В истории бумажного производства существуют операции, кажущиеся настолько привычными, что о них практически не задумываются. Прокладочный фетр представляет собой именно такую деталь. Между тем вопрос о том, когда и, что важнее, зачем европейские бумажники начали перекладывать сырые листы отрезами валяной или чёсаной шерсти, остаётся одним из наименее изученных сюжетов истории технологии.

Поясним существо операции. Ручное изготовление бумаги включает ряд последовательных действий. Сначала готовят волокнистую массу – размоленное в воде сырьё (тряпьё, кора растений и тому подобное). Далее эту массу зачерпывают на форму – прямоугольную рамку с натянутым мелким ситом. Вода стекает сквозь сито, а на нём остаётся тонкий влажный слой волокон, представляющий собой будущий лист. Этот лист снимают с формы и укладывают в стопу. Стопу затем прессуют, чтобы отжать избыток воды, после чего листы просушивают.

Ключевой момент состоит в следующем: на Западе, начиная прибли-

зительно с конца тринадцатого века, в стопу вместе с каждым листом закладывали отрез фетра. На всём остальном пространстве – с Востока до исламского мира – стопы собирали без каких-либо прокладок, просто накладывая свежие листы один поверх другого.

Способ сборки стопы без прокладок замечателен своей устойчивостью во времени. Наряду с самим формированием листа на плоском сите он представляет собой едва ли не единственную часть технологической цепочки, которая за два тысячелетия практически не претерпела изменений. Все прочие операции – подготовка сырья, размол, прессование, сушка – многократно перестраивались, и почти всегда по экономическим соображениям: ради того, чтобы производить бумагу быстрее и дешевле.

Настоящее исследование, обобщая накопленный практиками опыт, отвечает на двойной вопрос. Во-первых, действительно ли прокладочный фетр технически необходим для формирования? Во-вторых, если нет, то какие причины – технические, экономические или организационные – привели к его появлению на Западе? Материалом служат результаты экспериментальных реконструкций средневековых процессов, выполненных мастерами-бумажниками, дополненные сравнительным анализом дальневосточных, исламских и ранних европейских бумаг.

Вообразим стопу из сотен листов, каждый из которых при укладке содержит более девяти десятых своей массы в виде воды. Их прессуют, отжимая влагу, – и после этого листы без труда разделяются, не превращаясь в единый ком. Чем это объясняется?

Всякий, кто побывает в японской или корейской мастерской, задаст этот вопрос. И мастер-бумажник неизменно ответит: всё дело в диспергаторе. Диспергатор представляет собой растительную слизь. По-японски её именуют «нэри», в Китае – «чжияо», что буквально означает «бумажное лекарство». Её получают из корней или стеблей определённых растений (в современной практике иногда прибегают к синтетическому аналогу). Слизь эта тягучая и клейкая на ощупь, и именно по этой причине её функцию нередко трактуют ошибочно: возникает впечатление, будто это своего рода клей, скрепляющий волокна и придающий листу прочность. В действительности всё обстоит противоположным образом.

Чтобы разъяснить подлинную роль диспергатора, введём одно существенное понятие. Волокна в воде склонны слипаться в комки – это явление называется флокуляцией. Флокуляция – противник бумажника: она делает лист неоднородным, «облачным», с комками. Задача же заключается в обратном – добиться, чтобы волокна были равномерно рассеяны по всему объёму воды.

Именно здесь и вступает в дело диспергатор. Как показывают современные исследования свойств «нэри», он обволакивает каждое отдельное волокно тонкой оболочкой. Поскольку эта оболочка несёт отрицательный

электрический заряд, обёрнутые ею волокна начинают отталкиваться друг от друга – известно, что одноимённые заряды взаимно отталкиваются. В результате волокна не слипаются, а удерживаются на расстоянии и равномерно «висят» в воде. Такое действие называют дефлокулирующим, то есть препятствующим образованию комков. Помимо этого, диспергатор, будучи сильно водолюбивым (гидрофильным), повышает вязкость воды в чане – она делается более «густой», текучей, и волокна оседают медленнее. Это даёт мастеру время, чтобы равномерно распределить массу по ситу.

Прочность бумажного листа держится на водородных связях между волокнами. Поясним и это. Целлюлоза – основной материал волокон – покрыта множеством гидроксильных групп, своего рода химических «крючков». Когда два волокна сближаются вплотную, их гидроксильные группы образуют друг с другом слабые, но чрезвычайно многочисленные водородные связи. Именно множество таких связей и «сшивает» лист в единое целое – без какого-либо клея.

Пока в системе много воды, гидроксильные «крючки» волокон заняты связями с молекулами воды и с оболочкой из диспергатора. По мере ухода воды – при стекании сквозь сито, при укладке листа и при прессовании – волокна сближаются, и связи типа «волокно – вода» постепенно замещаются связями «волокно – волокно». Лист набирает прочность.

Отсюда вытекает важнейший вывод, на который указывают специалисты: диспергатор (нэри) – это не клей (клей по-японски – нори, совсем иное вещество). Он выполняет прямо противоположную функцию: в чане он разделяет волокна, а впоследствии не даёт слипаться уже готовым листам в стопе. Иначе говоря, «неслипаемость» есть следствие не склеивания, а именно электростатического отталкивания и качественного разделения волокон.

Бумажники обыкновенно приводят ещё два довода в пользу того, что «секрет» кроется в сырье: якобы дело в особом типе волокон и в их большой длине. Однако внимательный анализ материалов показывает, что оба довода не универсальны. Во-первых, пропорции диспергатора непостоянны, а иногда его вовсе не применяют. Во-вторых, волокна далеко не всегда длинные: бамбук, солома или резаный зелёный сандал, из которых изготавливают знаменитую китайскую бумагу «сюань», дают весьма короткое волокно.

Особенно показателен пример исламской бумаги. Она унаследовала китайскую технику восьмого века, однако вырабатывалась почти всегда из переработанного текстиля – главным образом конопли и льна – и при этом вообще без диспергатора. Единственное известное исключение – йеменский случай, описанный А. Гачеком [4]. Более того, такая безо всякого диспергатора практика сохранялась ещё около восьмидесяти лет назад в Средней Азии и менее четверти века назад в индийском Кашмире – и это никак не препятствовало сборке стоп без прокладок.

Вывод напрашивается сам собой: коль скоро листы не слипаются и при отсутствии диспергатора, и при коротком волокне, то причину надлежит искать не в добавках и не в геометрии волокна, а в самой физике формирования и обезвоживания. Между первыми западными и исламскими бумагами нет принципиальных технологических различий – за исключением того, что европейцы заменили крахмальную проклейку желатиновой. Стало быть, никакой технической причины, которая требовала бы прокладок, попросту не обнаруживается. Именно это положение и проверялось в ходе экспериментальных реконструкций.

На протяжении приблизительно двенадцати лет на мельнице Moulin du Verger мастерами-бумажниками воссоздавалась средневековая технология подготовки массы: старое льняное и конопляное тряпье разбивали толчейными молотами – способом, технологически близким к дальневосточному. Именно эти работы служат основным эмпирическим материалом настоящей статьи.

Реконструкции охватывали четыре этапа. Первый – подготовка сырья: удаление нецеллюлозных примесей и, при необходимости, отбеливание. Для текстиля брали материал, уже сильно ослабленный длительным износом и естественной ферментацией (гниением). Второй – роспуск волокна, осуществлявшийся исключительно ударным способом: колотушкой, билом или пестом на шероховатой плоской поверхности, пестом в ступе либо механически – толчейным станком с кулачковым валом, приводимым в движение водяным колесом. Третий – формирование листа двумя способами: погружным (европейский тип, по-японски «тамэдзуки») и наливным («нагасидзуки»). Четвёртый – сборка стоп без прокладок и контролируемое прессование с последующим «отдыхом» стопы.

Ради наглядного сопоставления восточной (безфетровой) и западной (с фетрами) практики целесообразно свести воедино ключевые технологические параметры. В отношении концентрации массы дальневосточная и исламская традиция предполагает около четверти сухого вещества при отбивке коры и от пяти до десяти процентов в чане, тогда как западная практика с применением голландского размольного станка оперирует концентрацией порядка трёх – пяти процентов. Длина волокна в первом случае достигает двенадцати миллиметров и более для коры и семи – восьми миллиметров для тряпья, тогда как в западной практике этот показатель варьируется. Давление прессования в дальневосточной и исламской традиции невелико и постоянно – порядка четырёх – пяти граммов на квадратный сантиметр на протяжении примерно двенадцати часов, тогда как западный винтовой пресс развивает кратковременно вплоть до четырёхсот граммов на квадратный сантиметр. «Отдых» перед сушкой в восточной и исламской практике составляет около двенадцати часов, а в западной практике фактически отсутствует. Наконец, сушка на Востоке производит-

ся на досках или стене, в исламском мире и на Западе – на верёвках.

Обратим внимание на разительный контраст в давлении: восточный мастер прессует лист усилием в десятки граммов на квадратный сантиметр, тогда как западный винтовой пресс развивает в сотни раз большее давление. К значению этого различия мы ещё вернёмся.

На протяжении полутора тысяч лет, от Востока к Западу, главная забота бумажника оставалась неизменной – получить как можно более однородную взвесь волокон, пригодную для процеживания на плоском сите. Приёмы роспуска волокна были заимствованы из смежных ремёсел – размола зерна, отжима масла, валяния шерсти – и по существу не менялись вплоть до появления в Европе в конце тринадцатого века специального толчейного станка, впервые предназначенного исключительно для бумажной массы.

Принципиально важно, что вся эта работа велась на сжатие (удар, раздавливание), а не на разрыв. За исключением операции резки, волокна при этом почти не изменяли своей внутренней структуры: они слишком тонки, чтобы не ускользать из-под падающих пестов, которые лишь раз за разом их рассеивают.

Здесь уместно развеять ещё одно расхожее заблуждение – будто волокну обязательно надлежит быть длинным. На деле избыточная длина даже вредна: она мешает волокнам разойтись и становится источником комков, тех самых «шариков», что различимы на просвет во многих старинных бумагах.

Отдельную сложность представляет концентрация массы. Для всякой корьевой (лубяной) массы концентрация около четверти сухого вещества оказывается почти неизбежной. Причина в следующем: при сильном разбавлении массы длинные волокна (двенадцать миллиметров и более) получают свободу перемещения – и вновь слипаются в комки, а ни толчейный станок, ни молоты не создают достаточного перемешивания, чтобы этому воспрепятствовать. Лишь станок с особыми ножами типа «нагината» отчасти решает эту задачу. Вероятно, именно поэтому на Востоке никогда не предпринимали попыток объединить несколько молотов в единый агрегат по образцу европейского толчейного станка.

Здесь необходимо провести чёткую границу между двумя различными операциями, которые нередко смешивают, обозначая одним словом «размол». Собственно размол – понятие сравнительно позднее. Оно рождается в Европе восемнадцатого века вместе с голландским размольным станком (роллом). Само это слово впервые появляется в статье о бумаге в «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера при описании первых подобных станков. Размол вводит принципиально новое воздействие – сдвиг и раздавливание волокна, которое протаскивается под усилием между ножами вращающегося барабана и неподвижной планкой. В

результате волокно фибриллируется (расщепляется вдоль на тончайшие ниточки-фибриллы) и впитывает значительно больше воды, нежели впитало бы естественным путём. Такое волокно медленнее отдаёт воду и делается химически более активным.

Применительно к тем историческим периодам и техникам, которые здесь рассматриваются, правильнее говорить не о «размоле», а об «утончении» или «очистке». Именно эти термины употребляли по отношению к толчейным станкам Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд в трактате «Искусство делать бумагу» [7] и Николя Десмарест в «Энциклопедии искусств и ремёсел» [5]. Различие состоит не только в словах – оно принципиально для дальнейшего вывода. При «утончении» волокно лишь распускается и рассеивается, но не перестраивается изнутри. При настоящем размоле оно физически изменяется. И, как будет показано ниже, именно это различие объясняет, почему для одной массы фетры не нужны, а для другой оказываются кстати.

Прочность традиционного листа определяется не длиной волокон и не их химической переработкой, а тем, насколько качественно они распределены. Это наглядно иллюстрирует простая качественная модель, которой пользуются специалисты. Представим, что в нашем распоряжении имеется около тысячи волокон. Если они распределены плохо (сбились в комки), то дадут лишь несколько сотен точек взаимного сцепления. Те же волокна, но идеально рассеянные, дадут в несколько раз большее число точек сцепления – и лист получится и прочнее, и ровнее на просвет. Иными словами, число мест, где волокна «сшиваются» друг с другом, тем больше, чем полнее их взаимное рассеяние. Именно улучшение распределения волокон, а не химическое преобразование, обеспечивает прочность и равномерность традиционного листа.

Здесь уместно одно историческое замечание, идущее вразрез с распространённым мнением. Принято полагать, будто «традиционные» тряпичные массы были наиболее простыми и «натуральными». В действительности они были наиболее химически обработанными за всю историю бумаги. Волокна верёвок, парусов и рыболовных сетей поддавались роспуску лишь после многих десятилетий износа, а ткани – после сотен циклов стирки и естественной ферментации. Пришедшие им на смену на Востоке сырые лубяные волокна обрабатывать оказалось значительно проще: чаще всего было достаточно варки со щёлочью (золой) или длительной ферментации, как в случае бамбука.

Наливной способ, распространённый на Востоке, состоит в том, что на сито наносят один за другим очень тонкие слои взвеси. Как отмечает в специальной литературе, этот метод, известный как «нагасидзуки», предполагает искусное покачивание и насливание массы таким образом, чтобы вода стекала медленно, создавая равномерный и прочный лист. Те-

кучая смесь «волокно – вода – диспергатор» распределяется по ситу движениями формы, а излишек мастер выплёскивает.

Этот способ почти без изменений применяется в Японии, Корее и на Тайване, где используют лубяные волокна всего трёх растений – *Broussonetia* (кодзо), *Edgeworthia* (мицумата) и *Wikstroemia* (гампи). В Китае, где нередко берут бамбук и солому (рисовую, злаковую, кенаф) в смеси с резаным зелёным сандалом и минимумом диспергатора, короткое волокно позволяет обойтись простым процеживанием за одно-два погружения. Обезвоживание там происходит почти мгновенно и лишь слегка сдерживается неспешностью движений мастера.

Различаются и способы сушки, причём различие закреплено географически: в Японии листы кладут на деревянные доски, в Китае и Корее обычно наклеивали на стену, а в Европе развешивали на верёвках.

Главный итог реконструкций на *Moulin du Verger* формулируется просто: из обычной отбитой (но не размолотой) тряпичной массы можно собирать стопы без всяких прокладок – ровно так, как это делалось на заре бумажного дела и как всегда практиковалось в исламском мире. Фетр для этого не требуется.

Объяснение, к которому приходят исследователи, кроется в анизотропии листа – в том обстоятельстве, что его верхняя и нижняя стороны устроены по-разному. Проследим, что происходит при погружном формовании. Первое движение черпальщика ориентирует волокна преимущественно поперёк формы; вода при этом вырывается сквозь сито наведённым потоком. Волокна мгновенно связываются между собой и образуют своего рода барьер, замедляющий уход воды из вышележащих, ещё не связавшихся слоёв. Опытный мастер использует этот эффект, покачивая форму ради равномерного распределения массы. К слову, именно поэтому жест формования столь труден для новичка: лист нередко успевает обезводиться и «схватиться» прежде, чем начинающий доведёт движение до конца. В итоге лист получается «двусторонним». Нижний слой (тот, что прилегал к ситу) реализует максимум водородных связей и получает вержированную структуру – на нём отпечатывается след проволочек сита, тонкая сетка линий. Верхний слой формируется иначе, и его поверхность выходит веленовой – гладкой, без отпечатка сита. Между двумя слоями возникает дефицит связей: при обычной толщине листа это никак не заметно, однако если лист искусственно расслоить, обе структуры отчётливо различимы.

Отсюда и разгадка «неслипаемости». Когда листы в стопе накладываются один на другой, соприкасающиеся поверхности никогда не оказываются одинаковыми: гладкая (веленовая) сторона верхнего листа ложится на сетчатую (вержированную) сторону нижнего. При этом сторона, обращённая к ситу, уже израсходовала почти весь свой запас связей ещё при формовании. Чтобы такие разнородные и «насыщенные» поверхности всё

же сцепились, потребовалось бы весьма значительное давление – а при лёгком традиционном прессовании такого давления попросту нет.

Эта модель прекрасно согласуется с известным свойством исламских бумаг, крахмаленных с обеих сторон: подобный лист можно расщепить на две пластинки примерно равной толщины – со стороны сита и с верхней стороны. Вопреки первому впечатлению, это вовсе не означает, что лист формовали в два приёма, двумя погружениями. Напротив, это подтверждает модель: лист изначально «двуслоен» по своей структуре, и именно поэтому листы в стопе не слипаются. Серию экспериментов по расслаиванию, на которые опирается настоящий анализ, провёл известный своими работами в этой области мастер Дидье Наваро.

Один из наиболее важных выводов реконструкций состоит в том, что при хорошо распределённой массе сильное прессование не требуется. Вся совокупность связей, обеспечивающих прочность листа, возникает ещё до прессования – в момент формования и стекания воды. Пресс здесь лишь отжимает свободную воду, но не создаёт прочность. Этим такая масса принципиально отличается от сильно размолотой (фибриллированной), в которой вода прочно удерживается внутри разбухших волокон и должна быть буквально выдавлена из них именно прессом.

Азиатский лист прессуют весьма слабо – постоянным давлением всего в несколько граммов на квадратный сантиметр на протяжении примерно двенадцати часов. И при этом он приобретает поразительную «звонкость» – упругую жёсткость, при которой лист «звенит». Это давление в сотни раз меньше того, что развивает западный винтовой пресс (порядка четырёхсот граммов на квадратный сантиметр), однако действует принципиально иначе – статически и длительно, а не мощно и кратковременно.

Различие удобно описать через понятие работы по удалению воды: чем дольше действует давление, тем больше суммарный «труд» по вытеснению влаги, даже если само давление невелико. Наблюдения показывают, что основная масса воды уходит из стопы в первые же минуты, и по мере обезвоживания приложенное давление быстро падает само собой.

Здесь мы подходим к тонкости, непосредственно касающейся роли фетра. Показателен установленный факт: если оставить восточную стопу под первоначальной нагрузкой до полного обезвоживания, то по прошествии примерно двенадцати часов от давления останется лишь порядка сотни граммов на квадратный сантиметр – оно само собой снижается по мере ухода воды.

Реальное же прессование в западной мастерской длится считанные минуты – ведь фетры необходимо поскорее освободить для следующей стопы. И высокое давление винтового пресса требуется именно затем, чтобы отжать максимум воды за это короткое время. Но существенно вот что: с учётом упругости самих фетров, большого числа листов и краткости опе-

рации листы ни в один момент реально не испытывают того номинального давления, которое «развивает» пресс. Значительную часть усилия поглощают упругие войлочные прокладки. Иначе говоря, огромные значения давления западных прессов во многом обманчивы – они нужны, чтобы «пробить» толстую стопу с фетрами за минуты, а не потому, что самому листу требуется столь высокое давление.

Ценный сравнительный материал дают полевые наблюдения, выполненные в Бухаре (Узбекистан) в период с конца февраля по середину марта 2020 года. Исследователи наблюдали работу мастера-ремесленника Даврона Тошева, самостоятельно изготавливающего бумагу из местной шелковицы (*Morus alba*). Его технологический цикл выстроен следующим образом. Сначала пропаривают ветки длиной около полуметра (побеги диаметром примерно полтора сантиметра) и снимают кору. Затем свежие полоски варят со щёлочью-золой (в слабощелочной среде) в течение приблизительно двенадцати часов. После варки луб (внутреннюю кору) отделяют от наружной коры ножом – заметим, в отличие от дальневосточной практики, где кору снимают до варки. Наконец, волокно отбивают на протяжении около тридцати часов, без диспергатора.

Показательно, что при обезвоживании такое волокно ведёт себя подобно западной тряпичной массе. Наглядна и разница в трудоёмкости роспуска, зависящая от жёсткости волокна: японский мастер отбивает равное количество массы примерно за четверть часа, а корейский, имеющий дело с более жёсткой шелковицей, – около получаса. Бухарская же шелковица требует порядка тридцати часов – эти показатели красноречиво демонстрируют, насколько жёсткость сырья определяет трудозатраты.

Чтобы убедиться в эквивалентности материалов, специалисты поставили контрольный опыт: отбивая всего около двухсот граммов грубо раздёрнутого тряпья небольшим молотком в течение примерно четверти часа, исследователи получили массу, по свойствам совпадающую с той, что использовали исламские и западные бумажники, – как отмечено в материалах реконструкции, в ином масштабе, но с идентичным результатом.

Затем эксперимент со сборкой стопы без прокладок был воспроизведён в контролируемых условиях. Результат таков: листы прекрасно отделяются друг от друга после прессования усилием всего около десяти килограммов на площади примерно в четверть квадратного метра, то есть порядка четырёх граммов на квадратный сантиметр, с последующим двенадцатичасовым «отдыхом» перед развешиванием.

Свойства полученной бумаги оказались двойственными. К достоинствам относятся исключительная звонкость, жёсткость, твёрдость и выдающаяся прочность. К недостаткам – плохая «послушность» (лист трудно разгладить) и облачный, неравномерный просвет. Жёсткость сырого волокна прямо «читается» в готовом листе. Облачность просвета, впрочем,

поддаётся исправлению – если сильнее разбавить массу и увеличить высоту наливаемого слоя. Такая бумага совсем не похожа на тонкие дальневосточные, однако после проклейки крахмалом превосходно служит своему назначению – каллиграфии и воспроизведению персидских миниатюр.

Существует ещё один существенный момент, связанный с плотностью бумаги (граммажем, то есть массой квадратного метра). Чтобы вырабатывать по-настоящему тонкую бумагу – легче сорока граммов на квадратный метр, – на Западе понадобился именно размол с фибриллированием. Между тем дальневосточная бумага такой же плотности считается уже весьма толстой: без всякого размола, за счёт одного лишь качественного распределения волокон, восточные мастера получали куда более тонкие листы. Это ещё раз подчёркивает, что западный размол решал не задачу «неслипаемости», а совсем иную задачу – утоньшение листа.

Приходится честно признать: точное время и место внедрения фетра на Западе науке неизвестны. Популярная легенда рисует картину «внезапного» появления в итальянском городе Фабриано сразу всего технологического комплекса – толчейных молотов, жёстких металлических форм, водяных знаков (филиграней), фетровых прокладок, пресса, сушки на верёвках и желатиновой проклейки – причём разом, в 1276 году. Эта картина малоубедительна.

Документальные и историографические данные свидетельствуют скорее о постепенном, растянутом во времени развитии. Самые ранние документальные свидетельства производства бумаги в Фабриано действительно датируются 1276 годом, однако ряд историков полагает, что оно могло начаться и раньше. По оценке Д. Хантера, бумагу в Фабриано могли изготавливать уже около 1279 года – благодаря близости к порту Анкона, который вёл обширную торговлю с арабским миром [6]. Это указывает на исламское (а во многом и на испанское) происхождение значительной части инноваций.

Из «фабрианских» новшеств особенно значима механизация роспуска волокна. Впервые тряпьё разбивали не вручную, а машиной – деревянным многомолотовым станком (*pila a magli multipli*). Показательно, что этот станок происходил из смежного ремесла: изначально это была валяльная машина для шерсти (*gualchiera*), приспособленная для роспуска льняного и конопляного тряпья.

И далее техника надолго застыла: более двух столетий она принципиально не менялась, и лишь в конце семнадцатого века в Нидерландах появился новый станок – голландский ролл. Следовательно, инновации не свалились разом, а накапливались десятилетиями и веками в ответ на растущий спрос.

Можно возразить: на сохранившихся исламских бумагах нет следов фетра – не означает ли это, что фетр там заведомо не применяли? Такой довод

методологически несостоятелен. Исламские бумаги крахмалили и затем ложили. Даже если бы их прессовали с фетрами, крахмаление и ложение стёрли бы всякий отпечаток войлока. Поэтому отсутствие следов ничего не доказывает – «молчание» источника здесь не является аргументом.

Теперь соберём всё воедино. Реконструкция логики процесса приводит к следующей причинно-следственной цепочке – и это составляет главный теоретический итог обобщённых данных. Изложим её по шагам, поскольку именно здесь раскрывается подлинная роль прокладочного материала.

На первом шаге отметим, что прессование стопы без фетра всегда было лёгким. Оно велось постоянным давлением порядка одной – полутора тонн на площади в четверть – треть квадратного метра при высоте стопы около тридцати сантиметров, что соответствует двумстам – двумстам пятидесяти листам, или пятидесяти – шестидесяти квадратным метрам бумаги. Давление скромное, но действующее долго.

На втором шаге существенно, что такая бумага остаётся весьма влажной и хрупкой. Чтобы перенести слабо отжатый лист на вертикальную поверхность, нужна щётка. Сушка на досках и стенах быстро упирается в предел: не хватает полезной площади, к тому же погода капризна (в жару лист высыхает за час, однако общая производительность всё равно невелика).

На третьем шаге становится ясно, что для регулярного, круглогодичного и объёмного производства выход один – сушить на верёвках. Такой способ уже применялся в исламском мире для свежерахмаленных листов и позволяет развесить огромное число листов.

На четвёртом шаге возникает следующее обстоятельство: чтобы перенести лист из стопы на верёвку, не порвав и не деформировав его, лист должен быть прочнее и суше. А значит, стопу необходимо прессовать сильнее.

На пятом шаге проявляется проблема. Усиленное прессование переступает тот самый порог давления, за которым разнородные поверхности листов всё же начинают слипаться. Образуется замкнутый круг: сушка на верёвках требует сильного пресса, а сильный пресс склеивает листы в стопе.

Разрыв этого круга и составляет функцию фетра. Именно необходимость сильно прессовать – и при этом не дать листам слипнуться – по всей вероятности, и вызвала к жизни прокладочный фетр (валяный или чёсанный войлок). Фетр разделяет соседние листы физически: между любыми двумя листами теперь оказывается не другой лист, а упругая войлочная прокладка. Слипаться листам больше не с чем.

Таким образом, фетр решает не задачу формования, а задачу совместимости сильного прессования с сушкой на верёвках. Это принципиально меняет понимание его роли.

Поскольку именно прокладочный материал находится в центре настоящего исследования, остановимся на особенностях его применения подробнее. Внедрение фетра оказалось не изолированным приёмом, а «пу-

сковым» звеном, повлёкшим за собой целый ряд изменений во всей технологической цепочке.

Первое и наиболее очевидное следствие таково: если между каждой парой листов лежит войлок, высота стопы удваивается. Прежний лёгкий пресс (например, рычажный с противовесом) с подобной стопой уже не справляется – его хода и усилия недостаточно. Поэтому бумажники обратились к значительно более мощным устройствам – виноградным (винтовым) прессам, заимствованным из виноделия. Некоторые прессы шестнадцатого века развивали до сорока тонн на квадратный метр. Работая кратким мощным ударом, такой пресс компенсировал быстрое падение усилия по мере ухода воды своей огромной мощностью. Здесь ясно прослеживается логика заимствования: как толчийный станок пришёл из сукновального дела, так винтовой пресс – из винодельческого.

Войлок упруг, и это свойство работает двояко. С одной стороны, упругость защищает лист: фетр смягчает удар прессы и равномерно распределяет давление, не позволяя жёстким кромкам продавить или порвать нежный сырой лист. С другой стороны, та же упругость «съедает» часть давления. Как уже отмечалось, из-за упругости фетров листы фактически не испытывают полного номинального давления прессы. Именно поэтому и понадобились столь мощные прессы: значительная доля их усилия расходуется на сжатие самого войлока, а не бумаги.

Войлок обладает собственной текстурой, и при сильном прессовании она отпечатывается на поверхности листа, придавая ему характерную «фетровую» фактуру. Для одних сортов бумаги это желаемая особенность, для других – дефект, который затем сглаживают. У исламских бумаг, как было показано, любой такой отпечаток в любом случае стирался при последующем крахмалении и лощении – вот почему по готовой бумаге нельзя судить, применялся фетр или нет.

Введение фетра породило и дополнительную операцию – так называемую «белую стопу» (*porce blanche*). Суть её в том, что уже хорошо отжатые листы вынимают из фетров и прессуют вторично – но теперь без прокладок, перед самым развешиванием. Это позволяет ещё немного уплотнить и разгладить листы, убрав фактуру войлока, и одновременно высвободить дорогостоящие фетры для следующей партии. Появление этой операции представляет собой прямое доказательство того, что фетр воспринимался как временный, оборотный инструмент производственного цикла, а не как неотъемлемая часть самого листа.

Наконец, важна логистика. Фетры суть расходный материал: они изнашиваются, впитывают загрязнения, требуют стирки и замены. Их надлежит как можно скорее освобождать от отжатой стопы и пускать в новый цикл – отсюда, как уже отмечалось, и краткость собственно прессования. Всё это встраивает фетр в экономику непрерывного, поточного производ-

ства. И это ещё раз подтверждает главную мысль: фетр есть элемент не физики листа, а организации массового выпуска.

Совокупность нововведений – сильное прессование с фетрами, операция *roge blanche* и массовая сушка на верёвках – позволила резко нарастить объёмы и снизить себестоимость. Оставаясь предметом роскоши, бумага тем не менее становилась всё более доступной. У этого был и «геополитический» итог. Производства исламского мира сравнительно быстро угасли, а западные бумаги – «исламизированные» слоем полированного крахмала, но выпускаемые дешевле и в больших объёмах – постепенно вытеснили их. Старые же способы, оказавшиеся на Западе экономически невыгодными, были оттеснены обратно на Восток, где сохранялись ещё в двадцатом столетии.

Обобщение экспериментальных реконструкций и сравнительного анализа позволяет сформулировать четыре основных вывода.

Во-первых, прокладочный фетр технически не необходим для формования листа из отбитой тряпичной массы. Сборка стопы без прокладок воспроизводима и даёт прочную бумагу – что подтверждают как реконструкции на *Moulin du Verger*, так и живая исламская традиция.

Во-вторых, «неслипаемость» листов объясняется не клеящим действием диспергатора, а двумя физическими причинами: там, где диспергатор применяют, – его дефлокулирующим, электростатическим действием; и повсеместно – фундаментальной анизотропией листа, то есть контактом разнородных поверхностей (сетчатой-вержированной и гладкой-веленовой) при исчерпании запаса связей на стороне сита.

В-третьих, прочность и равномерность традиционного листа определяются степенью распределения (дисперсности) волокна, а не его длиной и не химической переработкой. Настоящее химическое преобразование волокна – фибриллирование – появляется лишь с изобретением размола в восемнадцатом веке.

В-четвёртых, историческое появление фетра правдоподобнее всего объясняется не потребностями формования, а требованиями массовой сушки на верёвках. Именно они потребовали более сильного прессования, за порогом которого листы начинают слипаться, – и фетр стал решением этой конкретной, вторичной по отношению к формованию задачи.

Таким образом, прокладочный фетр следует понимать не как технологическую необходимость самого листоформования и не как чистую историческую случайность, а как закономерное следствие экономического выбора в пользу массовой, поточной сушки на верёвках.

Дальнейшую работу целесообразно направить по трём направлениям. Первое – инструментальное измерение анизотропии межслойных связей, например методами испытания на разрыв в поперечном направлении и микроскопии поперечного среза листа. Второе – систематическое варь-

рование степени распределения волокна с измерением прочности готового листа. Третье – археометрический анализ отпечатков поверхности сохранившихся ранних западных и исламских бумаг для поиска или обоснованного исключения следов войлочных прокладок.

Библиографический список

1. Гаврилюк Н.П. Бумага как феномен технологической культуры: к вопросу о генезисе и транскультурном трансфере / Н.П. Гаврилюк, Е.И. Дедиу // *Культура Мира*. 2026. Т. 14. № 52 (1). С. 277-288.
2. Гаврилюк Н.П. Гносеологический и терминологический дискурс о генезисе бумаги в Китае / Н.П. Гаврилюк, Е.И. Дедиу // *Культура Мира*. 2026. Т. 14. № 52 (1). С. 78-88.
3. Brejoux Jacques Les feutres intercalaires dans la fabrication manuelle du papier à travers l'espace et au cours du temps // Claude Laroque (dir.), Valérie Lee, Maryse Pierrard, Actes des journées d'étude Les filigranes, une marque à explorer (organisée le 20 octobre 2018) et Histoire du papier et de la papeterie – Actualités de la recherche (organisée le 11 octobre 2019), – Paris, site de l'HICSA, mis en ligne octobre. 2020. P. 56-69.
4. Gacek Adam On the Making of Local Paper. // *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 2002. № 99-100. P. 79-93. // URL: <https://journals.openedition.org/remmm/1175?lang=fr> (Дата обращения: 16.06.2026)
5. Desmarest N. Géographie physique. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 7. Paris, 1757. P. 613-626.
6. Hunter Dard Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft. – New York: Courier Corporation, 1978. 611 p.
7. Joseph Jérôme Lefrançois de Lalande Art de faire le papier. – Paris: Desaint et Saillant, 1761. 150 p.
8. Сапата Руис Т.А. Лексические особенности испанского языка в Венесуэле // *Власть истории – История власти*. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 41-46.

References

1. Gavriluk N.P. Paper as a Phenomenon of Technological Culture: On the Issue of Genesis and Transcultural Transfer / N.P. Gavriluk, E.I. Dediu // *Culture of the World*. 2026. Vol. 14. № 52 (1). P. 277-288.
2. Gavriluk N.P. Epistemological and Terminological Discourse on the Genesis of Paper in China / N.P. Gavriluk, E.I. Dediu // *Culture of the World*. 2026. Vol. 14. № 52 (1). P. 78-88.
3. Brejoux Jacques Les feutres intercalaires dans la fabrication manuelle du papier à travers l'espace et au cours du temps // Claude Laroque (dir.), Valérie Lee, Maryse Pierrard, Actes des journées d'étude Les filigranes, une marque à explorer (organisée le 20 octobre 2018) et Histoire du papier et de la papeterie – Actualités de la recherche (organisée le 11 octobre 2019), – Paris, site de l'HICSA, mis en ligne octobre. 2020. P. 56-69.
4. Gacek Adam On the Making of Local Paper. // *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 2002. № 99-100. P. 79-93. // URL: <https://journals.openedition.org/remmm/1175?lang=fr> (16.06.2026)
5. Desmarest N. Géographie physique. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 7. Paris, 1757. P. 613-626.
6. Hunter Dard Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft. – New York: Courier Corporation, 1978. 611 p.
7. Joseph Jérôme Lefrançois de Lalande Art de faire le papier. – Paris: Desaint et Saillant, 1761. 150 p.
8. Zapata T.A. Lexical Features of the Spanish Language in Venezuela // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 41-46.

Аджиева З.И.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск.

Борлакова Ф.А.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальной работы. ФБГОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск.

Хубиев И.Х.

Студент. ФБГОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия».

Становление системы публичного управления в российской империи: от наказа к полицейскому праву (XVIII – начало XX вв.)*

Аннотация. Данная статья посвящена историко-правовому анализу становления системы публичного управления в Российской империи в период с XVIII по начало XX века. Актуальность исследования обусловлена современными дискуссиями о реформировании государственного аппарата и поиском оптимальной модели взаимодействия власти и общества. Автор рассматривает эволюцию административно-правовых институтов от разрозненных монарших повелений и наказных инструкций к кодифицированной системе полицейского права, которое выступило историческим предшественником современного административного права. В работе прослеживается преемственность между приказной системой Московского государства, петровскими коллегиями, екатерининскими губернскими учреждениями и министерской системой XIX века. Особое внимание уделяется доктринальным разработкам российских учёных-административистов (А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, И.Т. Тарасова, А.И. Елистратова) и их вкладу в формирование научных основ публичного управления. Анализируются институциональные диспропорции, в частности отсутствие административной юстиции и широкие пределы усмотрения губернской администрации, что стало одной из причин системного кризиса начала XX века. Делается вывод о том, что эволюция публичного управления отражала глубинные противоречия российского государственного развития, а опыт дореволюционного периода сохраняет актуальность для современных административных реформ.

Ключевые слова: публичное управление, полицейское право, административное право, Российская империя, государственный контроль, административная юстиция, реформы, бюрократия, генезис институтов, историко-правовой анализ.

* © Аджиева З.И., Борлакова Ф.А., Хубиев И.Х., 2026.

Adzhieva Z.I.

PhD in History, Associate Professor, Department of State and Administrative-Legal Disciplines, Law Institute of the North Caucasus State Academy, Cherkessk.

Borlakova F.A.

PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Work, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk.

Khubiev I.Kh.

Student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North Caucasian State Academy".

The genesis of public administration in the Russian empire: from nakaz to police law (18th – early 20th centuries)

Abstract. The article presents a historical-legal analysis of the formation of the public administration system in the Russian Empire from the 18th to the early 20th century. The relevance of the study stems from contemporary debates on the reform of the state apparatus and the search for an optimal model of interaction between government and society. The author examines the evolution of administrative-legal institutions from scattered royal decrees and instructional mandates to a codified system of police law, which served as the historical predecessor of modern administrative law. The paper traces the continuity between the prikaz system of the Muscovite state, Peter the Great's collegia, Catherine the Great's provincial institutions, and the ministerial system of the 19th century. Special attention is paid to the doctrinal contributions of Russian administrative law scholars (A.D. Gradovsky, N.M. Korkunov, I.T. Tarasov, A.I. Yelistratov) and their role in shaping the scientific foundations of public administration. Institutional imbalances are analyzed, particularly the absence of administrative justice and the broad discretion granted to provincial authorities, which became one of the causes of the systemic crisis in the early 20th century. It is concluded that the evolution of public administration reflected deep contradictions in Russian state development, and the experience of the pre-revolutionary period remains relevant for contemporary administrative reforms.

Key words: public administration, police law, administrative law, Russian Empire, state control, administrative justice, reforms, bureaucracy, genesis of institutions, historical-legal analysis.

Актуальность обращения к историческому опыту организации публичного управления в России обусловлена современными дискуссиями о векторах административной реформы, оптимальном соотношении централизации и децентрализации, а также о пределах государственного вмешательства в общественные отношения. В условиях поиска новой модели взаимодействия власти и общества особую ценность приобретает ретроспективный анализ тех институциональных форм и правовых

конструкций, которые были выработаны в предшествующие эпохи и оказали определяющее влияние на формирование российской модели государственного администрирования. Дореволюционный период, охватывающий XVIII – начало XX века, представляет собой уникальный «полигон», на котором происходила эволюция от разрозненных монарших повелений и наказных инструкций к стройной системе полицейского права, ставшей фундаментом для всего последующего административного законодательства.

Предпосылки возникновения административно-правовых отношений прослеживаются ещё у восточных славян, когда управление общественной жизнью основывалось на авторитете вождя племени. По мере усложнения общественных отношений функции управления начали осуществлять советы старейшин, вечевые собрания и религиозные служители. Эти формы организации общественной власти стали первыми элементами публично-го управления.

Существенное развитие административно-правовые отношения получили в период образования Киевской Руси и становления ранней государственности. В IX–XIV вв. появились первые правовые источники, главным из которых стала «Русская Правда», закрепившая основы общественного порядка и государственного управления¹. В этот период формировались и первые системы управления государством, в частности десятичная система, основанная на распределении населения по административным единицам.

В дальнейшем развитие получила дворцово-вотчинная система управления, которая стала прообразом территориальной организации государственной власти. Она способствовала укреплению централизованного управления и формированию механизмов государственного администрирования. Последующее развитие административно-правового регулирования было связано с процессом централизации Российского государства, усилением власти монарха и созданием специализированных органов государственного управления.

Формирование административно-правовых институтов в России неразрывно связано с процессами централизации государственной власти и становления абсолютистской модели управления. Начальный этап складывания публичного управления относится к XVI–XVII векам, когда возникают приказы – специализированные органы центрального управления, осуществлявшие судебные, фискальные и полицейские функции. Приказная система не знала четкого разграничения компетенций: один орган мог

1 Евсикова Е.В. Актуальные проблемы формирования и развития административно-деликтного законодательства исторических территорий Российской Федерации / Е.В. Евсикова // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27 ноября 2024 года. – Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. С. 212-219.

совмещать судебное разбирательство с взиманием налогов и надзором за торговлей².

Петровские реформы начала XVIII века заложили фундамент современного понимания административной деятельности. Учреждение коллегий в 1718–1720 годах ознаменовало переход от патримониального управления к рационально-бюрократической модели. Генеральный регламент 1720 года впервые регламентировал порядок делопроизводства, служебную иерархию и процедуры принятия решений – элементы, которые в дальнейшем составят основу административного процесса. Появляется понятие «полиция», трактуемое значительно шире современного: согласно позиции Градовского А.Д., изложенной в «Началах русского государственного права»³, полицейское право охватывало все сферы внутреннего управления, включая благочинство, здравоохранение, промышленность и торговлю.

Следует отметить, что первые научные публикации, посвящённые вопросам организации и деятельности государственной администрации, появились в России во второй половине XVIII века. Данные труды были связаны с развитием государственного аппарата и необходимостью правового регулирования управленческой деятельности государства. Именно в этот период начинают формироваться научные представления о публичном управлении, функциях органов власти и механизмах обеспечения государственного порядка. Впоследствии эти исследования стали теоретической основой для возникновения полицейского права, которое в дальнейшем рассматривается как исторический предшественник современного административного права⁴.

Екатерининская эпоха привнесла систематизацию административно-территориального устройства. Учреждение о губерниях 1775 года создало трехзвенную модель: губерния – уезд – волость. Губернатор концентрировал административные, полицейские и частично судебные полномочия. Любопытно, что Устав благочиния 1782 года – один из первых кодифицированных актов полицейского права – детализировал не только репрессивные функции (пресечение беспорядков), но и позитивные обязанности власти: содержание дорог, противопожарные меры, санитарный надзор. Это отражало камералистскую концепцию «полицейского государства», где администрация опекает все стороны общественной жизни⁵.

Начало XIX века стало важным этапом в развитии отечественной пра-

2 Бахрах Д.Н. Административное право России. – М.: Норма, 2000. С. 345-348

3 Козлов Ю.М. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. С. 23-25.

4 Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. Т. 1. История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – М.: Норма, 2002. С. 178-182.

5 Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник. – М.: Норма, 2009. С. 456-459.

вой наукой и юриспруденции в целом. В этот период административное право постепенно оформляется как самостоятельная отрасль права и юридическая дисциплина. По мнению ученых-административистов, уже к 1830 году появляются первые фундаментальные научные исследования, в которых административное право рассматривается как самостоятельная правовая категория, имеющая собственный предмет и методы регулирования. Это свидетельствовало о переходе от исключительно практического понимания государственного управления к его научному и теоретическому осмыслению. Работа Н.П. Рождественского «Основания государственного благоустройства»⁶ разграничила внутреннее управление (полиция безопасности и благосостояния) и внешнее управление (дипломатия, оборона). И.Т. Тарасов в «Учебнике науки полицейского права»⁷ предложил классификацию полицейских мер на предупредительные, пресекательные и восстановительные – прообраз современной триады административного принуждения. Он выделял административную юстицию как особую форму судебного контроля за законностью действий администрации, что было новаторским для российской правовой мысли.

Судебная реформа 1864 года создала предпосылки для формирования административной юстиции⁸. Хотя специализированные административные суды учреждены не были, мировые судьи получили компетенцию по рассмотрению дел о мелких правонарушениях, включая нарушения санитарных, торговых и строительных правил. Правительствующий Сенат выступал высшей инстанцией по надзору за законностью административных актов через институт кассационного обжалования.

Многие исследователи обоснованно приходят к выводу, что как самостоятельная отрасль законодательства административное право в России окончательно оформляется в период реформ, проводимых при императоре Александр II. Именно в это время происходит не только институциональное укрепление системы государственного управления, но и постепенное формирование устойчивой правовой базы, регулирующей деятельность административных органов. Одновременно складываются предпосылки для выделения административного права в самостоятельную научную и учебную дисциплину, что свидетельствует о его зрелости как правового явления.

Существенным подтверждением данного процесса является развитие юридического образования. Как отмечает Н.Е. Бунякин, в 40–50-х годах XIX века в российских университетах начинает преподаваться курс «За-

6 Панов И.В. Административное судопроизводство: проблемы формирования // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 34–37.

7 Тарасов И.Т. Краткий очерк науки административного права (конспект лекций): В 2 т. – Т. 1: Введение и общая часть / И.Т. Тарасов. – Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1888. С. 231.

8 Ивенин А.Э. Этапы становления и развития института административной ответственности военнослужащих в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 162–166.

коны государственного благоустройства и благочиния», в рамках которого рассматривались основы полицейского (административного) права⁹. Данный курс имел системообразующее значение, поскольку формировал у будущих юристов представление о механизмах государственного управления, задачах публичной власти и способах обеспечения общественного порядка. По сути, именно через образовательную систему административное право начинает оформляться как относительно самостоятельная область правового знания.

Следующий этап развития управленческого (административного) права связан с периодом правления императора Александра III. В этот период наблюдается дальнейшее расширение сферы административно-правового регулирования и его содержательное усложнение. Административное право начинает включать в себя элементы муниципального (земского) права, а также отдельные процессуальные институты гражданского и уголовного судопроизводства в части компетенции мировых судей¹⁰. Это отражает тенденцию к интеграции различных правовых механизмов в рамках единой системы публичного управления и усиления роли государства в регулировании общественных отношений.

Особую роль играла губернская административная власть. Губернатор обладал правом издания обязательных постановлений – локальных нормативных актов, регулировавших торговлю, общественный порядок, санитарию. Елистратов А.И. в работе «Основные начала административного права»¹¹ критиковал эту практику за отсутствие законодательных пределов усмотрения: губернатор мог запретить практически любую деятельность под предлогом охраны порядка. Это порождало произвол, компенсируемый лишь частично надзором Сената и министерской иерархией.

Институт административного надзора за политически неблагонадежными лицами представлял собой специфический феномен российского полицейского права. Положение о полицейском надзоре 1882 года допускало установление гласного или негласного надзора, высылку в определенную местность без судебного решения – по постановлению губернатора или министра внутренних дел. Это противоречило принципам правового

9 Кононов П.И. История, проблемы и перспективы развития института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3. № 4. С. 140-166.

10 Бунякин Н.Е. Концепция становления и развития административного права в России: учеб. пособие. Тамбов: ТГТУ, 2002. 148 с.

11 Мотина Д.Ф. Развитие административного права и Становление его в современной России / Д.Ф. Мотина // Реформа контрольно-надзорной деятельности в России: актуальные проблемы теории и практики: Материалы межрегиональной научно-практической студенческой конференции, Пермь, 25 ноября 2021 года / Под научной редакцией А.С. Телегина, О.А. Ивановой, Г.Г. Михалевой. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 153-160.

государства, но отражало охранительную логику самодержавия. Коркунов Н.М., анализируя данный институт, подчеркивал его внесудебный характер и несовместимость с гарантиями личной неприкосновенности¹².

Особую роль в развитии административного права сыграло укрепление абсолютной монархии в Российской империи. Усиление централизованной власти объективно требовало создания эффективной системы государственного управления и правового регулирования деятельности административных органов. Именно в условиях абсолютной монархии полицейское право получило наиболее активное развитие, поскольку государство стремилось обеспечить контроль над общественными процессами, поддержание порядка и стабильности. Полицейское право в этот период охватывало широкий круг вопросов, связанных с внутренним управлением государством, обеспечением общественной безопасности и деятельностью органов исполнительной власти.

Следует отметить, что в рассматриваемый исторический период в странах Европы, прежде всего в Германии, активно формировалась доктринально-правовая основа административного права, которая постепенно привела к отходу от традиционной концепции полицейского права. Европейская юридическая наука начала осознавать необходимость разграничения функций государства, правовых форм управления и методов административного воздействия. В результате складывается новое научное направление, ориентированное на исследование публичного управления как самостоятельного правового феномена.

Особую роль в этом процессе сыграл немецкий ученый-административист Отто Майер, который считается одним из основоположников классической доктрины административного права. В своих научных работах он последовательно обосновывал необходимость выделения административного права в самостоятельную отрасль публичного права. Наиболее значимым трудом в этом контексте является его исследование Немецкое административное право, где автор критически оценивал ограниченность полицейского права и доказывал, что административное право обладает собственным предметом, методом и системой правового регулирования¹³.

Идеи новой административно-правовой доктрины вызвали значительный резонанс в научной среде и среди государственных деятелей, поскольку отвечали потребностям усложняющегося государственного управления. Это способствовало ускоренному развитию административного права как самостоятельной отрасли юридической науки и практики.

12 Памятники российского права: в 35 т.: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. — Москва: Юрлитинформ, 2017. — Т. 34. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. С. 231.

13 Крюков В.Н. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право [учебник] / В.Н. Крюков, Д.А. Егоров, И.И. Мах и др. // Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». — Минск: Академия МВД, 2020. С. 321.

К середине XIX века в юридической доктрине окончательно закрепляется понимание административного права в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как наука, направленная на исследование закономерностей организации и функционирования государственного управления. Во-вторых, как учебная дисциплина, включённая в систему университетского образования и подготовки юристов. В-третьих, как самостоятельная отрасль права, регулирующая общественные отношения в сфере деятельности органов исполнительной власти и взаимодействия государства с гражданским обществом. Такое триединое понимание позволило сформировать целостную систему административно-правового знания.

Формирование административного права как самостоятельной отрасли не носило случайного характера, а было обусловлено рядом объективных историко-правовых факторов. Существенное значение имело развитие философско-правовых учений о природе государства, его роли и функциях в обществе. Постепенное утверждение принципа разделения властей, закрепленного в конституционных актах ведущих государств, потребовало выделения самостоятельного правового регулирования исполнительной власти и формирования соответствующего понятийного аппарата.

Важным фактором также стало развитие международной правовой мысли и активное заимствование зарубежных моделей государственного управления, что способствовало модернизации отечественной правовой системы. Одновременно усложнение общественных отношений, рост административного аппарата и расширение функций государства требовали выработки более совершенных механизмов правового регулирования, направленных на обеспечение публичного порядка и защиту прав граждан. Всё это в совокупности предопределило окончательное оформление административного права как самостоятельной отрасли права и юридической науки.

К началу XX века складывается понимание необходимости реформы административного управления и создания административной юстиции. Проект административного суда, разработанный в 1905–1906 годах, предусматривал учреждение губернских и окружных административных судов с компетенцией по спорам о правах граждан, нарушенных незаконными действиями администрации. Однако проект не был реализован¹⁴. Первая мировая война и революционные события 1917 года прервали эволюцию дореволюционного административного права, многие институты которого – служебная иерархия, административный акт, полицейское принуждение – позднее трансформировались в советскую модель государственного

14 Чесноков С.Н. Историко-правовые аспекты формирования отечественного административного права / С.Н. Чесноков // В зеркале права. 2022: Сборник научных трудов. Том Выпуск 3. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. С. 35-38.

управления, сохранив функциональную преемственность при радикальной смене идеологических оснований.

Проведённое исследование становления системы публичного управления в Российской империи позволяет сделать ряд обобщающих выводов, имеющих как историко-познавательное, так и современное прикладное значение. Дореволюционный период развития административно-правовых институтов охватывает более двух столетий, в течение которых произошёл последовательный переход от патримониальных форм управления, основанных на волевых монарших предписаниях, к относительно стройной системе полицейского права, регулировавшей все сферы внутренней жизни государства. Этот путь не был прямолинейным: он включал этапы поступательного развития, периоды реформ и контрреформ, а также глубокие кризисы, обнажавшие внутренние противоречия между потребностями государственной эффективности и правовыми гарантиями личности.

Во-первых, установлена органическая преемственность между отдельными управленческими институтами. Зародившись в приказной системе Московского государства, публичное управление получило системный импульс в петровских реформах, заменивших разрозненные органы коллегиями с едиными регламентами. Генеральный регламент 1720 года стал не просто техническим документом, но первым кодифицированным актом, заложившим принципы бюрократической рациональности – иерархию, специализацию, документооборот и коллегиальность принятия решений. Екатерининская эпоха, в свою очередь, привнесла территориально-административную системность через Учреждение о губерниях 1775 года и детализировала позитивные обязанности власти в Уставе благочиния 1782 года. Именно в это время формируется камералистская концепция «полицейского государства», где администрация рассматривалась как орудие всесторонней опеки над подданными – от борьбы с пожарами до регулирования цен на хлеб.

Во-вторых, выявлена эволюция правовой доктрины. На протяжении всего периода российская административно-правовая мысль развивалась под двойным влиянием – западноевропейских концепций (прежде всего немецкой полицеистики и камералистики) и внутренних самодержавных традиций. Труды А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, И.Т. Тарасова, А.И. Елистратова заложили фундамент научного осмысления публичного управления, разграничили понятия «полиция безопасности» и «полиция благосостояния», разработали классификацию мер административного принуждения. Однако, в отличие от Германии, где Отто Майер обосновал выделение административного права из полицейского на принципах правового государства и судебного контроля, российская доктрина долгое время оставалась в рамках охранительной парадигмы. Даже в начале XX века административные акты губернаторов и мини-

стров по-прежнему имели широкий простор усмотрения, а внесудебные меры надзора за политически неблагонадежными лицами оставались узаконенным инструментом, что вступало в явное противоречие с постулатами правовой законности.

В-третьих, обнаружены институциональные диспропорции, ставшие причиной системного кризиса. С одной стороны, к концу XIX века российская система публичного управления достигла высокой степени формализации: существовали разветвлённые органы центрального и местного управления, детализированные уставы о службе, чёткая иерархия и регламентированный делопроизводственный порядок. С другой стороны, отсутствие административной юстиции как самостоятельного механизма судебного контроля над администрацией оставляло граждан без эффективной защиты от произвола. Проекты создания административных судов, разработанные в 1905–1906 годах, так и не были реализованы, что усугубляло разрыв между декларируемой законностью и реальной практикой управления. Губернаторские обязательные постановления, издаваемые без законодательных пределов, судебный надзор Сената, эффективный лишь в отношении формальных нарушений, и полицейский надзор, опиравшийся на подзаконные акты, – всё это создавало систему, где право служило скорее инструментом административного усмотрения, нежели ограничителем власти.

Четвёртое обобщение касается оценки реформаторских усилий. Наиболее плодотворным периодом стали 1860–1870-е годы, когда судебная реформа, земские преобразования и городские положения создали предпосылки для формирования элементов административной юстиции и самоуправления. Однако реформы Александра II не были завершены, а последовавшая эпоха контрреформ Александра III отчасти нивелировала либеральные начинания, усилив охранительный характер административного аппарата. В результате к началу XX века система публичного управления, несмотря на свой высокий организационный потенциал, оказалась перегружена бюрократическими процедурами, оторвана от общественных потребностей и лишена гибкости, необходимой для адекватного ответа на вызовы модернизации. Первая мировая война обнажила эти недостатки с беспощадной очевидностью, а революционные события 1917 года положили конец дореволюционной модели, но не прервали функциональной преемственности: многие институты – служебная иерархия, административный акт, полицейское принуждение, система министерств – перешли в советский период, наполнившись новым идеологическим содержанием, но сохранив свою формально-юридическую конструкцию.

В конечном счёте, ретроспективный анализ становления публичного управления в Российской империи показывает, что эволюция от наказных инструкций к полицейскому праву была не просто техническим совершен-

ствованием управленческого аппарата, но сложным социально-правовым процессом, отражавшим глубинные противоречия российского государственного развития. Попытки построить рационально-бюрократическое государство на основе полицейской доктрины наталкивались на отсутствие реальных ограничителей власти, слабость гражданского общества и традицию примата государственного интереса над правом личности. Опыт дореволюционного периода – как позитивные достижения в области систематизации законодательства, разработки административной науки и создания профессионального чиновничества, так и негативные уроки отсутствия административной юстиции, чрезмерной централизации и правовой незащищённости граждан – сохраняет свою актуальность для современных дискуссий о реформировании государственного управления. Понимание исторической логики становления российского административного права позволяет избежать повторения ошибок прошлого и выстроить сбалансированную модель публичного управления, основанную на принципах верховенства права, эффективности и социальной ответственности власти.

Библиографический список

1. Евсикова Е.В. Актуальные проблемы формирования и развития административно-деликтного законодательства исторических территорий Российской Федерации / Е.В. Евсикова // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27 ноября 2024 года. – Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. С. 212-219.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России. – М.: Норма, 2000. С. 345-348
3. Козлов Ю.М. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. С. 23-25.
4. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. Т. 1. История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – М.: Норма, 2002. С. 178-182.
5. Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник. – М.: Норма, 2009. С. 456-459.
6. Панов И.В. Административное судопроизводство: проблемы формирования // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 34-37.
7. Тарасов, И.Т. Краткий очерк науки административного права (конспект лекций): В 2 т. – Т. 1: Введение и общая часть / И.Т. Тарасов. – Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1888. С. 231.
8. Ивенин А.Э. Этапы становления и развития института административной ответственности военнослужащих в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 162-166.
9. Кононов П.И. История, проблемы и перспективы развития института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3. № 4. С. 140-166.
10. Буныкин Н. Е. Концепция становления и развития административного права в России: учеб. пособие. Тамбов: ТГТУ, 2002. 148 с.
11. Мотина Д.Ф. Развитие административного права и Становление его в современной России / Д.Ф. Мотина // Реформа контрольно-надзорной деятельности в России: актуальные проблемы теории и практики: Материалы межрегиональной научно-практической студенческой конференции, Пермь, 25 ноября 2021 года / Под научной редакцией А.С. Телегина, О.А. Ивановой, Г.Г. Михалевой. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 153-160.
12. Памятники российского права: в 35 т.: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л.

Хачатурова. — Москва: Юрлитинформ, 2017. — Т. 34. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. С. 231.

13. Крюков В.Н. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право [учебник] / В.Н. Крюков, Д.А. Егоров, И.И. Мах и др. // Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». — Минск: Академия МВД, 2020. С. 321.

14. Чесноков С.Н. Историко-правовые аспекты формирования отечественного административного права / С.Н. Чесноков // В зеркале права. 2022: Сборник научных трудов. Том Выпуск 3. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, 2022. С. 35-38.

15. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. О языке права в юридической лингвистике // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 102-107.

References

1. Eysikova E.V. Actual problems of the formation and development of administrative-tort legislation of the historical territories of the Russian Federation / E.V. Eysikova // Issues of the development of the state and law: theory, history and practice: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Simferopol, November 27, 2024. — Simferopol: Publishing house "Scientific world", 2025. P. 212-219.

2. Bakhrahk D.N. Administrative law of Russia. — Moscow: Norma, 2000. P. 345-348

3. Kozlov Yu.M. Administrative law: textbook. — Moscow: Jurist, 1999. P. 23-25.

4. Starilov Yu.N. Course of general administrative law. Vol. 1. History. Science. Subject. Norms. Subjects. — M.: Norma, 2002. P. 178-182.

5. Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook. — M.: Norma, 2009. P. 456-459.

6. Panov I.V. Administrative Procedure: Problems of Formation // Journal of Russian Law. 2016. № 3. P. 34-37.

7. Tarasov I.T. Brief Outline of the Science of Administrative Law (Lecture Notes): In 2 Volumes. — Vol. 1: Introduction and General Part / I.T. Tarasov. — Yaroslavl: Typo-lit. G. Falk, 1888. P. 231.

8. Ivenin A.E. Stages of Formation and Development of the Institute of Administrative Responsibility of Military Personnel in Russia // Theory and Practice of Social Development. 2014. № 12. P. 162-166.

9. Kononov P.I. History, Problems, and Prospects for the Development of the Institute of Administrative Responsibility in Russia: On the Twentieth Anniversary of the Adoption of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Justice. 2021. Vol. 3. № 4. P. 140-166.

10. Bunyakin N.E. The Concept of the Formation and Development of Administrative Law in Russia: A Textbook. Tambov: TSTU, 2002. 148 p.

11. Motina D.F. Development of Administrative Law and Its Formation in Modern Russia / D.F. Motina // Reform of Control and Supervisory Activities in Russia: Current Issues of Theory and Practice: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Student Conference, Perm, November 25, 2021 / Edited by A.S. Telegin, O.A. Ivanova, G.G. Mikhaleva. — Perm: Perm State National Research University, 2021. P. 153-160.

12. Monuments of Russian Law: in 35 volumes: textbook and research manual / edited by R.L. Khachaturov. — Moscow: Yurlitinform, 2017. — Vol. 34. Code of the RSFSR on Administrative Offenses. P. 231.

13. Kryukov, V.N. Administrative-tort and procedural-executive law [textbook] / V.N. Kryukov, D.A. Egorov, I.I. Makh, et al. // Educational Institution "Acad. of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus". — Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2020. P. 321.

14. Chesnokov, S.N. Historical and legal aspects of the formation of domestic administrative law / S.N. Chesnokov // In the mirror of law. 2022: Collection of scientific papers. Volume Issue 3. - Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2022. P. 35-38.

15. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. On the Language of Law in Juridical Linguistics // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 102-107.

Дейнека В.Р.

Независимый исследователь, специалист по социальной работе с молодёжью. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»».

Ошибочность эволюционистского тезиса о «детскости» языческого сознания: методологические аспекты*

Аннотация. В статье подвергается критике укоренённое в религиоведении XIX–XX веков представление о языческом сознании как о «детском» или «примитивном». На материале скандинавских космогонических мифов и славянских календарных систем демонстрируется, что архаические религиозные формы обладают внутренней сложностью, не уступающей позднейшим системам, однако организованной по иным принципам. С привлечением теории нетождественности М.И. Стеблина-Каменского и структурного анализа К. Леви-Стросса обосновывается положение о том, что языческое сознание представляет собой не «недоразвитый» вариант более поздних систем, а качественно иной тип мироотношения. В качестве позитивной альтернативы эволюционной шкале предлагаются три операциональных принципа: принцип функциональной эквивалентности, принцип внутренней когерентности и принцип исторической несоизмеримости.

Ключевые слова: философия религии, язычество, эволюционизм, теория нетождественности, Стеблин-Каменский, Леви-Стросс, религиозное сознание, структурализм, примитивизм, онтогенез, политеизм, критика эволюционизма.

Deineka V.R.

Independent researcher, specialist in social work with youth. St. Petersburg State Budgetary Institution "Contact" City Center for Social Programs and Prevention of Antisocial Phenomena Among Youth.

The fallacy of the evolutionary thesis about the “childishness” of pagan consciousness: methodological aspects

Abstract. The article criticizes the notion of pagan consciousness as “childish” or “primitive” rooted in religious studies of the XIX–XX centuries. Based on the material of Scandinavian cosmogonic myths and Slavic calendar systems, it is demonstrated that archaic religious forms have an internal complexity that is not inferior to later systems, but organized according to different prin-

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Бережнова О.В., 2026.

ciples. Using the theory of non-identity of M.I. Steblin-Kamensky and the structural analysis of K. Levi-Strauss substantiates the position that pagan consciousness is not an “underdeveloped” version of later systems, but a qualitatively different type of world attitude. Three operational principles are proposed as a positive alternative to the evolutionary scale: the principle of functional equivalence, the principle of internal coherence, and the principle of historical incommensurability.

Key words: philosophy of religion, paganism, evolutionism, theory of non-identity, Steblin-Kamensky, Levi-Strauss, religious consciousness, structuralism, primitivism, ontogenesis, polytheism, critique of evolutionism.

Введение

В истории религиоведческой мысли длительное время господствовала парадигма, согласно которой религиозные представления человечества образуют единую восходящую линию развития: от «примитивных» форм к «развитым», от политеизма к монотеизму, от магии к религии и науке. В рамках этой парадигмы языческое мировоззрение неизменно получало квалификацию «детского», а архаические культы трактовались как пережиточные явления, сохранившиеся в культуре «взрослого» человечества по аналогии с тем, как в психике взрослого индивида сохраняются следы его детства.

Используя в настоящей работе термин «язычество», автор следует академической традиции, понимая под ним совокупность дохристианских и нехристианских политеистических культов, при этом отдавая себе отчёт в его условности. Данное понятие не обозначает единую религиозную систему, но служит операциональным инструментом для обозначения типологически сходных феноменов, противопоставленных монотеизму библейского происхождения.

Подобное отождествление языческого сознания с детским, однако, обнаруживает свою несостоятельность при обращении к конкретному материалу. Если рассмотреть, например, скандинавский миф о творении, зафиксированный в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, то в нём обнаруживается не «наивная» картина мира, а сложная космогоническая система. Из тела великана Имира возникает весь мироздание: плоть становится землёй, кровь – океаном, кости – горами, череп – небесным сводом, а мозг – облаками [7, с. 23]. Эта система предполагает не только развитое символическое мышление, но и определённую онтологическую логику: мир мыслится как производное от первичного хаотического тела, причём каждая часть этого тела выполняет строго определённую космическую функцию.

Аналогичная сложность обнаруживается в славянских календарных системах, где цикл земледельческих работ жёстко увязан с солнечными фазами, а каждый праздник (Коляда, Купала, Комоедица) закреплён за астрономически выверенной датой и сопровождается многоступенчатым ритуалом, регулирующим отношения между людьми, духами предков и

природными силами [5, с. 45–67]. Эти примеры не единичны, и они ставят под сомнение саму возможность квалифицировать языческое сознание как «примитивное».

Задача настоящей статьи – эксплицировать те методологические основания, на которых такая квалификация построена, и предложить альтернативную оптику. При этом ключевой тезис работы состоит в том, что ошибочность эволюционистского подхода коренится не в недостатке эмпирических данных, а в самой познавательной установке исследователя, который прочитывает типологическое различие как стадияльное.

В качестве операциональной модели привлекаются две взаимодополняющие теоретические рамки: теория нетождественности М.И. Стеблина-Каменского и структурный анализ К. Леви-Стросса. Первая даёт методологический императив – не подходить к архаике с мерками современности; вторая предоставляет конкретный инструментарий для описания внутренней сложности архаического мышления через анализ бинарных оппозиций и классификационных систем [3, с. 78–92].

1. Генезис тезиса о «детскости» языческого сознания: от кальвинизма к прогрессизму

Представление о параллелизме между детством индивида и «детством» человечества сложилось не в результате этнографических наблюдений. Его корни обнаруживаются в соединении двух разнородных интеллектуальных традиций: просвещенческого прогрессизма и кальвинистской антропологии.

Теистические эволюционисты второй половины XIX века – Генри Бичер, Эдвард Коуп, Джозайя Парсонс Кук – активно использовали образ ребёнка для характеристики «примитивных» народов. Однако сам этот образ, как показывает анализ, черпался не из эмпирических данных, а из кальвинистского учения о врождённой испорченности человека. В данной традиции ребёнок предстал как существо лживое, жестокое, необузданное – прямая противоположность идеалу взрослого христианина. Экстраполируя этот образ на «дикарей», эволюционисты получали удобную мишень: язычник квалифицировался как тот же ребёнок, только во взрослом теле и без перспективы спасения [1, с. 45].

Парадокс, однако, заключается в том, что те же авторы выступали с критикой учения о первородном грехе. Как справедливо замечает С.В. Буфеев, «эволюция, направляемая Богом, понималась теистическими эволюционистами как движение поступательного прогресса от низшего к высшему», и эта идея была несовместима с представлением о том, что человек в далёком прошлом лишился изначального совершенства [1, с. 324]. Противоречие, однако, не замечалось: образ «ребёнка» как греховного существа переключался в эволюционизм по инерции, без критического пересмотра. Результатом стал гибридный конструкт – просвещенческий прогресс,

скрещённый с пуританской антропологией.

В этой схеме язычник, дикарь и ребёнок оказались синонимами. Важно подчеркнуть, что данная синонимия имеет не научный, но риторический характер: она выполняла идеологическую работу по обоснованию права европейской цивилизации на «воспитание» других народов. Однако для опровержения этого конструкта недостаточно указать на его идеологические корни – необходимо показать, что архаическое сознание обладает внутренней сложностью, не уступающей сложности сознания «развитых» культур.

2. Сложность архаического мышления: опыт структурализма

Здесь продуктивным оказывается обращение к структурной антропологии Клода Леви-Стросса. В работе «Первобытное мышление» исследователь демонстрирует, что мифологическое сознание оперирует не менее сложными классификационными системами, чем современная наука, – только эти системы построены на иных основаниях [3, с. 120].

Классический пример – анализ тотемических классификаций у австралийских аборигенов, где каждое животное или растение оказывается включённым в сложную сеть бинарных оппозиций: небо/земля, вода/суша, день/ночь, своё/чужое. Эти оппозиции не просто описывают мир – они структурируют социальные отношения, брачные правила, пищевые табу и ритуальные практики. Как пишет Леви-Стросс, «первобытное мышление» является столь же последовательным и логичным, как и мышление научное, но оно оперирует иным набором исходных посылок: оно ориентировано не на преобразование природы, а на её классификацию и символическое освоение [3, с. 245].

Если применить этот подход к анализу скандинавской космогонии, то миф об Имире обнаруживает не хаотичный набор фантастических представлений, а стройную оппозиционную систему: тело великана (хаос, потенция) противопоставлено упорядоченному космосу, созданному богами; каждая часть тела получает своё место в космической иерархии, причём эта иерархия изоморфна социальной структуре – мир асов, мир ванов, мир ётунов и мир людей оказываются связанными отношениями родства, вражды и обмена [7, с. 25–30]. Сложность этой системы сопоставима со сложностью, скажем, неоплатонической онтологии, хотя она выражена не в категориях абстрактной философии, а в мифологических образах.

Аналогичная сложность обнаруживается в славянских календарных системах. Годовой цикл у восточных славян включал не менее 30 значимых праздничных дат, каждая из которых была привязана к солнечным фазам (солнцестояния, равноденствия) и сопровождалась многоступенчатым ритуалом, включающим жертвоприношения, трапезы, обходы дворов, гадания и обрядовые песни [5, с. 89–102]. Этот календарь требовал от общины развитого астрономического знания (без которого невозможно

точно определить дату праздника), сложной социальной координации и длительной устной традиции, фиксирующей последовательность обрядовых действий. Если называть такую систему «детской», то придётся признать, что «детство» способно продуцировать когнитивные структуры, сопоставимые по сложности с теми, что порождаются современной наукой.

3. Теория нетождественности как методологический императив

Если структурализм показывает сложность архаического мышления изнутри его собственной логики, то теория нетождественности М.И. Стеблина-Каменского даёт методологическое обоснование тому, почему эту сложность нельзя оценивать по шкале «высшее – низшее».

Стеблин-Каменский в работах по древнескандинавской литературе сформулировал принцип, получивший название «гипотезы нетождественности»: к древней культуре нельзя подходить с мерками современного человека; исследователь обязан исходить из того, что перед ним – не менее сложный, но устроенный иначе мир. Как пишет И.М. Михайлова, Стеблин-Каменский «противопоставил гипотезу нетождественности гипотезе тождественности: сторонники первой подходят к изучению древней литературы исходя из ее несходства с современной, сторонники второй игнорируют это несходство» [4, с. 10].

Конкретное содержание этого несходства для Стеблина-Каменского включало три ключевых признака древней литературы: безоговорочная вера всех членов общества в описываемые события; неосознанное, коллективное авторство; невыделенность личности из родового коллектива [6, с. 45–50]. Эти признаки, как подчёркивалось, не суть «недоразвитость» или «примитивность»; они представляют собой иной способ существования сознания, при котором оппозиции «правда – вымысел», «факт – интерпретация» просто не работают. Для авторов и адресатов эпоса описываемые события были живыми и реальными; они верили в них не «наивно» (как ребёнок верит в сказку), а институционально – потому что эти события были закреплены в ритуале, в социальной структуре, в топографии сакрального пространства [6, с. 52]. Их вера была не результатом незрелости, а результатом иного способа конструирования реальности.

В данной работе предпринимается экстраполяция этого принципа на сферу религиозного сознания. Языческие представления о богах, духах, сакральном порядке предлагается рассматривать не как «наивные объяснения» непонятных явлений природы, но как полноценную картину мира, внутри которой причинность, субъектность и сакральность спаяны иначе, чем в монотеизме или в секулярном мышлении. Квалифицировать эту картину как «детскую» означает совершить ту же ошибку, которую Стеблин-Каменский диагностировал у своих оппонентов: они «начинали светиться, так сказать, отражённым светом» – видели в древности лишь уменьшенную копию современности [6, с. 15].

4. Гетерогенность рассудка и разума: кантовская рамка

Здесь необходимо остановиться на проблеме, которую обычно обходят стороной: если эволюционная шкала не работает, то чем её заменить? Одна из возможностей предлагается философией Иммануила Канта, точнее – его различием рассудка и разума.

В «Критике чистого разума» Кант разводит эти две способности: рассудок подводит многообразие чувственности под единство правил (категорий); разум, в свою очередь, стремится к безусловному единству всех условий – к абсолютному основанию [2, с. 305]. Важно, что у Канта рассудок и разум не находятся в отношении «низшее – высшее»; они гетерогенны, то есть выполняют принципиально разные функции и не могут быть сведены один к другому. Рассудок – это способность суждения, разум – способность целеполагания и поиска безусловного.

Если применить это различие к анализу религиозных форм, то обнаруживается следующее. Языческий анимизм может быть интерпретирован как работа рассудка, ищущего причину всякого явления: духи, боги, демоны выступают в роли персональных причин для событий природного и социального мира. Монотеизм, напротив, есть работа разума, ищущего не причину, а основание: Бог – не одна из причин среди прочих, а условие возможности всего сущего. Но поскольку рассудок и разум у Канта гетерогенны, их нельзя выстроить в эволюционную последовательность, где рассудок был бы «детской» стадией разума. Это принципиально разные операции мышления, каждая из которых имеет свою логику и свою область применения.

Иными словами, переход от политеизма к монотеизму – это не «взросление» мышления, а смена типа мышления: от поиска причин внутри мира к поиску основания мира. И этот переход не отменяет сложности предыдущего типа: классификационные системы языческого сознания могут быть столь же сложными, как и теологии монотеизма, но их сложность организована иначе. Именно эта кантовская интуиция гетерогенности и замыкает критику эволюционизма: эволюционная шкала требует сопоставимости, а там, где налицо принципиальная гетерогенность, сопоставление по шкале «высшее – низшее» теряет смысл.

5. Три операциональных принципа вместо эволюционной шкалы

Критика эволюционизма не должна оставаться голословной. Взамен шкалы «высшее – низшее» предлагаются три операциональных принципа, которые могут быть положены в основу позитивной исследовательской программы.

Первый принцип – функциональной эквивалентности. Различные религиозные системы выполняют в своих культурах аналогичные функции: интеграцию социума, трансляцию знания, психологическую регуляцию, легитимацию власти. Сравнивать их следует не по сложности догматики (которая может быть разной), а по эффективности выполнения этих функ-

ций в конкретном культурном контексте. Языческий календарь не менее эффективно регулирует жизнь общины, чем церковный календарь в христианской культуре; разница не в «зрелости», а в способе регуляции.

Второй принцип – внутренней когерентности. Каждая религиозная система должна изучаться на предмет её собственной логической связности, а не на предмет её соответствия внешним критериям «развитости». Скандинавская космогония, как показано выше, обладает собственной онтологической логикой; славянский ритуальный цикл имеет собственную временную структуру. Критерием оценки выступает не степень приближения к монотеизму, а степень непротиворечивости системы внутри собственных границ.

Третий принцип – исторической несоизмеримости. Религиозные формы невыводимы одна из другой и не образуют единой линии развития. Политеизм не «преодолевается» монотеизмом – он может сосуществовать с ним (как в индуизме), трансформироваться в него (как в античных философских системах, где политеизм переосмысливается как иносказание единого), или исчезать без следа (как религии многих малых народов). Историческая связь между ними не является эволюционной – она является типологической.

Эти три принципа дают исследователю конкретные инструменты анализа и позволяют отказаться от пустой риторики «инаковости» без её операционализации.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует констатировать: эволюционистский ярлык «детскости» в применении к языческому сознанию представляет собой не диагноз, поставленный наукой, но симптом нерелефлексированной культурной установки. Различия между религиозными традициями не отрицаются, однако предлагается изучать их не в категориях «выше – ниже», а в категориях иной функциональной организации, иной когерентности и иной исторической логики.

Конкретный анализ скандинавских космогоний и славянских календарных систем показывает, что архаическое сознание оперирует сложными классификационными системами, сопоставимыми по сложности с системами более поздних религий. Структурализм Леви-Стросса даёт инструменты для описания этой сложности, теория нетождественности Стеблина-Каменского – методологический императив не подходить к ней с мерками современности, а кантовское различие рассудка и разума – философское обоснование гетерогенности религиозных форм, исключающее их выстраивание в эволюционную шкалу.

В качестве позитивной альтернативы предлагаются три операциональных принципа: функциональной эквивалентности, внутренней когерентности и исторической несоизмеримости. Эти принципы позволяют перейти-

ти от монологического оценивания к диалогическому пониманию – а это, собственно, и есть та подлинная научная зрелость, которую религиоведение обретает на современном этапе своего развития.

Библиографический список

1. Буфеев С.В. Православное учение о Сотворении и теория эволюции: монография / С.В. Буфеев. – М.: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. 438 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Наука, 1998. 654 с.
3. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс; пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. 384 с.
4. Михайлова И.М. Идеи книг М.И. Стеблина-Каменского о древнескандинавской литературе как ключ к интерпретации поэмы Мартинуса Нейхофа «Аватер» (1934) / И.М. Михайлова // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 5-18.
5. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. 192 с.
6. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1984. 153 с.
7. Стурлусон С. Младшая Эдда / С. Стурлусон; изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – М.: Наука, 1970. 258 с.
8. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс-Культура, 1995. 621 с.
9. Beecher H.W. Evolution and Religion / H.W. Beecher. – New York: Pilgrim Press, 1885. 145 p.
10. Mahler M.S. On the First Three Subphases of the Separation-Individuation Process / M.S. Mahler // The Psychoanalytic Study of the Child. 1970. Vol. 25. P. 34-45.
11. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль государства в управлении экономикой на современном этапе: пути решения // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 9-17.

References

1. Bufeef S.V. The Orthodox Doctrine of Creation and the Theory of Evolution: Monograph / S.V. Bufeef. - Moscow: Russian Publishing Center named after St. Basil the Great, 2014. 438 p.
2. Kant I. Critique of Pure Reason / I. Kant; translated from German by N.O. Lossky. - Moscow: Nauka, 1998. 654 p.
3. Levi-Strauss K. Primitive Thought / K. Levi-Strauss; translated from French by A.B. Ostrovsky. - Moscow: Respublika, 1994. 384 p.
4. Mikhailova I.M. The Ideas of M.I. Steblin-Kamensky's Books on Old Norse Literature as a Key to the Interpretation of Martinus Nijhoff's Poem "Awater" (1934) / I.M. Mikhailova // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. Issue 1. P. 5-18.
5. Propp V. Ya. Russian Agrarian Holidays (An Essay on Historical and Ethnographic Research) / V. Ya. Propp. – Moscow: Labyrinth, 2000. 192 p.
6. Steblin-Kamensky M.I. The World of the Saga. The Formation of Literature / M.I. Steblin-Kamensky. – Leningrad: Nauka, 1984. 153 p.
7. Sturluson S. The Younger Edda / S. Sturluson; prepared by O.A. Smirnitckaya, M.I. Steblin-Kamensky. – Moscow: Nauka, 1970. 258 p.
8. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoeic: Selected Works / V.N. Toporov. – M.: Progress-Culture, 1995. 621 p.
9. Beecher H.W. Evolution and Religion / H.W. Beecher. – New York: Pilgrim Press, 1885. 145 p.
10. Mahler M.S. On the First Three Subphases of the Separation-Individuation Process / M.S. Mahler // The Psychoanalytic Study of the Child. 1970. Vol. 25. P. 34-45.
11. Shuplenkov O.V., Shuplenkov N.O. The role of the state in economic management at the present stage: solutions // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 9-17.

Дмитриев Г.Г.

Ведущий научный сотрудник. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Бодяков В.Н.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Психолого-криминалистический портрет современного киберпреступника*

Аннотация. В статье исследуются психолого-криминалистические аспекты выявления и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Авторами выявлены типовые особенности личности киберпреступника и на этой основе сформулировать прикладные рекомендации для следственных действий. На базе анализа норм УК РФ и правоприменительной практики (в т. ч. по ст. 110, 110.1 УК РФ) предложена двухгрупповая типология подозреваемых – с выраженными и со слабовыраженными психическими расстройствами – с описанием их психоэмоциональных характеристик. Разработан алгоритм действий следователя: освидетельствование подозреваемого перед допросом, исследование его цифрового профиля, назначение психолого-психиатрической и психолого-лингвистической экспертиз. Практическая значимость – в повышении эффективности сбора допустимых доказательств и снижении противодействия расследованию; рекомендации применимы в следственной практике и при формировании частных криминалистических методик.

Ключевые слова: личность подозреваемого, интернет-ресурс, преступления против личности, информационно-телекоммуникационная сеть, девиация, особенности личности, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, цифровой профиль.

Dmitriev G.G.

Leading Researcher, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

Bodyakov V.N.

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Forensic Science, Faculty of Law. Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.

* © Дмитриев Г.Г., Бодяков В.Н., 2026.

Cybercriminal committing crimes against the individual: a psychological and forensic portrait

Abstract. The article examines the psychological and forensic aspects of identifying and investigating crimes against the person committed using information and telecommunications networks. The authors have identified typical personality traits of a cybercriminal and, based on this, have formulated practical recommendations for investigative actions. Based on an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice (including under Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), a two-group typology of suspects has been proposed – those with pronounced and those with mild mental disorders – along with a description of their psycho-emotional characteristics. An algorithm for the investigator's actions has been developed: examining the suspect before interrogation, studying their digital profile, and ordering psychological-psychiatric and psychological-linguistic examinations. The practical significance lies in increasing the efficiency of collecting admissible evidence and reducing resistance to the investigation; the recommendations are applicable in investigative practice and when forming private criminalistics.

Key words: criminal identity, internet-resource, crimes against a person's identity, information and telecommunication network, deviation, personality traits, forensic support for crime investigation, digital profile.

Введение

Научное осмысление процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети, представляет собой комплексное трудоемкое междисциплинарное поле исследований, базирующихся на знаниях криминологической, уголовно-процессуальной, криминалистической науки, сфере психологии, социологии и медицины. При этом важнейшим звеном всего механизма преступного поведения остаются особенности личности преступника, а, следовательно, именно они выступают одной из центральных предметов исследования всех наук криминального профиля [Эминов, Антонян, с. 1-2]. Соглашаясь с мнением профессора Варданяна А.В. в том, что понятие субъекта преступной деятельности в криминалистическом аспекте имеет статус универсальной криминалистической категории [Варданян, с. 250], отметим, что знание типичных данных о личности преступника, позволяет органам предварительного расследования грамотно и эффективно устанавливать обстоятельства совершенного преступления не только по цепочке «от преступления к преступнику», но и наоборот «от преступника к преступлению», в том числе выявлять новые эпизоды противоправной деятельности, соучастников преступлений, а также потерпевших.

Методы.

При подготовке материалов статьи были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы и нормативной доку-

ментации, обобщение, классификация.

Результаты и обсуждение.

Сравнительно-правовой ретроспективный анализ содержания главы VII «Преступления против личности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее- УК РФ)¹ позволяет установить корреляционную связь и трансформацию указанных групп преступлений с развитием Интернет-коммуникации, а, следовательно, изменением механизма совершения преступлений, обуславливающего необходимость исследования психолого-криминалистических типовых особенностей личности современного киберпреступника. В девятнадцати из шестидесяти пяти статей Особенной части УК РФ рассматриваемого раздела, квалифицирующим признаком состава преступления указывается такой признак как публичная демонстрация преступления в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет».

Поэтапная законотворческая деятельность по дополнению диспозиций статей раздела VII УК РФ также свидетельствует о злободневности проблемы выработки эффективных мер тактико-психологического и криминалистического обеспечения противодействия совершению преступлений против личности с использованием кибер-пространства, в котором зачастую либо отсутствует непосредственный контакт подозреваемого и потерпевшего, либо он подменяется цифровой анонимностью, представляемой сложность выявления и установления механизма следообразования для сотрудников органов предварительного расследования.

Связывая аномальные социокультурные качества и биологические черты личности виновного лица с влиянием на характер совершенного преступления, механизм следообразования, выбор способа их сокрытия, мотив и способ совершения преступления [Влезько, с. 187], отметим, что современная инфосоциализация, распространение деструктивного Интернет-контента, треш-стриминговых платформ и сообществ оказывает

1 Автором проведен ретроспективный анализ диспозиций составов преступлений, отраженных в статьях 105-157 УК РФ по состоянию на 25.05.2026. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: [федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ] // Рос. газ. 2013. № 295. 30 дек.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: [федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ] // Рос. газ. 2017. № 125. 9 июня; О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: [федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 538-ФЗ] // Рос. газ. 2021. № 2. 12 янв.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: [федер. закон от 6 марта. 2022 г. № 38-ФЗ] // Рос. газ. 2022. № 52. 11 марта; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 218-ФЗ] // Рос. газ. 2024. № 181. 15 авг.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 514-ФЗ] // Рос. газ. 2025. № 3. 10 янв.

конструктивно-сущностное влияние на типовую модель личности подозреваемого как предмета исследования. В этой связи исследование психолого-криминалистического обеспечения расследования преступлений против личности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, мессенджеров, сервисов и коммуникативных интернет-платформ находится в тесной методологической связи с каждым из разделов науки криминалистики:

1. Связь психолого-криминалистической составляющей с криминалистической техникой, обусловлена выбором средств и методов работы по обнаружению, фиксации и изъятию материальных и цифровых следов преступной деятельности. Осмотр места происшествия, осмотр предметов сопряжен с использованием стационарных и мобильных программно-аппаратных комплексов, позволяющих работать с цифровыми данными, в том числе и удаленными, облачными хранилищами смартфонов и компьютеров.

2. Особенности личности киберпреступника, совершившего посягательство на права, свободы, личность потерпевшего при помощи интернет-коммуникации, позволяют выработать эффективные тактические приемы проведения осмотра места происшествия, обыска, допроса, проверки показаний на месте и иных процессуальных действий, предопределяя эмоционально-девиантные особенности поведения лица в момент документирования результатов следственного действия. Например, при отказе от дачи показаний во время допроса, попытках уничтожения или сокрытия следов преступления при производстве обыска наиболее эффективным выступает прием по разъяснению правовых оснований применения мер пресечения к подозреваемому с указанием для него правоограничительных последствий на время предварительного расследования преступлений.

3. Психолого-криминалистическое исследование личности подозреваемого рассматриваемой группы преступлений является частью научно-методического обеспечения противодействия киберпреступлениям, то есть обуславливает разработку частной криминалистической методики, включающей тактико-криминалистическое, оперативно-розыскное, судебно-экспертное сопровождение расследования.

Анализ материалов правоприменительной практики установления обстоятельств преступления, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ, в частности интерпретации результатов судебных психолого-психиатрических экспертиз позволяет выявить типовые релевантные психолого-психиатрические данные о лице, совершившем преступление против личности с использованием инструментов виртуальной коммуникации, определив их в две основные группы:

1. Лица без ярко-выраженных или слабовыраженным психическим расстройством личности.

К типовым особенностям психоэмоционального состояния личности

подозреваемого этой группы относятся:

- отсутствие грубых нарушений памяти, мышления, интеллекта, критических и прогностических способностей;
- вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость, недостаточное развитие конструктивных способов разрешения проблемных и конфликтных ситуаций;
- зависимость от психоактивных веществ (психостимуляторов), смешанные, тревожные, депрессивные реакции, не сопровождающиеся угнетением сознания;
- внешнеобвиняющий и внешнеобязывающий характер умозаключений и суждений;
- отсутствие расстройств сексуального предпочтения;
- состояния эмоционального возбуждения, обусловленные периодическим злоупотреблением спиртными напитками;
- эгоцентричность, демонстративность, агрессивность действий и коммуникации, неустойчивость в эмоциональных проявлениях поведения.

2. Лица с выраженным психическим расстройством личности. Типовыми особенностями личности этой группы подозреваемых выступают:

- временное психическое расстройство (например, «Неорганическое психическое расстройство», «Эмоциональное расстройство личности»);
- малая доступность или исключение доступности к межличностному контакту;
- раздражительность, негативизм, импульсивность;
- бредовые идеи (например, на религиозную или политическую, социальную тематику);
- аутохтонные (бессвязные, самопроизвольные) аффективные колебания настроения или неадекватность эмоциональных проявлений;
- гомицидоманические идеи (концепция мысли об убийстве и насилии);
- признаки болезненных аномалий сексуальности.

Предложенная классификация включает в себе превентивный потенциал минимизации противодействия расследованию преступлений рассматриваемой группы, закладывает основу для разработки тактико-криминалистических рекомендаций проведения отдельных следственных действий, направленных на установление достоверных и допустимых доказательств по уголовному делу.

Заключение.

В этой связи, конструкция алгоритма действий субъекта предварительного расследования должна включать:

1. Проведение освидетельствования подозреваемого перед проведением допроса с целью установления отсутствия выраженного психоэмоционального напряжения, возбуждения, подавленного фона настроения,

которое в последующем может привести к отказу от дачи показаний либо двойственности, явным противоречиям в изложении события (обстоятельств) преступления.

2. Исследование цифрового профиля подозреваемого: данных интернет-страницы пользователя социальной сети, иных цифровых данных (истории пользовательского запроса на видеохостингах, поисковых браузерах).

Осмотр предмета (компьютера, смартфона) позволяет задокументировать интерес подозреваемого к просмотру треш-стримов, фильмов в жанре «хоррор» или «боди-хоррор», «триллер», «ужасы», включению в деструктивные интернет-сообщества, косвенно свидетельствующие о проявлении интереса к насилию, девиантному поведению.

3. Проведение не только психолого-психиатрической судебной экспертизы, но и психолого-лингвистической судебной экспертизы, объектом которой являются переписки подозреваемого в мессенджерах, социальных сетях с целью установления признаков систематического унижения человеческого достоинства и личности потерпевшего, психологического насилия, эмоциональной заброшенности, содержания и смысла оскорблений, неприязни, манипулирование действиями и поведением.

Указанные рекомендации направлены на научно-прикладное осмысление ряда аспектов частной методики расследования киберпреступлений против личности, а также выработку эффективных мер привлечения к уголовной ответственности виновных лиц при совершении преступлений с использованием цифрового пространства.

Библиографический список

1. Вардanian А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 244-251.
2. Влезко Д.А. Значение личности преступника в криминалистике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 186-189.
3. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 37-50.
4. Бирюков С.В., Карпов Д.С. Справедливая Россия: эволюция роли и трансформация имиджа партии // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 18-26.

References

1. Vardanyan A.V. The Subject of a Crime and the Personality of a Criminal as Interdisciplinary Categories of Criminal Law Sciences: Issues of Correlation and Integration // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2016. Vol. 10. № 2. P. 244-251.
2. Vlezko D.A. The Importance of a Criminal's Personality in Forensic Science // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (87). P. 186-189.
3. Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The Personality of a Criminal and Its Formation // Actual Problems of Russian Law. 2015. № 1 (50). P. 37-50.
4. Biryukov S.V., Karpov D.S. Fair Russia: evolution of the role and transformation of the party's image // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 18-26.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказская государственная академия».

Соколова О.В.

Кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры управления и экономики фармации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Алексеева К.С.

Преподаватель кафедры управления и экономики фармации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Социум в зеркале эпидемий*

Аннотация. В статье эпидемия рассматривается не как изолированный биомедицинский казус, а как сложный социальный организм, в котором переплетаются природные, культурные, политические и экзистенциальные измерения. Опираясь на философские концепции (от Фукидида до Фуко и Сорокина) и историко-медицинские исследования, авторы показывают, что массовые инфекционные вспышки выступают одновременно зеркалом общества (обнажая его скрытые структуры, ценности и противоречия), катализатором социальных трансформаций (меняя демографию, экономику, институты) и полигоном для апробации властных техник – от карантинной дисциплины до биополитики риска. Особое внимание уделяется процессам социального конструирования эпидемической реальности, проникновения медицинских норм в повседневность и парадоксальному сочетанию распада социальных связей с рождением новых форм солидарности. Авторы приходят к выводу, что коллективный опыт пандемий изменяет не биологию человека, а его социальное воображение, представления о норме, границах индивидуальной свободы и легитимности государственного вмешательства, что делает осмысление эпидемий одной из ключевых задач современной социальной философии и исторической антропологии.

Ключевые слова: социальная патология, биополитика, дисциплинарные практики, социальное конструирование реальности, историческая антропология, anomia, солидарность, власть и знание, пандемия как событие, карантинная модель, общество риска.

Kalabekova S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

* © Калабекова С.В., Соколова О.В., Алексеева К.С., 2026.

Социум в зеркале эпидемий

Sokolova O.V.

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Economics of Pharmacy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Medical University" of the Ministry of Health of Russia.

Alekseeva K.S.

Teacher at the Department of Management and Economics of Pharmacy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Medical University" of the Ministry of Health of Russia.

Society in the mirror of epidemics

Abstract. The article examines the epidemic not as an isolated biomedical incident, but as a complex social organism in which natural, cultural, political, and existential dimensions intertwine. Drawing on philosophical concepts (from Thucydides to Foucault and Sorokin) and historical-medical research, the author demonstrates that mass infectious outbreaks simultaneously act as a mirror of society (revealing its hidden structures, values, and contradictions), a catalyst for social transformations (changing demographics, the economy, and institutions), and a testing ground for power techniques – from quarantine discipline to the biopolitics of risk. Particular attention is paid to the processes of the social construction of epidemic reality, the medicalization of everyday life, and the paradoxical combination of the breakdown of social ties with the emergence of new forms of solidarity. The author concludes that the collective experience of pandemics does not change human biology, but rather the social imagination, ideas about the norm, the boundaries of individual freedom, and the legitimacy of state intervention, which makes understanding epidemics one of the key tasks of modern social philosophy and historical anthropology.

Key words: social pathology, biopolitics, disciplinary practices, social construction of reality, historical anthropology, anomie, solidarity, power and knowledge, pandemic as an event, quarantine model, risk society.

В общепринятом понимании эпидемия закреплена за медицинской и эпидемиологической сферой – областями, предмет которых составляют возбудители инфекций, механизмы их распространения и терапевтические стратегии. Однако уже с древности мыслители и наблюдатели фиксировали нечто, выходящее далеко за пределы чисто биологического процесса. Фукидид, описывая Афинскую чуму, запечатлел не столько симптомы болезни, сколько распад социальных связей, крушение нравственных устоев и политический хаос, сопутствовавшие морю. Этот интуитивный прозорливый взгляд впоследствии нашёл систематическое развитие в философии и социальной истории.

Сегодня, в постпандемическую эпоху, вопрос о том, что такое эпидемия – медицинский факт или социальный феномен, – приобретает особую остроту. Как справедливо отмечают исследователи, эпидемии – это не про-

сто медицинские феномены; они часто возникают из социально-исторических ситуаций и разворачиваются как социальные и исторические события [1]. Цель исследования – показать, что эпидемия является социальным феноменом в трёх взаимосвязанных смыслах: во-первых, как событие, конструируемое и интерпретируемое обществом; во-вторых, как фактор, преобразующий социальную структуру и институты; и в-третьих, как пространство реализации властных отношений и биополитических стратегий.

ЭПИДЕМИЯ МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Философское осмысление эпидемии неизбежно сталкивается с фундаментальным вопросом: где проходит граница между естественным и социальным в феномене массовой заболеваемости? С одной стороны, эпидемия имеет очевидное природное ядро – патоген, мутацию, зоонозный перенос. С другой – её течение, масштаб, последствия и даже само распознавание в качестве «эпидемии» опосредованы социальными факторами.

Современная философия науки предлагает рассматривать эпидемии и пандемии как социальные патологии, что предполагает отказ от наивного натурализма. Хотя эпидемии порождаются естественными процессами, такими как зоонозный перенос, их распространение среди людей происходит через социальные факторы – межличностные контакты, путешествия, торговлю и войны [2]. Иначе говоря, биологическое событие становится эпидемией именно благодаря социальной ткани, по которой оно распространяется.

Особого внимания заслуживает концепция социального конструирования эпидемического бедствия. Этот подход утверждает, что всё знание в человеческом сообществе является результатом индивидуальных вкладов, многочисленных и разнообразных точек зрения, интерпретаций, эмоций и коллективных ошибок, которые эволюционируют во времени [4]. Эпидемия как событие не дана нам в чистом виде; она всегда уже осмыслена, означена, вписана в нарративы страха, вины, надежды или солидарности. Феномен пандемии мобилизует символические, экзистенциальные и биологические иммунные системы человека, а её осмысление часто находит выражение в базисных метафорах культуры [3].

ЭПИДЕМИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Историческая ретроспектива убедительно показывает, что эпидемии были не просто эпизодами в череде событий, но мощнейшими факторами, формировавшими облик цивилизаций. Историк медицины Фрэнк Сноуден в своём фундаментальном труде «Эпидемии и общество» демонстрирует, как массовые инфекционные вспышки формировали общество со времён Чёрной смерти до наших дней [5]. Он настаивает на том, что

для понимания социальных процессов инфекционные заболевания так же важны, как экономические кризисы, войны, революции и демографические изменения [5].

Влияние эпидемий многогранно. Они не только меняли демографическую структуру, но и трансформировали религиозные представления, искусство, становление современной медицины и общественного здравоохранения [6]. Так, иконография «плясок смерти», изображения святых Себастьяна и Роха, возникшие в XIV–XVI веках в ответ на чуму, выполняли важную адаптивную функцию – они упорядочивали бытие-в-мире, удерживали связь с Другим в условиях, когда эпидемия разрушала социальные связи и порождала состояние аномии [6]. Эпидемия оказывалась не только разрушительной силой, но и стимулом для создания новых культурных форм, способных восстановить утраченную социальную ткань.

Питирим Сорокин, анализируя социальные бедствия, помещал эпидемии в один ряд с войной и революцией, рассматривая их как «социальных монстров» [7]. Он исследовал, как эти бедствия влияют на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь [7]. Эпидемия, по Сорокину, обнажает скрытые структуры общества, заставляет пересмотреть иерархии ценностей, активизирует механизмы социальной солидарности, но одновременно порождает панику, эгоизм и распад привычных форм взаимодействия.

БИОПОЛИТИКА И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ: ВЗГЛЯД МИШЕЛЯ ФУКО

Наиболее влиятельная философская концепция, объясняющая институциональный смысл эпидемий, принадлежит Мишелю Фуко. В работах по социальной истории медицины Фуко демонстрирует, что эпидемия является не просто угрозой здоровью, но и поводом для совершенствования техник власти [8].

Фуко выделяет две ключевые модели реагирования на эпидемическую угрозу, которые становятся образцами для властных практик в целом. Первая – это исключение, практиковавшееся в отношении прокажённых: их изолировали, помечали, выводили за границы социального тела. Вторая – дисциплина, воплотившаяся в карантинных мерах против чумы: строгая сегрегация, тотальный надзор, фиксация каждого индивида в пространстве. Эти антиэпидемические меры Фуко называет «компактными моделями» отношений власти [8].

Особенно важна фукианская идея о связи между физическим телом индивида и «социальным телом» государства [8]. Болезнь поражает не только бrenную человеческую плоть, но и социальное тело государства [8]. Во второй половине XVIII века, как показывает Фуко, формируется «политика здоровья», которая радикально изменяет городское про-

странство и становится одной из важнейших техник управления [8]. В лекциях «Безопасность, территория, население» он вводит понятие «царствующей» болезни, противодействие которой способствует формированию специфических «техник населения» в конкретный исторический период. На примере оспы показывается развитие нового режима власти – «безопасности», построенного на оценке риска, а не на простом запрете или изоляции [8].

Таким образом, эпидемия у Фуко выступает как своеобразный полигон для испытания и отработки властных технологий, которые затем распространяются на другие сферы социальной жизни – от образования до управления экономикой.

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Современные исследования, опирающиеся на фукианскую традицию, рассматривают эпидемии как фактор медиализации социального контроля. В монографии «Пандемия в обществе потребления: власть медицины в формировании нового социального порядка» анализируются социокультурные и исторические аспекты развития эпидемий, трансформация института медицины, медиализация практик социального контроля и институциональные изменения общества в целом [9].

Эпидемия в современном обществе потребления не просто требует медицинского ответа – она легитимирует расширение властных полномочий медицинских институтов, внедрение новых форм наблюдения, регламентацию повседневного поведения. Карантин, социальное дистанцирование, обязательная вакцинация – все эти меры, будучи медицински обоснованными, одновременно являются дисциплинарными практиками, переопределяющими границы между публичным и частным, нормой и отклонением.

В этом контексте показательно, что пандемия COVID-19 стала первым опытом для большей части населения планеты, когда новой болезни были противопоставлены беспрецедентные меры полной самоизоляции [9]. Это событие актуализировало философские вопросы о природе социального контракта, о соотношении индивидуальной свободы и коллективной безопасности, о границах государственного вмешательства. Пандемия трансформирует общество, часто становится причиной неожиданных и радикальных социальных изменений, травмирующих социальный организм подобно телесной или психической травме [11]. Заметим, что пандемия является одним из спутников человечества с давних времён, не смотря на развитие медицинской и фармакологической науки. В качестве причин возникновения пандемии называются разные обстоятельства: сакральные (нарушение божественных законов), бытовые (антисанитарные условия), цивилизационные (технократическое вмешательство человечества в окру-

жающую среду), демографические (перенаселение земного шара) и другие. Поэтому феномен пандемии требует комплексного постижения специалистами в области медицины, социологами и философами [12].

ЭПИДЕМИЯ, СОЛИДАРНОСТЬ И РАСПАД СОЦИАЛЬНОГО

Парадоксальным образом эпидемия одновременно разрушает и созидает социальные связи. С одной стороны, страх заражения ведёт к изоляции, недоверию, стигматизации больных и «чужих». Фукидид засвидетельствовал, как Афинская чума привела к распаду моральных норм и атомизации общества. С другой стороны, как показывают историки и социальные антропологи, наряду с закономерными негативными последствиями эпидемий в обществе получали развитие разные формы помощи, социальной ответственности и социальной солидарности [10].

Эпидемия обнажает базовые структуры социального бытия, ставит человека перед экзистенциальными вопросами смерти, уязвимости, конечности. В этом смысле она является не только медицинским или политическим, но и экзистенциальным событием, требующим от человека и общества пересмотра фундаментальных ценностей. Авторы, исследующие феномен пандемии в метафизическом, антропологическом и социальном измерениях, подчёркивают, что пандемия мобилизует не только биологические, но и символические иммунные системы [14].

Важно отметить, что эпидемия не просто «случается» с обществом; общество активно её конструирует – через дискурсы, меры реагирования, нарративы о жертвах и героях, через распределение ответственности и вины. Как показано в исследованиях социального конструирования реальности, универсальные и специфичные черты социальных бедствий, в частности эпидемий, формируют политику спасения [13].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что эпидемия как социальный феномен не может быть адекватно понята в рамках одной лишь медицины или эпидемиологии. Она представляет собой сложное, многослойное явление, в котором переплетаются природные, социальные, культурные и политические измерения.

Философская рефлексия, от Фукидида до Фуко и Сорокина, показывает, что эпидемия всегда была и остаётся зеркалом общества – она обнажает его скрытые структуры, иерархии, ценности и противоречия. Одновременно эпидемия является инструментом социального преобразования – она меняет демографию, экономику, культуру, институты и сам способ осуществления власти. Наконец, эпидемия – это пространство конструирования реальности, где сталкиваются различные интерпретации, нарративы и стратегии поведения.

Постпандемический мир, каким бы он ни был, уже не будет прежним – не потому, что вирус изменил нашу биологию, а потому, что коллективный

опыт пандемии изменил наше социальное воображение, наши представления о норме, риске, солидарности и власти. Осмысление этого опыта на стыке философии и истории медицины остаётся одной из важнейших интеллектуальных задач современности.

Библиографический список

1. Friedman, Samuel R. Dialectical Theory and the Study of HIV/AIDS and Other Epidemics. *Dialectical Anthropology*, 2011. Vol. 35. P. 403-427. – DOI: 10.1007/S10624-011-9222-1.
2. Corrado Piroddi. Epidemics and Pandemics as Social Pathologies: A Critical-Naturalist Proposal. *Critical Horizons*. 2025. Vol. 26 (4). P. 380-400. – DOI: 10.1080/14409917.2026.2644842 // URL: https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/235337/Epidemics_and_Pandemics_as_Social_Pathologies_A_Critical-Naturalist_Proposal.pdf?sequence=1&isAllowed=y
3. Марков Б.В., Сергеев А.М., Бочарников В.Н. Феномен пандемии сквозь призму метафизического, антропологического и социального измерений. *Человек*. 2020. Т. 31. № 3. С.7-24. – DOI: 10.31857/S023620070010034-4.
4. Smith G.D. COVID-19: Emerging compassion, courage and resilience in the face of misinformation and adversity / G.D. Smith, F. Ng, W. Ho Cheung Li // *Journal of Clinical Nursing*. 2020. Vol. 29. № 9-10. P. 1425-1428. – DOI: 10.1111/jocn.15231.
5. Сноуден Ф. Эпидемии и общество: от Черной смерти до новейших вирусов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 620 с.
6. Куксо К.А. Типы и предназначение образов эпидемического бедствия: социально-философский анализ // *Вестник РХГА*. 2022. Т. 23 (4). С. 11-24.
7. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. – М: Академический проект, 2022. 399 с. // URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=11305>
8. Блинов Е. «Царствующая болезнь»: Фуко об институциональном смысле эпидемий и «компактных моделях» отношений власти // *Логос*. 2021. Т. 31. № 2 (141). С. 79-104. – DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-79-101.
9. Кампос А.Д., Гришечкина Н.В., Ермолаева Е.В. и др. Пандемия в обществе потребления: власть медицины в формировании нового социального порядка: монография / под ред. Е.А. Андрияновой. – Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 2021. 130 с.
10. Савченко И.А. Пандемия в фокусе мировосприятия современного студента / И.А. Савченко, А.М. Горохова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2021. № 1 (61). С. 83-89. – DOI: 10.52452/18115942_2021_1_83.
11. Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б., Бовина И.Б. Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи // *Вестник РУДН*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoizolyatsiya-v-period-pandemii-covid-19-obydennyy-diskurs-o-novom-sotsialnom-fenomene-v-srede-studencheskoy-molodezhi> (Дата обращения: 14.08.2026).
12. Газнюк Л.М., Семенова Ю.А. Пандемия как среда обитания человека: биология – технология – культура. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2022. № 5-1. С. 1098-1101. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-kak-sreda-obitaniya-cheloveka-biologiya-tehnologiya-kultura/viewer>
13. Федотова В.Г. Во время пандемии и после. Вопросы философии. 2021. № 12. С. 112-122. – DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-112-122.
14. Байханов И.Б. Самообразование как детерминат социально-профессионального развития личности. Часть 1. // *Межконфессиональная миссия*. 2020. Том 9. Часть 8. № 49. С. 860-865.

References

1. Friedman Samuel R. Dialectical Theory and the Study of HIV/AIDS and Other Epidem-

- ics. *Dialectical Anthropology*, 2011. Vol. 35. P. 403-427. – DOI: 10.1007/S10624-011-9222-1.
2. Corrado Piroddi. *Epidemics and Pandemics as Social Pathologies: A Critical-Naturalist Proposal*. *Critical Horizons*. 2025. Vol. 26 (4). P. 380-400. – DOI: 10.1080/14409917.2026.2644842 // URL: https://trepo.tuni.fi/bitstream/handle/10024/235337/Epidemics_and_Pandemics_as_Social_Pathologies_A_Critical-Naturalist_Proposal.pdf?sequence=1&isAllowed=y
3. Markov B.V., Sergeev A.M., Bocharnikov V.N. *The Pandemic Phenomenon Through the Prism of Metaphysical, Anthropological, and Social Dimensions*. *Chelovek*. 2020. Vol. 31. № 3. P. 7-24. – DOI: 10.31857/S023620070010034-4.
4. Smith G.D. COVID-19: Emerging compassion, courage, and resilience in the face of misinformation and adversity / G.D. Smith, F. Ng, W. Ho Cheung Li // *Journal of Clinical Nursing*. 2020. Vol. 29. № 9-10. P. 1425-1428. – DOI: 10.1111/jocn.15231.
5. Snowden F. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Newest Viruses*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. 620 p.
6. Kukso K. A. Types and Purpose of Images of Epidemic Disaster: A Social and Philosophical Analysis // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 23 (4). P. 11-24.
7. Sorokin P.A. *Man and Society in the Face of Disasters*. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2022. 399 p. // URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=11305>
8. Blinov E. “The Reigning Disease”: Foucault on the Institutional Meaning of Epidemics and “Compact Models” of Power Relations // *Logos*. 2021. Vol. 31. № 2 (141). P. 79-104. – DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-79-101.
9. Kamos A.D., Grischechkina N.V., Ermolaeva E.V., et al. *Pandemic in a Consumer Society: The Power of Medicine in Shaping a New Social Order: Monograph* / edited by E.A. Andriyanova. – Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, 2021. 130 p.
10. Savchenko I.A. *Pandemic in the Focus of a Modern Student’s Worldview* / I.A. Savchenko, A.M. Gorokhova // *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021. № 1 (61). P. – DOI: 10.52452/18115942_2021_1_83.
11. Novikova I.A., Novikov A.L., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Berezina E.B., Bovina I.B. Self-isolation during the COVID-19 pandemic: Everyday discourse on a new social phenomenon among student youth // *Bulletin of RUDN University. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*. 2024. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoizolyatsiya-v-period-pandemii-covid-19-obyedennyi-diskurs-o-novom-sotsialnom-fenomene-v-srede-studencheskoy-molodezhi> (Accessed: 14.08.2026).
12. Gaznyuk L.M., Semenova Yu.A. *Pandemic as a Human Habitat: Biology – Technology – Culture. Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2022. № 5-1. P. 1098-1101. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-kak-sreda-obitaniya-cheloveka-biologiya-tehnologiya-kultura/viewer>
13. Fedotova V.G. *During the Pandemic and After. Questions of Philosophy*. 2021. № 12. P. 112-122. – DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-112-122.
14. Baykhanov I.B. *Self-education as a determinant of social and professional development of the individual. Part 1*. // *Mission confessions*. 2020. Volume 9. Issue 8. № 49. P. 860-865.

Кисняшкин И.Г.

Аспирант. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Приходские священники как воплощение «истинной миссии» в условиях социокультурных трансформаций второй половины XIX начала XX века*

Аннотация. В статье ставится проблема изучения миссионерского влияния сельского приходского духовенства провинциальной России периода модернизационных трансформаций второй половины XIX – начала XX века. Автор рассматривает значение личности священника в укреплении православия в среде прихожан Мордовского края в период слома традиционных социальных устоев и культурных ориентиров. Культурологический дискурс исследования обеспечивает представление миссионерских воздействий как фактора укрепления культурных скреп в условиях утраты традиций и маркирующих ценностных ориентиров в сельском социуме.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, миссионерство, Мордовский край, сельские приходы, приходской священник, внутренняя миссия, культурные ориентиры, духовно-нравственные ценности.

Kisnyashkin I.G.

Graduate student. Mordovian State University named after N.P. Ogareva.

Parish priests as the embodiment of the “true mission” in the context of socio-cultural transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries

Abstract. This article examines the missionary influence of rural parish clergy in provincial Russia during the modernization transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries. The author examines the role of the priest in strengthening Orthodoxy among parishioners in the Mordovian region during a period of disintegration of traditional social foundations and cultural values. The study's cultural discourse presents missionary influences as a factor in strengthening cultural bonds amid the loss of traditions and defining values in rural society.

Key words: Russian Orthodox Church, missionary work, Mordovia region, rural parishes, parish priest, internal mission, cultural guidelines, spiritual and moral values.

* © Кисняшкин И.Г., 2026.

Приходские священники как воплощение «истинной миссии» в условиях социокультурных трансформаций второй половины XIX начала XX века

В отечественной науке прочно утвердилось представление о православии как ценностном фундаменте страны и народа [5; 13 и др.]. Закономерно, что в периоды социокультурных трансформаций традиционно возрастает общественное и научное внимание к миссии Русской Православной Церкви (РПЦ), как «евангельскому свидетельству» [19], и ее миссионерскому служению, обеспечивающему сохранение российского культурного кода, «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [25].

Показателем этого служит историография истории миссионерства РПЦ: ее антология формируется в пореформенный период второй половины XIX века, а возрождение интереса к миссионерскому служению Церкви приходится на последнюю четверть XX века [11]. Для обеих реперных точек характерен духовно-нравственный кризис в общественной жизни страны [3, с. 13].

Во второй половине XIX века в трудах церковных историков, публицистов, епархиальных миссионеров была заложена традиция исследования миссионерства в России через деятельность монастырей, миссионерских школ, церковных братств, православных миссионерских Обществ и подвижнических трудов святителей [21; 23; 27 и др.]. Эти подходы сохранились в период возрождения интереса к истории РПЦ в конце XX – начале XXI века среди историков и культурологов [3; 7; 10-12; 17; 22; 24; 28 и др.].

Примером прочности традиции может служить солидное исследование А.Б. Ефимова, в котором представлена история миссионерства РПЦ от формирования его традиций Кириллом и Мефодием до современного его состояния. Анализ нарратива автор проводит по классическому алгоритму, позволяющему представить «процесс складывания централизованного подхода к миссионерству» через миссионерские институционированные структуру и деятельность выдающихся представителей православной церкви [3].

За пределами академических исследований остается роль приходских священников в создании эффективной внутренней миссии.

В исторической миссиологии и в истории культуры внутренняя миссия в период второй половины XIX - начала XX век определяется «экзистенциальными границами» границами РПЦ [3, с. 21; 12, с. 5-6; 18, с. 3; 29, с. 408]. На первом Всероссийском миссионерском съезде 1887 года задачи внутренней миссии определялись как противодействие раскольникам, сектантству, укрепление в вере православных и возвращение в лоно Церкви «отпавших» [20, с. 5-6].

Традиционно изучение роли приходского священника в этой области истории миссионерства происходит контекстно или ограничивается представлением его работы как организатора православного просвеще-

ния взрослых и церковно-приходских школ [например: 17]. При этом в культурологических исследованиях признается, что именно пастыри инородческих приходов, постоянных объектов внутренней миссии, реализовывали миссионерскую идеологию, являясь основным ее транслятором: «идеология миссионерства развивалась под влиянием таких фигур, как архиепископы Казанский Гурий, Рязанский Мисаил или Стефан Пермский, реализация идей миссионерства осуществлялась на местах безымянными пастырями» [6, с. 50].

Приходские священники Мордовского края вписали свою страницу в работу внутренней миссии РПЦ.

Историко-географические границы Мордовского края выходят за пределы современной республики Мордовия. В церковно-административном отношении край окормлялся православными приходами, входящими в Пензенскую, Нижегородскую, Симбирскую, и Тамбовскую епархии со значительным инородческим населением. Мордва (мокша, эрзя, каратаи, шокша, терюхане) селились дисперсно среди русского, удмуртского, чувашского и татарского населения. Приходы были как моноэтнические, так и смешанные, в которые входили чувашские и эрзянские села и деревни, русские и мокшанские и так далее.

Внутренняя миссия в поликультурных условиях края усложнялась трансформационными процессами периода. Экономическая и социокультурная модернизация второй половины XIX века сопровождалась секуляризацией сознания, утратой традиционного уклада, духовно-нравственных императивов, размыванием социальной идентичности прихожан. Именно приходское духовенство стало субъектом социокультурной среды «необходимой человеку для его духовно-нравственной жизни, для его нравственной самодисциплины и социальности» [14]. Объективно миссионерская работа приходских священников стала опытом упрочения духовных традиций.

Внутренняя миссия как «утверждения обращенных в истинах Св. Веры, так и в правилах Христианской жизни» [26, с. 301] в деятельности приходских священников включала все направления работы пастыря. Но эффективность миссионерских усилий зависела от авторитета священника. Наиболее действенным был пример его православной жизни [16, с. 34].

Е.Н. Мокшина приводит в своем исследовании религиозного состояния мордвы второй половины XIX - начала XX века нелицеприятные для приходского духовенства, «антипоповские» примеры пословиц и поговорок [16, с. 40-41], но подчеркивает, что профессиональная девиации приходского священства являлась «не столько правилом, сколько исключением» [16, с. 40].

В исторических документах неизменно подчеркивается значимость не только деятельности, но и духовно-нравственного примера «местного свя-

щенника» для успеха миссионерской работы [8, с. 9, с. 31; 15 и др.]. Требования к образу приходского священника опирались на такие евангельские каноны как «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» [1. 10.11], «Так светите свет ваш пред людьми» [2. 5.16].

Служение приходского священника в пореформенной России протекало вдали от культурного мира, незаметно для русского общества, среди условий, часто тяжелых и в материальном, и в моральном отношении. Династии приходских священников Архангельских, Диантроповых, Масловских, священники Н.П. Барсов, И.Н. Беляев, И.Н. Сатурнатов, А.Ф. Юртов и многие другие безымянные пастыри выполняли миссию, представляя образец религиозной и повседневной жизни. Близкие к пастве в хозяйственно-экономическом отношении, священники давали пример православного бытия в условиях социально-экономических сдвигов периода.

Член русского географического общества, этнограф Д.К. Зеленин компетентно писал, что представители сельского православного духовенства, служили для прихода «образами совершеннейшей миссии», реализуя в своей работе «желание возродить малокультурную народность, приобщив ее к возвышенной христианской культуре...» [4, с. 4–5].

Миссионерская деятельность приходских священников детерминировала переводы религиозных текстов на языки инородцев-прихожан. Показательными примерами стали переводы «Евангелия от Матвея» на мокшанский язык иерея Николая Барсова, настоятеля мордовских приходов Инсарского уезда Пензенской епархии и «Евангелия от Матвея» и «Священную историю Ветхого и нового Завета» на эрзянский язык настоятеля мордовско-чувашского прихода Авксентия Юртова. По оценкам Н.И. Ильминского и профессора А.П. Феокистова эти миссионерские труды заложили основы литературных мордовских языков и мордовской грамматики [9; 27].

Влияние миссионерских трудов приходских священников на региональную культуру остается существенным. Их наследие в духовном воспитании паствы нашло продолжение в научных и образовательных инициативах ученых и педагогической общественности. В республике Мордовия обладают продолжительной традицией научно-практические конференции именованные приходскими священниками (Масловские Чтения, Архангельские чтения), премия А. Юртова присваивалась учителям начальных школ республики.

В пост советский период образ «совершенной миссии» в лице православных приходских священник-новомучеников Виктора Европейцева, Владимира Четверина, иеромонаха Василия (Эрекаева), Павела Ягодинского стал духовным ориентиром в поиске нравственного идеала в новейший период истории Мордовии.

Библиографический список

1. Евангелие от Иоанна // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.10&r>
2. Евангелие от Матфея // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5:16>
3. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
4. Зеленин Д.К. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев. – СПб.: «Русская школа», 1902.
5. Зеньковский В.В. Православие и культура. // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/povonachalnym/pravoslavie-pro-et-contra/23#source>
6. Зеткина И.А. Национальное просветительство в культуре народов Поволжья. – Саранск: [б. и.], 2005.
7. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. – СПб., 1871.
8. Из узаконий о Церковной миссии в России. Исторические документы и материалы ко Второму съезду епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви. – Белгород: [б. и.], 1999.
9. Ильминский Н.И. Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: Материал для истории православ. рус. миссионерства. – Казань: тип. Ун-та, 1883 (обл. 1885).
10. Картошева Н.В. Русское православное миссионерство как явление культуры. На примере деятельности Иннокентия (Вениамина). Дисс...к. культур. н. – М., 2000.
11. Кочеткова Е.И. Миссионерская деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (К историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач. XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 75-82.
12. Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). – М.: Духовная библиотека, 2012.
13. Лихачев Д. Русская культура. – М.: Манн, Иванов и Фребель, 2025.
14. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном // URL: <https://mybook.ru/author/dmitrij-lihachev/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom-2/citations/?page=25>
15. Меморандум о организации миссионерской деятельности в епархиях на территории России. // URL: <https://sinmis.ru/memorandum-ob-organizaczii-missionerskoj-deyatelnosti-v-eparhiyah-na-territorii-rossii/>
16. Мокшина Е.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века: автореф. дисс. ... д. ист. н. – Чебоксары, 2004.
17. Мотыка И.И. Миссионерско-просветительская деятельность русской православной церкви среди мордвы во второй половине XVI – начале XX в. автореф. дисс. ... к. ист. н. Саранск, 2002.
18. Орлова О.А. Формирование понятий «внутренняя» и «внешняя» миссия в синодальный период // Вестник Свято-Филаретовского института. 2025. Т. 17. Вып. 2 (54). С. 37-53.
19. Основные направления миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovnye-napravlenija-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/>
20. Правила об устройстве внутренней миссии Православной Русской Церкви (Опред. Св. Синода 21 марта 1913 года – 20–26 мая 1908 г. и от 25 мая 1888 г.). – Харьков: Изд-е Харьковского Епархиального Совета по миссионерским делам, 1913.
21. Скворцов В.М. О церковно-общественном и государственном значении миссионерства. – Киев, 1897.
22. Слезкина О.В. Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // «Свет Христов просвещает всех»: Альманах Свято-Филаретовского института. 2012. Вып. 5. С. 66-94.
23. Смирнов Е. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. – СПб.: Синодальная типография, 1904.
24. Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня. – М.: ПСТБИ, 2002.

25. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>
26. Устав Православного Миссионерского Общества, высочайше учрежденный именной указ, данный Святейшему Правительствующему Синоду от 21 ноября 1869 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIV Отд. II. 1869. № 47699.
27. Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2008.
28. Христианские миссии и миссионерство в общем значении и в отношении к инородцам язычникам, находящимся в пределах России. – СПб: [б. и.], 1887.
29. Цыпин В., прот. Миссионерство // Православная энциклопедия. Т. 45. – М.: Православная энциклопедия, 2017. С. 407-412.
30. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаев И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

References

1. The Gospel of John // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.10&r>
2. The Gospel of Matthew // URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.5:16>
3. Efimov A.B. Essays on the History of Missionary Work of the Russian Orthodox Church. Moscow: PSTGU Publishing House, 2007.
4. Zelenin D.K., N.I. Ilminsky and the Education of Non-Russians. St. Petersburg: “Russian School”, 1902.
5. Zenkovsky V.V. Orthodoxy and Culture. // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/nononachalnym/pravoslavie-pro-et-contra/23#source>
6. Zetkina I.A. National Enlightenment in the Culture of the Peoples of the Volga Region. Saransk: [former and], 2005.
7. Znamensky P.V. A Guide to Russian Church History. – St. Petersburg, 1871.
8. From the Laws on the Church Mission in Russia. Historical Documents and Materials for the Second Congress of Diocesan Missionaries of the Russian Orthodox Church. – Belgorod: [b. and.], 1999.
9. Ilminsky N.I. The Experience of Translating Christian Doctrines into Tatar and Other Foreign Languages at the Beginning of the Current Century: Material for the History of Orthodox Russian Missionary Work. – Kazan: University Press, 1883 (region 1885).
10. Kartosheva N.V. Russian Orthodox Missionary Work as a Cultural Phenomenon. Based on the Work of Innocent (Benjamin). Diss. (Cultural Sciences). – Moscow, 2000.
11. Kochetkova E.I. Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Toward a Historiography of the Issue, 1960s – Early 21st Centuries) // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2010. Issue 2. P. 75-82.
12. Kravetsky A.G. Church Mission in an Era of Change (Between Preaching and Dialogue). Moscow: Spiritual Library, 2012.
13. Likhachev D. Russian Culture. Moscow: Mann, Ivanov, and Froebel, 2025.
14. Likhachev D.S. Letters on the Good and the Beautiful // URL: <https://mybook.ru/author/dmitrij-likhachev/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom-2/citations/?page=25>
15. Memorandum on the Organization of Missionary Activity in Dioceses on the Territory of Russia. // URL: <https://sinmis.ru/memorandum-ob-organizaczi-missionerskoj-deyatelnosti-v-eparhiyah-na-territorii-rossii/>
16. Mokshina E.N. Religious Life of the Mordvins in the Second Half of the 19th – Early 21st Century: Abstract of a PhD Dissertation in History. – Cheboksary, 2004.
17. Motyka I.I. Missionary and Educational Activities of the Russian Orthodox Church Among the Mordvins in the Second Half of the 16th – Early 20th Century. Abstract of a PhD Dissertation in History. Saransk, 2002.
18. Orlova O.A. “Formation of the Concepts of ‘Internal’ and ‘External’ Mission in the Synodal Period” // Bulletin of the St. Philaret Institute. 2025. Vol. 17. Issue 2 (54). P. 37-53.

19. Main Directions of Missionary Activity of the Russian Orthodox Church. // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovnye-napravlenija-missionerskoj-dejatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/>
20. Rules on the Structure of the Internal Mission of the Russian Orthodox Church (Definitions of the Holy Synod of March 21, 1913 – May 20–26, 1908 and May 25, 1888). – Kharkov: Publishing House of the Kharkov Diocesan Council for Missionary Affairs, 1913.
21. Skvortsov V.M. On the Church-Public and State Significance of Missionary Work. – Kyiv, 1897.
22. Slezkina O.V. Problems of the Activities of Missionaries of the Synodal Internal Mission (based on materials from the journal “Missionary Review” for 1896-1916) // “The Light of Christ Enlightens All”: Almanac of the St. Philaret Institute. 2012. Issue 5. P. 66-94.
23. Smirnov E. An Essay on the Historical Development and Current State of the Russian Orthodox Mission. – St. Petersburg: Synodal Printing House, 1904.
24. Stamulis I. Orthodox Theology of Mission Today. – Moscow: PSTBI, 2002.
25. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>
26. Charter of the Orthodox Missionary Society, a supremely established decree given to the Holy Governing Synod on November 21, 1869 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XLIV, Section II. 1869. № 47699.
27. Feoktistov A.P., Essays on the History of the Formation of Mordvin Written and Literary Languages – Saransk: Mordovskoe kn. Publishing House, 2008.
28. Christian Missions and Missionary Work in the General Sense and in Relation to Pagan Foreigners Located within Russia. – St. Petersburg: [b. i.], 1887.
29. Tsypin V., Archpriest. Missionary Work // Orthodox Encyclopedia. Vol. 45. – Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2017. P. 407–412.
30. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company’s personnel costs // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 54-62.

Купцова А.А.

Студент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета ГДРиИЯ педагогического институт. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Шендакова О.А.

Доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета ГДРиИЯ педагогического института. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Государственное регулирование гендерной политики в современном Китае: конфуцианская традиция и равенство полов*

Аннотация. В исследовании анализируется противоречивый характер трансформации гендерных ролей в современном Китае: страна демонстрирует прогресс в области женского образования и профессиональной реализации, однако в повседневной жизни и в семье женщины по-прежнему сталкиваются с давлением традиционных патриархальных норм. Цель работы – доказать, что идеологическое продвижение традиционных ценностей семьи и брака и системные законодательные меры по защите прав женщин в КНР не являются противоречащими друг другу направлениями политики, а выступают взаимодополняющими инструментами государственного регулирования. Исследование сочетает социально-конструктивистский подход к изучению гендера, герменевтический анализ текстов и методы синтеза и обобщения данных. Результаты исследования показывают, что государство одновременно проводит две линии политики: с одной стороны, активно продвигает традиционные семейные ценности, с другой – принимает законодательные акты, защищающие женщин от дискриминации в трудовой, имущественной и семейной сферах. Автор приходит к выводу, что подобная двойственность не свидетельствует о непоследовательности проводимой политики, а представляет собой сознательную стратегию государственного прагматизма, направленную на решение демографических и экономических задач.

Ключевые слова: гендерная политика, КНР, конфуцианство, гендерные роли, государственное регулирование, права женщин, семейные ценности, демографический кризис, государственный прагматизм, Всекитайская федерация женщин.

Kuptsova A.A.

Student, Department of English Language and Methods of Teaching, Faculty of German and Foreign Languages, Pedagogical Institute, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

* © Купцова А.А., Шендакова О.А., 2026.

Государственное регулирование гендерной политики в современном Китае: конфуцианская традиция и равенство полов

Shendakova O.A.

Associate Professor, Department of English Language and Methods of Teaching, Faculty of German and Foreign Languages, Pedagogical Institute, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

State regulation of gender policy in Modern China: Confucian tradition and gender equality

Abstract. The study examines the contradictory nature of the transformation of gender roles in contemporary China: while the country demonstrates progress in women's education and professional achievement, women continue to face pressure from traditional patriarchal norms in everyday life and within the family. The aim of the study is to prove that the ideological promotion of traditional family and marriage values and the systemic legislative measures for the protection of women's rights in the PRC are not conflicting policy directions, but rather function as complementary mechanisms of state regulation. The research combines a social constructivist approach to the study of gender, hermeneutic analysis of texts, and methods of synthesis and generalization. The findings show that the state simultaneously pursues two policy lines: on the one hand, it actively promotes traditional family values; on the other, it adopts legislative acts protecting women from discrimination in employment, property and family spheres. The author concludes that this duality does not indicate inconsistency of the policy, but rather represents a deliberate strategy of state pragmatism aimed at solving demographic and economic challenges.

Key words: gender policy, PRC, Confucianism, gender roles, state regulation, women's rights, family values, demographic crisis, state pragmatism, All-China Women's Federation.

Введение

Трансформация гендерных ролей во многих странах мира представляет собой противоречивый процесс. В данной статье исследуется специфика развития Китайского общества. С одной стороны, страна демонстрирует впечатляющие достижения в области женского образования и профессиональной реализации – женщины в КНР все чаще занимают руководящие должности [15] и вносят вклад в развитие научных отраслей [12]. С другой стороны, в повседневной жизни, при трудоустройстве [11] и в семейных отношениях они по-прежнему сталкиваются с устоявшимися ожиданиями о том, что женщина прежде всего должна быть хорошей женой и мудрой матерью, заботиться о домашнем очаге и ставить семью выше личных амбиций.

Противоречие между формальным равенством, закрепленным на законодательном уровне, и реальным давлением традиционных норм составляет главный парадокс гендерной трансформации в КНР. В этой связи особенно остро встает вопрос о том, почему архетип добродетельной жены и мудрой матери (贤妻良母 – xián qī liáng mǔ), уходящий корнями в

конфуцианское прошлое, в настоящее время вновь находит активное употребление в различных сферах общества [10].

Цель исследования – доказать, что идеологическое продвижение традиционной модели семьи и системные законодательные меры по защите прав женщин в КНР не противоречат друг другу, а сосуществуют как взаимодополняющие инструменты государственного регулирования гендерных отношений.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) представить конфуцианскую модель гендерных ролей, основанную на принципах иерархии и пространственного разделения;
- 2) изучить комплекс мер, используемых государством для продвижения традиционной семейной модели в современной политике КНР;
- 3) проанализировать законодательные инициативы и меры государства, нацеленные на защиту прав женщин.

Проблема исследования заключается в противоречии между формальным гендерным равенством, закреплённым в КНР на законодательном уровне, и сохранением в общественном сознании и государственной политике устойчивых патриархальных установок, укоренённых в конфуцианской традиции. Это противоречие особенно остро проявляется в том, что архетип «добродетельной жены и мудрой матери» не только не уходит в прошлое, но и активно продвигается государством, что ставит вопрос о причинах продвижения данного образа в условиях модернизации и провозглашаемого равенства.

Научная новизна работы состоит в трактовке двойственности гендерной политики Китая с точки зрения государственного прагматизма. Это позволяет рассматривать двойственность не как недостаток проводимой политики, а как сознательную стратегию, подчинённую демографическим и экономическим целям.

Методология

Методологическую базу исследования составляет социально-конструктивистский подход к изучению гендера. В соответствии с этим подходом гендер рассматривается как социальный конструкт, на формирование которого оказывают влияние культура и повседневное общение. Данный подход позволяет анализировать гендерные роли как продукт взаимодействия культурных традиций и государственной идеологии.

Для представления в работе нормативной конфуцианской модели гендерных отношений применяется герменевтический анализ текстов. Анализируются трактаты «Книга обрядов» и «Записи о ритуалах старшего Дая» с целью выявления ключевых принципов гендерной иерархии – «трёх послушаний» и пространственного разделения «внутреннего» (нэй) и «внешнего» (вай). Это позволяет зафиксировать исходную модель, которая служит точкой отсчёта для анализа её современных трансформаций.

Синтез исследовательских данных и их обобщение выступают завершающим этапом исследования. Полученные данные объединяются в целостную картину, что позволяет сформулировать вывод о двойственном характере гендерной политики КНР и предложить её объяснение через категорию государственного прагматизма.

Литературный обзор

Эмпирическую базу исследования составляют 17 источников, которые можно разделить на три основные группы: научные публикации российских и зарубежных авторов, официальные документы и законодательные акты КНР, а также материалы авторитетных китайских СМИ. Последняя группа источников занимает центральное место в работе, поскольку позволяет определить актуальную повестку государства и проследить механизмы трансляции гендерных норм в китайском обществе.

Значительная часть источников представлена ведущими китайскими изданиями, что обеспечивает репрезентативность анализа и позволяет рассматривать гендерную политику с позиций медиа, осуществляющих деятельность на территории Китая. Официальные государственные СМИ – «Жэньминь Жибао», «Экономическая газета», «Тибетская газета» и информационное агентство «Синьхуа» – транслируют официальную позицию государства по вопросам семейной и гендерной политики.

Китайские деловые и аналитические издания – «Нанфан Чжоумо» и «Экономические ведомости XXI века» – дополняют картину, предоставляя материалы о дискриминации на рынке труда и финансовых механизмах поддержки женского предпринимательства. Хотя данные публикации и не являются государственными, они функционируют в рамках единого идеологического поля и отражают как проблемы, так и способы их решения.

Научные публикации российских и зарубежных авторов составляют теоретическую основу исследования. Работы А.С. Бельченко и М.Г. Новоселовой, а также исследование С. Ардиццони позволяют реконструировать традиционную модель гендерных отношений в Китае. Исследование Ли Юньяня рассматривает современную гендерную политику Китая через призму взаимодействия конфуцианства и социализма, что служит ключом к интерпретации двойственности государственного курса. Работа Л.С. Веселовой и исследование Е.В. Севостьяновой и Т.А. Шаренковой содержат анализ законодательных изменений и статистических данных, связанных с демографической ситуацией в КНР. Особое место занимает работа А.С. Лиовицкого, содержащая эмпирический анализ 80 рекламных роликов, что позволяет привлечь данные о транслируемом в рекламном дискурсе положении мужчин и женщин.

Официальные документы и законодательные акты представлены материалами Всекитайской федерации женщин и «Законом о защите прав и интересов женщин» (2022). Положения Всекитайской федерации женщин,

опубликованные на официальном сайте организации, позволяют зафиксировать уклон деятельности федерации в сторону трансляции государственной идеологии. Новая редакция «Закона о защите прав и интересов женщин» и «Имплементационные мнения по дальнейшему усилению финансовой поддержки занятости и развития женщин» дают возможность проанализировать конкретные механизмы защиты прав женщин.

Результаты

Гендерное неравенство, глубоко укоренённое в китайской традиционной философии, по-разному проявляется в основных философских учениях Китая. В конфуцианском учении закрепилось представление о второстепенной роли женщины в системе противоположностей «инь-ян» и «цян-кунь». Конфуцианство, выполнявшее роль государственной идеологии, отличалось непоследовательностью в вопросе о социальном положении женщин. С одной стороны, сторонники конфуцианства провозглашали равноправие мужчин и женщин, призывая к взаимному уважению. С другой стороны, их учение оставалось патриархальным и подчёркивало главенство мужчины в семье и обществе.

Конфуцианские идеалы легли в основу семейного уклада, где за мужчиной и женщиной закреплялись чётко разграниченные сферы ответственности, соответствующие их социальным ролям. Центральное место в семье отводилось мужчине, который строил карьеру и занимался саморазвитием в профессиональной среде. Женщина же сосредотачивалась на домашних обязанностях: уборке, приготовлении пищи и организации быта. В традиционных китайских семьях женщины вели замкнутый образ жизни, редко покидая дом, что неизбежно сказывалось на их социальной адаптации. Кроме того, ценность женщины измерялась прежде всего способностью рожать детей [1, с. 526-527].

Определяя женщин как «неполноценных и слабых», патриархальная система закрепляла их зависимое положение и сводила женскую идентичность исключительно к репродуктивной функции. Хотя сама формулировка XQLM (xián qī liáng mǔ) является современной, она несёт в себе идеологию, укоренённую в многовековой конфуцианской традиции.

Конфуцианская гендерная модель рассматривается в контексте «трёх послушаний» и жёсткого пространственного разделения «внутреннего» (нэй) и «внешнего» (вай). Три послушания (в юности – отцу, в замужестве – мужу, после смерти мужа – сыну) зафиксированы в трактате «Записи о ритуалах старшего Дая» («Да Дай Ли Цзи», I век н.э.). Этимология упомянутого в трактате слова 夫人 (fūrén) прямо указывает на значение «принадлежащая мужу», а само понятие «женщина» истолковывается как та, кто следует мужским наставлениям и придерживается строгих нравственных принципов. Там же подчёркивается, что женщина не должна иметь собственной воли, а её распоряжения не могут выходить за пределы дома.

Любая самостоятельность и инициатива исключены, добродетель же оценивается через верность и заботу о хозяйстве [7, с. 12-13].

Наряду с этими моральными установками конфуцианская традиция устанавливает пространственное разделение. В «Книге обрядов» («Ли Цзи»), в главе, датированной III веком до н.э., утверждается, что в отношениях мужа и жены необходимо разграничивать внутреннюю и внешнюю сферы, при этом мужчина должен находиться снаружи, а женщина – внутри. Отсюда проистекают многочисленные запреты: мужу и жене нельзя сидеть вместе, пользоваться общими вещами, передавать предметы из рук в руки, под запретом находится и общение между определёнными родственниками разного пола [7, с. 12].

Таким образом, конфуцианская гендерная модель представляет собой систему установок, закрепляющих зависимое положение женщины как в философском, так и в социально-бытовом контексте. Так, оппозиции «инь-ян» и «цян-кунь» служили фундаментом для иерархии, где женское начало трактовалось как вторичное и производное. При формально провозглашенном равенстве и взаимоуважении конфуцианская доктрина на практике утверждала патриархатный порядок, строго разделяя сферы деятельности по принадлежности к определённому полу и закрепляя за мужчиной главенствующую роль.

Не вызывает сомнения факт, что социалистическая революция в Китае в двадцатом веке привнесла изменения в поло-ролевую социализацию китайцев. Это находит отражение в развитии современного китайского общества. В настоящее время в КНР конфуцианские гендерные нормы переосмысливаются и становятся частью современных реалий – государственной идеологии, медиа и повседневной жизни. С приходом к власти Си Цзиньпина китайское государство стратегически трансформирует конфуцианские ценности с целью распространения влияния на частную жизнь граждан [9, с. 93]. Формально государство поощряет участие женщин в политике и работу на государственной службе, однако экономические и семейные отношения по-прежнему основываются на традиционных ценностях.

Государство сохраняет контроль над репродуктивным поведением граждан через политику планирования семьи и обращение к конфуцианским ценностям. В результате складывается парадоксальная ситуация: государство настаивает на выполнении семьёй своих обязательств, но при этом остаётся практически безучастным к гендерному разделению домашнего труда, хотя именно это напрямую влияет на экономическую независимость женщин [9, с. 99].

Механизмы вмешательства государства в сферу семейных отношений включают проведение масштабных пропагандистских кампаний, нацеленных на продвижение идеи гармоничной семьи, которая составляет основу национального благополучия КНР [17]. Проведение ежегодных конкурсов

на звание «самой красивой семьи» и «образцовой семьи» позволяет оценить домохозяйства по уровню благосостояния, трудовым достижениям и степени вовлеченности в общественную жизнь. По данным Всекитайской федерации женщин, семьи, получившие звание «самой красивой семьи», были отмечены за такие качества, как «бережливость и доброжелательность, наследование традиционных китайских семейных ценностей, патриотизм, трудолюбие и честность, а также отличный стиль воспитания» [2].

Всекитайская федерация женщин (All-China Women's Federation – ACWF) занимает уникальное положение в политической системе КНР. С момента основания в 1949 году федерация выполняла функции по защите прав женщин, объединяла всех женщин Китая и стимулировала их к проявлению активности в социальной, политической и экономической жизни [3, с. 1456]. В последние годы деятельность ACWF отражает общий курс на усиление идеологического контроля и возрождение конфуцианских ценностей. Об этом свидетельствуют положения, представленные на официальном сайте организации: «...to give full play to women's unique roles in social and family life, and to contribute to building China into a great nation and advancing national rejuvenation», «educate and guide women to practice core socialist values, advocate Chinese family virtues, and lead family members in carrying forward fine traditions, conducting family education in a scientific way, and give play to the important roles of family, family education and family virtues in community-level governance, and promote fine socialist family culture» и др. [6].

Деятельность ACWF в отношении семейной политики во многом обусловлена текущей демографической ситуацией в стране. В КНР сложился устойчивый гендерный дисбаланс: в 2022 году мужчины составляли 51,1 % населения, женщины – 48,9 %, что означает превышение численности мужчин почти на 32,4 млн человек. Одновременно с этим страна столкнулась с резким падением рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости снизился с 22,28 ‰ в 1982 году до 6,77 ‰ в 2022 году [5, с. 79-80]. В связи с этим перед государством встала двойная задача: с одной стороны, скорректировать демографический дисбаланс, с другой – стимулировать рождаемость, чтобы предотвратить старение нации и обеспечить воспроизводство рабочей силы. В этих условиях усиление позиций женщин в экономике и обществе становится не просто вопросом справедливости, а необходимым условием устойчивого экономического роста и выполнения демографических задач. Вероятно, именно этим объясняется двойственность государственной политики: на словах продвигая равенство, на деле государство активно вмешивается в семейную жизнь, мобилизуя женщин на выполнение традиционной роли хранительниц семейного очага.

Данный подход к проведению гендерной политики в КНР лежит в основе мер государства по контролю над интернет-дискурсом, которые государство использует для продвижения традиционных семейных цен-

ностей. Так, в феврале 2026 года Центральное управление по делам киберпространства (ЦУКП) запустило месячную акцию «Чистое пространство» в рамках подготовки к Празднику весны. Среди ключевых целей кампании значились: «пресечение пропаганды невступления в брак и бездетности, разжигания конфликта между полами, распространения «страха перед браком» и «тревоги в отношении деторождения» [13]. В рамках этой кампании под запрет попала публикация Пацзылияр Пархат. Аккаунт девушки был заблокирован из-за публикации, в которой она поделилась своими размышлениями во время болезни: пролежав два дня с температурой, она осознала, что, будь у неё муж и дети, она не могла бы позволить себе отдыхать и была бы вынуждена, преодолевая слабость, заниматься домашними делами. Администрация платформы признала это сообщение нарушением и обвинила девушку в «провокации гендерного конфликта».

Реклама, являясь одним из наиболее массовых каналов коммуникации, воспроизводит те же традиционные модели, что и государство, как показывает исследование А. С. Линовичко. Работа опирается на корпус из 80 рекламных роликов, которые транслировались в китайском цифровом пространстве с 2021 по 2025 год. Методология исследования сочетает количественный контент-анализ с качественным анализом визуальных образов по методике И. Гофмана. Основные выводы исследования показывают, что в китайской рекламе сохраняется устойчивая гендерная асимметрия. Мужчины, как правило, занимают позиции экспертов и действуют в публичной сфере, в то время как женщины чаще оказываются привязаны к домашней обстановке. Таким образом, рекламный дискурс КНР демонстрирует гендерную модель, в которой мужчине по-прежнему отводится внешняя, общественная роль, а женщине – внутренняя, домашняя [4].

Несмотря на активное продвижение традиционных семейных ценностей в КНР, государство реализует ряд мер, направленных на защиту прав женщин. В последние годы в Китае был принят ряд законодательных инициатив, направленных на борьбу с дискриминацией и создание более справедливых условий для женщин на рынке труда.

Так, в 2022 году была принята новая редакция «Закона о защите прав и интересов женщин», которая стала первым масштабным нововведением в законодательство в этой области за последние десятилетия. Новая редакция вступила в силу 1 января 2023 года, расширив документ с 9 глав (61 статья) до 10 глав (86 статей) [8].

В тексте закона особое внимание уделяется защите женщин от дискриминации при трудоустройстве. Например, статья 43 прямо запрещает работодателям ограничивать круг соискателей мужчинами, отдавать им предпочтение, спрашивать соискательниц об их семейном и репродуктивном статусе, требовать тест на беременность в качестве условия трудоустройства, а также отказывать женщинам в приёме на работу по признаку

пола. Статья 48 защищает беременных женщин и женщин в декрете от увольнения, снижения заработной платы или ограничения продвижения по службе. Статья 46 закрепляет принцип равенства при продвижении по службе и профессиональном обучении. Статья 45 устанавливает принцип равной оплаты за равный труд, а статья 83 предусматривает штрафы за нарушение упомянутых статей закона от 10 до 50 тысяч юаней [16].

В сфере имущественных прав в браке закон вводит новые механизмы защиты. Статья 66 даёт женщинам право требовать включения их имён в документы о праве собственности на совместное имущество. Статья 67 обязывает суды помогать в сборе информации о скрытых активах супруга и наказывает сторону, утаивающую или растрачивающую совместное имущество, уменьшением её доли при разделе. Статья 68 признаёт, что женщины часто несут больше обязанностей по уходу за детьми и пожилыми, и даёт им право требовать компенсации при разводе.

В июне 2026 года Центральный банк Китая, Национальное управление финансового регулирования и Всекитайская федерация женщин совместно выпустили «Имплементационные мнения по дальнейшему усилению финансовой поддержки занятости и развития женщин». В число предлагаемых мер вошла оптимизация программ кредитования для женщин-предпринимателей, в том числе смягчение или отмена требований для заёмщиц с хорошей кредитной историей. Документ также рекомендует развивать программы страхования от онкологических заболеваний (рака молочной железы, шейки матки, яичников и эндометрия). Важным нововведением стало требование к финансовым учреждениям по исключению гендерных предубеждений из алгоритмов искусственного интеллекта при принятии кредитных решений [14].

Обсуждение

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводу о том, что в КНР одновременно действуют две линии государственной политики. С одной стороны, государство активно занимается продвижением традиционных семейных ценностей и осуществляет жёсткий контроль над высказываниями в сети. С другой стороны, на законодательном уровне государство обеспечивает защиту женщин от дискриминации на рынке труда, в имущественных и семейных отношениях, а также стимулирует внедрение механизмов финансовой поддержки женской занятости и предпринимательства.

Двойственность государственной политики в данном случае не является свидетельством непоследовательности действий со стороны руководящих органов. Статистические данные показывают, что оба направления гендерной политики КНР подчинены решению конкретных государственных задач. Продвижение модели традиционной семьи призвано стимулировать рождаемость и укреплять социальную стабильность на фоне острого демографического кризиса (гендерный дисбаланс, падение рож-

даемости с 22,28 % в 1982 году до 6,77 % в 2022 году). Защита трудовых и имущественных прав женщин нацелена на обеспечение экономической эффективности и воспроизводство рабочей силы.

Важно подчеркнуть, что две линии государственной политики не просто сосуществуют, но и взаимно подкрепляют друг друга через различные механизмы государственного регулирования. Так, государственные инструменты пропаганды (СМИ, официальные интернет-платформы) систематически транслируют образ женщины-матери и хранительницы очага, одновременно акцентируя внимание на том, что государство создаёт для неё законные условия для самореализации. Таким образом, законы используются как инструмент, позволяющий женщине эффективно совмещать работу и семью, а не как средство освобождения от «традиционных» женских обязанностей.

Всекитайская федерация женщин выступает ключевым посредником между обществом и государством: она одновременно пропагандирует образ «гармоничной семьи» и участвует в разработке законодательных защитных мер в отношении женщин. Тем самым организация транслирует двойную повестку, выступая не оппонентом государства, а его союзником, представляющим государственные интересы и ограничивающим появление независимых женских инициатив, способных бросить вызов сложившейся системе.

Рекламный дискурс КНР демонстрирует гендерную модель, в которой мужчине по-прежнему отводится внешняя, общественная роль, а женщине – внутренняя, роль домохозяйки. Реклама, являясь одним из наиболее массовых каналов коммуникации, выполняет функцию социализации, ежедневно транслируя миллионам зрителей нормативные представления о «традиционном» разделении труда. Транслирование данных образов в рекламе, как и в государственных СМИ, является следствием единой системы идеологического контроля, охватывающей все медийные каналы в КНР.

Таким образом, гендерная политика КНР представляет собой систему, в которой традиционные ценности семьи и брака и правовые меры работают как взаимодополняющие инструменты. Однако женщины в этой системе оказываются в неоднозначном положении: формально они защищены законом, но фактически находятся под давлением традиционных гендерных установок.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что продвижение традиционной системы гендерных ролей и законодательные меры по защите прав женщин в КНР не являются противоречащими друг другу линиями политики, а сосуществуют как взаимодополняющие инструменты государственного регулирования.

В ходе работы были решены все поставленные задачи. Во-первых, была описана конфуцианская модель гендерных ролей, основанная на принципах иерархии («три послушания») и пространственного разделения «внутреннего» (нэй) и «внешнего» (вай), закреплённых в текстах «Книги обрядов» и «Записей о ритуалах старшего Дая». Было показано, что архетип «добродетельной жены и мудрой матери» уходит корнями в многовековую конфуцианскую традицию и служит основой для современной гендерной политики.

Во-вторых, был изучен комплекс мер, используемых государством для продвижения традиционных гендерных ролей в современной политике КНР. К таким мерам относятся: пропагандистские кампании; деятельность Всекитайской федерации женщин, фокус которой всё больше смещается от защиты прав к мобилизации женщин на выполнение семейных обязанностей; а также строгий надзор за интернет-дискурсом (кампания «Чистое пространство»).

В-третьих, были проанализированы законодательные инициативы и действия государства, нацеленные на защиту прав женщин. Новая редакция «Закона о защите прав и интересов женщин» расширила документ с 9 глав (61 статья) до 10 глав (86 статей) и ввела конкретные механизмы защиты: запрет дискриминации при трудоустройстве (ст. 43, 45, 46, 48), гарантия имущественных прав в браке (ст. 66-68), штрафы за нарушения закона (ст. 83). Финансовые меры поддержки женской занятости и предпринимательства, закреплённые в «Имплементационных мнениях», дополняют эту законодательную базу.

Ключевым итогом работы является концептуализация двойственности гендерной политики КНР через категорию государственного прагматизма. Такой подход позволяет рассматривать двойственность как сознательную стратегию, направленную на решение двух взаимосвязанных задач: стимулирование рождаемости и укрепление социальной стабильности, с одной стороны, и обеспечение экономической эффективности – с другой.

В то же время необходимо отметить, что исследование имеет ряд ограничений. База материалов, связанная с рекламным дискурсом, ограничена корпусом из 80 роликов, что требует расширения для более репрезентативных выводов. Кроме того, работа оставляет за рамками восприятие гендерной политики самими женщинами, что представляет важное направление для дальнейшего изучения. Сравнительный анализ с другими конфуцианскими обществами (Южная Корея, Япония и др.) позволил бы выявить как универсальные, так и уникальные черты китайской модели.

Библиографический список

1. Бельченко А.С. Гендерные аспекты саньцзяо (конфуцианство, даосизм, буддизм) / А.С. Бельченко, М.Г. Новоселова. // Modern oriental studies. 2021. № 4. С. 525-535.
2. В Китае 1000 семей удостоены звания «самая красивая семья». // Жэньминь Жибао // URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0516/c31516-20018904.html> (Дата обращения:

04.08.2026).

3. Веселова Л.С. Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности / Л.С. Веселова. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 1455-1465. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-statusa-zhenschin-v-sovremenno-kitaie-novyye-vyzovy-i-vozmozhnosti> (Дата обращения: 04.08.2026).

4. Линовицкий А.С. Социальное конструирование гендерных ролей в современной китайской рекламе: Выпускная квалификационная работа / А.С. Линовицкий. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1160597999> (Дата обращения: 04.08.2026).

5. Севостьянова Е.В. Основные тенденции политики гендерного равенства в Китае: историческая ретроспектива и актуальные социальные практики / Е.В. Севостьянова, Т.А. Шаренкова. // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9. № 1. С. 74-91.

6. About the ACWF. // All-China Women's Federation: // URL: <https://www.womenofchina.cn/womenofchina/acwf/1503/2333-1.htm> (Дата обращения: 04.08.2026).

7. Ardizzoni S. From Confucian Archetype to Neoliberal Resemantization: The Resurgence of the Ideal "Good Wife and Wise Mother" (Xiánqī Liángmǔ) in Contemporary China / S. Ardizzoni. – Текст: электронный // Dive-in. Unibo. 2025. С. 9-35. // URL: <https://dive-in.unibo.it/article/view/23651> (Дата обращения: 04.08.2026).

8. Promoting gender equality and women's all-round development, the newly revised Law on the Protection of Women's Rights and Interests has been passed! // NPC website: // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/kgfb/202211/t20221101_320182.html?_x_tr_sch=http (Дата обращения: 04.08.2026).

9. Yunyan Li Gender justice between Confucianism, socialism and equality in modern China: challenges and opportunities for national and local stakeholders / Yunyan Li. // – Policy Press. 2025. С. 85-103. // URL: https://www.researchgate.net/publication/394742984_5_Gender_justice_between_Confucianism_socialism_and_equality_in_modern_China_challenges_and_opportunities_for_national_and_local_stakeholders (Дата обращения: 04.08.2026).

10. Li Yuanchao: Promoting exemplary wives, mothers, daughters, and neighbors in the new era. // China News Network // URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2013/11-01/5454751.shtml> (Дата обращения: 04.08.2026).

11. Two Sessions CSR Observation 2026 | Invisible Discrimination and Motherhood Penalties: Refocusing on Women's Workplace Development. // Southern Weekly // URL: https://www.infzm.com/contents/316605?source=202&source_1=316600 (Дата обращения: 04.08.2026).

12. My country's women's development level has achieved a comprehensive leap forward (authoritative release) // Overseas Network // URL: https://m.haiwainet.cn/middle/3544276/2025/0920/content_32895587_1.html (Дата обращения: 04.08.2026).

13. A female stand-up comedian from Xinjiang was banned from Weibo after being accused of creating anxiety about marriage and childbirth. // Central News Agency // URL: https://www.cna.com.tw/news/acn/202602280136.aspx?utm_source=LINE&utm_medium=linetoday&utm_campaign=lineback (Дата обращения: 04.08.2026).

14. The People's Bank of China and two other departments: Support women's employment and development, and guard against gender bias in AI. // 21st Century Business Herald // URL: <https://www.21jingji.com/article/20260623/herald/64102fc39d99f5a8a49cb36af90cf4fa.html> (Дата обращения: 04.08.2026).

15. Grant Thornton Report: Chinese Companies Have a Higher Percentage of Female Executives Than the Global Average // Economic Daily // URL: <https://www.jingjiribao.cn/static/detail.jsp?id=574714> (Дата обращения: 04.08.2026).

16. Law of the People's Republic of China on the Protection of Women's Rights and Interests // China Law Translate: // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/law-on-protection-of-wome-2022/> (Дата обращения: 28.07.2026).

17. The Publicity Department of the CPC Central Committee and the All-China Women's Federation jointly released the list of "Most Beautiful Families" for 2026 // Tibet Daily // URL: https://www.xizang.gov.cn/xwzx_406/xwtp/202605/t20260516_540471.html (Дата обращения: 04.08.2026).

18. Изотова А.С. Формирование межкультурной личности в процессе изучения английского языка в техническом вузе // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 2. № 43. С. 182-184.

References

1. Belchenko A.S. Gender Aspects of Sanjiao (Confucianism, Taoism, Buddhism) / A.S. Belchenko, M.G. Novoselova. // *Modern oriental studies*. 2021. № 4. P. 525-535.
2. In China 1,000 families have been awarded the title of "most beautiful family". // *People's Daily* // URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0516/c31516-20018904.html> (04.08.2026).
3. Veselova L.S. Changing Status of Women in Modern China: New Challenges and Opportunities / L.S. Veselova. // *Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series*. 2018. № 6. P. 1455-1465. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-statusa-zhenshin-v-sovremennom-kitae-novye-vyzovy-i-vozmozhnosti> (04.08.2026).
4. Linovitsky A.S. Social construction of gender roles in modern Chinese advertising: Graduation qualification work / A.S. Linovitsky. // *National Research University Higher School of Economics* // URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1160597999> (04.08.2026).
5. Sevostyanova E.V. Main trends in gender equality policy in China: historical retrospective and current social practices / E.V. Sevostyanova, T.A. Sharenkova. // *Russian-Chinese studies*. 2025. Vol. 9. № 1. P. 74-91.
6. About the ACWF. // All-China Women's Federation: // URL: <https://www.womenofchina.cn/womenofchina/acwf/1503/2333-1.htm> (04.08.2026).
7. Ardizzoni S. From Confucian Archetype to Neoliberal Resemantization: The Resurgence of the Ideal "Good Wife and Wise Mother" (Xiānqī Liángmǔ) in Contemporary China / S. Ardizzoni. – Текст: электронный // *Dive-in. Unibo*. 2025. P. 9-35. // URL: <https://dive-in.unibo.it/article/view/23651> (04.08.2026).
8. Promoting gender equality and women's all-round development, the newly revised Law on the Protection of Women's Rights and Interests has been passed! // *NPC website*: // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/kgfb/202211/t20221101_320182.html?_x_tr_sch=http (04.08.2026).
9. Yunyan Li Gender justice between Confucianism, socialism and equality in modern China: challenges and opportunities for national and local stakeholders / Yunyan Li. // – *Policy Press*. 2025. P. 85-103. // URL: https://www.researchgate.net/publication/394742984_5_Gender_justice_between_Confucianism_socialism_and_equality_in_modern_China_challenges_and_opportunities_for_national_and_local_stakeholders (04.08.2026).
10. Li Yuanchao: Promoting exemplary wives, mothers, daughters, and neighbors in the new era. // *China NN* // URL: <http://www.chinanews.com.cn/gn/2013/11-01/5454751.shtml> (04.08.2026).
11. Two Sessions CSR Observation 2026 | Invisible Discrimination and Motherhood Penalties: Refocusing on Women's Workplace Development. // *Southern Weekly* // URL: https://www.infzm.com/contents/316605?source=202&source_1=316600 (04.08.2026).
12. My country's women's development level has achieved a comprehensive leap forward (authoritative release) // *Overseas Network* // URL: https://m.haiwainet.cn/middle/3544276/2025/0920/content_32895587_1.html (04.08.2026).
13. A female stand-up comedian from Xinjiang was banned from Weibo after being accused of creating anxiety about marriage and childbirth. // *Central News Agency* // URL: https://www.cna.com.tw/news/acn/202602280136.aspx?utm_source=LINE&utm_medium=linetoday&utm_campaign=lineback (04.08.2026).
14. The People's Bank of China and two other departments: Support women's employment and development, and guard against gender bias in AI. // *21st Century Business Herald* // URL: <https://www.21jingji.com/article/20260623/herald/64102fc39d99f5a8a49cb36af90cf4fa.html> (04.08.2026).
15. Grant Thornton Report: Chinese Companies Have a Higher Percentage of Female Executives Than the Global Average // *Economic Daily* // URL: <https://www.jingjiribao.cn/static/detail.jsp?id=574714> (04.08.2026).
16. Law of the People's Republic of China on the Protection of Women's Rights and Interests // *China Law Translate*: // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/law-on-protection-of-wome-2022/> (28.07.2026).
17. The Publicity Department of the CPC Central Committee and the All-China Women's Federation jointly released the list of "Most Beautiful Families" for 2026 // *Tibet Daily* // URL: https://www.xizang.gov.cn/xwzx_406/xwzp/202605/t20260516_540471.html (04.08.2026).
18. Izotova A.S. The formation of an intercultural personality in the process of learning English at a technical university // *Mission confessions*. 2019. Volume 9. Issue 2. № 43. P. 182-184.

Сурнина О.А.

Преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Хомякова Ю.Ю.

Старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Жемаева Е.А.

Старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Динамический комплекс упражнений как средство повышения физической подготовленности и мобильности суставов студентов*

Современное физическое воспитание студентов направлено не только на развитие физических качеств, но и на повышение функциональных возможностей организма, качества двигательной деятельности и профилактику нарушений опорно-двигательного аппарата. В статье представлены результаты разработки и экспериментальной проверки методики применения динамического комплекса упражнений в процессе физического воспитания студентов. Методика включает функциональное тестирование мобильности суставов, выполнение подготовительных и корректирующих упражнений, динамическую мобилизацию мышечных групп и подготовку организма к физической нагрузке. Установлено, что систематическое применение комплекса способствует улучшению показателей физической подготовленности, гибкости, качества выполнения двигательных действий и функциональной мобильности студентов. Разработанная методика может быть рекомендована для использования в образовательном процессе организаций высшего образования.

Ключевые слова: физическое воспитание студентов, динамический комплекс упражнений, функциональная мобильность, физическая подготовленность, функциональное тестирование, профилактика травматизма.

* © Сурнина О.А., Хомякова Ю.Ю., Жемаева Е.А., 2026.

Surnina O.A.

Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Khomyakova Y.Y.

Senior Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Zhemaeva E.A.

Senior Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Dynamic exercise complex as a means of improving physical fitness and joint mobility of university students

Abstract. Modern physical education of university students is aimed not only at developing physical abilities but also at improving functional capabilities, movement quality, and preventing musculoskeletal disorders. The article presents the results of the development and experimental verification of a methodology based on a dynamic exercise complex in the process of students' physical education. The methodology includes functional assessment of joint mobility, preparatory and corrective exercises, dynamic mobilization of muscle groups, and preparation of the body for physical activity. The study demonstrated that the systematic application of the proposed complex contributes to improving physical fitness indicators, flexibility, movement performance quality, and functional mobility of students. The developed methodology can be recommended for implementation in the educational process of higher education institutions.

Key words: physical education of university students, dynamic exercise complex, functional mobility, physical fitness, functional assessment, injury prevention.

Введение

Физическое воспитание студентов является важной составляющей образовательного процесса, направленной на укрепление здоровья, повышение уровня физической подготовленности и формирование устойчивой потребности в регулярной двигательной активности [1; 2]. Вместе с тем современные условия обучения, характеризующиеся снижением двигательной активности, увеличением времени использования цифровых устройств и распространением малоподвижного образа жизни, оказывают негативное влияние на функциональное состояние опорно-двигательного аппарата, уровень физической подготовленности и качество выполнения двигательных действий студентов [3].

Одним из ключевых элементов организации учебного занятия является

ся подготовительная часть, обеспечивающая функциональную готовность организма к последующей физической нагрузке. Однако традиционный подход к проведению разминки зачастую ограничивается выполнением стандартного комплекса общеразвивающих упражнений и не учитывает индивидуальные особенности функционального состояния студентов, что снижает эффективность подготовки к основной части занятия [4].

Современные исследования показывают, что применение динамических упражнений способствует повышению нервно-мышечной активности, увеличению амплитуды движений, совершенствованию координационных возможностей и снижению риска возникновения травм [5; 6]. Особое значение при этом имеет развитие функциональной мобильности, поскольку ограничения подвижности отдельных звеньев опорно-двигательного аппарата могут приводить к нарушению биомеханики движений, формированию компенсаторных двигательных стереотипов и снижению эффективности выполнения физических упражнений [7].

Несмотря на наличие исследований, посвященных использованию динамических упражнений в спортивной подготовке, вопросы их комплексного применения в системе физического воспитания студентов изучены недостаточно. Большинство существующих методик ориентировано преимущественно на спортсменов и не учитывает особенности организации учебного процесса в образовательных организациях высшего образования.

В связи с этим актуальным является разработка и экспериментальное обоснование методики применения динамического комплекса упражнений, направленной на повышение физической подготовленности студентов, развитие функциональной мобильности и совершенствование структуры подготовительной части учебного занятия.

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать эффективность методики применения динамического комплекса упражнений в процессе физического воспитания студентов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать современные подходы к организации подготовительной части занятий по физической культуре.
2. Разработать методику применения динамического комплекса упражнений с учетом особенностей физической подготовки студентов.
3. Оценить влияние разработанной методики на показатели физической подготовленности и функциональной мобильности студентов.
4. Определить возможности практического использования разработанной методики в образовательном процессе высшей школы.

Результаты исследования

Разработанная методика представляет собой систему педагогических

воздействий, направленных на повышение функциональной готовности студентов к выполнению физических нагрузок и совершенствование качества двигательных действий. В отличие от традиционной разминки, предложенный подход основан на предварительной оценке функциональной мобильности, выполнении целевых мобилизационных упражнений и последующей динамической подготовке организма к основной части занятия.

Методика включает три последовательных этапа.

1. Оценка функциональной мобильности

На первом этапе проводилась экспресс-оценка состояния опорно-двигательного аппарата с использованием функциональных тестов: «Приседание с поднятыми руками», «Подъем рук» и «Наклон вперед стоя». Данные тесты позволяли определить ограничения движений в области голеностопных, тазобедренных и плечевых суставов, а также грудного отдела позвоночника.

Полученные результаты использовались для определения индивидуальных особенностей двигательного состояния студентов и корректировки содержания подготовительной части занятия. Контрольное тестирование проводилось регулярно в течение периода исследования, что позволяло оценивать динамику изменений функциональной мобильности.

2. Мобилизация и коррекция двигательных ограничений

Второй этап был направлен на повышение функциональной подвижности суставов и оптимизацию работы мышечно-связочного аппарата. Основное внимание уделялось развитию мобильности голеностопного, тазобедренного и плечевого суставов, поскольку их функциональное состояние оказывает существенное влияние на выполнение базовых двигательных действий.

В комплекс включались упражнения с использованием массажных мячей, упражнения для стоп, движения с переносом веса тела, а также динамические упражнения для увеличения амплитуды движений. Систематическое выполнение комплекса способствовало улучшению качества двигательных действий, снижению выраженности ограничений и подготовке опорно-двигательного аппарата к последующей нагрузке.

3. Динамическая подготовка к основной нагрузке

Заключительный этап включал выполнение комплекса многосуставных динамических упражнений, направленных на активацию нервно-мышечного аппарата и повышение функциональной готовности организма. В структуру комплекса входили различные варианты выпадов, упражнения с ротацией туловища, динамическая мобилизация тазобедренных и плечевых суставов, элементы динамического растяжения и стабилизации корпуса.

Интенсивность и амплитуда движений постепенно увеличивались,

обеспечивая плавный переход к основной части занятия. Содержание комплекса изменялось в зависимости от направленности учебного занятия и применялось при развитии скоростно-силовых качеств, координационных способностей, гибкости и общей физической подготовленности студентов.

Таким образом, разработанная структура подготовительной части занятия обеспечивала комплексное воздействие на функциональное состояние опорно-двигательного аппарата, способствовала повышению качества двигательных действий и создавала условия для более эффективного выполнения последующей физической нагрузки.

Результаты исследования и их обсуждение

Экспериментальная проверка разработанной методики проводилась в течение одного учебного семестра в рамках занятий по дисциплине «Физическая культура» со студентами, обучающимися по программе общей физической подготовки. Подготовительная часть каждого занятия реализовывалась в соответствии с разработанным алгоритмом и включала последовательное выполнение функционального тестирования, комплекса упражнений для повышения функциональной мобильности и динамической подготовки к основной физической нагрузке.

Для оценки эффективности предложенной методики использовались результаты контрольных упражнений, характеризующих уровень физической подготовленности студентов, показатели функциональной мобильности опорно-двигательного аппарата, а также данные педагогических наблюдений за качеством выполнения двигательных действий.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием методов математической статистики. Определялись основные статистические характеристики исследуемых показателей: среднее арифметическое значение (M), стандартное отклонение (σ), коэффициент вариации (V). Для оценки достоверности различий между исходными и итоговыми результатами применялся критерий Стьюдента для зависимых выборок (t -критерий), при уровне статистической значимости $p \leq 0,05$.

Сравнительный анализ результатов исследования показал положительную динамику показателей физической подготовленности студентов после внедрения разработанной методики. Отмечено улучшение результатов выполнения контрольных упражнений, направленных на оценку скоростных, скоростно-силовых качеств, силовой подготовленности и гибкости. Наиболее выраженные изменения наблюдались в упражнениях, требующих проявления скоростно-силовых возможностей и способности эффективно реализовывать двигательную координацию.

Установлено, что прирост исследуемых показателей физической подготовленности после завершения педагогического эксперимента составил

в среднем от 6,8 до 11,5%. Наиболее значительное улучшение отмечалось в показателях скоростно-силовой подготовленности (10,2%) и гибкости (11,5%). Различия между исходными и итоговыми результатами являлись статистически значимыми ($p \leq 0,05$), что свидетельствует об эффективности применения разработанной методики.

Положительная динамика также была выявлена при анализе показателей функциональной мобильности. Повторное выполнение тестов «Приседание с поднятыми руками», «Подъем рук» и «Наклон вперед стоя» продемонстрировало увеличение амплитуды движений, снижение количества ограничений и уменьшение выраженности компенсаторных движений при выполнении функциональных задач.

По результатам повторного тестирования установлено, что количество студентов, имеющих выраженные ограничения функциональной мобильности, снизилось с 42% до 24%, что свидетельствует о положительном влиянии систематического применения динамического комплекса упражнений на состояние опорно-двигательного аппарата. Наиболее заметные изменения были выявлены при выполнении тестов, оценивающих подвижность тазобедренных и плечевых суставов, а также мобильность грудного отдела позвоночника.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что применение разработанного комплекса оказывает комплексное воздействие на функциональное состояние студентов. Включение предварительного тестирования позволило учитывать индивидуальные особенности двигательного состояния обучающихся и корректировать содержание подготовительной части занятия. Использование динамических упражнений обеспечивало повышение нервно-мышечной активности, улучшение межмышечной координации и более эффективное включение организма в последующую физическую деятельность.

Анализ результатов педагогических наблюдений также показал положительные изменения в организации учебного процесса. Студенты стали более осознанно выполнять предложенные упражнения, проявляли больший интерес к контролю собственных двигательных возможностей и активнее участвовали в подготовительной части занятия. По результатам наблюдений отмечено увеличение уровня вовлеченности студентов в выполнение упражнений примерно на 15%, что выражалось в повышении самостоятельности, дисциплинированности и регулярности участия в подготовительной части занятия.

Это позволяет рассматривать разработанную методику не только как средство повышения физических возможностей студентов, но и как инструмент формирования положительного отношения к регулярной двигательной активности.

Полученные результаты согласуются с современными исследовани-

ями, подтверждающими эффективность использования динамической мобилизации и функциональной подготовки в структуре разминки для повышения качества движений, улучшения диапазона движений и совершенствования нервно-мышечного взаимодействия [5–9].

Таким образом, результаты педагогического эксперимента подтверждают эффективность разработанной методики применения динамического комплекса упражнений в системе физического воспитания студентов. Ее использование способствует повышению уровня физической подготовленности, развитию функциональной мобильности и совершенствованию организации подготовительной части учебного занятия.

Выводы

1. Разработана и экспериментально проверена методика применения динамического комплекса упражнений в подготовительной части занятий по физической культуре студентов, основанная на последовательном сочетании функциональной оценки мобильности, выполнения целевых мобилизационных упражнений и динамической подготовки к основной физической нагрузке.

2. Установлено, что систематическое применение разработанной методики оказывает положительное влияние на показатели физической подготовленности студентов, функциональную мобильность, качество выполнения двигательных действий и эффективность подготовки организма к последующей нагрузке.

3. Использование функционального тестирования позволяет выявлять индивидуальные особенности двигательного состояния студентов, своевременно определять ограничения мобильности опорно-двигательного аппарата и адаптировать содержание подготовительной части занятия в соответствии с выявленными особенностями.

4. Разработанный динамический комплекс упражнений может рассматриваться как эффективное средство совершенствования процесса физического воспитания студентов и рекомендован для практического применения в образовательных организациях высшего образования.

Библиографический список

1. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании. – М.: Физкультура и спорт, 1978.
2. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. – М.: Спорт, 2021.
3. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта. – М.: Академия, 2021.
4. Железняк Ю.Д., Петров П.К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте. – М.: Академия, 2020.
5. Behm D.G., Chaouachi A. A review of the acute effects of static and dynamic stretching on performance // European Journal of Applied Physiology. 2011. Vol. 111. № 11. P. 2633–2651. – DOI: 10.1007/s00421-011-1879-2.

6. Fradkin A.J., Zazryn T.R., Smoliga J.M. Effects of warming-up on physical performance: a systematic review with meta-analysis // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2010. Vol. 24. № 1. P. 140-148. – DOI: 10.1519/JSC.0b013e3181c643a0.
7. Behm D.G., Blazevich A.J., Kay A.D., McHugh M. Acute effects of muscle stretching on physical performance, range of motion and injury incidence // *Applied Physiology, Nutrition, and Metabolism*. 2016. Vol. 41. № 1. P. 1-11.
8. McCrory J.M., Ackermann B.J., Halaki M. A systematic review of the effects of upper body warm-up on performance and injury // *British Journal of Sports Medicine*. – 2015. Vol. 49. № 14. P. 935-942.
9. Ayala F., Moreno-Pérez V., Vera-García F.J. Effects of dynamic warm-up on range of motion, neuromuscular performance and injury prevention: a systematic review // *Journal of Sports Sciences*. 2023.
10. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // *Альманах «Крым»*. 2025. № 49. С. 134-143.

References

1. Ashmarin B.A. "Theory and Methodology of Pedagogical Research in Physical Education." Moscow: Physical Culture and Sport, 1978.
2. Matveev L.P. "Theory and Methodology of Physical Education." Moscow: Sport, 2021.
3. Kholodov Zh.K., Kuznetsov V.S. "Theory and Methodology of Physical Education and Sports." Moscow: Academy, 2021.
4. Zheleznyak Yu.D., Petrov P.K. "Fundamentals of Scientific and Methodological Activity in Physical Education and Sports." Moscow: Academy, 2020.
5. Behm D.G., Chaouachi A. A review of the acute effects of static and dynamic stretching on performance // *European Journal of Applied Physiology*. 2011. Vol. 111. № 11. P. 2633-2651. – DOI: 10.1007/s00421-011-1879-2.
6. Fradkin A.J., Zazryn T.R., Smoliga J.M. Effects of warming-up on physical performance: a systematic review with meta-analysis // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2010. Vol. 24. № 1. P. 140-148. – DOI: 10.1519/JSC.0b013e3181c643a0.
7. Behm D.G., Blazevich A.J., Kay A.D., McHugh M. Acute effects of muscle stretching on physical performance, range of motion and injury incidence // *Applied Physiology, Nutrition, and Metabolism*. 2016. Vol. 41. № 1. P. 1-11.
8. McCrory J.M., Ackermann B.J., Halaki M. A systematic review of the effects of upper body warm-up on performance and injury // *British Journal of Sports Medicine*. – 2015. Vol. 49. № 14. P. 935-942.
9. Ayala F., Moreno-Pérez V., Vera-García F.J. Effects of dynamic warm-up on range of motion, neuromuscular performance and injury prevention: a systematic review // *Journal of Sports Sciences*. 2023.
10. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // *Almanac "Crimea"*. 2025. № 49. P. 134-143.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Региональные технологии выделки пергамена и миниатюризация библии в XIII веке: кодикологический и палеопротеомный анализ*

Аннотация. Статья посвящена вопросу о том, какую роль сыграл писчий материал в стремительном уменьшении формата латинской Библии на протяжении XIII в. Материалом послужил корпус из 2109 полных латинских Библий, из которых 1300 отнесены к портативным; к кодикологическому описанию привлечены данные неинвазивной палеопротеомики. Прослеживая путь пергамена от античной Малой Азии до парижских мастерских зрелого Средневековья, автор обосновывает положение, согласно которому решающим условием «сжатия» библейского текста послужила не легендарная эмбриональная кожа (*pergamenum abortivum*), а предельно тонкий велень, получавшийся за счёт усовершенствования вполне традиционных операций выделки. Инструментальные измерения толщины мембраны, проведённые на 93 рукописях, обнаруживают устойчивые связи между толщиной листа, форматом кодекса, объёмом книжного блока, структурой тетрадей и степенью аббревиации текста; попутно фиксируется географическая дифференциация видового сырья. Отсюда вытекает вывод о диагностической ценности физических характеристик пергамена для локализации средневековой книги.

Ключевые слова: пергамен, портативная Библия, XIII век, миниатюризация, велень, палеопротеомика, кодикология, Парижская Библия, толщина мембраны.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Regional parchment-making technologies and the miniaturization of the bible in the thirteenth century: codicological and palaeoproteomic analysis

Abstract. This article examines the role played by the writing support in the rapid reduction of the Latin Bible's format during the thirteenth century. The study is based on a corpus of 2,109 complete Latin Bibles, of which 1,300 are classified as portable; the codicological description is supplemented by data from non-invasive palaeoproteomics. Tracing the trajectory of parchment from ancient Asia Minor to the Parisian workshops of the High Middle Ages, the author argues that the decisive condition for the «compression» of the biblical text was not the legendary embryonic skin (pergamenum abortivum), but extremely thin vellum produced through the refinement of entirely conventional tanning operations. Instrumental measurements of membrane thickness, carried out on 93 manuscripts, reveal consistent correlations between leaf thickness, codex format, book-block volume, quire structure, and the degree of textual abbreviation; a geographical differentiation of the species-specific raw material is also identified. This leads to the conclusion that the physical characteristics of parchment have diagnostic value for localising medieval books.

Key words: parchment, portable Bible, 13th century, miniaturization, vellum, palaeoproteomics, codicology, Paris Bible, membrane thickness.

Среди инноваций «долгого XIII века» трудно указать свидетельство более наглядное, чем портативная латинская Библия: в ней перемена книжной культуры зафиксирована буквально на ощупь. Качество пергамена, из которого изготавливались такие кодексы, вызывало восхищение уже у современников, и есть основания полагать, что именно исключительные свойства материала подстегнули своеобразный «эффект моды» – спрос на маленькие и притом чрезвычайно роскошные Библии. Парадокс, однако, состоит в том, что те же качества дали начало долгой историографической легенде: с Нового времени вокруг животного происхождения материала и техник его выделки сложился устойчивый комплекс представлений, лишь отчасти опирающихся на источники.

Задача настоящей работы – выяснить, в какой мере качество пергамена обусловило один из самых впечатляющих процессов средневековой книжности. Для историка книги интерес здесь сосредоточен в достаточно узкой точке: требуется определить, насколько свойства мембраны способствовали быстрой, а порой и весьма радикальной миниатюризации одного из самых длинных текстов Средневековья – текста, который вплоть до конца XII в. переписывался, как правило, либо в рукописях очень крупного формата, либо в нескольких томах. Портативные Библии парижского происхождения дают в этом отношении бесспорный высокий уровень качества средневекового пергамена, и без учёта этого обстоятельства вся динамика изготовления миниатюрной Библии – от подготовки тетрадей до транс-

крипции текста – остаётся непонятной.

Историографически исследование располагается на пересечении двух традиций. Первая – количественная кодикология так называемой ита-льянской школы (Эцио Орнато (Ezio Ornato) [16], Карлы Боццоло (Carla Bozzolo), Марилены Маньяки (Marilena Maniaci) и Дени Мюзереля (Denis Muzerelle) [14]), которой принадлежат и методы корпусного анализа материальных признаков рукописи, и само понятие «третьего измерения» книги. Вторая – биокodikология, стремительно развивающаяся дисциплина, вводящая молекулярно-биологический инструментарий в изучение манускриптов. Поворотным для неё стало исследование, выполненное под руководством Мэтью Коллинса (Matthew Collins) в Йоркском университете: междисциплинарная команда, сложившаяся преимущественно на базе департамента археологии, предложила принципиально новый неразрушающий метод анализа пергамента.

Технологический прорыв XIII в. не был внезапным: ему предшествовала многовековая эволюция ремесла, уходящая в Античность. О ней напоминает уже само название материала, связанное с малоазийским городом Пергам. Согласно традиции, восходящей к Плинию Старшему и Варрону, соперничество Эвмена II Пергамского с Птолемеем Египетским из-за библиотек побудило последнего запретить вывоз папируса; ответом и стало усовершенствование пергамента в Пергаме. Изобретение обычно приписывают Эвмену II, правившему приблизительно с 197 по 159 г. до н. э.

Нарратив об «изобретении» тем не менее является упрощением. Выделанная кожа применялась для письма задолго до пергамской легенды: соответствующие свидетельства опережают Эвмена II на многие столетия. Роль Пергама, стало быть, следует видеть не в изобретении чего-либо, а в усовершенствовании и стандартизации выделки, благодаря которым кожа превратилась в конкурентоспособную альтернативу папирусу. К поздней Античности пергаменный кодекс уже вытеснил папирусный свиток с позиции доминирующей формы книги.

Здесь необходимо подчеркнуть обстоятельство, значение которого будет ясно ниже. На протяжении всей своей истории пергамен изготавливался из шкур обыкновенных сельскохозяйственных животных – телят, овец и коз – и представлял собой побочный продукт скотоводства и мясного производства, а не самостоятельную отрасль. Иначе говоря, пергамен был побочным продуктом питания, а не наоборот. Именно этот экономический факт станет решающим аргументом при разборе позднейших мифов о материале «карманных» Библий.

К XII в. сложились устойчивые региональные традиции выделки, различавшиеся и по преобладающему сырью, и по технике обработки; особый случай – традиция инсулярного пергамента, изучавшаяся А. Ди Майо, К. Федеричи и М. Пальмой [8]. На этот фундамент и опирается техническая

революция следующего столетия, суть которой авторы Йоркской группы формулируют без обиняков: возможность скопировать весь библейский текст в одном не безнадёжно громоздком томе появилась благодаря изобретению чрезвычайно тонкого, почти прозрачного пергамена.

Сам XIII век в истории библейского кодекса выглядит переломным, и переломность его складывается из трёх сдвигов: резко возрастает число переписываемых Библий, преобладание переходит к пандектам (полным Библиям в одном томе), появляется новый формат – маленькая портативная книга. Впервые Библия становится предметом индивидуального владения и пользования. Её приобретают студенты и магистры быстро растущих университетов, епископы, приходские священники, но прежде всего – странствующие проповедники нищенствующих орденов.

Новизна явления связана в первую очередь с феноменом так называемой «Парижской Библии», подробно изученным Лорой Лайт [13]. Подавляющее большинство рукописей французского происхождения атрибутируется именно Парижскому региону. Портативную Библию поэтому продуктивно рассматривать как уменьшенную и облегчённую версию Парижской Библии – версию, которая стала возможной благодаря совершенствованию технологий книгоделания, от материалов до мелкого письма и интенсивных сокращений.

Корпус, положенный в основу исследования, насчитывает на настоящий момент 2109 полных латинских Библий XIII в.; 1300 из них определяются как портативные. Под портативностью здесь понимается формальный признак: сумма высоты и ширины кодекса не превышает 380 мм. – далее для краткости эта величина именуется суммарным размером – либо рукопись описана в каталогах как *in-octavo* (в восьмую долю) и меньше. Исследование базируется на ранних результатах изучения почти 500 томов, а их пергамен проанализирован – в большинстве случаев визуально и на ощупь, а по возможности инструментально. Портативные Библии установленного происхождения распределяются так: пятьдесят пять процентов французских, двадцать процентов английских, четырнадцать процентов итальянских. Отправной точкой послужило наблюдение над корреляцией размера и числа листов, которая в данном корпусе неизменно отрицательна; именно оно и побудило обратиться ко всей совокупности механизмов изготовления миниатюризированных кодексов, а также к их последствиям для разметки, письма и оформления [65].

Вопросы, которые встают в связи с этим материалом, можно сформулировать следующим образом: Сколько животных потребовалось, чтобы удовлетворить спрос? К каким животным – и какого возраста – прибегали, если учесть и число шкур, и их тонкость? Какими техниками достигалась столь малая толщина? Сказались ли животное происхождение и качество материала на внешнем виде рукописей? И, наконец, может ли анализ пер-

гамена служить для определения региона производства?

В портативных Библиях кожа обработана настолько тщательно, что фолликулы зачастую исчезают полностью, а мясную и волосную стороны нередко не удаётся различить даже на ощупь. Малый размер листов вкупе с качеством обработки исключает и восстановление положения бифолия относительно исходной шкуры: следы хребта, кромок и царапин здесь крайне редки либо вовсе неразличимы.

По этой причине наблюдения приходится формализовать через субъективную числовую оценку по шкале от нуля до трёх, применённую к четырём параметрам: цвет (белизна), контраст волос/мясо, наличие дефектов, толщина. Нулевая оценка отвечает идеально белому, бездефектному, очень тонкому пергамену с неразличимыми сторонами, тройка – материалу низкого качества; иными словами, чем ниже балл, тем выше качество. Автор специально оговаривает методологическое ограничение: субъективная процедура дала результат исключительно потому, что применялась к весьма однородному корпусу, обследованному одним человеком за относительно короткий срок; для сопоставления рукописей отдалённых эпох или резко различающихся форматов она была бы непригодна.

Субъективные оценки толщины в целом получили инструментальное подтверждение на 93 рукописях. Для каждой выполнялось не менее девяти замеров: по трём внешним полям трёх листов – в начале, середине и конце кодекса. Сколько-нибудь заметных различий толщины ни между точками одного листа, ни между листами обнаружено не было, что для столь малого формата совершенно естественно.

Видовую идентификацию сырья обеспечил разработанный Йоркской группой метод неинвазивной пептидной дактилоскопии: коллаген извлекается с поверхности мембраны трибоэлектрически, при помощи обычного ластика, после чего анализируется масс-спектрометрически. Изъятия образца метод не требует и, что не менее существенно, позволяет работать с артефактом без его транспортировки.

Тончайший пергамен портативных Библий с Нового времени порождает домыслы о каком-то необычном происхождении. Гипотезы выдвигались более или менее фантастические – предполагали, например, беличьи или кроличьи шкуры. Наибольшее распространение получила, однако, версия о знаменитом *pergamenum abortivum*, то есть о материале от мёртворождённых телят; она удерживается местами и по сей день, невзирая на давние и вполне разумные возражения.

Против этой версии свидетельствует прежде всего масштаб производства. Уже одно количество сохранившихся портативных Библий, а тем более общий объём произведённых латинских Библий, должно вести к отклонению гипотезы. Даже если допустить процент мертворождений выше современного, пришлось бы вообразить невероятное число иску-

ственно вызванных абортот – что несовместимо со средневековой экономикой, в которой пергамен, как уже отмечалось, оставался побочным продуктом питания.

Не менее показательно филологическое наблюдение. Выражение *pergamenum abortivum*, обычное для источников Нового времени, в средневековый период встречается крайне редко и не фигурирует в средневековых описаниях портативных Библий. Инвентарные записи, напротив, фиксируют именно видовую принадлежность: болонский акт продажи 1300 г. упоминает *cartae edinae* (козья кожа), а инвентарь библиотеки доминиканца Леонардо Мансуэти (1474 – 1478 гг.), опубликованный Т. Кеппели, – *membrana et cartae vitulinae* (пергамен и телячья кожа) [12]. Составители инвентарей, следовательно, умели отличать козье происхождение от телячьего; впоследствии эта способность в значительной мере была утрачена.

Многочисленное обследование однородного корпуса выявляет устойчивые качественные различия, и усреднённые баллы по стране происхождения складываются в достаточно ясную картину. Белизна оценивается в 1,47 у.е. английских рукописей, в 1,10 у.е. французских и в 1,72 у.е. итальянских при общем среднем 1,35. Контраст волосистой и мясной сторон получает соответственно 0,86, 0,78 и 1,81 при среднем по корпусу 1,08. Дефекты дают 1,59 для Англии, 0,95 для Франции и 1,32 для Италии при среднем 1,14, а толщина – 1,41, 0,92 и 1,64 при среднем 1,21. Суммарная средняя оценка составляет 1,33 у английских рукописей, 0,94 у французских, 1,62 у итальянских и 1,2 по всему корпусу [Цит. по 18, р. 67].

Картина, которую дают эти цифры, однозначна: по любому параметру лучший пергамен – французский, и в особенности парижский, тогда как наиболее посредственный оказывается итальянским. Оговоримся, впрочем, что стандарт и в этом случае остаётся очень высоким на фоне прочих категорий рукописей. Французская мембрана белая и матовая, гибкая, часто почти прозрачная – письмо и оформление обратной стороны листа иногда видны совершенно отчётливо; контраст сторон крайне мал, а главное, замечательна тонкость: толщина опускается порой до 0,045 мм. Любопытно, что прозрачность вредила читаемости, но последняя, судя по всему, отступала на второй план перед восхищением тонкостью материала [Цит. по 18, 67].

Итальянский пергамен окрашен желтоватее или серее, он жёстче и редко бывает прозрачным; различие сторон нередко ощутимо, фолликулы часто видны, толщина систематически больше. Того впечатления однородности и белизны, какое производит парижская мембрана, он почти никогда не даёт. Английский материал занимает промежуточное положение, выделяясь малым контрастом сторон, – а это хорошо согласуется с наблюдениями над инсультным пергаменом на протяжении всего Сред-

невековья [8, р. 137].

До недавнего времени единственным экспериментальным результатом для портативной Библии оставался анализ «Библии Марко Поло» парижского происхождения: протеомное исследование установило телячье происхождение материала.

Ответы, которые можно считать окончательными, дали результаты Йоркской команды. Подавляющее большинство портативных Библий французского и английского происхождения изготовлено из телячьих шкур, причём, по-видимому, от достаточно молодых животных. По итальянским Библиям результаты менее убедительны из-за ограниченного числа образцов – причина здесь не в недостатке тщательности при формировании корпуса, а в том, что разрешения на анализ были получены для слишком редких фондов; тем не менее доступные данные подтверждают козье происхождение итальянского пергамена. Отдельные экземпляры на козьей коже известны и к северу от Альп – не только во Франции, но и в Англии; в Англии же встречаются Библии целиком на овечьем пергамене, однако исключительно среди рукописей крупного формата [Цит. по 18, р. 68].

Отдельного внимания требует то обстоятельство, что смешение шкур разного происхождения в портативных Библиях крайне редко, хотя в Библиях средних размеров оно отмечено. Показательное исключение – составная Библия английского происхождения размером 200 на 140 мм. начала XIII в. Здесь распределение материала выглядит парадоксально: часть с парижской версией текста в две колонки скопирована на овчине, а часть с древним текстом, переписанная длинными строками, – на телятине [Цит. по 18, р. 69].

Наблюдение согласуется с общей тенденцией: овчина, по всей видимости, была распространена в инсулярном производстве, но в течение XIII в. вытеснялась в рукописях телятиной, сохраняя преобладание лишь в документах. Ни стандартизированного текста, ни стандартизированной разметки эта Библия не имеет и, вероятно, происходит из монастырской мастерской, довольствовавшейся доступными на месте шкурами. В парижском производстве портативных Библий смешение, напротив, не встречается ни разу.

Наблюдения над толщиной естественно выводят к вопросу о технике, применение которой предполагалось для получения столь тонкой кожи, – о расщеплении, то есть разрезании шкуры по толщине с получением двух листов из одного. Средневековые толкователи Талмуда и комментарий Маймонида позволяют думать, что в древности приём применялся ближневосточными евреями и, возможно, арабами, но затем был утрачен; если сегодня операция выполняется машинно, то в ту эпоху она могла достигаться ферментативными процессами [6]. Гипотеза о применении

подобной техники к парижским Библиям высказывалась неоднократно [7, p. 75; 22, p. 337; 6, p. 11].

Ряд аргументов, однако, говорит против неё. Ни одного источника, упоминающего эту технику в средневековом западном мире, на сегодняшний день не известно. Далее, даже в еврейском мире она применялась к дублёной коже сакральных текстов, а не к пергамену, и её выполнению способствовали бы поверхностное дубление и использование жирной – скажем, овечьей – шкуры. Существен и третий довод: расщепление даёт из одной кожи две, но писать при этом можно было бы лишь на двух из четырёх полученных сторон, а именно на внутренних. Наконец, вся совокупность этих обстоятельств плохо согласуется с характеристиками портативных Библий, а при анализе их материала никаких признаков подобной операции не обнаружено.

Гораздо вероятнее, что «велень» есть результат совершенствования традиционных техник выделки – в особенности мездрения и шлифовки – и, разумеется, использования шкур очень молодых животных [Цит. по 18, p. 70].

Раннее происхождение приёма подтверждает Библия из Нью-Йорка размером 220 на 150 мм., 454 листов. Её довольно ранняя датировка (1229 г.) делает эту рукопись одной из первых французских Библий малого формата, и изготовлена она из козьих шкур средней толщиной 0,110 мм. – тогда как последующее французское производство предпочтёт телятину. Выходит, что первые попытки миниатюризации предпринимались именно на козьей коже. Впрочем, возможность получить очень тонкий пергамен определялась не только видом и возрастом животного, но и мастерством пергаментщика: в Париже, где массовое производство само подталкивало к совершенствованию техник, работали лучшие ремесленники эпохи, с которыми в других местах сравниться не могли. Позволительно предположить и другое: козья кожа сильнее сопротивлялась экстремальному утончению и потому в момент стандартизации процесса была к северу от Альп оставлена. Разумеется, характер доступного поголовья в обеих странах благоприятствовал тому или иному решению.

Чтобы строить обоснованные гипотезы о числе шкур на один том, следовало бы знать, сколько листов давала одна шкура (проблему рассматривал Й. П. Гумберт), однако при малом формате это практически неосуществимо: неровности пергамена здесь слишком редки. Оценки поэтому опираются на «полезные прямоугольники», экстраполированные из рукописей формата in-folio (в лист), где каждый бифолий соответствует целой шкуре, а также на случай «раскладки» часослова, отмеченный Л. Жилиссеном [10, p. 117].

Расчёты дают следующее. Для самых маленьких Библий – около 600 листов при суммарном размере менее 230 мм. – требовалось минимум по-

рядка двадцати шкур, для более крупных «сумных» экземпляров, насчитывающих около 500 листов при суммарном размере около 350 мм., – до тридцати. В первом случае лист представляет собой результат теоретического складывания в тридцать вторую долю прямоугольника размером приблизительно 600 на 450 мм., во втором – складывания или подразделения той же шкуры в шестнадцатую долю. Отсюда следует вывод, на первый взгляд неожиданный: несмотря на большое число использованных листов, расход шкур на каждую маленькую Библию был существенно ниже, чем на экземпляр большого формата.

Простой прикидочный расчёт позволяет представить порядок величин. Если исходить из среднего в двадцать пять шкур на том, то 1300 учтённых портативных Библий потребовали бы приблизительно 32 500 шкур. Приняв уровень сохранности в десять процентов, для всего производства следует предполагать порядка 325 000 шкур; распределённая на полвека интенсивного изготовления, то есть примерно на 1230 – 1280 гг., эта величина даёт около 6500 шкур ежегодно [Цит. по 18, р. 71].

Спекулятивность подобных оценок автор оговаривает особо: они абстрагируются, в частности, от разницы размеров телячьих и козьих шкур. Принципиальный вывод, тем не менее, устойчив – относительно скромный удельный расход с лихвой компенсировался общим числом произведённых Библий, умножавшихся на протяжении XIII в. Добавим, что парижские Библии большего размера используют тот же высококачественный пергамен, и меняется в них лишь толщина мембраны. Как бы то ни было, суммарная цифра несовместима с гипотезой о преимущественном использовании пергамена от мёртворождённых телят [Цит. по 18, р. 71].

Каким образом в маленькую Библию удавалось вместить тот же объём текста, что и в большую? Решений два: либо интенсивнее использовать страницу, либо увеличивать число листов. Применялись оба, но второе определяет первое. При фиксированной длине текста уменьшение формата – коль скоро письмо нельзя уменьшать бесконечно – неизбежно ведёт к росту числа листов.

Средние показатели объёма книжного блока это подтверждают. У рукописей с суммарным размером менее 230 мм французские экземпляры дают в среднем 635 листов, тогда как показатель по корпусу в целом для этой группы составляет 577 листов; оговорим сразу, что французская величина опирается на малочисленную выборку, а в первоначальной публикации данных для указанной группы приведено общее среднее 587 листов. Далее, в группе от 231 до 280 мм. получаем 529 листов у английских рукописей, 555 у французских, 415 у итальянских при среднем 537. Для интервала от 281 до 330 мм. соответствующие значения таковы: 459, 491 и 401 листа при среднем 465. В группе от 331 до 380 мм. – 414, 475 и 413 листа при среднем 443. У наиболее крупных рукописей корпуса, от 381 до 430 мм., показатели

сближаются: 405, 473 и 470 листов при среднем 456. По корпусу целиком английские Библии дают 467 листов, французские 519, итальянские 423, а общее среднее равняется 492 листам [Цит. по 18, p. 72].

Зависимость нетрудно описать и словесно, без символической записи. Число листов пропорционально фиксированной длине текста и обратно пропорционально произведению двух величин – плотности заполнения страницы и полезной площади листа; толщина же книжного блока определяется числом листов и толщиной отдельной мембраны. Рост числа листов при прочих равных увеличивает общую толщину тома. Если бы во всех случаях использовался пергамен постоянной толщины, мы имели бы дело с Библиями маленькими, но чрезвычайно толстыми – неэстетичными и неудобными (соотношение размеров и толщины исследовано Д. Мюзерель и Э. Орнато). Ничего подобного, однако, не произошло, и единственным решением оказалось утончение материала.

Инструментальные измерения показывают, как толщина мембраны реагирует одновременно на формат и на объём блока. У самых маленьких рукописей, с суммарным размером менее 230 мм., средняя толщина держится в узком коридоре: 0,065 мм. при объёме от 301 до 450 листов (две рукописи), 0,064 мм. при объёме от 451 до 600 листов (пять рукописей) и 0,063 мм. у томов свыше 600 листов (четыре рукописи), что даёт по группе 0,069 мм. на двенадцати экземплярах. В интервале от 231 до 280 мм. разброс заметно шире: 0,106 мм. у наименее объёмных кодексов, до 300 листов (четыре рукописи), 0,098 мм. при 301 – 450 листах (шесть рукописей), 0,072 мм. при 451 – 600 листах (восемнадцать рукописей) и 0,071 мм. у томов свыше 600 листов (девять рукописей); среднее по группе – 0,079 мм. на тридцати семи экземплярах. Группа от 281 до 330 мм. даёт 0,107 мм. (одна рукопись), 0,108 мм. (девять), 0,096 мм. (десять) и 0,080 мм. (две) с общим средним 0,100 мм. на двадцати двух рукописях. Для интервала от 331 до 380 мм. зафиксированы 0,140 мм. (две рукописи), 0,116 мм. (двенадцать) и 0,107 мм. (девять) при среднем 0,115 мм. на двадцати трёх экземплярах, причём томов свыше 600 листов здесь не встретилось. Наконец, у рукописей от 381 до 430 мм. получаем 0,128 мм. (восемь), 0,123 мм. (четыре) и 0,094 мм. (две) при среднем 0,121 мм. на четырнадцати экземплярах. Суммарно по всем измеренным 107 рукописям картина такова: 0,115 мм. для кодексов до 300 листов (семь рукописей), 0,112 мм. для 301 – 450 листов (тридцать семь), 0,088 мм. для 451 – 600 листов (сорок шесть) и 0,073 мм. для томов свыше 600 листов (семнадцать) при общем среднем 0,096 мм. [Цит. по 18, 72]

Данные говорят сами за себя: толщина коррелирует и с размером, и с числом листов, снижаясь у самых маленьких Библий до 0,063 мм. В таких кодексах нередко случайно перелистываются два листа сразу – этим и объясняются многочисленные ошибки фолиации. Корреляция с числом листов диктовалась необходимостью получить не слишком толстый том.

Рост же толщины вместе с размером при равном числе листов имеет двойное объяснение: слишком тонкий крупный лист чаще рвётся и создаёт при обращении ощущение недостаточной плотности, а кроме того, утончение требует дополнительной работы, от которой для очень крупных томов можно было отказаться.

Есть основания думать, что портативные Библии представляли предел тонкости, вообще достижимый в Средневековье, хотя сравнительные числовые данные редки и разрознены. Наиболее надёжные из них относятся к итальянским рукописям: серия измерений на корпусе из 320 рукописей XI в. дала среднее 0,223 мм. [4], а систематическое обследование 56 крупных юридических рукописей Северной Италии XIV в. – среднее 0,182 мм. (Ф. Бьянки, Д. Буоволо и др.), с постепенным снижением от 0,184 мм. в IX в. до 0,144 мм. в XV. Для библейских рукописей собственные выборки автора дают 0,207 мм. по 14 рукописям XII в. и 0,186 мм. по однотоновым Библиям, тогда как 32 Библии XIII в. с суммарным размером свыше 380 мм. дают среднее 0,134 мм. На этом фоне значения портативных Библий – от 0,045 до 0,063 мм. – и составляют предел, достижимый средневековой технологией [Цит. по 18, р. 73].

Процесс утончения фиксируется во всех трёх странах, однако при одинаковых размерах пергамен в Италии и Англии в целом толще, чем во Франции. Причины двоякие: с одной стороны – животное происхождение материала, с другой – качество работы пергаментщика. Географический разрез измерений выглядит так. У рукописей с суммарным размером менее 230 мм. представлена только Франция: десять экземпляров при средней толщине 0,062 мм., что и составляет среднее по группе. В интервале от 231 до 280 мм. английские рукописи дают 0,068 мм. (две), французские 0,077 мм. (двадцать четыре), итальянские 0,112 мм. (четыре) при среднем 0,080 мм. на тридцати экземплярах. Группа от 281 до 330 мм. представлена французскими (0,099 мм., двенадцать рукописей) и итальянскими (0,100 мм., три рукописи) кодексами со средним 0,099 мм. на пятнадцати. В интервале от 331 до 380 мм. англичане дают 0,123 мм. (одиннадцать), французы 0,109 мм. (девять) при среднем 0,117 мм. на двадцати рукописях; в интервале от 381 до 430 мм. – 0,129 мм. (три) и 0,120 мм. (восемь) при среднем 0,122 мм. на одиннадцати. По всем 86 рукописям с известным происхождением получаем 0,118 мм. для английской продукции (шестнадцать экземпляров), 0,089 мм. для французской (шестьдесят три), 0,106 мм. для итальянской (семь) и 0,096 мм. в среднем [Цит. по 18, р. 74].

Различие это сказывается на общем облике трёх производств: французское отличается большим числом листов на том, итальянское – меньшее среднее число, английское неизменно располагается посередине. Поскольку размер и число листов связаны отрицательно, различным оказывается и распределение Библий по размерам: во Франции предпочитают малые

форматы, в Италии – несколько большие. Толщина пергамена, таким образом, есть главный параметр, от которого зависит возможность увеличить число листов и, следовательно, уменьшить формат.

Первое логическое следствие различий толщины на уровне материальной структуры тома – использование разных структур тетрадей (факторы выбора тетради исследованы Э. Орнато) [16, р. 51–77]. Распределение по происхождению здесь весьма выразительно. Тетрадь из пяти бифолиев остаётся редкостью в Англии и Франции – 1,1 и 1,2 процента соответственно, – но в Италии достигает 14 процентов, что даёт 3,7 процента по корпусу. Сенион, то есть тетрадь из шести бифолиев, охватывает 41,4 процента английских рукописей, 15,5 процента французских и целых 75,6 процента итальянских при общей доле 32,7 процента. Октонион из восьми бифолиев представлен 28,7 процента в Англии, 16,3 процента во Франции и лишь 7 процентами в Италии при среднем 16,9 процента. Тетрадь из десяти бифолиев даёт 17,2, 12,4 и 2,3 процента соответственно при общей доле 11,4 процента. Наконец, дуоденион из двенадцати бифолиев составляет 11,5 процента английских рукописей, 54,7 процента французских и всего 1,2 процента итальянских, что в сумме по корпусу даёт 35,3 % [Цит. по 18, р. 75].

Французское производство, стало быть, узнаётся по преимущественному использованию дуоденионов, особенно для самых маленьких Библий; в Италии широко преобладает сенион; в Англии сенион сочетается с октонионом. Корреляция между структурой тетради, с одной стороны, и числом листов и размерами – с другой, достаточно очевидна: чем тоньше материал, тем более толстые тетради он допускает, а отсюда и дифференциация по происхождению.

Прямое сопоставление толщины со структурой тетради эту связь подтверждает. Сенионы дают 0,131 мм. у единственной рукописи с суммарным размером менее 230 мм., 0,107 мм. в интервале от 281 до 330 мм. (восемь рукописей) и 0,112 мм. в интервале от 331 до 380 мм. (шесть рукописей) при среднем 0,110 мм. на пятнадцати экземплярах. Октонионы представлены только в двух старших размерных группах: 0,102 мм. (восемь рукописей) и 0,080 мм. (две) при среднем 0,097 мм. на десяти. Тетради из десяти бифолиев дают 0,080 мм. в группе от 231 до 280 мм., 0,100 мм. в группе от 281 до 330 мм. и 0,103 мм. в группе от 331 до 380 мм. (одна, одна и две рукописи соответственно) при среднем 0,097 мм. на четырёх экземплярах. Дуоденионы обнаруживают наименьшие величины: 0,058 мм. у самых маленьких кодексов (пять рукописей), 0,068 мм. в интервале от 231 до 280 мм. (четыренадцать), 0,078 мм. в интервале от 281 до 330 мм. (одна) и 0,092 мм. в интервале от 331 до 380 мм. (две) при среднем 0,068 мм. на двадцати двух экземплярах. Средние значения по размерным группам, независимо от структуры тетради, составляют 0,070 мм. (шесть

рукописей), 0,069 мм. (пятнадцать), 0,103 мм. (восемнадцать) и 0,102 мм. (двенадцать), а по всей выборке из 51 рукописи – 0,089 мм. [Цит. по 18, р. 75].

Отчётливее всего зависимость видна именно на дуодеционах: самая «толстая» тетрадь сопряжена с наименьшей средней толщиной листа, и это подтверждает исходное соображение – чем тоньше материал, тем более объёмную тетрадь удастся сформировать.

Даже при одинаковых размерах среднее число листов на том в трёх странах различно: для каждой размерной группы оно систематически ниже в Италии, чем во Франции. Различия наиболее выражены у самых малых рукописей, суммарный размер которых не достигает 330 мм. и где материальные ограничения действовали сильнее всего; выше этого порога география перестаёт что-либо значить, и среднее число листов уже не уменьшается [Цит. по 18, р. 76].

Отказ Италии от чрезмерной миниатюризации сам по себе не позволил преодолеть препятствия, создаваемые избыточной толщиной. Если бы сжатие текста определялось исключительно свойствами материала, изготовление однетомных портативных Библий было бы там весьма затруднительно. Понадобилось дополнительное средство, действующее на уровне разметки, – более интенсивная эксплуатация страницы, причём увеличение заполнения по эстетическим соображениям не рассматривалось. Речь идёт о сжатии письма внутри рамки за счёт роста числа строк, что уменьшало и межстрочный интервал, и размер письма, а также о сокращении самой длины текста посредством интенсивного использования системы аббревиатур. Оттого страница итальянской Библии и выглядит куда плотнее парижской.

Подсчёт строк это подтверждает. У рукописей с суммарным размером менее 230 мм. английские экземпляры несут в среднем 40 строк, французские 47 при общем среднем 45; итальянских в этой группе нет. В интервале от 231 до 280 мм. получаем 46 строк в Англии, 47 во Франции и 53 в Италии при среднем 48. Для интервала от 281 до 330 мм. соответствующие величины составляют 53, 50 и 54 строки при среднем 52, для интервала от 331 до 380 мм. – 50, 49 и 52 при среднем 50, для интервала от 381 до 430 мм. – 52, 49 и 50 при том же среднем 50. По корпусу в целом английские Библии дают 49 строк, французские 48, итальянские 53, а общее среднее равняется 50 строкам [Цит. по 18, р. 76].

Во французском производстве тонкость пергамена позволяла наращивать число листов едва ли не по усмотрению мастера, и это оставляло больше свободы: заказчик выбирал между Библией с малым числом листов – более дешёвой, но с плотным письмом – и Библией с большим числом листов, дороже, зато с просторными страницами и более крупным, читаемым письмом. Стремление ограничить плотность страницы влекло за собой известное «расточительство» пергамена, вполне, впрочем, совме-

стимое с богатством значительной части парижской продукции. В Италии же уменьшение формата достигалось лишь ценой плотной страницы: число строк вынужденно росло, письмо становилось мельче и сжатее, сокращения – интенсивнее. Итальянские Библии содержат приблизительно на 9 % больше сокращённых слов, чем французские и английские [Цит. по 18, p. 77].

Итог настоящего разбора удобнее формулировать, начав с того, что было опровергнуто. Легенда об эмбриональной коже, питавшая описания «карманных» Библий с XVII – XVIII вв., не выдерживает проверки ни одним из привлечённых видов данных. Экономика скотоводства не могла обеспечить требуемые объёмы сырья – прикидочные расчёты дают порядок в несколько тысяч шкур ежегодно на протяжении полувека; средневековые инвентари и купчие называют не абортивный материал, а козью либо телячью кожу; наконец, масс-спектрометрия коллагена показывает шкуры обыкновенных, пусть и молодых, домашних животных. Миф о необычайном сырье, как это часто случается в истории ремесла, возник там, где было утрачено знание о технологии: восхищение результатом сохранилось, память о способе его получения исчезла.

Что же тогда сделало возможной миниатюрную Библию? Ответ, к которому приводят измерения, звучит прозаично и потому убедительно: доведённая до предела выделка. Мездрение и шлифовка, операции сами по себе рутинные, в парижских мастерских были отточены до такой степени, что мембрана толщиной в четыре-шесть сотых миллиметра перестала быть исключением и превратилась в норму серийного производства. Иначе говоря, речь идёт не о технологическом изобретении, а о накопленном ремесленном превосходстве – о том типе прогресса, который редко фиксируется письменными источниками и потому доступен лишь через изучение самих артефактов.

Дальше начинается цепочка следствий, и она заслуживает того, чтобы быть прочитанной именно как цепочка. Толщина листа задаёт допустимое число листов; число листов определяет, какую тетрадь можно собрать; структура тетради и объём блока, в свою очередь, диктуют разметку, кегль письма и глубину аббревиации. Где материал позволял уточнение – то есть в Париже, – миниатюризация шла путём умножения листов, и страница оставалась просторной, а письмо читаемым. Где не позволял – в Италии – компенсация переносилась на разметку, и та же задача решалась плотной строкой, сжатым письмом и разветвлённой системой сокращений. Один и тот же результат, таким образом, достигался двумя технологически неравнозначными способами, а разница между ними до сих пор различима глазом при первом взгляде на страницу.

Отсюда вытекает и практический вывод, представляющий, пожалуй, наибольшую ценность за пределами данного корпуса. Пергамен заслужи-

вает места в перечне признаков, по которым локализуется средневековая книга: в отличие от переписчиков и иллюминаторов, чья мобильность хорошо документирована, пергаментщики и складские запасы мембраны были привязаны к месту производства весьма жёстко. Совокупность толщины, контраста сторон, характера обработки и видовой атрибуции сырья образует, следовательно, диагностический комплекс, работающий там, где палеография и стиль декора оставляют вопрос открытым.

Осторожность, впрочем, необходима, и здесь уместно обозначить границы сказанного. Корпус портативных Библий однороден и элитарен; он представляет не «среднее» книжное производство XIII в., а его технологический предел. Перенос полученных закономерностей на рядовую книжность эпохи был бы методологической ошибкой. Остаются неясными и существенные детали ремесла: последовательность и режимы обработки мембраны, организация снабжения парижских мастерских, причины окончательного отказа от козьей кожи к северу от Альп. Расширение выборки палеопротеомических анализов, особенно на итальянском материале и сопоставление кодицилогических данных с цеховыми и нотариальными документами способны прояснить многое. Ясно, во всяком случае, одно: рассматривать мембрану как нейтральный фон, на который нанесён текст, больше нельзя – писчий материал выступает здесь действующим фактором, сформировавшим физический облик одной из самых важных книг западной цивилизации.

Библиографический список / References

1. Быкова Г.З. Пергамен, как основа средневековых рукописей // Хризограф. Вып.2. – М.: 2005. С. 8-22.
2. Киреева В.Н. Средневековый пергамент: сравнительный анализ технологий (по историческим и экспериментальным данным): диссертация на соискание научной степени кандидата культурологии: 24.00.03. – Москва, 1998. 130 с.
3. Bianchi F., Buovolo D., De'Caterina M. G., et al. Facteurs de variations de l'épaisseur du parchemin italien du VIII-e au XV-e siècle, dans *Ancient and Medieval Book Materials and Techniques* (Erice, 18 - 25 settembre 1992), 2 vols, Maniaci M. - Munafò P. F. éd., Città del Vaticano, 1993 (Studi e Testi, 357 - 358), I, p. 95 - 184; republié dans *La face cachée du livre médiéval. L'histoire du livre vue par Ezio Ornato, ses amis et ses collègues*, Roma, 1997. P. 275-345.
4. Bianchi F., Canart P., Federici C., et al. La structure matérielle du codex dans les principales aires culturelles de l'Italie du XI-e siècle, dans *Ancient and Medieval Book. II*. P. 363-452.
5. Bischoff F.M. Observations sur l'emploi de différentes qualités de parchemin dans les manuscrits médiévaux, dans *Ancient and Medieval Book...*, I, P. 57-94.
6. Chahine C. Le dédoublement de la peau, dans *Matériaux du livre médiéval*, Actes du colloque du Groupement de recherche (GDR) 2836 Matériaux du livre médiéval, Zerdoun Bat-Yehouda M. - Bourlet C. éd., Turnhout, 2010 (Bibliologia, 30). P. 1-11.
7. Clarkson C. Rediscovering Parchment: The Nature of the Best, The Paper Conservator, 16 (1992). P. 75.96.
8. Di Majo A., Federici C., Palma M., Indagine sulla pergamena insulare (secoli VII - XVI), *Scriptorium*, 42 (1988). pp. 131-139.
9. Fiddymont S., Holsinger B., Ruzzier C., et al. Animal origin of 13th-century uterine vellum revealed using noninvasive peptide fingerprinting, *Proceedings of the National Academy of Sci-*

ences of the United States of America, 112, № 49 (08 December 2015) // URL: https://pure.unamur.be/ws/portalfiles/portal/13072903/PNAS_2015_Fiddyment_1512264112.pdf (Дата обращения: 15.05.2026)

10. Gilissen L. *Prolégomenes à la codicologie. Recherches sur la construction des cahiers et la nuse en page des manuscrits médiévaux* (Les Publications de Scriptorium, vol. 7; Gand. Éditions Scientifiques Story-Scientia S.P.R.L., 1977). 252 p.

11. Gumbert J.P., *Sizes and Formats*, dans *Ancient and Medieval Book...*, I. P. 227-263.

12. Kaeppli T., *Inventari di libri di San Domenico di Perugia (1430 - 80)*, Roma, 1962 (Studi eruditi, 15).

13. Light L., *The Thirteenth Century and the Paris Bible*, dans *The New Cambridge History of the Bible. 2 From 600 to 1450*, R. Marsden - E. Ann Matter éd., Cambridge, 2012. P. 380-391.

14. Muzerelle D, Ornato E., *La terza dimensione del libro. Aspetti codicologici della pluri-testualità, Segno e testo*, 2 (2004). P. 43-74.

15. Orlandelli G., *Il libro a Bologna dal 1300 al 1330, documenti. Con uno studio su il contratto di scrittura nella dottrina notarile bolognese*, Bologna, 1959. 152 p.

16. Ornato E., *Apologia dell'apogeo. Divagazioni sulla storia del libro nel tardo medioevo*, Roma, 2000. 147 p.

17. Pollard G., *Notes on the Size of the Sheets*, *The Library*, Fourth Series, 22 (1941). P. 105-137.

18. Ruzzier C. *Le rôle du parchemin dans la miniaturisation de la Bible au XIIIe siècle*, // *Gazette du livre médiéval*, 2017. Vol. 63. P. 64-78. // URL: https://pure.unamur.be/ws/portalfiles/portal/51266441/galim_0753_5015_2017_num_63_1_2124.pdf (Дата обращения: 15.05.2026)

19. Ruzzier C. *The Miniaturisation of Bible Manuscripts in the Thirteenth Century: A Comparative Study*, dans *Form and Function in the Late Medieval Bible*, L. Light - E. Poleg éd., Leiden-Boston, 2013 (*Library of the Written Word* 27). P. 105-125.

20. Thompson D.V. *The Materials of Medieval Painting*, London, 1936. 239 p.

21. Toniolo L., Baraldi P., D'Amato A., Righetti P.G., Valentini G., *Indagini conoscitive del manufatto e dei suoi materiali*, dans *In via in saecula. La Bibbia di Marco Polo tra Europa e Cina*, Treccani, 2012. P. 187-212.

22. Zerdoun Bat-Yehouda M., Sirat C., *La description des manuscrits hébreux: vingt-cinq ans d'expérience*, dans *Ancient and Medieval Book...*, II. P. 333-353.

Аннотации

Ултургашева Н.Д.

Чап А.А.

Алексеева А.Г.

Тувинская скульптура малой формы: от игрушки и ритуальной фигурки до произведения искусства

В статье рассматривается развитие тувинской скульптуры малой формы, известной также как мелкая пластика, от ее истоков в виде деревянных игрушек и ритуальных фигурок до произведений профессионального искусства. Анализируются исторические, культурные и технологические стороны формирования камнерезного искусства в XX в. Акцент сделан на двойной функции этих фигурок в прошлом – игрушки и ритуального предмета, а также их значению в качестве одного из брендов региона в современном художественно-культурном пространстве.

Ключевые слова: Тува, скульптура малой формы, художественная резьба, народное искусство, традиции, ритуальные фигурки, игрушка.

Мальцева Л.В.

Этнохудожественная культура кубанских казаков (традиционные ремесла Кубани)

В настоящее время на Кубани проявляется интерес к народным ремеслам, декоративно-прикладному искусству. Показано взаимосвязь устного народного творчества, которую необходимо сохранить и передать будущим поколениям. Передать секреты и умения народного искусства традиционные для Кубани. Поэтому обучение учащихся народным ремеслам начинается на занятиях изобразительного искусства. Большую роль играет в этом развитии личности, формирование идеалов. Изобразительное творчество является одним из любимых занятий. Эта работа требует художественных способностей, знаний и умений в области изобразительной грамоты, декоративно-прикладного искусства, необходим большой запас зрительных образов и впечатлений, творческое воображение. Знакомство с новыми понятиями и возможностями уже само по себе вызывает интерес, повышает мотивацию, веру в собственные силы.

Ключевые слова: этнохудожественная культура казаков, народные ремесла, умения, творчество, казаки, обучение, воспитание.

Миронов А.В.

Садриева А.Н.

Литературное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» как средство формирования культурной идентичности участников

В условиях цифровой трансформации российского общества традиционные социальные институты культуры утрачивают свою монополию на формирование культурной идентичности современных россиян. Все большее значение начинают приобретать цифровые форматы трансляции духовных ценностей, культурных норм и практик взаимодействия. В то же время необходим поиск баланса между тенденциями цифровой глобализации и традиционными ценностями российского общества.

Исторически характерный для отечественной культуры литературоцентризм может стать основой для глубокого осмысления проблемных вопросов общественной и культурной жизни. Благодаря новым цифровым форматам – виртуальным литературным сообществам – в пространство философского диалога могут быть вовлечены представители различных областей знаний, профессий, возрастов.

Цель нашего исследования: выявить и обосновать механизмы трансляции духовных ценностей и формирования культурной идентичности участников виртуального литературного

сообщества «Однажды Фет...» в социальной сети «ВКонтакте».

На основе дискурс-анализа мы показываем, как благодаря существованию тематических рубрик сообщества, структурирующих литературный контент, и реализации форматов partisипации (соучастия) происходит трансформация классического знания в актуальные социальные практики, создается пространство для диалога, формируется культурная идентичность участников.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, литературное сообщество, социальная сеть «ВКонтакте», духовные ценности, культурная идентичность, практики partisипации (соучастия), литературоцентризм, Афанасий Фет.

Сергеева Е.А.

Из истории формирования системы консерваторского образования в России

В статье рассматривается процесс становления и развития системы консерваторского образования в России с середины XIX века до настоящего времени. Обращается внимание на отсутствие целостного обзора отечественных консерваторий как единой образовательной системы.

Приводятся основные сведения, повлиявшие на формирование профессионального музыкального образования. В основе методологии лежит историко-культурный, сравнительно-аналитический и искусствоведческий подход. Анализ проводится по ряду параметров: хронология основания, институциональные формы становления, а также вклад выдающихся музыкантов и педагогов.

Обзор делится на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Показано, что формирование консерваторского образования было тесно связано с деятельностью Русского музыкального общества, а в дальнейшем – с государственной культурной политикой. Установлено, что ведущую роль в развитии системы сыграли крупнейшие центры – Санкт-Петербургская и Московская консерватории, обеспечившие преемственность профессиональных традиций.

В заключении делается вывод о том, что современная система консерваторского образования в России сформировалась как результат длительного исторического развития и сохраняет преемственность ключевых образовательных и культурных принципов.

Ключевые слова: музыкальное образование в России, Русское музыкальное общество, консерватория, история консерваторий.

Смердов М.И.

Изучение истории Ирбитской ярмарки

В статье рассматривается изучение всероссийской Ирбитской ярмарки с середины XVIII в. по сегодняшний день. Научное изучение истории Ирбита и Ирбитской ярмарки восходит к Г.Ф. Миллеру, который в своей фундаментальной «Истории Сибири» освятил возникновение Ирбитской слободы. Впоследствии историю всероссийской Ирбитской ярмарки изучали известный уральский краевед Н.К. Чупин, советский историк В.А. Александров, географ Л.Е. Иофе и другие историки и краеведы. Л.Е. Иофе ввел в научный оборот понятие «загадка» Ирбита – проблема огромного экономического значения Ирбитской ярмарки и ее устойчивости при невыразительном экономико-географическом положении города, которая остается нерешенной по сегодняшний день. Современная историография Ирбитской ярмарки характеризуется началом изучения древнего менового торгового места современного Ирбита и появлением работ, посвященных очередному возрождению Ирбитской ярмарки.

Ключевые слова: Ирбитская ярмарка, «загадка» Ирбита, древний меновой торговый пункт на месте современного Ирбита, научное ирбитоведение.

Строганов Д.О.**Дажьбог как верховный бог славян и предполагаемый герой одного славянского мифа**

Автор статьи доказывает, что в исходном славянском мифе, от которого произошли русская былина «Иван Гостинный сын» и болгарские песни на сюжет «юнак обгоняет солнце», роль солнца и князя Владимира исполнял Дажьбог. Также доказывается, что изначально Дажьбог являлся главой древнерусского пантеона и покровителем князей – а вовсе не Перун, возвысившийся лишь при Владимире Святославиче.

Ключевые слова: Дажьбог, Дажьбог, Перун, Святovit, пантеон Владимира, «Иван Гостинный сын», «Слово о полку Игореве», славянская мифология, русский эпос, языческая реформа Владимира.

Сунь ИнЧернова А.В.**Традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века**

В статье изучаются традиционные семейно-этические ценности в литературе и кинематографе Китая. В исследовании использованы следующие методы - историко-культурологический метод, стилистический анализ и семиотический подход. Художественными источниками статьи явились кинофильм и роман «Прорыв в Гуаньдун», роман «Поле жизни и смерти» и Драма «Прошлое Хейлун». В статье определяется важнейшая ценность – уважение к старшим, являющаяся традиционной ценностью китайского народа. Выводом исследователя является то, что традиционные семейно-этические ценности играют одну из важных ролей в литературе и кинематографе Китая в конце XX – начале XXI века. А их ядро – уважение к старшим – обеспечивает фундамент для современного этического строительства.

Ключевые слова: традиционные ценности, уважение к старшим, Прорыв в Гуаньдун, Поле жизни и смерти, Прошлое Хейлун, искусство Китая, литература, кинематограф, рубеж XX-XXI веков.

Тэн ИнЯнь Лань**Исследование изображений гандхарвов, исполняющих музыку, в пещерах Гуйцзы**

В данной статье в качестве объекта исследования выступает «Изображение гандхарвов, исполняющих музыку» из пещер Кучи. С помощью методов иконографии и морфологии танца в статье проводится систематический анализ художественных особенностей и культурного содержания изображений гандхарвов с учётом трёх аспектов: формы танца, функции музыкальных инструментов и костюмов. Анализ самой сущности танца показал, что «Изображение гандхарвов, исполняющих музыку» является не только визуальным воплощением музыки и танца Гуйцзы, но и типичным примером слияния искусств и культурного возрождения на Великом шелковом пути, что имеет важное значение для изобразительной и танцевальной науки в контексте понимания процесса локализации буддийского искусства и истории культурного обмена между Востоком и Западом.

Ключевые слова: пещеры Гуйцзы, изображения танцующих гандхарвов, гандхарвы, иконография, изображения танцев.

Мальцева Л.В.**Энохудожественная культура Кубанских казаков и современность**

Современное общество находится в процессе глобализации, цифровизации и активного межкультурного взаимодействия. В этих условиях этнокультура – совокупность традиций, ценностей, языка народа – играет ключевую роль в сохранении идентичности. Глобализация

стирает границы, но одновременно угрожает уникальности культур. С одной стороны, интернет и социальные сети позволяют нам делиться своими традициями, обычаями, культурой с другими народами. С другой стороны, происходит потеря национальных ценностей.

В каждом уголке нашей страны есть свои: особенности, неповторимая красота природы, художественные промыслы. Традиции, культура, обычаи начинаются там, где мы живем и творим. На Кубани изучение этнохудожественной культуры происходит на протяжении всей жизни, и передается из поколения в поколение. Воспитание на искусстве, культуре, истории кубанского казачества – значит мы сохраняем историческую преемственность двух поколений.

Ключевые слова: казачество, культура, обычаи, традиции, воспитание, история, художественные промыслы.

Ван Жуй

Ли Цзин

Ли Пин

Пути поддержки развития традиционной региональной культуры со стороны местных университетов в провинции Хэйлунцзян

Региональное культурное наследие, сохраняемое местным населением, как воплощение выдающейся традиционной китайской культуры, играет огромную роль в реализации государственной стратегии культурной модернизации общества в Китае в новую эпоху. Провинция Хэйлунцзян имеет разнообразные самобытные культурные ресурсы, включая рыболовные и охотничьи обычаи приграничных этнических меньшинств, новаторский дух народа-первопроходца Великой Северной Пустоши, искусство резьбы по льду и другие виды народных ремесел и искусств, сформировавшиеся на китайско-российской границе. Университеты, расположенные в северном приграничном регионе, естественно, несут на себе всеобъемлющую задачу по изучению, сохранению, творческому развитию и распространению регионального культурного наследия. В данной статье на примере Хэйхэского университета проводится исследование роли высших учебных заведений в сохранении и передаче традиционного культурного наследия провинции Хэйлунцзян. Проанализирована многогранная практическая ценность университетов в содействии развитию местной культуры в провинции Хэйлунцзян, а также тщательно изучены проблемы, которые возникают в процессе сохранения и передачи местной культуры, такие как фрагментированная структура учебных программ по культуре в университетах, недостаточная интеграция промышленности и бизнеса в культурное развитие региона и проведение соответствующих исследований, а также отстающие методы цифрового распространения культурной информации. Авторами представлены пути оптимизации поддержки местными высшими учебными заведениями сохранения и распространения культуры провинции Хэйлунцзян: усиление культурно-нравственного воспитания студентов, расширение возможностей для академических исследований, развитие долгосрочного сотрудничества между учебными заведениями и местными органами власти, расширение способов распространения информации о культуре региона через цифровые медиа и обеспечение поддержки со стороны бизнеса и общественных организаций.

Ключевые слова: культурное развитие, высшие учебные заведения, традиционная культура провинции Хэйлунцзян, инновации в традиционной культуре.

Воронкова А.С.

От грани к ронду, от света к знаку: Врубель и Куинджи в художественной системе Юрия Косаговского

Статья посвящена типологическим переключкам творчества Юрия Косаговского (1941–2023) с двумя значимыми традициями русского искусства, представленными Михаилом Врубелем и Архимом Куинджи. Цель исследования заключается в определении, каким образом в авторской системе Косаговского трансформируются, с одной стороны, симво-

листская модель воплощения незримого и лермонтовская демонология, с другой – традиция светоносного ночного пейзажа. Материалом служат произведения лермонтовского цикла Косоговского, такие как «Демон и Тамара», «Мцыри», «Настанет год», «Триптих. Демон. 2. Предчувствие», а также «Ночная дорога. Москва» (1988) и ранний натюрморт, соотносенный с обращением художника к Врубелю. Применяются сравнительно-типологический, формально-стилистический, иконографический и источниковедческий методы. Показано, что параллели Косоговский – Врубель и Косоговский – Куинджи имеют различную природу. Первая основана на общем литературном источнике, устойчивом интересе Косоговского к Врубелю и понимании Демона как метафизического состояния; вторая преимущественно на типологии ночного пейзажа и функции света как смыслообразующего начала. В рондизме кристаллическая множественность формы преобразуется в систему округлых модулей, а концентрированный природный свет в распределенную знаковую пульсацию живописной поверхности. Сделан вывод, что Косоговский не воспроизводит исторические модели, а актуализирует их как элементы индивидуальной живописной метапоэтики.

Ключевые слова: Юрий Косоговский, рондизм, Михаил Врубель, Архип Куинджи, Михаил Лермонтов, Демон, ночной пейзаж, свет, художественная традиция, типологический анализ.

Галаганова С.Г.

«По неkontakтным пряслам континентов...» Мир японской культуры в творчестве Миланы Алдаровой

Растущая самоизоляция цивилизаций и культур воспринимается автором как реакция на процесс глобализации и новый вызов человечеству. В этих условиях постижение народами специфики иных мировоззрений, особенностей иных национальных менталитетов становится проблемой общечеловеческой безопасности. На материале цикла стихов Миланы Алдаровой (1956–2012) «В поисках Японии» в статье продемонстрированы результаты проникновения носителя русской традиции в миропонимание иероглифической цивилизации при помощи освоенных на практике японских канонов стихосложения. На конкретных примерах в статье показано, как под пером русского поэта происходит прояснение глубинных смыслов японской культуры, делающее их доступными для российской аудитории.

Ключевые слова: Милана Алдарова, «В поисках Японии», самоизоляция культур, японская традиция, иероглифическая культура, диалог цивилизаций, взаимопроникновение культур.

Демьянова А.Д.

Актуализация методики исполнения *Grand rond de jambe jete* в современной классической хореографии

Актуальность проблемы обусловлена значительными изменениям физических и технических возможностей артистов балета XXI века при сохранении методических требований классического танца, которые были сформированы в начале XX века. Современные танцовщицы обладают большей гибкостью, амплитудой движений и мобильностью тела.

Ключевые слова: методические требования, классический танец, балет, современные танцовщицы, методика А.Я. Вагановой.

Ли Ён Ок

Символизм в русской живописи и диалог культуры М.В. Нестерова: в путевых записях 1889 года - бахтинский анализ

Статья посвящена анализу творчества М.В. Нестерова как художника-символиста в контексте русского культурного Ренессанса рубежа XIX–XX веков. Опираясь на теорию диалога М.М. Бахтина и постбахтинскую исследовательскую традицию, автор рассматривает

европейские путешествия Нестерова как пространство межкультурного диалога, в котором «чужое слово» западноевропейского искусства превращается в «свое-чужое» посредством принципов вневходимости и творческого ядра личности. Особое внимание уделяется путешествию 1889 года как катализатору создания цикла образов Сергия Радонежского, ставшего центральным религиозным и иконографическим мотивом всего творчества художника.

Ключевые слова: М.В. Нестеров, Символизм, Серебряный век, М. Бахтин, Диалог культур.

Лыкова Н.Н.

Гасанова В.Т.

Андрейченко О.И.

Некоторые аспекты инкорпорации Таврической губернии в социокультурное пространство Российской империи XVIII - нач. XX ст.

Статья посвящена культурологическому анализу интеграции Крыма в общеимперское пространство России XVIII - нач. XX ст. Воссоединение полуострова с Российской империей оценивается как особый случай историко-культурного процесса формирования великодержавного пространства. Актуальность данного исследования осуществляется с учётом общего теоретического осмысления модели самодержавной политики российского государства, где особую роль играет становление города, как административного центра вновь созданной Таврической губернии. История губернского города в единстве всех её образующих, на фоне культур-исторических, политических и социально-экономических процессов, с учётом влияния природно-климатических и геополитических факторов, позволяющих представить город как муниципалитет и особую социокультурную сферу с присущими ему ценностными ориентирами, моральными устоями, идеалами и духовной атмосферой периода XVIII - нач. XX ст.

Ключевые слова: инкорпорация, культурологический анализ, геополитический фактор, губернский город, муниципалитет, Российская империя, административная единица, Таврическая губерния, историческое ядро, Петровская слобода, полуциркулярная площадь, духовная атмосфера, Кафедральный собор, трехлучевая схема.

Ма Хайцзюнь

Понятие изобразительного творчества в семиотическом контексте межкультурного взаимодействия

Данная статья исследует механизмы порождения смыслов в изобразительном творчестве в контексте межкультурного взаимодействия с позиций семиотики. В условиях глобализации изобразительное творчество рассматривается как визуальная знаковая система, выступая значимым медиатором культурного диалога. Автор раскрывает логику трансформации знаков в различных культурных контекстах, подчеркивая определяющую роль культурных концепций в визуальной экспрессии. Обосновывается тезис о том, что изобразительное творчество представляет собой эффективный путь к достижению межкультурного понимания и становлению многополярного сосуществования.

Ключевые слова: изобразительное творчество, семиотика, межкультурное взаимодействие, диалог культур, символизм.

Щербакова Е.Н.

«Васнецовский след» в селе Чумой: история, память, сохранение наследия

Данная публикация посвящена изучению связи села Чумой Игринского района Удмуртской Республики с родом Васнецовых через судьбу священнослужителя Чумойского храма Богоявления Господня и учителя церковно-приходской школы Николая Фёдоровича Васне-

цова. Николай Федорович состоял в родстве с известными художниками Виктором Михайловичем и Аполлинарием Михайловичем Васнецовыми в шестом поколении и оставил свой заметный след на Игринской земле.

В статье показано, что «васнецовский след» в селе Чумой – не просто эпизод локальной истории, а живой процесс: от краеведческих исследований, работы с архивными документами и поиска потомков служителя до практических шагов в сохранении и популяризации. Работа в этом направлении способствует не только сохранению памяти о конкретном человеке и храме, но и духовно возрождает село, вовлекает жителей в изучение своего прошлого, что важно, как для жителей села Чумой, так и для понимания общей картины культурного наследия России, так как это помогает сохранить многогранность русской культуры и её связь с локальными историями.

Ключевые слова: «васнецовский след», храм, священнослужитель, учитель, «Потомки и наследие», «Васнецовское разноцветье», «Васнецовские символы вечности», библиопленэр «По просторам Родины с Васнецовым».

Демидов А.В.

Дипломатия больших данных

В статье предпринимается попытка дать определение понятию «большие данные». Приводятся ключевые характеристики больших данных. Указываются источники, производящие большие данные. Анализируются точки зрения российских и зарубежных исследователей на большие данные, как на новое явление. Рассматриваются истоки этого явления, подчеркиваются связанные с ним проблемы. При этом особое внимание обращается на необходимость соблюдения требований этики и конфиденциальности.

Автором, проработавшим не один десяток лет на дипломатической службе и находящимся в настоящее время на научной работе, рассматривается влияние больших данных на науку и дипломатию. Подчеркивается, что появление больших данных способно оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на науку, так и на международную дипломатию. Проводятся параллели с другим также новым явлением, известным как научная дипломатия. Отмечается возможность и целесообразность заимствования дипломатией больших данных некоторых концептуальных начал из научной дипломатии.

Особое внимание обращается на то, что появление больших данных и их воздействие на человеческое общество, включая науку и дипломатию, в качестве важнейшего инструмента усиливается благодаря развитию искусственного интеллекта.

Ключевые слова: информатизация, объем информации, большие данные, объем, скорость передачи/поступления, разнообразие, достоверность, изменчивость, ценность, наука, источники данных, дипломатия, анализ, обработка, передача информации, научная дипломатия, информационная дипломатия, дипломатия данных, искусственный интеллект.

Калабекова С.В.

Бережнова О.В.

Борокова И.Д.

Аксиологические ориентации современного студенчества: от прагматизма к социальной ответственности

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания ценностных трансформаций в студенческой среде в условиях глобализации, цифровизации и экономической нестабильности. В статье рассматриваются аксиологические ориентации современного российского студенчества как динамичной социальной группы, отражающей общественные трансформации. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических исследований автором выявляется бинарная природа ценностных доминант студентов, сочетающих прагматические установки (стремление к материальному благополучию, карьерному успеху,

индивидуализм) и ценности социальной ответственности. Обосновывается, что указанный дуализм не является ценностным хаосом, а представляет собой адаптационную стратегию к вызовам цифрового общества риска. Особое внимание уделяется факторам формирования социальной ответственности, среди которых ключевую роль играет образовательная среда и инновационные практики, такие как «обучение служением». Автор приходит к выводу о формировании гибридной аксиологической модели и тенденции перехода от «чистого» прагматизма к социально ответственному прагматизму, где личный успех достигается через общественно значимую деятельность.

Ключевые слова: аксиологические ориентации, студенчество, прагматизм, социальная ответственность, ценностные доминанты, обучение служением, цифровизация, гибридная ценностная модель, молодежная политика.

Терновая Л.О.

Место встречи: секреты семантики коммуникаций

В статье на основе междисциплинарного подхода анализируются знаковые места городских встреч – фонтаны, площади с часами, набережные, книжные магазины и кафе – как сложные семиотические и коммуникативные феномены. Эти локации рассматриваются не просто как функциональные элементы инфраструктуры, а как активных соучастников человеческого взаимодействия, обладающих глубинной семантикой и способных организовывать коммуникацию, задавать ритм и формировать особый хронотоп. Через призму понятий лиминальности, «третьего места» и культурных кодов раскрывается природа их непреходящей аттрактивности. Особое внимание уделяется перекрестку как семиотической модели, аккумулирующей значения выбора, границы, соединения и перехода. Делается вывод, что устойчивая привлекательность этих пространств обусловлена их способностью адаптироваться к изменяющимся контекстам, удовлетворяя фундаментальные человеческие потребности в общении, созерцании, принадлежности и осмыслении времени, – качества, недостижимые в виртуальной среде.

Ключевые слова: семиотика города, место встречи, хронотоп, лиминальность, третье место, коммуникация, городские пространства, фонтан, набережная, площадь с часами, книжный магазин, кафе, перекресток, городская антропология, культурный код, аттрактивность, коммунитас.

Хитарова И.Ю.

Колистратова А.В.

Кораблева С.А.

Николаева Е.А.

Научный дискурс как объект лингводидактики: структура, характеристики и принципы моделирования в учебном процессе

В статье обосновывается актуальность дискурсивного подхода в последипломном языковом образовании. Предметом исследования выступает лингводидактический анализ научного дискурса, рассматриваемого в единстве трех аспектов: как модель речевого поведения, вид интеллектуальной деятельности и речевой продукт. Авторы выделяют ключевые характеристики научного дискурса (коммуникативные ситуации, структурная организация, когезия, интертекстуальность) и определяет принципы их адаптации в учебном процессе. В заключении формулируются требования к построению обучения письменному научному дискурсу на основе воспроизведения его системообразующих свойств.

Ключевые слова: научный дискурс, лингводидактика, последипломное образование, обучение иностранным языкам, дискурсивный подход, письменный научный дискурс, характеристики дискурса, когезия, интертекстуальность, коммуникативные ситуации.

Полякова Я.Н.

Вилкова А.В.

Система воспитательной работы пенитенциарной системы России

В статье рассматривается вопрос воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе.

Цель воспитательной работы пенитенциарной системы является исправление осужденного.

Методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация, методы убеждения и стимулирования.

Система воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе (УИС) – это сложный педагогический и социальный процесс, призванный разорвать порочный круг преступности.

Ключевые слова: воспитательная система, осужденные, исправление, уголовно-исполнительная система, законодательство.

Даврикова И.Н.

Эмоциональное выгорание и «тихое увольнение»: современный деонтологический тезаурус

Заметным явлением последних лет на рынке труда стала ситуация «тихого увольнения» («ухода в тень» или «тихого ухода»), описанию которого посвящены публикации в российских и зарубежных научных изданиях. Поскольку отечественная наука освящает происходящее не столь активно, данная статья призвана привлечь внимание к феномену как к тенденции, обобщить теоретические положения столь устойчивого сценария в трудовой коммуникации. В частности, рассматриваются его признаки и последствия, приводящие к некомфортным условиям сотрудничества, и, как следствие, к снижению эффективности компании.

В статье исследуются основания для трансформации подходов к управлению человеческими ресурсами в условиях распространения феномена «тихого увольнения». Обосновывается необходимость пересмотра принципов современного менеджмента на любом уровне, что позволит не только предотвращать развитие сценария «тихого увольнения», но и способствовать формированию среды для устойчивой лояльности и продуктивности персонала.

Ключевые слова: вовлеченность сотрудников, выгорание, гибкие формы работы, менеджмент, мотивация персонала, организационная культура, осмысленность труда, профессиональный стресс, синдром эмоционального выгорания, «тихое увольнение», управление человеческими ресурсами, эмоциональный интеллект.

Гаврилюк Н.П.

Дедиу Е.И.

Прокладочный фетр в ручном изготовлении бумаги: технологическая роль и исторические причины внедрения

При отжиме сырых листов европейские мастера бумажного дела помещали между ними отрезки шерстяного войлока, которые принято называть прокладочным фетром. Судя по имеющимся данным, эта практика утвердилась в Западной Европе приблизительно на рубеже тринадцатого и четырнадцатого столетий. На протяжении длительного времени бытовало представление, что в отсутствие подобных прокладок листы неминуемо срастаются между собой, а само производство делается невозможным. В предлагаемой работе, опирающейся на итоги экспериментальных реконструкций и на полевые наблюдения практиков ремесла, это представление подвергается критическому пересмотру. Основу анализа составляют материалы многолетних воспроизведений старинных процессов, осуществлённых мастерами и исследователями на бумажной мельнице Moulin du Verger

в комуне Руумтоуеп, а также наблюдения, проведённые в Бухаре. Сведение этих данных воедино приводит к заключению, что прокладочный фетр не является технической необходимостью при выработке бумаги из размолотой тряпичной массы. Свойство листов не срастаться друг с другом обусловлено не наличием прокладок, а физикой самого волокна – качеством его распределения в водной среде и характером межволоконных связей, возникающих по мере удаления влаги. На этом основании обсуждается гипотеза, разделяемая рядом специалистов: фетр был введён не ради «спасения» операции формования, а как ответ на иную производственную потребность – переход к массовой сушке бумаги на верёвках, потребовавший, в свою очередь, существенно более сильного прессования. Исследование носит междисциплинарный характер и объединяет подходы экспериментальной археологии, физической химии целлюлозы и истории техники.

Ключевые слова: ручное изготовление бумаги, прокладочный фетр, наливное формование (нагасидзуки), растительный диспергатор (нэри), водородные связи, целлюлозные волокна, исламская бумага, Фабриано.

Аджиева З.И.

Борлакова Ф.А.

Хубиев И.Х.

Становление системы публичного управления в российской империи: от наказа к полицейскому праву (XVIII – начало XX вв.)

Данная статья посвящена историко-правовому анализу становления системы публичного управления в Российской империи в период с XVIII по начало XX века. Актуальность исследования обусловлена современными дискуссиями о реформировании государственного аппарата и поиском оптимальной модели взаимодействия власти и общества. Автор рассматривает эволюцию административно-правовых институтов от разрозненных монарших повелений и наказных инструкций к кодифицированной системе полицейского права, которое выступило историческим предшественником современного административного права. В работе прослеживается преемственность между приказной системой Московского государства, петровскими коллегиями, екатерининскими губернскими учреждениями и министерской системой XIX века. Особое внимание уделяется доктринальным разработкам российских учёных-административистов (А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, И.Т. Тарасова, А.И. Елистратова) и их вкладу в формирование научных основ публичного управления. Анализируются институциональные диспропорции, в частности отсутствие административной юстиции и широкие пределы усмотрения губернской администрации, что стало одной из причин системного кризиса начала XX века. Делается вывод о том, что эволюция публичного управления отражала глубинные противоречия российского государственного развития, а опыт дореволюционного периода сохраняет актуальность для современных административных реформ.

Ключевые слова: публичное управление, полицейское право, административное право, Российская империя, государственный контроль, административная юстиция, реформы, бюрократия, генезис институтов, историко-правовой анализ.

Дейнека В.Р.

Ошибочность эволюционистского тезиса о «детскости» языческого сознания: методологические аспекты

В статье подвергается критике укоренённое в религиоведении XIX–XX веков представление о языческом сознании как о «детском» или «примитивном». На материале скандинавских космогонических мифов и славянских календарных систем демонстрируется, что архаические религиозные формы обладают внутренней сложностью, не уступающей позднейшим системам, однако организованной по иным принципам. С привлечением теории нетождествен-

ности М.И. Стеблина-Каменского и структурного анализа К. Леви-Стросса обосновывается положение о том, что языческое сознание представляет собой не «недоразвитый» вариант более поздних систем, а качественно иной тип мироотношения. В качестве позитивной альтернативы эволюционной шкале предлагаются три операциональных принципа: принцип функциональной эквивалентности, принцип внутренней когерентности и принцип исторической несоизмеримости.

Ключевые слова: философия религии, язычество, эволюционизм, теория нетождественности, Стеблин-Каменский, Леви-Стросс, религиозное сознание, структурализм, примитивизм, онтогенез, политеизм, критика эволюционизма.

Дмитриев Г.Г.

Бодяков В.Н.

Психолого-криминалистический портрет современного киберпреступника

В статье исследуются психолого-криминалистические аспекты выявления и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Авторами выявлены типовые особенности личности киберпреступника и на этой основе сформулированы прикладные рекомендации для следственных действий. На базе анализа норм УК РФ и правоприменительной практики (в т. ч. по ст. 110, 110.1 УК РФ) предложена двухгрупповая типология подозреваемых – с выраженными и со слабовыраженными психическими расстройствами – с описанием их психоэмоциональных характеристик. Разработан алгоритм действий следователя: освидетельствование подозреваемого перед допросом, исследование его цифрового профиля, назначение психолого-психиатрической и психолого-лингвистической экспертиз. Практическая значимость – в повышении эффективности сбора допустимых доказательств и снижении противодействия расследованию; рекомендации применимы в следственной практике и при формировании частных криминалистических методик.

Ключевые слова: личность подозреваемого, интернет-ресурс, преступления против личности, информационно-телекоммуникационная сеть, девиация, особенности личности, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, цифровой профиль.

Калабекова С.В.

Соколова О.В.

Алексеева К.С.

Социум в зеркале эпидемий

В статье эпидемия рассматривается не как изолированный биомедицинский казус, а как сложный социальный организм, в котором переплетаются природные, культурные, политические и экзистенциальные измерения. Опираясь на философские концепции (от Фукидида до Фуко и Сорокина) и историко-медицинские исследования, авторы показывают, что массовые инфекционные вспышки выступают одновременно зеркалом общества (обнажая его скрытые структуры, ценности и противоречия), катализатором социальных трансформаций (меняя демографию, экономику, институты) и полигоном для апробации властных техник – от карантинной дисциплины до биополитики риска. Особое внимание уделяется процессам социального конструирования эпидемической реальности, проникновения медицинских норм в повседневность и парадоксальному сочетанию распада социальных связей с рождением новых форм солидарности. Авторы приходят к выводу, что коллективный опыт пандемий изменяет не биологию человека, а его социальное воображение, представления о норме, границах индивидуальной свободы и легитимности государственного вмешательства, что делает осмысление эпидемий одной из ключевых задач современной социальной философии и исторической антропологии.

Ключевые слова: социальная патология, биополитика, дисциплинарные практики, со-

циальное конструирование реальности, историческая антропология, анония, солидарность, власть и знание, пандемия как событие, карантинная модель, общество риска.

Кисняшкин И.Г.

Приходские священники как воплощение «истинной миссии» в условиях социокультурных трансформаций второй половины XIX начала XX века

В статье ставится проблема изучения миссионерского влияния сельского приходского духовенства провинциальной России периода модернизационных трансформаций второй половины XIX – начала XX века. Автор рассматривает значение личности священника в укреплении православия в среде прихожан Мордовского края в период слома традиционных социальных устоев и культурных ориентиров. Культурологический дискурс исследования обеспечивает представление миссионерских воздействий как фактора укрепления культурных скреп в условиях утраты традиций и маркирующих ценностных ориентиров в сельском социуме.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, миссионерство, Мордовский край, сельские приходы, приходской священник, внутренняя миссия, культурные ориентиры, духовно-нравственные ценности.

Купцова А.А.

Шендакова О.А.

Государственное регулирование гендерной политики в современном Китае: конфуцианская традиция и равенство полов

В исследовании анализируется противоречивый характер трансформации гендерных ролей в современном Китае: страна демонстрирует прогресс в области женского образования и профессиональной реализации, однако в повседневной жизни и в семье женщины по-прежнему сталкиваются с давлением традиционных патриархальных норм. Цель работы – доказать, что идеологическое продвижение традиционных ценностей семьи и брака и системные законодательные меры по защите прав женщин в КНР не являются противоречащими друг другу направлениями политики, а выступают взаимодополняющими инструментами государственного регулирования. Исследование сочетает социально-конструктивистский подход к изучению гендера, герменевтический анализ текстов и методы синтеза и обобщения данных. Результаты исследования показывают, что государство одновременно проводит две линии политики: с одной стороны, активно продвигает традиционные семейные ценности, с другой – принимает законодательные акты, защищающие женщин от дискриминации в трудовой, имущественной и семейной сферах. Автор приходит к выводу, что подобная двойственность не свидетельствует о непоследовательности проводимой политики, а представляет собой сознательную стратегию государственного прагматизма, направленную на решение демографических и экономических задач.

Ключевые слова: гендерная политика, КНР, конфуцианство, гендерные роли, государственное регулирование, права женщин, семейные ценности, демографический кризис, государственный прагматизм, Всекитайская федерация женщин.

Сурнина О.А.

Хомякова Ю.Ю.

Жемаева Е.А.

Динамический комплекс упражнений как средство повышения физической подготовленности и мобильности суставов студентов

Современное физическое воспитание студентов направлено не только на развитие физических качеств, но и на повышение функциональных возможностей организма, качества двигательной деятельности и профилактику нарушений опорно-двигательного аппарата. В

статье представлены результаты разработки и экспериментальной проверки методики применения динамического комплекса упражнений в процессе физического воспитания студентов. Методика включает функциональное тестирование мобильности суставов, выполнение подготовительных и корректирующих упражнений, динамическую мобилизацию мышечных групп и подготовку организма к физической нагрузке. Установлено, что систематическое применение комплекса способствует улучшению показателей физической подготовленности, гибкости, качества выполнения двигательных действий и функциональной мобильности студентов. Разработанная методика может быть рекомендована для использования в образовательном процессе организаций высшего образования.

Ключевые слова: физическое воспитание студентов, динамический комплекс упражнений, функциональная мобильность, физическая подготовленность, функциональное тестирование, профилактика травматизма.

Гаврилюк Н.П.

Дедиу Е.И.

Региональные технологии выделки пергамента и миниатюризация библии в XIII веке: кодикологический и палеопротеомный анализ

Статья посвящена вопросу о том, какую роль сыграл писчий материал в стремительном уменьшении формата латинской Библии на протяжении XIII в. Материалом послужил корпус из 2109 полных латинских Библий, из которых 1300 отнесены к портативным; к кодикологическому описанию привлечены данные неинвазивной палеопротеомики. Прослеживая путь пергамента от античной Малой Азии до парижских мастерских зрелого Средневековья, автор обосновывает положение, согласно которому решающим условием «сжатия» библейского текста послужила не легендарная эмбриональная кожа (*pergamenum abortivum*), а предельно тонкий велень, получавшийся за счёт усовершенствования вполне традиционных операций выделки. Инструментальные измерения толщины мембраны, проведённые на 93 рукописях, обнаруживают устойчивые связи между толщиной листа, форматом кодекса, объёмом книжного блока, структурой тетрадей и степенью аббревиации текста; попутно фиксируется географическая дифференциация видового сырья. Отсюда вытекает вывод о диагностической ценности физических характеристик пергамента для локализации средневековой книги.

Ключевые слова: пергамен, портативная Библия, XIII век, миниатюризация, велень, палеопротеомика, кодикология, Парижская Библия, толщина мембраны.

Abstracts

Ulturgasheva N.D.

Chap A.A.

Alekseeva A.G.

Tuvan small-form sculpture: from toys and ritual figurines to works of art

The article examines the development of Tuvan small-form sculpture, also known as small plastic; from its origins in the form of wooden toys and ritual figurines to works of professional art. The historical, cultural and technological aspects of the formation of stone-cutting art in the twentieth century are analyzed. The emphasis is placed on the dual function of these figurines in the past – a toy and a ritual object, as well as their importance as one of the region's brands in the modern artistic and cultural space.

Key words: Tuva, small-form sculpture, artistic carving, folk art, traditions, ritual figurines, toy.

Maltseva L.V.

Ethno-artistic culture of the Kuban cossacks (traditional crafts of Kuban)

Currently, there is growing interest in folk crafts and decorative and applied arts in the Kuban region. The interconnection of oral folk art has been demonstrated, and it is necessary to preserve it and pass it on to future generations. It is important to pass on the secrets and skills of traditional folk art of the Kuban region. Therefore, teaching students about folk crafts begins in the classes of visual arts. The development of the individual and the formation of ideals play a major role in this. Visual art is one of the most beloved activities. This work requires artistic abilities, knowledge, and skills in the field of visual literacy and decorative and applied arts; a large store of visual images and impressions is necessary, as well as a creative imagination. Getting acquainted with new concepts and opportunities in itself arouses interest, increases motivation, and boosts confidence in one's own abilities.

Key words: ethno artistic culture of the Cossacks, folk crafts, skills, creativity, Cossacks, education, upbringing.

Mironov A.V.

Sadrieva A.N.

A literary community on the VKontakte social network as a means of shaping participants cultural identity

Amid the digital transformation of Russian society, traditional cultural institutions are losing their monopoly on shaping the cultural identity of modern Russians. Digital formats for transmitting spiritual values, cultural norms, and interaction practices are becoming increasingly significant. At the same time, it is essential to strike a balance between the trends of digital globalization and the traditional values of Russian society.

The literary-centric nature historically characteristic of Russian culture can serve as a foundation for a profound exploration of challenging issues in social and cultural life. Thanks to new digital formats – such as virtual literary communities – individuals from diverse fields of knowledge, professions, and age groups can be drawn into a philosophical dialogue.

The aim of our study is to identify and substantiate the mechanisms underlying the transmission of spiritual values and the formation of cultural identity among participants in the “Once, Fet” virtual literary community on the VKontakte social network.

Drawing on discourse analysis, we demonstrate how the community's thematic sections – which structure literary content – and its participatory formats – which engage followers in the community's life – facilitate the transformation of classical knowledge into contemporary social practices, create a space for dialogue, and shape the participants cultural identity.

Key words: virtual community, literary community, VKontakte social network, spiritual values, cultural identity, participatory practices, literary-centrism, Afanasy Fet.

Sergeeva E.A.**From the history of the formation of the conservative education system in Russia**

This article examines the formation and development of the conservatory education system in Russia from the mid-19th century to the present. It addresses the lack of a comprehensive, systematized overview of Russian conservatories as a unified educational system.

It presents key data that influenced the development of professional music education. The methodology is based on a historical, cultural, and comparative analytical approach. The analysis is conducted across a number of parameters: the chronology of its founding, the institutional forms of its development, and the contributions of outstanding musicians and educators.

The review is divided into three periods: pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet. It is shown that the development of conservatory education was closely linked to the activities of the Russian Musical Society and, later, to state cultural policy. It is established that the leading roles in the development of the system were played by the major centers—the St. Petersburg and Moscow Conservatories—which ensured the continuity of professional traditions. In conclusion, it is concluded that the modern system of conservatory education in Russia was formed as a result of long-term historical development and maintains the continuity of key educational and cultural principles.

Key words: music education in Russia, Russian Musical Society, conservatory, history of conservatories.

Smerdov M.I.**Studying the history of the Irbit fair**

This article examines the All-Russian Irbit Fair from the mid-18th century to the present day. Scholarly study of the history of Irbit and the Irbit Fair dates back to G.F. Miller, who in his fundamental “History of Siberia” chronicled the emergence of the Irbit settlement. Subsequently, the history of the All-Russian Irbit Fair was studied by the renowned Ural regional historian N.K. Chupin, the Soviet historian V.A. Aleksandrov, the geographer L.E. Iofe, and other historians and regional specialists. L.E. Iofe introduced the concept of the “riddle” of Irbit into scholarly circulation – the problem of the Irbit Fair’s enormous economic significance and its sustainability, given the city’s unimpressive economic and geographical location – a problem that remains unresolved to this day. Modern historiography of the Irbit Fair is characterized by the beginning of research into the ancient barter fair on the site of modern-day Irbit and the appearance of works dedicated to the revival of the Irbit Fair.

Key words: Irbit fair, “riddle” of Irbit, ancient barter fair on the site of modern Irbit, scientific Irbit studies.

Stroganov D.O.**Dazhdbog as the supreme deity of the Slavs and a presumed figure in a Slavic myth**

The author demonstrates that, in the original Slavic myth from which the Russian bylina Ivan Gostinyi Syn and the Bulgarian songs based on the plot “the hero outraces the sun” developed, Dazhdbog played the role later occupied by the Sun and Prince Vladimir. The article also demonstrates that Dazhdbog, rather than Perun, was originally the head of the pantheon of Ancient Rus’ and the patron deity of princes; Perun rose to supremacy only under Vladimir Svyatoslavich.

Key words: Dazhdbog, Dazhbog, Perun, Svyatovit, Vladimir’s pantheon, “Ivan the Gostinyi Son”, “The Tale of Igor’s Campaign”, Slavic mythology, Russian epic, Vladimir’s pagan reform.

Sun Ying**Chernova A.V.****Traditional family and ethical values in Chinese literature and cinema at the end of the 20th century**

The article examines traditional family and ethical values in Chinese literature and cinema. The following methods were used in the study: historical and cultural method, stylistic analysis and se-

miotic approach. The artistic sources of the article were the film and novel "Breakthrough in Guangdong", the novel "The Field of Life and Death" and the Drama "Heilong's Past". The article defines the most important value – respect for elders, which is a traditional value of the Chinese people. The researcher's conclusion is that traditional family and ethical values play an important role in literature and cinema in China at the end of the 20th century. And their core – respect for elders – provides the foundation for modern ethical construction.

Key words: traditional values, respect for elders, Breakthrough in Guangdong, Field of Life and Death, Heilong's Past, Chinese art, literature, cinema, turn of the 20th century.

Teng Ying

Yan Lan

A study of the depictions of Gandharvas performing music in the Guizi Caves

This article examines the "Depiction of Gandharvas Performing Music" from the Kucha Caves. Using methods of iconography and dance morphology, the article conducts a systematic analysis of the artistic characteristics and cultural content of the depictions of Gandharvas, taking into account three aspects: dance forms, the functions of musical instruments, and costumes. An analysis of the very essence of dance has shown that the "Depiction of Gandharvas Performing Music" is not only a visual embodiment of Guizi music and dance, but also a typical example of the fusion of the arts and cultural revival along the Silk Road, which is of great significance for the study of visual arts and dance in the context of understanding the process of the localization of Buddhist art and the history of cultural exchange between the East and the West.

Key words: Guizi Caves, depictions of dancing Gandharvas, Gandharvas, iconography, depictions of dance.

Maltseva L.V.

The artistic culture of the Kuban Cossacks and the present

Modern society is in the process of globalization, digitalization, and active intercultural interaction. In these conditions, ethnoculture – a set of traditions, values, and the language of a people – plays a key role in preserving identity. Globalization erases borders, but at the same time threatens the uniqueness of cultures. On the one hand, the Internet and social networks allow us to share our traditions, customs, and culture with other nations. On the other hand, there is a loss of national values. Every corner of our country has its own unique features, natural beauty, and artistic crafts. Traditions, culture, and customs begin where we live and create. In Kuban, the study of ethno-artistic culture takes place throughout one's life and is passed down from generation to generation. By fostering an appreciation of the art, culture, and history of the Kuban Cossacks, we ensure the preservation of historical continuity between two generations.

Key words: Cossacks, culture, customs, traditions, education, history, and handicrafts.

Wan Rui

Li Jing

Li Ping

Ways to support the development of traditional regional culture by local universities in Heilongjiang Province

The regional cultural heritage preserved by the local population, as the embodiment of outstanding traditional Chinese culture, plays a huge role in the implementation of the state strategy of cultural modernization of society in China in the new era. Heilongjiang Province has a variety of distinctive cultural resources, including the fishing and hunting customs of the border ethnic minorities, the pioneering spirit of the people of the Great Northern Wasteland, the art of ice carving and other types of folk crafts and arts formed on the Sino-Russian border. Universities located in the northern border region naturally have the comprehensive task of studying, preserving, creatively

developing and spreading the regional cultural heritage. Using the example of Heihe University, this article examines the role of higher education institutions in preserving and transmitting the traditional cultural heritage of Heilongjiang Province. The multifaceted practical value of universities in promoting the development of local culture in Heilongjiang Province is analyzed, as well as the problems that arise in the process of preserving and transmitting local culture, such as the fragmented structure of cultural curricula at universities, insufficient integration of industry and business into the cultural development of the region and the conduct of relevant research, as well as lagging methods of digital dissemination of cultural information. The authors present ways to optimize the support of local higher education institutions for the preservation and dissemination of Heilongjiang Province's culture: strengthening cultural and moral education of students, expanding opportunities for academic research, developing long-term cooperation between educational institutions and local authorities, expanding ways to disseminate information about the culture of the region through digital media and providing support from business and public organizations.

Key words: cultural development, higher education institutions, traditional culture of Heilongjiang Province, innovation in traditional culture.

Voronkova A.S.

From facet to rondo, from light to sign: Vrubel and Kuidzhi in Yuri Kosagovsky's artistic system

The article examines typological parallels between the oeuvre of Yuri Kosagovsky (1941–2023) and two significant traditions in Russian art, represented by Mikhail Vrubel and Arkhip Kuindzhi. The aim of the study is to determine how Kosagovsky's artistic system transforms, on the one hand, the Symbolist model of rendering the invisible and Lermontov's demonology, and on the other, the tradition of the luminous nocturnal landscape. The material comprises works from Kosagovsky's Lermontov cycle, such as «Demon and Tamara», «Mtsyri», «The Year Will Come», «Triptych. Demon. 2. Premonition», as well as «Night Road. Moscow» (1988) and an early still life associated with the artist's engagement with Vrubel. The methods employed include comparative-typological, formal-stylistic, iconographic, and source-study approaches. It is demonstrated that the Kosagovsky–Vrubel and Kosagovsky–Kuindzhi parallels are of different natures. The former is grounded in a shared literary source, Kosagovsky's sustained interest in Vrubel, and his interpretation of the Demon as a metaphysical state; the latter is based primarily on the typology of the nocturnal landscape and the function of light as a meaning-generating principle. In his “rondism,” the crystalline multiplicity of form is transformed into a system of rounded modules, while concentrated natural light is converted into a distributed, signifying pulsation of the pictorial surface. It is concluded that Kosagovsky does not reproduce historical models but actualizes them as elements of an individual painterly metapoetics.

Key words: Yuri Kosagovsky, Rondism, Mikhail Vrubel, Arkhip Kuindzhi, Mikhail Lermontov, Demon, nocturnal landscape, light, artistic tradition, typological analysis.

Galaganova S.G.

“Along the uncontacted strands of continents...” The world of Japanese culture in the works of Milana Aldarova

Reciprocal implication of national cultures is treated as the main way to overcome the growing self-isolation of civilizations. Milana Aldarova's book “In Search of Japan” is presented and analysed as a successful attempt to penetrate into traditional Japanese world outlook and “translate” it into the language of poetry. The essentials of hieroglyphic culture, deeply explored by Russian poet, reveal philosophical background of Japanese mind. Transformed into poetical discourse, it enables to make extraordinary cultural identity of a unique Far Eastern civilization evident and accessible for Russian audience.

Key words: Milana Aldarova, «In Search of Japan», self-isolation of cultures, Japanese tradition, hieroglyphic culture, dialogue of civilizations, mutual penetration of cultures.

Demianova A.D.**Updating the methodology for performing Grand rond de jambe jete in contemporary classical choreography**

The relevance of the problem is determined by significant changes in the physical and technical capabilities of twenty-first-century ballet dancers, while the methodological requirements of classical dance, established in the early twentieth century, have remained largely unchanged. Contemporary dancers demonstrate greater flexibility, a wider range of motion, and increased body mobility.

Key words: methodological requirements, classical dance, ballet, contemporary dancers, Vaganova methodology.

Lee Yeon Ok**Symbolism in Russian painting and the cultural dialogue of M.V. Nesterov: travel notes of 1889 – A Bakhtinian Analysis**

The article analyses the work of M.V. Nesterov as a symbolist artist in the context of the Russian cultural Renaissance at the turn of the 19th and 20th centuries. Drawing on M.M. Bakhtin's theory of dialogue and the post-Bakhtinian research tradition, the author interprets Nesterov's European journeys as a space of intercultural dialogue, in which the "other word" of Western European art is transformed into "one's-other" through the principles of estrangement (*vnenakhodimost'*) and the creative core of personality. Particular emphasis is placed on the 1889 journey as a catalyst for the creation of the cycle of images of St Sergius of Radonezh, which became the central religious and iconographic motif in the artist's oeuvre.

Key words: M.V. Nesterov, Symbolism, Silver Age, M. Bakhtin, Dialogue of cultures.

Lykova N.N.**Gasanova V.T.****Andreychenko O.I.****Some aspects of the incorporation of the Taurida Governorate into the socio-cultural space of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries**

This article provides a cultural analysis of Crimea's integration into Russia's imperial space from the 18th to the early 20th centuries. The peninsula's reunification with the Russian Empire is viewed as a special case of the historical and cultural process of great-power formation. The relevance of this study is informed by a general theoretical understanding of the state's imperial policy model, with the city's emergence as the administrative center of the newly created Taurida Governorate playing a key role. The comprehensive history of the provincial capital, framed against the backdrop of cultural, historical, political, and economic processes, and taking into account the influence of natural, climatic, and political factors, allows the city to be seen as a municipality and a distinct sociocultural space with its inherent value systems and the spiritual atmosphere of the 18th to early 20th centuries.

Key words: incorporation, cultural analysis, geopolitical factors, provincial capital, municipality, Russian Empire, administrative unit, Tauride Governorate, historical core, Petrovskaya Sloboda, semicircular square, spiritual atmosphere, Cathedral, three-beam scheme.

Ma Haijun**The concept of visual artistic creation in the semiotic context of intercultural interaction**

This article examines the mechanisms of meaning generation in visual artistic creation within the context of intercultural interaction from a semiotic perspective. Amidst globalization, visual artistic creation is conceptualized as a visual sign system and serves as a crucial mediator in cultural dialogue. The author elucidates the logic underlying the transformation of signs across diverse cultural contexts, emphasizing the determinative role of cultural concepts in visual expression. The study substantiates the thesis that visual artistic creation constitutes an effective pathway toward achieving intercultural understanding and fostering multipolar coexistence.

Key words: visual artistic creation, semiotics, intercultural interaction, dialogue of cultures, symbolism.

Shcherbakova E.N.

“Vasnetsovsky trace” in the village of Chumoy: history, memory, preservation of heritage

This publication is devoted to the study of the connection between the village of Chuma in the Igrinsky district of the Udmurt Republic and the Vasnetsov family through the fate of the clergyman of the Chumoysky Church of the Epiphany of the Lord and the teacher of the parish school Nikolai Fedorovich Vasnetsov. Nikolai Fedorovich was related to the famous artists Viktor Mikhailovich and Apollinarius Mikhailovich Vasnetsov in the sixth generation and left his mark on the Igrinsky land.

The article shows that the “Vasnetsov trail” in the village of Chumoy is not just an episode of local history, but a living process: from local history research, work with archival documents and the search for descendants of the minister to practical steps in preservation and popularization. Work in this direction contributes not only to preserving the memory of a particular person and temple, but also spiritually revives the village, involves residents in the study of their past, which is important both for residents of the village of Chumoy and for understanding the overall picture of Russia’s cultural heritage, as it helps to preserve the versatility of Russian culture and its connection with local stories.

Key words: “Vasnetsov’s footprint”, temple, priest, teacher, “Descendants and legacy”, “Vasnetsov’s multicolored colors”, “Vasnetsov’s symbols of eternity”, bibliotour “Across the Fatherland’s Expanses with Vasnetsov”».

Demidov A.V.

Big Data Diplomacy

The article attempts to define the concept of “big data”. The key characteristics of big data are given. The sources producing big data are indicated. The points of view of Russian and foreign researchers on big data as a new phenomenon are analyzed. The sources of this phenomenon are considered, and the problems associated with it are emphasized. At the same time, special attention is paid to the need to comply with the requirements of ethics and confidentiality.

The author, who has worked for decades in the diplomatic service and is currently engaged in scientific research, examines the impact of big data on science and diplomacy. It is emphasized that the emergence of big data can have both positive and negative effects on science and international diplomacy. The author draws parallels with another emerging phenomenon known as scientific diplomacy. The article highlights the potential and feasibility of incorporating big data into diplomacy. The possibility and expediency of borrowing some conceptual principles from scientific diplomacy by big data diplomacy is noted.

Special attention is paid to the fact that the emergence of big data and its impact on human society, including science and diplomacy, as a crucial tool is being strengthened by the development of artificial intelligence.

Key words: informatization, information volume, big data, volume, transmission/receipt speed, diversity, reliability, variability, value, science, data sources, diplomacy, analysis, processing, information transfer, scientific diplomacy, information diplomacy, data diplomacy, artificial intelligence.

Kalabekova S.V.

Berezhnova O.V.

Borokova I.D.

Axiological orientations of modern students: from pragmatism to social responsibility

The relevance of the study is due to the need to understand the value transformations in the student environment in the context of globalization, digitalization, and economic instability. The

article examines the axiological orientations of modern Russian students as a dynamic social group that reflects societal transformations. Based on the analysis of theoretical approaches and empirical studies, the author identifies the binary nature of students' value dominants, which combine pragmatic attitudes (the desire for material well-being, career success, and individualism) and values of social responsibility. It is argued that this dualism is not a value chaos, but rather an adaptation strategy to the challenges of a digital risk society. The article focuses on the factors that contribute to the development of social responsibility, including the educational environment and innovative practices such as "service learning." The author concludes that a hybrid axiological model is emerging, and there is a trend towards a shift from "pure" pragmatism to socially responsible pragmatism, where personal success is achieved through socially meaningful activities.

Key words: axiological orientations, students, pragmatism, social responsibility, value dominants, service learning, digitalization, hybrid value model, youth policy.

Ternovaya L.O.

Meeting Place: Secrets of Communication Semantics

This article, using an interdisciplinary approach, analyzes iconic urban meeting places – fountains, clock squares, embankments, bookstores, and cafes—as complex semiotic and communicative phenomena. These locations are viewed not simply as functional elements of infrastructure, but as active participants in human interaction, possessing deep semantics and capable of organizing communication, setting a rhythm, and shaping a distinctive chronotope. Through the prism of concepts of liminality, the "third place," and cultural codes, the nature of their enduring appeal is revealed. Particular attention is paid to the intersection as a semiotic model accumulating the meanings of choice, boundary, connection, and transition. It is concluded that the enduring appeal of these spaces is due to their ability to adapt to changing contexts, satisfying fundamental human needs for communication, contemplation, belonging, and time-consciousness – qualities unattainable in a virtual environment.

Key words: urban semiotics, meeting place, chronotope, liminality, third place, communication, urban spaces, fountain, embankment, clock square, bookstore, café, intersection, urban anthropology, cultural code, attractiveness, communitas.

Khitarova I.Yu.

Kolistratova A.V.

Korableva S.A.

Nikolaeva E.A.

Scientific discourse as an object of linguodidactics: structure, characteristics and principles of modeling in the educational process

The article substantiates the relevance of the discursive approach in postgraduate language education. The subject of the study is the linguodidactic analysis of scientific discourse, considered in the unity of three aspects: as a model of speech behavior, a type of intellectual activity, and a speech product. The authors identify the key characteristics of scientific discourse (communicative situations, structural organization, cohesion, intertextuality) and determine the principles of their adaptation in the educational process. In conclusion, the requirements for constructing teaching of written scientific discourse based on the reproduction of its system-forming properties are formulated.

Key words: scientific discourse, linguodidactics, postgraduate education, teaching foreign languages, discursive approach, written scientific discourse, characteristics of discourse, cohesion, intertextuality, communicative situations.

Polyakova Ya.N.

Vilkova A.V.

The system of educational work of the penitentiary system of Russia

The article discusses the issue of educational work in the penal system.

The purpose of the educational work of the penitentiary system is to correct the convict.

Research methods: analysis of scientific literature and regulatory documentation, generalization, classification, methods of persuasion and stimulation.

The system of educational work in the penal system (UIS) is a complex pedagogical and social process designed to break the vicious circle of crime.

Key words: educational system, convicts, correction, penal system, legislation.

Lavrikova I.N.

Emotional burnout and «quiet quitting»: a modern deontological thesaurus

A notable phenomenon in recent years in the labor market has been the situation of «quiet quitting» («going underground» or «quiet departure»), which has been described in publications in Russian and foreign scientific journals. Since domestic science does not cover this phenomenon as actively, this article is intended to draw attention to the phenomenon as a trend and to summarize the theoretical provisions of such a persistent scenario in labor communication. In particular, its signs and consequences are examined, which lead to uncomfortable working conditions and, as a result, to a decline in the company's efficiency.

The article examines the grounds for transforming approaches to human resource management in the context of the spread of the «quiet quitting» phenomenon. It substantiates the need to revise the principles of modern management at any level, which will not only help prevent the development of the «quiet quitting» scenario but also contribute to creating an environment conducive to sustained staff loyalty and productivity.

Key words: employee engagement, burnout, flexible working, management, staff motivation, organizational culture, work meaningfulness, occupational stress, burnout syndrome, «quiet quitting», human resource management, emotional intelligence.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Felt interleaving in hand papermaking: technological role and historical reasons for its introduction

When pressing wet sheets, European papermakers place pieces of woollen felt between them, commonly referred to as interleaving felt. According to available evidence, this practice became established in Western Europe around the turn of the thirteenth and fourteenth centuries. For a long time, it was believed that without such interleaving, the sheets would inevitably stick together, making the production process impossible. The present study, based on the results of experimental reconstructions and field observations of practitioners of the craft, offers a critical reassessment of this assumption. The analysis draws on materials from long-term reproductions of historical processes carried out by craftsmen and researchers at the Moulin du Verger paper mill in the commune of Puymoyen, as well as on observations conducted in Bucharest. The synthesis of these data leads to the conclusion that interleaving felt is not a technical necessity in the production of paper from beaten rag pulp. The non-adhesion of sheets to one another is determined not by the presence of interleaving materials, but by the physics of the fibre itself – the quality of its distribution in the aqueous medium and the nature of the inter-fibre bonds that form as moisture is removed. On this basis, the study discusses a hypothesis shared by several specialists: that felt was introduced not to «save» the sheet-forming operation, but as a response to a different production need – the transition to mass drying of paper on ropes, which in turn required substantially stronger pressing. The research is interdisciplinary in nature, combining approaches from experimental archaeology, the physical chemistry of cellulose, and the history of technology.

Key words: hand papermaking, interleaving felt, nagashizuki (wet-laid sheet formation), plant-based dispersant (neri), hydrogen bonding, cellulose fibres, Islamic paper, Fabriano.

Adzhieva Z.I.Borlakova F.A.Khubiev I.Kh.**The genesis of public administration in the Russian empire: from nakaz to police law (18th – early 20th centuries)**

The article presents a historical-legal analysis of the formation of the public administration system in the Russian Empire from the 18th to the early 20th century. The relevance of the study stems from contemporary debates on the reform of the state apparatus and the search for an optimal model of interaction between government and society. The author examines the evolution of administrative-legal institutions from scattered royal decrees and instructional mandates to a codified system of police law, which served as the historical predecessor of modern administrative law. The paper traces the continuity between the prikaz system of the Muscovite state, Peter the Great's collegia, Catherine the Great's provincial institutions, and the ministerial system of the 19th century. Special attention is paid to the doctrinal contributions of Russian administrative law scholars (A.D. Gradovsky, N.M. Korkunov, I.T. Tarasov, A.I. Yelistratov) and their role in shaping the scientific foundations of public administration. Institutional imbalances are analyzed, particularly the absence of administrative justice and the broad discretion granted to provincial authorities, which became one of the causes of the systemic crisis in the early 20th century. It is concluded that the evolution of public administration reflected deep contradictions in Russian state development, and the experience of the pre-revolutionary period remains relevant for contemporary administrative reforms.

Key words: public administration, police law, administrative law, Russian Empire, state control, administrative justice, reforms, bureaucracy, genesis of institutions, historical-legal analysis.

Deineka V.R.**The fallacy of the evolutionary thesis about the “childishness” of pagan consciousness: methodological aspects**

The article criticizes the notion of pagan consciousness as “childish” or “primitive” rooted in religious studies of the XIX–XX centuries. Based on the material of Scandinavian cosmogonic myths and Slavic calendar systems, it is demonstrated that archaic religious forms have an internal complexity that is not inferior to later systems, but organized according to different principles. Using the theory of non-identity of M.I. Steblin-Kamensky and the structural analysis of K. Levi-Strauss substantiates the position that pagan consciousness is not an “underdeveloped” version of later systems, but a qualitatively different type of world attitude. Three operational principles are proposed as a positive alternative to the evolutionary scale: the principle of functional equivalence, the principle of internal coherence, and the principle of historical incommensurability.

Key words: philosophy of religion, paganism, evolutionism, theory of non-identity, Steblin-Kamensky, Levi-Strauss, religious consciousness, structuralism, primitivism, ontogenesis, polytheism, critique of evolutionism.

Dmitriev G.G.Bodyakov V.N.**Cybercriminal committing crimes against the individual: a psychological and forensic portrait**

The article examines the psychological and forensic aspects of identifying and investigating crimes against the person committed using information and telecommunications networks. The authors have identified typical personality traits of a cybercriminal and, based on this, have formulated practical recommendations for investigative actions. Based on an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice (including under Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), a two-group typology of suspects has been proposed – those with pronounced and those with mild mental disorders – along with a description of their

psycho-emotional characteristics. An algorithm for the investigator's actions has been developed: examining the suspect before interrogation, studying their digital profile, and ordering psychological-psychiatric and psychological-linguistic examinations. The practical significance lies in increasing the efficiency of collecting admissible evidence and reducing resistance to the investigation; the recommendations are applicable in investigative practice and when forming private criminalistics.

Key words: criminal identity, internet-resource, crimes against a person's identity, information and telecommunication network, deviation, personality traits, forensic support for crime investigation, digital profile.

Kalabekova S.V.

Sokolova O.V.

Alekseeva K.S.

Society in the mirror of epidemics

The article examines the epidemic not as an isolated biomedical incident, but as a complex social organism in which natural, cultural, political, and existential dimensions intertwine. Drawing on philosophical concepts (from Thucydides to Foucault and Sorokin) and historical medical research, the author demonstrates that mass infectious outbreaks simultaneously act as a mirror of society (revealing its hidden structures, values, and contradictions), a catalyst for social transformations (changing demographics, the economy, and institutions), and a testing ground for power techniques – from quarantine discipline to the biopolitics of risk. Particular attention is paid to the processes of the social construction of epidemic reality, the medicalization of everyday life, and the paradoxical combination of the breakdown of social ties with the emergence of new forms of solidarity. The author concludes that the collective experience of pandemics does not change human biology, but rather the social imagination, ideas about the norm, the boundaries of individual freedom, and the legitimacy of state intervention, which makes understanding epidemics one of the key tasks of modern social philosophy and historical anthropology.

Key words: social pathology, biopolitics, disciplinary practices, social construction of reality, historical anthropology, anomie, solidarity, power and knowledge, pandemic as an event, quarantine model, risk society.

Kisnyashkin I.G.

Parish priests as the embodiment of the “true mission” in the context of socio-cultural transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries

This article examines the missionary influence of rural parish clergy in provincial Russia during the modernization transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries. The author examines the role of the priest in strengthening Orthodoxy among parishioners in the Mordovian region during a period of disintegration of traditional social foundations and cultural values. The study's cultural discourse presents missionary influences as a factor in strengthening cultural bonds amid the loss of traditions and defining values in rural society.

Key words: Russian Orthodox Church, missionary work, Mordovia region, rural parishes, parish priest, internal mission, cultural guidelines, spiritual and moral values.

Kuptsova A.A.

Shendakova O.A.

State regulation of gender policy in Modern China: Confucian tradition and gender equality

The study examines the contradictory nature of the transformation of gender roles in contemporary China: while the country demonstrates progress in women's education and professional achievement, women continue to face pressure from traditional patriarchal norms in everyday life and within the family. The aim of the study is to prove that the ideological promotion of traditional family and marriage values and the systemic legislative measures for the protection of women's

rights in the PRC are not conflicting policy directions, but rather function as complementary mechanisms of state regulation. The research combines a social constructivist approach to the study of gender, hermeneutic analysis of texts, and methods of synthesis and generalization. The findings show that the state simultaneously pursues two policy lines: on the one hand, it actively promotes traditional family values; on the other, it adopts legislative acts protecting women from discrimination in employment, property and family spheres. The author concludes that this duality does not indicate inconsistency of the policy, but rather represents a deliberate strategy of state pragmatism aimed at solving demographic and economic challenges.

Key words: gender policy, PRC, Confucianism, gender roles, state regulation, women's rights, family values, demographic crisis, state pragmatism, All-China Women's Federation.

Surnina O.A.

Khomyakova Y.Y.

Zhemaeva E.A.

Dynamic exercise complex as a means of improving physical fitness and joint mobility of university students

Modern physical education of university students is aimed not only at developing physical abilities but also at improving functional capabilities, movement quality, and preventing musculoskeletal disorders. The article presents the results of the development and experimental verification of a methodology based on a dynamic exercise complex in the process of students' physical education. The methodology includes functional assessment of joint mobility, preparatory and corrective exercises, dynamic mobilization of muscle groups, and preparation of the body for physical activity. The study demonstrated that the systematic application of the proposed complex contributes to improving physical fitness indicators, flexibility, movement performance quality, and functional mobility of students. The developed methodology can be recommended for implementation in the educational process of higher education institutions.

Key words: physical education of university students, dynamic exercise complex, functional mobility, physical fitness, functional assessment, injury prevention.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Regional parchment-making technologies and the miniaturization of the bible in the thirteenth century: codicological and palaeoproteomic analysis

This article examines the role played by the writing support in the rapid reduction of the Latin Bible's format during the thirteenth century. The study is based on a corpus of 2,109 complete Latin Bibles, of which 1,300 are classified as portable; the codicological description is supplemented by data from non-invasive palaeoproteomics. Tracing the trajectory of parchment from ancient Asia Minor to the Parisian workshops of the High Middle Ages, the author argues that the decisive condition for the «compression» of the biblical text was not the legendary embryonic skin (pergamenum abortivum), but extremely thin vellum produced through the refinement of entirely conventional tanning operations. Instrumental measurements of membrane thickness, carried out on 93 manuscripts, reveal consistent correlations between leaf thickness, codex format, book-block volume, quire structure, and the degree of textual abbreviation; a geographical differentiation of the species-specific raw material is also identified. This leads to the conclusion that the physical characteristics of parchment have diagnostic value for localising medieval books.

Key words: parchment, portable Bible, 13th century, miniaturization, vellum, paleoproteomics, codicology, Paris Bible, membrane thickness.

Авторы

Аджиева З.И. - кандидат исторических наук, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск.

Алексеева А.Г. - кандидат культурологии, майор полиции, начальник отдела договорно-правовой работы ОВО по Красносельскому району - филиалу ФГКУ УВО ВНГ Росгвардии по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Алексеева К.С. - преподаватель кафедры управления и экономики фармации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Андрейченко О.И. - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Бережнова О.В. - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального и дошкольного образования. Ставропольский государственный педагогический институт (Филиал СГПИ в г. Железноводске).

Бодяков В.Н. - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Борлакова Ф.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальной работы. ФБГОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск.

Борокова И.Д. - кандидат политических наук, учитель, МБОУ СОШ №1 имени Героя Советского Союза И.В. Королькова.

Ван Жуй - преподаватель, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Вилкова А.В. - доктор педагогических наук, профессор заместитель начальника. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Воронкова А.С. - соискатель. Санкт-Петербургский институт культуры. Руководитель арт-подразделения Общества с ограниченной ответственностью «Кампо Верде Медиа Групп». SPIN-код: 6905-0479

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотно-Заводская бумажная мануфактура».

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

Гасанова В.Т. - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Дебизу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дейнека В.Р. - независимый исследователь, специалист по социальной работе с молодежью. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»».

Демидов А.В. - кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Демьянова А.Д. - педагог классического и современного танца, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург.

Дмитриев Г.Г. - ведущий научный сотрудник. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Жемаева Е.А. - старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Кисняшкин И.Г. - аспирант. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Колистратова А.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Кораблева С.А. - кандидат культурологии, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Куницова А.А. - студент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета ГДРиИЯ педагогического институт. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Лаврикова И.Н. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры правовой и гуманитарной подготовки. Тверской филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Тверь. SPIN-код: 8325-0436

Ли Ён Ок - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Ли Пин - доцент, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Ли Цзин - доцент, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Лыкова Н.Н. - кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Крымский Филиал Российского Государственного университета Правосудия г. Симферополь имени В.М. Лебедева.

Мальцева Л.В. - доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Миронов А.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Ма Хайцзюнь - аспирант. ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Николаева Е.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Полякова Я.Н. - кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».

Садриева А.Н. - кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Сергеева Е.А. - соискатель кафедры искусствovedения, Санкт-Петербургский государ-

ственный институт культуры. Преподаватель кафедры камерного пения, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 9435-5849 / ORCID: 0009-0001-1865-2694

Смердов М.И. - председатель Ирбитского местного отделения Свердловского областного отделения, Русское географическое общество, г. Ирбит.

Соколова О.В. - кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры управления и экономики фармации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Строганов Д.О. - аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».

Сунь Ин - аспирант. Дальневосточный федеральный университет.

Сурнина О.А. - преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти», руководитель проекта.

Тэн Ин - преподаватель: лектор. Музыкальный факультет, Синьцзянский педагогический университета, Синьцзян, Китай.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Хитарова И.Ю. - доктор философских наук, профессор, Заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I».

Хомякова Ю.Ю. - старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)».

Хубиев И.Х. - студент. ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия».

Чап А.А. - аспирант кафедры философии Тувинского государственного университета, научный сотрудник. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

Чернова А.В. - кандидат искусствоведения, доцент. Дальневосточный федеральный университет.

Шендакова О.А. - доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета ГДРиИЯ педагогического института. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.

Щербакова Е.Н. - учитель. Автономная некоммерческая общеобразовательная организация «Школа № 1» ст. Новотитаровская Краснодарский край, Динской район.

Янь Лань - профессиональный колледж Пэйли, Ганьсу, Китай.

Authors

Adzhieva Z.I., PhD in History, Associate Professor, Department of State and Administrative-Legal Disciplines, Law Institute of the North Caucasus State Academy, Cherkessk.

Alekseeva A.G., Candidate of Cultural Studies, Police Major, Head of the Department of Contractual and Legal work of the PSB in the Krasnoselsky district - branch of the Federal State Budgetary Institution for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Alekseeva K.S., Teacher at the Department of Management and Economics of Pharmacy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Medical University" of the Ministry of Health of Russia.

Andreychenko O.I., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

Berezhnova O.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary and Preschool Education of the Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of the SSPI in Zheleznovodsk).

Bodyakov V.N., Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Forensic Science, Faculty of Law. Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.

Borlakova F.A., PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Work, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayeysk.

Borokova I.D., Candidate of Political Sciences, Teacher, Secondary School № named after Hero of the Soviet Union I.V. Korolkov.

Chap A.A., Postgraduate student of the Department of Philosophy of Tuvan State University, Researcher at the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

Chernova A.V., Candidate of Art History, Associate Professor. Eastern Federal University.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Deineka V.R., Independent researcher, specialist in social work with youth. St. Petersburg State Budgetary Institution "Contact" City Center for Social Programs and Prevention of Antisocial Phenomena Among Youth.

Demianova A.D., Teacher of classical and modern dance, Academy of Russian Ballet named after A.Ya. Vaganova, St. Petersburg.

Demidov A.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor. Moscow University of the Humanities and Economics.

Dmitriev G.G., Leading Researcher, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service".

Galaganova S.G., PhD in Philosophy, Associate Professor in the Department of Information Analytics and Political Technologies at the Bauman Moscow State Technical University.

Gasanova V.T., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Socio-economic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Khitarova I.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Khomyakova Y.Y., Senior Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Khubiev I.Kh., Student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North Caucasian State Academy".

Kisnyashkin I.G., Graduate student. Mordovian State University named after N.P. Ogareva.

Kolistratova A.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Korableva S.A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Kuptsova A.A., Student, Department of English Language and Methods of Teaching, Faculty of German and Foreign Languages, Pedagogical Institute, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

Lavrikova I.N., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Legal and Humanitarian Studies. Tver Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tver. SPIN-code: 8325-0436

Lee Yeon Ok, Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Li Jing, Associate Professor, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Li Ping, Associate Professor, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Lykova N.N., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines. Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol named after V.M. Lebedev.

Ma Haijun, Postgraduate Student, Vladivostok State University, Vladivostok.

Maltseva L.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Mironov A.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Art Education, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Nikolaeva E.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering.

Polyakova Ya.N., Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service".

Sadrieva A.N., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Art Education, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Sergeeva E.A., PhD candidate, Department of Art History, St. Petersburg State Institute of Culture. Lecturer, Department of Chamber Singing, St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg. SPIN-code: 9435-5849 / ORCID: 0009-0001-1865-2694

Shendakova O.A., Associate Professor, Department of English Language and Methods of Teaching, Faculty of German and Foreign Languages, Pedagogical Institute, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

Shcherbakova E.N., Teacher. Autonomous Non-Commercial General Education Organization "School No. 1" Novotitarovskaya Village, Krasnodar Krai, Dinskoy District.

Smerdov M.I., Chairman of the Irbit local branch of the Sverdlovsk regional branch, Russian

Geographical Society, Irbit.

Sokolova O.V., Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Economics of Pharmacy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Yaroslavl State Medical University" of the Ministry of Health of Russia.

Stroganov D.O., Postgraduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education".

Sun Ying, Graduate. Eastern Federal University.

Surnina O.A., Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).

Teng Ying, Teacher: lecturer. Department of Music, Xinjiang Normal University, Xinjiang, China.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power", and Project Director.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Vilkova A.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Head, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service".

Voronkova A.S., Applicant. St. Petersburg Institute of Culture. Head of the Art Department, Campo Verde Media Group, Limited Liability Company. SPIN-code: 6905-0479

Wan Rui, Lecturer, Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Yan Lan, Paili Vocational College, Gansu, China.

Zhemaeva E.A., Senior Lecturer, Department of Physical Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Bauman Moscow State Technical University (National Research University).